

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Р. В. ОВЧИННИКОВ

МАНИФЕСТЫ
И УКАЗЫ
Е. И. ПУГАЧЕВА

Источниковедческое исследование

Издательство • Наука •

МОСКВА • 1980

В монографии исследуются происхождение и содержание манифестов и указов Е. И. Пугачева, прослеживается их идейная эволюция в направлении отражения интересов крестьянства, освещается идейная борьба, развернувшаяся в дни восстания между повстанческим лагерем и администрацией Екатерины II. Значительное внимание в книге отведено проблеме реконструкции утраченных рескриптов Пугачева. Анализ 46 сохранившихся и 119 реконструированных манифестов и указов дал возможность полнее осветить социальную политику ставки Пугачева, ее военные и административные решения.

Ответственный редактор
доктор исторических наук профессор
В. И. БУГАНОВ

Реджинальд Васильевич Овчинников
МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ Е. И. ПУГАЧЕВА
(Источниковедческое исследование)

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства Р. И. Коробейникова
Художник С. А. Киреев. Художественный редактор Н. Н. Власки
Технические редакторы Т. Н. Хилькевич, Л. Н. Золотухина.
Корректоры Е. Н. Белоусова, О. В. Лаврова

ИБ № 18310

Сдано в набор 28.03.80. Подписано к печати 18.06.80. Т-07384. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 5550 экз. Тип. ван. 1306.
Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

О $\frac{10604-192}{042(02)-80}$ 50-80. 0505010000

© Издательство «Наука», 1980 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Читатели, интересующиеся историей классовой борьбы в эпоху феодализма, с вниманием примут книгу, принадлежащую перу автора, который давно и плодотворно изучает знаменитое Пугачёвское восстание 1773—1775 гг. — последнюю Крестьянскую войну в России. Более 20 лет в разных периодических изданиях регулярно публикуются статьи, обзоры, рецензии Р. В. Овчинникова — одного из крупных знатоков пугачёвской темы, добросовестного и скрупулезного исследователя. Среди его работ — статьи о разыскании новых документов, связанных с героической деятельностью Е. И. Пугачева и его сподвижников, источниковедческие исследования следственных, картографических и фразгистических материалов. Особо следует упомянуть пушкинскую тему в трудах автора — его разработки, связанные с выявлением источников, использованных А. С. Пушкиным при создании «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки», и с изучением методов работы поэта-историка с архивными материалами¹.

Многие работы Р. В. Овчинникова связаны с изучением и изданием указов и манифестов Пугачева, предписаний пугачёвских атаманов, распоряжений повстанческой Военной коллегии (административного центра, руководившего восстанием). Постановка и разработка задачи, связанной с изучением повстанческой документации, архивов участников народных движений при феодализме, является заслугой советской историографии последних десятилетий. Р. В. Овчинников успешно решает ее применительно к Крестьянской войне 1773—1775 гг. Помимо многих статей и журнальных подборок им издана фундаментальная академическая публикация документов восставших, в которой он выступил как составитель, автор вводной статьи и обстоятельных примечаний².

Все перечисленные выше исследования в той или иной степени подготовили появление настоящей монографии. В ней автор детально исследует указы и манифесты Пугачева, как те, кото-

¹ Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

² Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975.

рые дошли до нас, так и те, которые утрачены были в дни восстания. Содержание последних установлено путем комплексного анализа самых различных источников (повстанческая и правительственная документация, мемуары современников и др.). Автор полагает, что он исследовал более 80% указов и манифестов Пугачева, возникших в результате деятельности повстанческого центра с сентября 1773 г. по август 1774 г. Уже одни эти данные говорят о большой научной значимости проделанной автором работы.

В результате обстоятельного изучения каждого документа, его сопоставления со свидетельствами других источников выявляются причины, место и время возникновения указов и манифестов, их структура, оформление, источники, устанавливаются авторы-составители и получатели документов.

Рассматривая манифесты и указы Пугачева и ряд параллельных источников (протоколы следственных показаний вожakov и рядовых участников Крестьянской войны и др.), автор акцентирует внимание на содержании призывов повстанческого центра и требований восставших, которые в совокупности являлись, по словам академика Л. В. Черепнина, «начатками идеологии», составляли идейную платформу движения, придавали ему антифеодальную направленность и вносили в него заметные элементы организованности. Важно отметить, что в книге прослеживается эволюция идейного содержания пугачевских призывов в сторону все большей радикализации требований, их «окрестьянивания». На большом фактическом материале показано воздействие воззваний Пугачева на подъем повстанческого движения и на идейную борьбу, развернувшуюся между восставшими и правительственным лагерем.

Дворянская и буржуазная историография, давшая ряд крупных работ по пугачевской теме, главное внимание уделяла действиям властей, их карательной политике. Только в советской исторической литературе действия восставших, внутренняя жизнь повстанческого лагеря, побудительные мотивы их действий, их требования, идейные представления получили должное освещение. Сделано в этом плане немало, но многое предстоит сделать. Новая работа Р. В. Овчинникова — серьезный вклад в изучение борьбы наших героических предков против гнета и несправедливости, за землю и волю.

В. И. Буганов

ВВЕДЕНИЕ

Манифесты и указы Емельяна Ивановича Пугачева, предводителя Крестьянской войны 1773—1775 годов в России, занимают важнейшее место среди документальных источников, описывающих события этого крупнейшего антикрепостнического выступления эпохи позднего феодализма. В историографии Пугачевского восстания нет, пожалуй, ни одного исследования, в котором не использовались бы эти документы, не отмечалось бы их влияние на подъем повстанческого движения. И вместе с тем приходится констатировать, что источниковедческому изучению рескриптов Пугачева посвящено всего лишь несколько статей, в центре внимания которых стоят отдельные, наиболее яркие указы и манифесты, рассматриваемые по преимуществу со стороны их содержания. За пределами изучения оставались, как правило, вопросы, относящиеся к происхождению и бытованию этих документов, их воздействию на ход конкретных событий, без чего нельзя получить полного представления о жизни лагеря восставших, о социальной политике, военной и административной деятельности ставки Пугачева, об идейной борьбе, развернувшейся между повстанцами и администрацией Екатерины II.

Ситуация, сложившаяся в изучении ценнейшей группы источников истории Крестьянской войны, явилась побудительным мотивом к созданию предлагаемой книги и определила ее назначение — дать монографическое источниковедческое исследование всего комплекса пугачевских манифестов и указов. При изучении каждого документа ставилась задача — установить обстоятельства его происхождения, включая данные о причинах, месте и времени создания, биографические сведения об авторе-составителе и корреспонденте-получателе, о наличии и происхождении копий и дубликатов. Наряду с этим надлежало рассмотреть особенности построения и оформления документа с позиции дипломатики, изучить знаки удостоверения подлинности (подпись, печать), выявить источники текста (сходные по назначению предшествующие документы, а также близкие по формуляру акты верховной власти — императорские манифесты и указы). В работе намечено было осветить архивную жизнь каждого отдельного документа, начиная с событий Крестьянской войны и кончая настоящим временем.

Другая крупная источниковедческая проблема, занимающая центральное место в книге, — анализ манифестов и указов Пугачева, направленный на всестороннее раскрытие их содержания, применительно как к каждому из этих документов в отдельности, так и к общей их совокупности. Исследование рескриптов Пугачева со стороны их содержания имеет существенное значение для наблюдений и суждений относительно степени организации в повстанческом движении, для освещения деятельности ставки Пугачева, для полного и конкретного представления об отдельных эпизодах восстания, для биографии руководителей и рядовых участников движения, его попутчиков и врагов. Следует заметить, что многие факты и лица, упоминаемые в исследуемых памятниках, были малоизвестны и неясны, их установление потребовало привлечения дополнительного круга архивных источников, справочной и исследовательской литературы.

В корпусе рескриптов Пугачева преобладают указы-воззвания и манифесты, отражающие социальные, политические и экономические требования участников восстания¹. Именно поэтому на идейное содержание документов и было обращено основное внимание при их исследовании.

В пугачевских манифестах и указах четко выражена антифеодальная направленность движения. Возможно ли при оценке этих источников рассматривать их в качестве памятников идеологии, и, вообще, правомерно ли употребление понятий «идеология» и «программа» применительно к идейной позиции руководителей и участников Крестьянской войны? На этот вопрос можно ответить положительно, если исходить из сложившейся в литературе практики употребления этих понятий², когда к идеологии, например, относились зачаточные ее формы, означаемые как «смутная», утопическая, ненаучная идеология³, как идеология примитивного демократизма⁴. Философское определение идеологии трактует ее как теоретически обоснованную систему идей и взглядов, выражающих интересы класса и направляющих его на борьбу; а программу — как документ, излагающий задачи и цели борьбы. Академик Л. В. Черепнин, рассмотрев требования участников крестьянских войн в России, отмечал, что «определения идеологии и программы как разработанных систем миро-

¹ Послания Пугачева, обращенные к нерусским народам Урала, Приуралья и Поволжья, отражают, помимо названных требований, и национальные интересы этих народов.

² Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. JL, 1966, т. 2, с. 413—443.

³ Буганов В. И. Об идеологии участников крестьянских войн в России. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 44—60; Он же. Об идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 годов. — В кн.: Героические страницы истории народов нашей Родины: Докл. Всесоюз. науч. конф., посвященной 200-летию Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России под руководством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1976, с. 35—50.

⁴ Матвеевский П. Е. Типические черты примитивного демократизма в быту и сознании крестьянства XVII—XVIII веков. — Там же, с. 51—62.

воззрения и действий к характеристике крестьянских войн неприменимы, ибо они преувеличивали бы уровень сознания крестьянства», что эти войны «не выработали ни классовой идеологии, ни политической программы, но они не были безыдейными, и от восстания к восстанию углублялось представление крестьян о том, за что и во имя чего они ведут борьбу». В то же время, подходя к проблеме с позиций историзма, Л. В. Черепнин указывал, что лозунги и требования повстанческих документов «отразили начатки идеологии» и что для некоторых пугачевских манифестов «характерно наличие известных обобщений, сведение воедино отдельных лозунгов и требований так, что они образуют своеобразную идейную платформу крестьянской борьбы»⁵.

В ходе Крестьянской войны происходила, как известно, эволюция идейного содержания пугачевских манифестов и указов, и шла она в направлении от первых призывов, отражавших интересы яицких казаков — застрельщиков восстания, к воззваниям, учитывающим чаяния помещичьих и заводских крестьян, нерусских народов Юго-Востока страны, и завершилась радикальными антикрепостническими требованиями июля—августа 1774 г., соответствующими интересам крепостного крестьянства — массовой социальной опорой повстанческого движения на последнем его этапе. Эволюция эта самым прямым образом была связана с той социальной средой, которая активно участвовала, преобладала и доминировала в восстании и на которую в первую очередь ориентировалась ставка Пугачева в своих решениях и в составлении воззваний, рассчитанных на соответствующую группу населения. Задача данной работы — изучить последовательно-хронологически и на материале различного рода источников эволюцию идейного содержания обращений Пугачева, постепенный процесс «окрестьянивания» социальной политики повстанческого центра и углубления критики феодальных порядков в стране. При освещении этой проблемы рассматривались тесно связанные с ней вопросы, касающиеся, с одной стороны, характера воздействия посланий Пугачева и воззваний его атаманов на умонастроение народа и на подъем повстанческого движения в конкретных ситуациях Крестьянской войны, с другой — влияния требований различных групп населения, прежде всего крестьянства, на содержание манифестов и указов Пугачева.

Классовая борьба в дни Крестьянской войны проходила как в военном противоборстве враждующих сторон — восставшего народа и господствующего класса, так и в идейной борьбе между

⁵ Черепнин Л. В. Крестьянские войны в России в период феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева. — Коммунист. 1973. № 13, с. 85—86; *Он же*. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (К итогам проблемы). — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. с. 9, 16—17; *Он же*. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. (Причины и характер). — В кн.: Героические страницы истории народов нашей Родины, с. 17—20.

ними. Правительственный лагерь пытался противопоставить антикрепостническим идеям пугачевских воззваний, прочно вошедшим в сознание народных низов, официальную идеологию, опирающуюся на церковные догмы, на установленный «свыше» порядок, призывая народ к послушанию, смирению и «безмолственному повиновению». В книге рассматриваются различные формы правительственной противопугачевской агитации, направленной на политическую, церковную и моральную дискредитацию Пугачева и его сторонников, на устрашение тех, кто примкнул к ним «по темноте, глупости и невежеству» (обнародование манифестов Екатерины II, указов Сената, посланий церкви, увещаний местных гражданских, церковных властей, публичное истребление палачами перехваченных манифестов и указов Пугачева, воззваний его атаманов и др.). Но все эти меры оказались неэффективными (что признавалось, в частности, самой Екатериной II и некоторыми из ближайших ее сотрудников); решающая роль в подавлении восстания принадлежала силе оружия, где явное превосходство было на стороне правящего класса.

В сентябре 1773—августе 1774 г. из ставки Пугачева вышло не менее 200 его манифестов и указов. До наших дней их сохранилось лишь 46⁶, а остальные были утрачены в дни восстания, когда правительственные власти истребляли их в целях борьбы против антикрепостнической агитации Пугачева, когда они гибли в условиях походной жизни или уничтожались самими повстанцами в целях безопасности; некоторая часть этих документов пропала вскоре после Крестьянской войны при перемещениях архивных фондов и из-за неудовлетворительных условий их содержания в архивах⁷. Имеющиеся пробелы в корпусе документов предводителя Крестьянской войны оказалось возможным восполнить путем реконструкции утраченных манифестов и указов, путем установления их содержания по свидетельствам источников иного происхождения, в числе которых привлекались: протоколы следственных показаний руководителей восстания и рядовых повстанцев, деловая переписка пугачевских атаманов, переписка властей и учреждений екатерининской администрации, мемуары современников, словом, все те материалы, в которых можно выявить реальные следы бытовавших в дни восстания, но не дошедших до нашего времени пугачевских документов⁸. Необходимо заметить, что академик Л. В. Черепнин относил к числу актуальных источниковедческих изысканий в области истории крестьянских войн разработку методики реконструк-

⁶ В это число не входят их копиянные и дублетные экземпляры.

⁷ *Овчинников Р. В.* Документы штаба Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. — Советские архивы, 1973, № 4, с. 68—69.

⁸ Теоретические и методические вопросы этой проблемы изложены в работе: *Овчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева). — В кн.: *Источниковедение отечественной истории: Сб. статей.* 1975. М., 1976, с. 222—247.

ции повстанческих архивов и саму реконструкцию утраченных документов, указывая, что «при этом, очевидно, следует использовать и методические приемы, проверенные на источниках другого типа, более изученных, и методику, непосредственно вытекающую из характера и специфики документов, порожденных повстанческим движением»⁹. В результате выполненной автором этих строк реконструкционной работы удалось установить содержание и назначение 119 утраченных манифестов и указов Пугачева.

В работе использован комплекс повстанческих документов, опубликованных в недавно вышедшем сборнике, где, помимо 46 манифестов и указов Пугачева, напечатаны предписания государственной Военной коллегии восставших, воззвания и переписка местных повстанческих властей и учреждений¹⁰. Наряду с этим были привлечены предшествующие публикации повстанческих документов¹¹, издания протоколов следственных показаний Пугачева¹², его ближайших сподвижников и рядовых повстанцев¹³, указов и переписки Екатерины II с ее сотрудниками¹⁴, донесений ее военачальников¹⁵, протоколов императорского совета¹⁶, мемуаров современников восстания¹⁷, а также тематические и пофондовые сборники, содержащие самый разнообразный состав источников по теме исследования¹⁸.

⁹ Черепнин Л. В. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева... с. 5—6.

¹⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975.

¹¹ Пугачевщина. М.; Л., 1926. Т. 1. Из архива Пугачева (манифесты, указы и переписка).

¹² Допрос Емельяна Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774—1775 гг. — Красный архив, 1935, № 69/70; Следствие и суд над Е. И. Пугачевым. — Вопросы истории, 1966, № 3/5, 7, 9.

¹³ Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши. — Красный архив, 1935, № 68; Сподвижники Пугачева свидетельствуют (допросы А. П. Перфильева и Б. Идернеева). — Вопросы истории, 1973, № 8.

¹⁴ Бумаги императрицы Екатерины II. — Сборник Русского исторического общества, СПб., 1874 (далее: Сборник РИО), т. 13; Письма государыни императрицы Екатерины II к князю М. Н. Волконскому. — В кн.: Оснадацатый век. М., 1869, кн. 1; Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевском бунте. — Сборник РИО, 1871, т. 6; Екатерина II и Пугачевщина. — Русская старина, 1875, № 5 и другие публикации.

¹⁵ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Библикова. — Записки имп. Академии наук, СПб., 1862, т. 1, прил. № 4; Он же. Материалы для истории Пугачевского бунта. Переписка императрицы Екатерины II с графом П. И. Паниным. — Там же, 1863, т. 3, прил. № 4; П. С. Потемкин во время Пугачевщины. — Русская старина, 1870, т. 2 и другие публикации.

¹⁶ Архив Государственного совета. СПб., 1869, т. 1, ч. 1.

¹⁷ «Хроника» П. И. Рычкова. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. М.; Л., 1933, т. 9, кн. 1, с. 206—367; Записки оренбургских священников И. Осипова, И. С. Полянского, полковника М. Н. Пекарского. — Там же. М.; Л., 1940, кн. 2, с. 551—578, 579—598, 598—616 и др.

¹⁸ Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935; Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов. Ростов, 1961; Крестьянская

Большую часть источников для написания книги составили неопубликованные документы, извлеченные из фондов центральных и местных учреждений России, находящихся в архивохранилищах Москвы. В коллекции VI разряда («Уголовные дела по государственному преступлению») бывшего Государственного архива Российской империи, хранящейся ныне в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА), сосредоточены материалы Кабинета Екатерины II, содержащие переписку императрицы с военачальниками и губернаторами относительно состояния районов, охваченных восстанием, и проведения карательных операций против восставших¹⁹; донесения губернских, провинциальных и воеводских канцелярий в Сенат, характеризующие ход повстанческого движения и предпринимаемые местными властями меры к его подавлению²⁰; материалы походной канцелярии генерал-поручика И. А. Деколонга, освещающие борьбу с повстанческими отрядами на территории Южного Урала, Зауралья и Западной Сибири²¹; дела, извлеченные из фондов местных учреждений Поволжья, Урала, Центра страны, Северного Кавказа, отображающие события Крестьянской войны в этих районах²².

В составе VI разряда Госархива хранятся материалы Тайной экспедиции Сената и созданных в дни восстания специальных учреждений политического розыска — Казанской, Оренбургской и Яицкой секретных комиссий, производивших следствие и суд над пленными пугачевцами²³. В протоколах следственных показаний Пугачева, его ближайших сподвижников и рядовых повстанцев содержится обильная информация о создании и распространении посланий Пугачева и их воздействии на народ и на подъем повстанческого движения. Часть материалов Тайной экспедиции Сената вошла в состав VII разряда Госархива («Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция»)²⁴, а дела Казанской, Оренбургской и Яицкой секретной комиссий включены в комплексный архивный фонд Московской конторы тайных розыскных дел (Тайной канцелярии)²⁵.

В фонде канцелярии оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа (правильнее было бы именовать этот фонд: Оренбургская губернская канцелярия) содержатся документы, освещающие

война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972; Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея. М., 1973; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974; Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 423, 485—487, 490, ч. 1—2, 496—501, 503.

²⁰ Там же, д. 493, 494, 504, ч. 1—6 и др.

²¹ Там же, д. 627, ч. 1—12.

²² Там же, д. 592—659.

²³ Там же, д. 415—422, 424—443, 445—484, 505—514. В VI разряде находятся также материалы судебного процесса по делу Пугачева и его соратников (там же, д. 515), сообщающие ценные биографические сведения об этих лицах.

²⁴ ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, 2374—2378, 2382, 2389—2391 и др.

²⁵ Там же, ф. 349, д. 7142—7425.

осаду Оренбурга отрядами Пугачева и развитие повстанческого движения как в самой этой губернии, так и в смежных с ней уездах Казанской, Тобольской и Астраханской губерний, а также в казахской степи²⁶.

Документы обширного фонда походной канцелярии (или «Пугачевской экспедиции») генерал-аншефа П. И. Панина характеризуют карательные операции по подавлению восстания в юго-восточных районах центра страны, Среднем и Нижнем Поволжье, Заволжье и Башкирии в августе—ноябре 1774 г., разгром последних очагов движения в конце 1774—первой половине 1775 г., расправу над повстанцами и населением, поддерживавшим их, меры по оказанию помощи дворянству, пострадавшему во время Крестьянской войны²⁷.

Ряд дел канцелярии Панина, «отбившихся» от основного фонда ЦГАДА, находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ, ОР). В их составе: рескрипты Екатерины II и ответные реляции Панина, касающиеся подавления восстания и хозяйственного устройства территории, где проходило восстание; переписка Панина по этим вопросам с губернаторами и военачальниками²⁸.

Вторым после ЦГАДА крупным хранилищем документальных источников по теме монографии является Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА). В фонде 20 сосредоточено делопроизводство Секретной экспедиции Военной коллегии, связанное с отправлением карательных войск в районы, охваченные восстанием, сюда же входят донесения командующих этими войсками генералов В. А. Кара, А. И. Бибикова и Ф. Ф. Щербатова, рапорты других военачальников, а также губернаторов, провинциальных и уездных воевод, освещающие ход борьбы с повстанческим движением в сентябре 1773—октябре 1774 г.²⁹ Вопросы военно-оперативного характера отражены и в материалах походных канцелярий генералов Бибикова и Щербатова, находящихся в составе того же фонда³⁰.

В делах канцелярии шефа иррегулярных (казачьих и так называемых инородческих) войск генерала Г. А. Потемкина за 1774—1775 гг. содержатся документы об участии яицких, оренбургских, волжских и донских казаков в восстании, а также об использовании казачьих полков в карательных операциях против Пугачева на последнем этапе Крестьянской войны³¹.

Следственные дела о солдатах, офицерах и целых воинских подразделениях, перешедших на сторону Пугачева, находятся в фонде Генерал-аудиторской экспедиции³².

²⁶ Там же, ф. 1100, д. 2—14.

²⁷ Там же, ф. 1274, д. 171—211.

²⁸ ГБЛ, ОР, ф. 222, д. 7, 8.

²⁹ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, д. 1230—1234.

³⁰ Там же, д. 1235—1240.

³¹ Там же, ф. 52, д. 52, 61, 73, 93 и др.

³² Там же, ф. 8, оп. 94, д. 21, 139, 140, 202, 2636 и др.

В коллекции Военно-ученого архива хранится особое дело, содержащее рескрипты Екатерины II генералам Бибикову и Щербатову и их ответные донесения императрице о военных действиях против повстанцев в декабре 1773—июле 1774 г.³³

В фонде академика и генерала Н. Ф. Дубровина, автора трехтомной монографии «Пугачев и его сообщники» (СПб., 1884), хранятся копии манифестов и указов Пугачева, извлеченные из архивных дел 1773—1774 годов³⁴.

В Отделе письменных источников Государственного исторического музея в г. Москве (ГИМ, ОПИ) в собрании А. П. Бахрушина находятся документы, связанные с указом Пугачева атаману Белоярской слободы Ф. Т. Кочневу³⁵.

В Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР) в Ленинграде, в фонде Кабинета е. и. в. хранится переписка генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского с губернаторами и военачальниками относительно организации борьбы с восстанием и учета ущерба, нанесенного им казенному и частновладельческому хозяйствам, а также переписка Вяземского с Екатериной II о следствии и суде над Пугачевым и его соратниками³⁶.

В Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ГПБ, ОР) в собрании материалов по истории Пугачевского восстания находятся документы, связанные с деятельностью Казанской и Оренбургской секретных комиссий³⁷; в том же хранилище, в личном архиве Г. Р. Державина, служившего в 1773—1774 гг. в чине гвардии поручика в Казанской секретной комиссии, хранятся документы, освещающие ход повстанческого движения в Нижнем Поволжье и Заволжье³⁸.

События восстания в тех же районах Нижней Волги отражены в делах Царицынской комендантской канцелярии и Астраханской комендантской канцелярии, входящих в состав фонда коллекции Саратовской ученой архивной комиссии в Государственном архиве Саратовской области³⁹. Здесь же находятся и бумаги саратовского краеведа А. Ф. Леопольдова и среди них — копии посланий Пугачева: указ атаману Антиповской станицы И. Платонову и манифест к донской казачьей команде царицынского гарнизона⁴⁰.

Развитие повстанческого движения на Среднем Урале, на территории так называемого Екатеринбургского ведомства, харак-

³³ Там же, ф. ВУА, д. 143. Документы этого дела дублируют и дополняют материалы Кабинета Екатерины II, находящиеся в VI разряде Госархива ЦГАДА (см. выше).

³⁴ ЦГВИА, ф. 249, д. 1.

³⁵ ГИМ, ОПИ, ф. 1, д. 100.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 343/1082, д. 2.

³⁷ ГПБ, ОР, ф. IV. 668, ч. II (Бумаги Г. Р. Державина).

³⁸ Там же, д. 8—10.

³⁹ Государственный архив Саратовской области, ф. 407, оп. 2, д. 1314—1375.

⁴⁰ Там же, д. 1775.

теризуют документы фондов канцелярии Главного правления екатеринбургских и сибирских заводов, Екатеринбургской судной и земской конторы, хранящихся в Государственном архиве Свердловской области⁴¹.

Все названные выше архивные фонды и коллекции наряду с текстами манифестов и указов Пугачева содержат огромный массив комментирующих их источников (переписка повстанческих властей и учреждений, протоколы следственных показаний участников восстания, переписка центральной и местной администрации), содержащих сведения о происхождении и распространении пугачевских посланий. Исключительно важна роль группы комментирующих и «сопутствующих» источников для реконструкции содержания утраченных манифестов и указов Пугачева.

Значительные трудности возникали при установлении достоверности и полноты данных, сообщаемых документами и мемуарными свидетельствами о манифестах и указах Пугачева, что связано с особенностями происхождения, назначения и содержания различного рода источников. Так, в правительственных актах и в переписке давалась тенденциозная оценка посланий Пугачева, содержание их либо искажалось, либо чаще всего не раскрывалось. В источниках наиболее содержательных и ценных для изучаемой темы — следственных показаниях руководителей восстания и рядовых повстанцев — встречаются неточности и пробелы, вызванные ошибками памяти, смещением событий во времени, умышленными умолчаниями о фактах, которые могли бы усугубить вину и наказание подсудимых. Путем к установлению истины служил метод комплексного изучения всех тех свидетельств источников, в которых имеются данные по рассматриваемому факту или памятнику, учитывая при этом происхождение этих источников, их политическую направленность и назначение. Конкретные источниковедческие наблюдения и суждения приводятся в каждом параграфе, посвященном соответствующему рескрипту Пугачева.

Отечественная историография имеет давние традиции в использовании и изучении указов и манифестов Пугачева. Пионером в этом деле выступил А. С. Пушкин — первый историограф Пугачевского восстания. В «архивных тетрадах», которые вел поэт в 1833—1836 гг., собиравая материалы для «Истории Пугачева» и повести «Капитанская дочка», находится 14 копий указов Пугачева⁴². На страницах своих произведений, посвященных

⁴¹ Государственный архив Свердловской области, ф. 24, оп. 1, д. 2133, 2184, 2193 2202; оп. 12, д. 3126; ф. 34, оп. 1, д. 249 и др.

⁴² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 2, с. 630, 680—688, 774. В бумагах Пушкина сохранился также оригинал указа Пугачева полковнику Бахтияру Жанкаеву (там же, с. 689). См. также: *Овчинников Р. В.* Пугачевские бумаги в архивных тетрадах А. С. Пушкина. — В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963, с. 304—311.

событиям Пугачевского движения, Пушкин неоднократно упоминал воззвание Пугачева, отмечая их огромную роль в подъеме народа на восстание. В повести «Капитанская дочка» он писал, что обращения Пугачева, исполненные «в грубых, но сильных выражениях», производили «опасное впечатление на умы простых людей»⁴³, а в «Истории Пугачева» указывал, что причины повсеместной популярности Пугачева и его воззваний заключались в том, что «Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную роздачу соли»⁴⁴. В идейной борьбе, развернувшейся между повстанческим лагерем и администрацией Екатерины II, сила была, по мнению Пушкина, на стороне восставших. «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к своей цели», — писал поэт в «Замечаниях о бунте», посланных к Николаю I 26 января 1835 г.⁴⁵ По условиям времени и цензуры Пушкин не мог опубликовать собранные им указы Пугачева; ему удалось напечатать в примечаниях к «Истории Пугачева» лишь один документ повстанческого происхождения — письмо пугачевской Военной коллегии к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу⁴⁶ — замечательный памятник народной публицистики и сатиры.

Революционная ситуация конца 50-х годов XIX в., проведение реформы 1861 г., подъем крестьянского и революционно-демократического движения в 1861—1863 гг. обусловили интерес различных направлений отечественной историографии к изучению крестьянского вопроса и крупнейших выступлений крестьянства в эпоху феодализма и, в частности, в Крестьянской войне 1773—1775 гг. В связи с последней темой отдельные документы повстанческого лагеря (преимущественно манифесты и указы Пугачева) стали печататься в составе исследований и в журнальных подборках. Историк и романист либерально-народнического направления Д. Л. Мордовцев в очерке «Пугачевский полковник Иванов» напечатал указ Пугачева атаману Антиповской станицы И. Платонову и манифест к донским казакам царичинского гарнизона, извлеченные из бумаг царичинской комендантской канцелярии⁴⁷. Военный историк Д. С. Анучин в очерке «Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара» воспроизвел указы Пугачева, адресованные яицким казакам, атаману и казакам Илецкого городка, коменданту Красногорской крепости, выявленные в мате-

⁴³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1948, т. 8, кн. 1, с. 317.

⁴⁴ Там же, т. 9, кн. 1, с. 68—69.

⁴⁵ Там же, с. 375—376.

⁴⁶ Там же, с. 104. Документ был напечатан лишь благодаря тому, что примечания к «Истории Пугачева» не проходили цензур Николая I.

⁴⁷ Мордовцев Д. Л. Политические движения русского народа. СПб., 1871, т. 1, с. 275—276, 329—330. Эти же документы изданы Л. Н. Майковым в журнале «Русский архив» (1870, кн. 2, с. 291—294) а позднее и М. Н. Галкиным-Враским (там же, 1873, № 4, с. 451).

риалах архива Военного министерства и Военно-ученого архива Главного штаба⁴⁸. Академик Я. К. Грот в подборке документов «Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева» издал манифест Пугачева от 31 июля 1774 г., обнаруженный в бумагах Кабинета Екатерины II в Государственном архиве Министерства иностранных дел⁴⁹. Сотрудник этого архива П. П. Шульгин на страницах журнала «Русская старина» напечатал подборку повстанческих документов, в том числе манифесты Пугачева от 2 декабря 1773 г. и 31 июля 1774 г.⁵⁰

Значительный вклад в публикацию источников внес историк Н. Ф. Дубровин, напечатавший в составе своего исследования более 40 документов повстанческого происхождения, а среди них 16 указов и манифестов Пугачева⁵¹, выявленных в фонде Секретной экспедиции Военной коллегии (в архиве Военного министерства) и VI разряде Государственного архива МИД. Опубликованные документы намного расширили представление о деятельности ставки Пугачева и внутренней организации повстанческого движения. Н. Ф. Дубровин, придерживавшийся в оценке Пугачевского восстания официально-охранительных позиций, вынужден был признать, что воззвания Пугачева «действовали на народ гораздо более, нежели внушения о религиозном единстве и политической целостности государства», и что пугачевские манифесты «принимались населением с большим сочувствием: они обещали каждому свободу религии, освобождение от крепостной зависимости и наделение землей»⁵².

Заметным явлением в дореволюционной историографии Пугачевского движения была книга А. И. Дмитриева-Мамонова, написанная по материалам военно-походной канцелярии генерал-поручика А. И. Деколонга, хранившимся в архиве Акмолинского областного правления⁵³. В тексте книги и в приложении к ней напечатано 15 документов восставших, в том числе четыре пугачевских указа⁵⁴.

О влиянии антикрепостнических идей, распространяемых воззваниями Пугачева, на развитие повстанческого движения, особенно в правобережных районах Поволжья, писали выдающиеся

⁴⁸ Военный сборник, 1869, № 5, с. 10, 19; № 6, с. 174. В очерке «Действия Библикова в Пугачевщине» Агучин напечатал указ Пугачева приказчику Кано-Никольского завода Н. П. Сорокину (Русский вестник, 1872, № 6, с. 491).

⁴⁹ Записки имп. Академии наук, СПб., 1875, т. 25, прил. № 4, с. 53.

⁵⁰ Русская старина, 1875, № 6, с. 273; № 7, с. 441.

⁵¹ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 2, с. 1—2, 14, 18, 39—40, 47, 73—74, 77, 90, 112—113, 188—189; т. 3, с. 53, 112, 122—123, 215, 216, 221—222, 225—226.

⁵² Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 77—78, 176.

⁵³ Ныне материалы этого собрания находятся в ЦГАДА (ф. 6, д. 627, ч. 1—12).

⁵⁴ Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907, с. 9, 11, 40—41, 57.

представители народнического направления в историографии — В. И. Семевский⁵⁵ и Н. Н. Фирсов⁵⁶. Оценивая значение пугачевского манифеста 31 июля 1774 г., в котором с наибольшей полнотой и отчетливостью сформулированы социальные требования восставших, В. И. Семевский писал, что манифест этот — «настоящая жалованная грамота всему крестьянскому люду, это хартия, на основании которой предстояло создать новое мужицкое царство»⁵⁷.

Дореволюционной историографией было введено в научный оборот до 20 указов и манифестов Пугачева, что составляло менее половины общего числа этих памятников, хранившихся в архивах России. Такое положение с изданием и изучением пугачевских посланий было связано и со слабой изученностью архивных фондов, и с цензурными ограничениями, но главным образом с тем, что исследования дворянской и буржуазной историографии были направлены преимущественно на изучение карательной политики правительства, местных властей и церкви, а также на освещение боевых действий армии против повстанцев. Вопросы организации повстанческого движения и внутренняя жизнь лагеря восставших занимали в этих трудах второстепенное место. Пугачевские послания печатались на страницах монографий, в журнальных статьях и подборках без сколько-нибудь серьезного анализа, в качестве иллюстративных материалов, а подчас приводились в значении курьезных раритетов. Источниковедческие исследования этих документов отсутствовали.

После Великой Октябрьской социалистической революции начался новый этап в изучении и публикации документального наследия повстанцев Крестьянской войны 1773—1775 гг. Он был связан с обращением молодой советской историографии к исследованиям народных движений прошлого с позиций марксистско-ленинского учения о классовой борьбе как определяющем факторе исторического развития общества. Историками марксистского направления были взяты на вооружение основополагающие высказывания В. И. Ленина о крестьянском движении в России второй половины XIX—начала XX в. — высказывания, которые при учете конкретно-исторических условий предшествующего времени применимы к оценке крупнейших народных выступлений эпохи феодализма и, в частности, к оценке Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Суммируя исторический опыт крестьянского движения в России, В. И. Ленин писал, что выступления крестьян были направлены на то, чтобы «смести до основания и казенную цер-

⁵⁵ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881, т. 1, с. 377—386; *Он же*. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888, т. 1, с. 178—179 и др.

⁵⁶ Фирсов Н. Н. Пугачевщина. Опыт социально-психологической характеристики. СПб., 1908, с. 115—128, 142—143 и др.

⁵⁷ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. 1, с. 330.

ков, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян». Это «стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян». Однако он подчеркивал, что крестьянство, «стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе»⁵⁸. Но и «стихийный элемент», характерный для крестьянских выступлений, представлял, как указывал В. И. Ленин, «в сущности, не что иное, как *зачаточную форму сознательности*», и что даже «примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности»⁵⁹. Это высказывание применимо к оценке идейной стороны Крестьянской войны 1773—1775 гг. с учетом того, что ей был свойствен более высокий уровень сознательности, нежели «примитивным бунтам» крестьянства.

В. И. Ленин решительно выступал против воззрений Г. В. Плеханова, Н. А. Рожкова и других, которые отрицали, как известно, революционное значение выступлений крестьянства в освободительном движении второй половины XIX—начала XX в., а обращаясь к истории крестьянских восстаний эпохи феодализма, в том числе и Крестьянской войны 1773—1775 гг., говорили об их бесплодности и реакционности⁶⁰. Идею о реакционности крестьянского движения⁶¹ В. И. Ленин называл «чудовищной, идиотской, ренегатской» и «чудовищным извращением марксизма»⁶². Обращаясь к оценке крестьянского движения, В. И. Ленин писал, что «наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит... ни малейшему сомнению», но в то же время указывал на идейную незрелость этого движения: «Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян...»⁶³. Крестьянское движение в новое время отражало, как отмечал В. И. Ленин, «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»⁶⁴. Эти черты были присущи и Крестьянской войне 1773—1775 гг., но во времена

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 211.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 29—30.

⁶⁰ Маевский В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1960, т. 1, с. 124—127, 140—141; Буганов В. И. Об идеологии участников крестьянских войн в России. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 47.

⁶¹ Подобную идею разделяли и некоторые представители либерально-националистической историографии, например Н. Н. Фирсов.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 229.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228—229.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 212.

Пугачева не было промышленного пролетариата, который мог бы возглавить освободительное движение, поведя за собой многомиллионные массы крестьянства. В эпоху феодализма, писал Ленин, отмечая историческое значение классовой борьбы крестьянства, «крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»⁶⁵.

В середине 1920-х годов, в связи со 150-летием Крестьянской войны, Центрархив СССР по инициативе организатора и руководителя советской исторической науки М. Н. Покровского приступил к изданию многотомной публикации документальных источников по этой теме⁶⁶, предусмотрев издание особого тома, содержащего документы повстанческого лагеря. Подготовка публикации была поручена С. А. Голубцову, видному исследователю истории русского крестьянства. В начале 1926 г. Центрархив СССР выпустил первый том сборника документов «Пугачевщина»⁶⁷, в котором опубликовал 270 документов лагеря восставших, в том числе 28 указов и манифестов Пугачева. В сборник вошли документы, выявленные в VI разряде Госархива, в фондах Оренбургской губернской канцелярии, походной канцелярии генерала П. И. Панина (ныне находятся в ЦГАДА), Секретной экспедиции Военной коллегии, походных канцеляриях генералов А. И. Бибикова, Ф. Ф. Щербатова, П. М. Голицына, канцелярии шефа иррегулярных войск генерала Г. А. Потемкина из Лефортовского архива (ныне ЦГВИА СССР). М. Н. Покровский, автор вступительной статьи к сборнику, справедливо указывал, что появление этой публикации открыло совершенно новую эпоху в изучении Пугачевского движения, что обнаружение столь значительного собрания документов повстанческого происхождения поможет пересмотреть наблюдения и выводы дореволюционной историографии, опиравшейся в своих построениях преимущественно на материалы правительственной администрации⁶⁸. И действительно, обращение к документам сборника позволило историкам найти принципиально новый подход к изучению Крестьянской войны 1773—1775 гг., глубже раскрыть ее антикрепостническую направленность, выявить элементы организованности в действиях восставших, показать решающую роль народных масс в развертывании движения.

Издание тома 1 «Пугачевщины» способствовало появлению источниковедческих работ, посвященных указам и манифестам

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 194.

⁶⁶ Пугачевщина, 1926, т. 1; 1929, т. 2; 1931, т. 3.

⁶⁷ Пугачевщина, т. 1. Годом ранее, в 1925 г., С. А. Голубцов в № 8 «Красного архива» напечатал подборку указов Пугачева и повстанческой Военной коллегии (указы Пугачева от 17 сентября и 3 декабря 1773 г., от 3 марта и 15 августа 1774 г.; указ Военной коллегии от 5 июня 1774 г. «главному полковнику» Кандафару Усаеву).

⁶⁸ Пугачевщина, т. 1, с. 3—13.

Пугачева⁶⁹. В рецензии на этот сборник А. Н. Филиппов рассмотрел особенности оформления посланий Пугачева, установил признаки их классификации на указы и манифесты, отметил факты заимствования пугачевскими секретарями приемов составления актов верховной власти в правительственных канцеляриях⁷⁰. Более подробное освещение получили эти вопросы в другой работе А. Н. Филиппова, где, кроме того, значительное внимание уделено методике анализа содержания посланий Пугачева, изучению их в комплексе с параллельными, «сопутствующими» свидетельствами следственных материалов, документов правительственного лагеря и других источников⁷¹.

В статье С. Ф. Елеонского рассмотрено влияние, оказанное на язык, стиль и содержание пугачевских документов как со стороны памятников народного фольклора (сказы, песни, предания и т. д.), так и со стороны правительственной документации⁷². Эти же вопросы (но в основном по языковому материалу рескриптов Пугачева) освещаются в работе А. В. Голуба⁷³. Язык, стиль и содержание повстанческих документов на татарском языке — предмет исследования В. Забирова, в котором рассмотрены с этой стороны манифесты Пугачева от 1 октября и 3 декабря 1773 г. и именной указ от 13 июня 1774 года. Проблема эта затрагивается и в статье С. Х. Алишева⁷⁴.

Анализу идейного содержания посланий Пугачева посвящена статья Г. П. Макогоненко, в которой эти документы рассматриваются как памятники народной публицистической литературы, оказавшие влияние на формирование антикрепостнической идеологии в конце XVIII—первой половине XIX в.⁷⁵ Отражение в манифестах и указах Пугачева идейной стороны Крестьянской войны 1773—1775 гг. — тема, затрагивающаяся в работах академика Л. В. Черепнина⁷⁶, а также в исследованиях А. И. Андрущенко⁷⁷,

⁶⁹ Отдельные источниковедческие наблюдения относительно происхождения этих памятников нашли место в комментариях С. А. Голубцова к «Пугачевщине» (т. 1, с. 223—233).

⁷⁰ Северная Азия, 1926, № 5/6, с. 172—175.

⁷¹ Филиппов А. Н. Новые материалы по истории Пугачевского движения. — Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, М., 1929, т. 4, с. 181—193.

⁷² Елеонский С. Ф. Пугачевские указы и манифесты как памятники литературы. — В кн.: Художественный фольклор. М., 1929, т. 4/5, с. 67—69 и сл.

⁷³ Голуб А. В. Язык указов Пугачева: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1950, с. 3—9 и сл.

⁷⁴ Забиров В. Новые источники об участии националов в Пугачевщине. — В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933, вып. 1, с. 22—49; Алишев С. Х. Документы повстанцев Крестьянской войны 1773—1775 годов на татарском языке. — Советские архивы, 1973, № 5, с. 62—67.

⁷⁵ Макогоненко Г. П. Народная публицистика XVIII века. — В кн.: Русская проза XVIII века. М.; Л., 1950, т. 1, с. 198—206 и сл.

⁷⁶ Черепнин Л. В. Крестьянские войны в России периода феодализма. К 200-летию начала восстания крестьян под водительством Е. И. Пугачева, с. 79—84, 83—88; *Он же*. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева..., с. 5—24.

⁷⁷ Андрущенко А. И. Первые призывы повстанцев Крестьянской войны 1773—1775 гг. К вопросу об идеологии восстания. — В кн.: Проблемы

М. Т. Белявского⁷⁸, В. И. Буганова⁷⁹, В. В. Мавродина⁸⁰, М. А. Рахматуллина и П. Г. Рындзюнского⁸¹, Р. В. Филиппова⁸² и др.

В последние годы был опубликован ряд статей чисто источниковедческого характера. В работе В. М. Панеяха рассмотрено происхождение различных редакций переводов с татарского языка на русский манифестов Пугачева в Башкирию от 1 октября 1773 г.⁸³ Л. Д. Рысляев установил датировку двух манифестов Пугачева, адресованных казакам Донского войска (15 и 21 августа 1774 г.) и попытался реконструировать содержание указа Пугачева к жителям г. Саратова (6 августа 1774 г.)⁸⁴. Б. Г. Литвак раскрыл значение анализа формуляров указов Пугачева для изучения эволюции их идейного содержания, процесса их постепенной радикализации⁸⁵.

Ряд источниковедческих работ о манифестах и указах Пугачева написан автором этих строк и использован им при подготовке данной монографии⁸⁶.

общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 336—341; *Он же*. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969, с. 93—129.

⁷⁸ *Белявский М. Т.* Первый этап Крестьянской войны 1773—1775 годов и его особенности. — История СССР, 1975, № 1, с. 60—69; *Он же*. Некоторые итоги изучения идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 гг. в России. — Вестник МГУ. Сер. 8, История, 1978, № 3, с. 34—36.

⁷⁹ *Буганов В. И.* Об идеологии участников крестьянских войн в России, с. 44—60; *Он же*. Об идеологии участников Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 35—50.

⁸⁰ *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1; *Он же*. Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. К 200-летию. — Вопросы истории, 1973, № 9, с. 64—77 и др.

⁸¹ *Рындзюнский П. Г., Рахматуллин М. А.* Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773—1775 гг. — История СССР, 1972, № 2, с. 71—88; *Рахматуллин М. А.* Крестьянская война в России 1773—1775 годов. — История СССР, 1973, № 6, с. 35—53.

⁸² *Филиппов Р. В.* О некоторых проблемах идеологии Крестьянской войны 1773—1775 гг. — В кн.: Участие народов в Крестьянской войне: Тез. докл. на Всесоюз. науч. конф. Уфа, 1974, с. 20—23.

⁸³ *Панеях В. М.* О степени участия народностей Башкирии в Крестьянской войне 1773—1775 годов на первом ее этапе. — Учен. зап. Перм. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1966, № 158, с. 50—59.

⁸⁴ *Рысляев Л. Д.* Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам. — Учен. зап. Псков. гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова, 1964, вып. 23, с. 71—88.

⁸⁵ *Литвак Б. Г.* Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974, с. 22—28.

⁸⁶ *Овчинников Р. В.* Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения эпохи феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 328—335; *Он же*. Немецкий указ Е. И. Пугачева. — Вопросы истории, 1969, № 12,

Вопросы, касающиеся идейной позиции руководителей и участников Крестьянской войны 1773—1775 гг., получили освещение в современных работах представителей зарубежной буржуазной историографии⁸⁷. Для большинства этих работ характерны негативные оценки Пугачевского движения в истории освободительного движения России и тесно связанное с такими оценками отрицание прогрессивных начал в идейных представлениях и высказываниях участников Крестьянской войны, в содержании посланий Пугачева и его атаманов. К числу такого рода работ принадлежат исследования американских ученых М. Раева («Пугачевское восстание»), Дж. Александра («Самодержавная политика в национальном кризисе. Русское императорское правительство и Пугачевское восстание») и «Император казаков. Пугачев и восстание 1773—1775 гг.»⁸⁸, книга французского историка П. Паскаля («Восстание Пугачева») ⁸⁹, работа западногерманской исследовательницы Д. Петерс («Политические и общественные представления в повстанческом движении под руководством Пугачева») ⁹⁰.

с. 133—141; *Он же*. Именной указ Е. И. Пугачева башкирскому походному старшине Адылу Ашменеву. — История СССР, 1972, № 2, с. 124—125; *Он же*. Документы штаба Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, с. 67—75; *Он же*. История разработки июльского манифеста Е. И. Пугачева (1774 г.). — В кн.: Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма: Тез. докл. науч. сессии. Чебоксары, 1973, с. 69—71; *Он же*. Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 72—97; *Он же*. Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева), с. 222—247. Источниковедческие наблюдения над указами и манифестами Пугачева нашли отражение в предисловии и комментариях автора этих строк в сборнике «Документы ставки Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774». (М., 1975, с. 3—14, 371—392).

⁸⁷ Зарубежная историография предшествующего времени рассмотрена в кн.: *Маевский В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 1, с. 261—282.

⁸⁸ *Raef M.* Pugachev's Rebellion. — Preconditions of revolution in early modern Europe. Baltimore and London, 1970; *Alexander J. T.* Autocratic Politics in a National Crisis. The Imperial Russian Government and Pugachev's Revolt (1773—1775). Bloomington—London, Indiana univ. press, 1969; *Idem.* Emperor of the Cossacks. Pugachev and the Frontier Jacquerie 1773—1775. Coronado Press. Kansas, 1973; Оценку этих работ см.: *Овчинников Р. В., Троицкий С. М.* Новейшая американская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. — История СССР. 1974, № 5, с. 173—190.

⁸⁹ *Pascal P.* La révolte de Pougatchev. Paris, 1971. Об этой работе см.: *Черепнин Л. В.* Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. . . с. 24.

⁹⁰ *Peters D.* Politische und gesellschaftliche Vorstellungen in der Aufstandsbewegung unter Pugačev (1773—1775). Wiesbaden, 1973. См. рецензию Л. В. Волкова на книгу Д. Петерс (Вопросы истории, 1977, № 9, с. 199—203), а также рецензию Е. Доннерта (ГДР) в журнале «Zeitschrift für Slawistik» (Berlin, 1978, Band XXIII, Heft 2, S. 285—288).

Таковы теоретические и историографические аспекты проблемы, отраженные в отечественной и зарубежной литературе, учтенные при написании данной монографии.

Цели и задачи исследования определили структуру книги. В первой ее части дано источниковедческое исследование сохранившихся указов и манифестов Пугачева. Вторая часть посвящена реконструкции содержания утраченных рескриптов предводителя восстания. Принимая во внимание то, что в ходе Крестьянской войны социальная политика ставки Пугачева, отражаемая его посланиями, претерпела существенную эволюцию, шедшую в направлении последовательного и более полного учета требований крестьянства, автор избрал хронологический принцип изложения материала в соответствии с общепринятой периодизацией Пугачевского движения.

I. ИСТОРИЯ ТЕКСТА МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

Глава 1

МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ Е. И. ПУГАЧЕВА ПЕРВОГО ЭТАПА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Сентябрь—октябрь 1773 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ РЕСКРИПТОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

В августе — первой половине сентября 1773 г. Е. И. Пугачев, встречаясь на степных хуторах под Яицким городком с первыми своими сторонниками — яицкими казаками И. Н. Зарубиным-Чикой, М. Г. Шигаевым, Д. Караваевым, Т. Г. Мясниковым, А. А. и М. А. Кожевниковыми, В. С. Коноваловым, С. В. Кожевниковым, Г. М. Закладновым и другими, обсуждал вопросы предстоящего вооруженного выступления, вылившегося впоследствии в грандиозную Крестьянскую войну 1773—1775 гг. На этих встречах речь шла о военной стороне предприятия (пополнение рядов участников выступления, выбор даты и ближайшей цели и др.), но основное внимание было посвящено обсуждению политических вопросов движения.

Казаки-заговорщики после некоторых колебаний согласились признать Пугачева «императором Петром III». Они усматривали в самозванстве Пугачева несомненные выгоды для дела восстания. Признание Пугачева «Петром III» облегчало действия повстанцев, ибо все движение приобретало характер справедливой борьбы за восстановление на престоле «законного царя», изгнанного с царства происками Екатерины II и дворян за намерение, имевшееся якобы у него, облегчить положение народа. Иллюзии в отношении политики и личности Петра III легко объяснимы. Этот правитель, погибший вскоре после дворцового переворота в 1762 г., завоевал широкую популярность в народе отдельными льготными решениями, принятыми в его недолгое царствование (перевод крестьянства монастырских и церковных вотчин в разряд экономических крестьян, запрещение приобретать крестьян для работы на купеческих фабриках и заводах, отмена гонений

на раскольников, снижение казенной цены на соль и др.). Для большинства яицких казаков признание Пугачева «Петром III» открывало возможности законной борьбы за восстановление старинных казачьих привилегий (выборы на казачьих кругах атаманов и старшин, справедливые начала в распределении войсковых доходов и др.), систематически притесняемых центральной властью при поддержке войсковой старшины. Особенно тяжелый удар казачьей автономии нанес паризм после подавления восстания казаков «мятежной» стороны на Яике в январе—июне 1772 г.¹ Позицию казаков-заговорщиков в отношении использования самозванства Пугачева для возрождения утраченных казачьих привилегий ярче всего осветил сотник Т. Г. Мясников в разговоре с илецким казаком М. Д. Горшковым: «По многим советываниям приметили мы в нем [Пугачеве] проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его зделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые вить правительство давно старается у них переменить зведением к ним какого-то новаго штата на основании военном, чего они никогда не хотели принять. И хотя по бывшим у нас на Яике происшествиям принуждены мы остаться без всякого удовольствия, как то думают, — в спокойном духе, однакож искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время. И так для сих-то самых причин вздумали мы назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были], а бояр, какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, — всех истребить»².

Известное неудобство, связанное с появлением на исторической арене «Петра III», который в действительности был убит приспешниками Екатерины II 6 июля 1762 г. на мызе Ропша, решено было уладить, пустив в ход устойчивую жившую в народе легенду о царе-изгнаннике, который со временем объявится и освободит трудовой народ, прежде всего крестьянство, от бесправия, произвола помещиков и чиновников. Народ наивно верил в то, что реальный Петр III, бывший будто бы «народным заступником», чудесным образом спасся в дни дворцового переворота 1762 г. и вот уже двенадцатый год укрывается от дворян и Екатерины II, странствуя по чужим странам и России. Показательно то, что за время с 1764 г. и до того, как Пугачев взял себе имя Петра III, в России действовало семь самозванцев, выдававших себя за царя Петра Федоровича³. Вступая на путь самозванства, Пугачев, несомненно, рассчитывал на то, что крестьяне

¹ Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966.

² Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 421, л. 2—2 об.

³ Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1867, т. 1, с. 72—97; Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII века. — Исторические записки, 1950, т. 31, с. 98—133; Маеро-

с большим доверием примут желанную волю и землю от «законного» «императора и самодержца Всероссийского», нежели от беглого донского казака. В условиях XVIII в. при господстве в психологии народа патриархальных наивно-монархических представлений и иллюзий самозванство Пугачева — нового «Петра III» — явилось средством, облегчавшим вовлечение социальных низов в восстание как законную борьбу против узурпаторши верховной власти — Екатерины II и ее пособников-дворян — душителей народной вольности⁴. Крестьянство, вынашивая идею борьбы за утверждение на престоле справедливого и «доброе» монарха, милостивого к нуждам угнетенных, не созрело до осознания необходимости революционного выступления против самодержавия, защищавшего господствующее положение дворянства и крепостнические порядки в России.

Обсуждая вопросы, связанные с подготовкой восстания, радикально настроенные казаки принимали во внимание то, что выступление Пугачева под именем популярного в народе царя Петра Федоровича позволило бы привлечь крестьянство на сторону казаков. Казачий сотник Т. Г. Мясников, касаясь перспектив движения, надеялся на то, что «сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который также от господ притеснен и вконец разорен»⁵. Такого же мнения придерживался и Пугачев. Рассказывая казакам о своих скитаниях на Украине, Дону и в центральных губерниях России, он говорил, что всюду «примечал, что везде народ разорен, и вы-де также терпите много обид и налог»⁶. Поддержка казачьего выступления крестьянством могла, по замыслу Пугачева, обеспечить успех восстания. Обсуждая с казаком М. А. Кожевниковым планы похода повстанцев, Пугачев заявил, что «он с войском следовать будет в Русь, которая-де вся к нему пристанет»⁷. И сам Пугачев, и ближайшие его сторонники, решительно высказываясь за ориентацию на крестьянство как союзника казаков в предстоящем выступлении, учитывали, несомненно, уроки восстания 1772 г. на Яике, поражение которого было обусловлено просчетами его руководителей, придерживавшихся оборонительной тактики и не пожелавших установить связь с другими анти-

дин В. В. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961, т. 1, с. 469—478.

⁴ *Маеродин В. В.* Указ. соч., с. 477—478; *Сиеков К. В.* Указ. соч., с. 133; *Андрущенко А. И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике. в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969, с. 21—35; *Фирсов Н. Н.* Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики. М., 1924.

⁵ Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 421. л. 2—2 об.

⁶ Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2, с. 131.

⁷ Протокол показаний М. А. Кожевникова на допросе 16 сентября 1773 г. в Яицкой комендантской канцелярии. — В кн.: Пупкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1940, т. 9, кн. 2, с. 694.

крепостническими силами в стране, и прежде всего с крестьянством⁸.

Присвоив себе имя и титул «императора Петра III», Пугачев брал на себя и определенные обязательства облегчить участь народа, недовольного правлением Екатерины II. При первой встрече на Таловом умете с Зарубиным, Шигаевым и Караваявым Пугачев заявил, что «приехал к вам и слышу, что вы-де и вся чернь обижены, так я хочу за вас вступитца и удовольствоваться»⁹. И если «удовольствование» требований казаков заключалось в восстановлении утраченных казачьих привилегий, то в отношении крестьян речь шла об освобождении их от крепостной зависимости. Утрату владельческих прав на крестьян предполагалось компенсировать дворянам путем назначения высокого жалования из государственной казны. На хуторе братьев Кожевниковых Пугачев, касаясь этого вопроса, говорил Зарубину: «От дворян-де деревни лутче отнять, а определить им хотя большое жалованье»¹⁰. Это намерение он подтвердил и в первые дни восстания, выступая 21 сентября 1773 г. с речью перед жителями Илецкого городка: «У бояр-де села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами»¹¹. Позднее, в ходе восстания, это половинчатое решение в отношении дворянства было заменено радикальным призывом к истреблению дворян.

Важнейший вопрос, обсуждавшийся Пугачевым с казаками накануне восстания, заключался в установлении тех условий, на которых «мятежная» сторона Яицкого войска соглашалась на участие в этом выступлении. Казаки стремились возродить старинные порядки в войске, упраздненные правительством Екатерины II. Казачество требовало восстановления войскового круга как высшего органа управления, предоставления ему права выбора и отчетности атамана и старшин, широких прерогатив в отношении распределения войсковых доходов, полной выплаты денежного жалованья, кормового и вещевого довольствия, не выдаваемого правительством за многие годы. Пугачев полностью согласился с требованиями казаков и дал им от имени «Петра III» клятвенное обещание: «Обещаюсь пред богом любить и жаловать Яицкое войско так, как и прежние цари. И буду вас жаловать рекою Яиком и впадающими во оное реками и протоками, рыбными ловлями, землею, сенокосными и всеми угольями безданно и беспоплино, и распространю соль на все четыре стороны — вези, кто куда хочет. И оставлю Яицкое войско при прежней их вольности»¹². Некоторые из этих положений полу-

⁸ Рознер И. Г. Указ. соч., с. 157—161.

⁹ Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — Пугачевщина, т. 2, с. 135.

¹⁰ Там же.

¹¹ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицком городке. — Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

¹² Протокол показаний М. А. Кожевникова на допросе 24 июля 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 180.

чили отражение в первом именованном указе Пугачева, адресованном 17 сентября 1773 г. яицким казакам¹³.

Политические и военные вопросы, обсуждавшиеся Пугачевым с казаками-заговорщиками накануне восстания, не были оформлены каким-либо единым документом программного значения. Некоторые из высказанных тогда мыслей не были впоследствии реализованы. Но в целом была выработана известная система согласованных взглядов на основные задачи и требования намеченного выступления. Пугачев и его сторонники образовали «заговорщический центр», который взял на себя практическую подготовку восстания. Появление подобной (во многом еще элементарной) организации стало возможным потому, что восстание готовилось в среде казаков. Они издавна отличались сплоченностью, боевым опытом, воспитывались в традициях борьбы против наступления на их права, опирались в этой борьбе на старинные формы казачьей жизни и самоуправления, противостоящие феодальным порядкам, были более «артельными людьми», нежели другие трудовые сословия феодального общества. Что же касается яицких казаков, зачинщиков Крестьянской войны 1773—1775 гг., то они имели большой опыт борьбы в многолетних волнениях XVIII в., и особенно в восстании 1772 г. Успешная подготовка нового вооруженного выступления в иной социальной среде была бы в условиях 1773 г. невозможна. Наличие при подготовке восстания в сентябре 1773 г. повстанческого центра, который наметил, правда в весьма общих чертах, решение ряда принципиально важных вопросов политического и военного характера, — свидетельство заметной зрелости Пугачевского движения по сравнению с предшествовавшими ему стихийными народными выступлениями XVII—XVIII вв., учитывая не только крестьянские, городские и казачьи восстания, но и крестьянские войны того времени.

В исходе августа 1773 г., вскоре после первой встречи с казаками, Пугачев был озабочен подысканием «письменного человека», который мог бы, руководствуясь его указаниями, составить воззвание к казакам в виде именного указа от самозванного «Петра III». С этой целью он вместе с содержателем Талового умета С. М. Оболяевым отправился 27 августа в старообрядческий монастырь в Мечетную слободу (ныне г. Пугачев в Саратовской обл.), объявив своему спутнику, что поездка эта предпринята им потому, что «казаки в среду¹⁴ приедут к ним и что-нибудь положут¹⁵, так вить это надобно написать, а у нас грамотея нет, так я хочю съездить в Верхней монастырь и там взять писаря, —

¹³ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975, док. № 1 (далее: Документы ставки Е. И. Пугачева...).

¹⁴ Ближайшая среда приходилась на 28 августа 1773 г.

¹⁵ «Положут» — т. е. примут решение относительно восстания и признания Пугачева «Петром III».

так он покуда и станет всякия дела писать»¹⁶. Однако поездка в Мечетную слободу, чуть не стоявшая Пугачеву свободы, окончилась неудачей — «письменного человека» не нашли, а Оболяев был арестован монастырскими старцами.

Две недели спустя Пугачев, укрывавшийся на речке Усихе, отправил в Яицкий городок своих эмиссаров, казаков Д. С. Лысова и К. И. Фофанова, приказав им прислать к нему «какова ни есть письменного человека», ибо ему «для переписывания набело писарь потребен»¹⁷. Посланцы Пугачева обратились к старому казаку Я. Ф. Почиталину с просьбой отправить к «Петру III» сына Ивана. «Да чем-де далеко-то ходить, да еще искать, вот у тебя Иванушка, — указав на сына его, — свой грамотей, пошли-тка ево». Почиталин усомнился: «Как-де ево послать? Он-де человек еще молодой, небывалой при таких делах, где-де ему это исправить!» Казаки возразили на это: «Вот те-ка пустяки какия! Как не исправить? Вить на нем взыскивать государь не будет, знает, что он в таковых делах небывалой. А он человек молодой, так лутче шонатореет. А за ето-де, сам ты знаешь, он будет человек и не будет оставлен». Почиталин согласился, наконец, с этими доводами. Отправляя сына Ивана к Пугачеву, он велел ему «верно служить государю и все делать, что не заставит, учиться добру и привыкать к делам»¹⁸. 16 сентября 19-летний казак Иван Яковлевич Почиталин¹⁹ явился в стан «Петра III» на Усихину росошь. Пугачев сказал ему: «Будь при мне и пиши, что я велю». Почиталин предупредил его: «Я пишу худо». На что Пугачев уверил его: «Письма будет мало, и человек-де ты молодой, еще выучисся»²⁰. Вскоре выяснилось, что Почиталин и вправду был человек не очень твердый в грамоте, но, безусловно, преданный Пугачеву и делу восстания. Пугачев сразу увидел в Почиталине верного человека, оценил его готовность к службе: «Благодарствую, я тебя не оставляю, и будь ты при мне секретарем»²¹. Перу Почиталина принадлежат первый именной указ Пу-

¹⁶ Протокол показаний Пугачева на допросе 4—14 ноября 1774 г. в Московском отделении Тайной экспедиции Сената. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 185.

¹⁷ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 113.

¹⁸ Протокол показаний Я. Ф. Почиталина на допросе 19 августа 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 231 об.

¹⁹ Почиталин И. Я., первый секретарь Пугачева, принадлежал к числу казаков «мятежной» стороны Яицкого войска. Примкнув к восстанию, он постоянно находился при Пугачеве, всегда сопровождал его во всех походах и, по свидетельству многих повстанцев, был его первым любимцем. При учреждении в ноябре 1773 г. повстанческой Военной коллегии был назначен думным дьяком. Захвачен в плен карателями в битве 1 апреля 1774 г. у Сакмарского городка. По приговору Сената, утвержденному Екатериной II, был подвергнут тяжкому телесному истязанию, а затем сослан на пожизненную каторгу в г. Рогервик (ныне г. Палдиски Эстонской ССР). Последнее документальное свидетельство о Почиталине относится к 1797 г.

²⁰ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 188 об.

²¹ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 188.

гачева и ряд других его указов, а также распоряжений повстанческой Военной коллегии начального этапа Крестьянской войны (сентябрь 1773—март 1774 г.).

§ 1. *Именной указ Е. И. Пугачева яицким казакам (17 сентября 1773 г.)*. В полдень 17 сентября Пугачев и его спутники отправились с реки Усихи на хутор братьев Толкачевых. Вечером, на привале в степи, Пугачев приказал Почиталину написать указ²² «в той силе, что государь Петр Третьей император принял царство и жалует реками, морями, крестом и бороною, ибо сие для яицких казаков было надобно»²³. Сходное показание об этом событии привел на следствии и Почиталин, сообщив, что Пугачев велел ему написать в указе: «Я-де точно государь, и послужите мне верою и правдою, за что жалую вас реками, морями, травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом и порохом и всякою вольностью; а знаю, что вы во всем обижены и лишают вас всей вашей привилегии, и всю вашу вольность истребляют; а напротив того, бог вручает мне царство по-прежнему, то я намерен вашу вольность возстановить и дать благоденствие»²⁴. Показания Пугачева и Почиталина согласно говорят о том, что содержание будущего документа было объявлено Пугачевым, роль же Почиталина сводилась к фиксации сказанного ему в форме именного указа. Это и понятно. Пугачев, часто обсуждавший с казаками политические вопросы поднятого ими восстания, имел более полные представления о требованиях яицкого казачества и лучше знал то, что следовало написать в своем первом указе, нежели молодой казак Почиталин, только что примкнувший к повстанцам²⁵.

Приехав на хутор Толкачевых, Пугачев обратился к собравшимся казакам: «Слушайте, детушки, што будет читать Почиталин, и будьте мне верны и усердны, а я вас буду жаловать». Когда Почиталин читал указ, «то все люди были тогда в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весьма прилежно». По зачтении же указа Пугачев спросил: «Што, хорошо ль? И вы слышали ль?» На что все единогласно закричали: «Хорошо, и мы слышали, и служить тебе готовы!»²⁶

Единодушное одобрение казаками-повстанцами указа Пугачева свидетельствовало о том, что в этом документе были отражены требования казачества о восстановлении старинных казачьих привилегий, погранных правительством Екатерины II. Казаки издревле пользовались известной автономией в управлении войсковыми делами и получали государственное обеспечение за

²² Подлинник указа 17 сентября 1773 г. сохранился среди бумаг Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 76); опубл. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 1.

²³ *Вопросы истории*, 1966, № 4, с. 113.

²⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 189 об.

²⁵ Показания Пугачева, что он будто бы «ни одного слова не знал, как бы писать надобно» первый указ, и якобы Почиталин сам «писал, что хотел», могут быть объяснены тактикой его поведения на следствии в Москве (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 189).

²⁶ Там же.

службу по охране юго-восточных границ России от набегов степных кочевников и за участие в других военных предприятиях правительства в XVII—XVIII вв. В среде казаков жили предания, что эти права были пожалованы Яицкому войску грамотами прежних царей. В 1774 г. на следствии в Яицком городке казаки И. Герасимов, Ф. Таликов и А. Чигинахов заявили чиновнику Оренбургской секретной комиссии гвардии капитан-поручику С. И. Маврину, что яицкие казаки помнят грамоту царя Михаила Федоровича, который «позволил им на том месте, где они ныне обитают, поселиться и пожаловал их, по собственной их просьбе, пользоваться следующим: рекою Яиком с вершины и до устья и впадающими в нее реками и протоками, рыбными ловлями и звериною ловлею, а равно и солью безошлинно, также крестом и бородою»²⁷. Все эти права казаков торжественно подтверждались указом Пугачева, но при том условии, чтобы казаки верно «служили до капли своей до крови» своему отечеству и ему, «Петру Третьему», как служили их деды и отцы «прежним царям».

Учитывая пестрый национальный состав Яицкого войска, Пугачев адресовал свой указ как казакам русского происхождения, так и калмыкам и татарам, поверстанным в казачью службу. Содержащееся в указе прощение «во всех винах» тех, которые «винныя были» «Петру Федоровичу», следует, видимо, понимать как амнистию всем невольно изменившим Петру III в 1762 г. принятием присяги на службу Екатерине II.

Выше сообщалось, что первый указ Пугачева был составлен вечером 16 сентября, однако в тексте проставлена дата «1773 году сентября 17 числа». Расхождение в датах может быть объяснено тем, что Почиталин обозначил на указе дату его обнародования, а это имело место в ночь с 16 на 17 сентября. Именно тогда, как свидетельствовал В. С. Коновалов, Пугачев с хутора Толкачевых «посылал указ, которой писал Почиталин, на форпосты, с коим ездил казак Петр Володимеров, которой, возвратясь, привел казаков человек с дватцать»²⁸.

17 сентября на стан к Пугачеву собралось до 60 казаков, с которыми он и выступил в поход к Яицкому городку. Ночевав вблизи Бударинского форпоста, Пугачев утром 18 сентября отправил в Яицкий городок «запечатанной и подписанной на имя старшины Акутина указ» с казаком П. Быковым, «и велено тот указ отдать Акутину и в кругу вычсть»²⁹. К вечеру Быков и его спутник по этой поездке казак Киришишников добрались к городку, у предместья которого встретили выступивший против Пугачева отряд — 6-ю легкую полевую команду во главе с капитаном А. П. Крыловым (отец баснописца И. А. Крылова) и казачью команду во главе со

²⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 40.

²⁸ Протокол показаний В. С. Коновалова на допросе 17 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции. — Там же, д. 512, ч. 1, л. 304.

²⁹ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 114; Красный архив, 1935, № 69/70, с. 190.

старшиной И. К. Акутиным³⁰. Посланцы Пугачева, приехавшие с его указом и «имевши оной на голове, кричали, чтоб войско Яицкое того указу послушало» и «приклонилось» к «Петру III», и «требовали, чтоб принял тот указ не иной кто, а старшина Акутин и всему войску прочел. Когда же капитан Крылов, того не учиня, а взяв оной от старшины, и, не читая, положил в карма-н, а присланных приказал схватить», то этому воспрепятство-вали многие казаки, которые вскоре перебежали к Пугачеву, по-дошедшему к Яицкому городку³¹. 28 сентября комендант Яицкого городка подполковник Симонов отправил перехваченный пугачевский указ оренбургскому губернатору генерал-поручику И. А. Рейнсдорпу³², а тот послал указ в числе других приложений при рапорте 7 октября 1773 г. в Военную коллегию³³.

Хотя указ, посланный Пугачевым в Яицкий городок, и не дошел до казаков, устная агитация его сторонников возымела огромное воздействие на рядовую казачью массу. Из рапорта Симонова к Рейнсдорпу от 21 сентября видно, что в стан Пугачева в течение 18—19 сентября перешли 462 казака, примы-кавшие в большинстве своем к «мятежной» стороне Яицкого войска³⁴.

И. Я. Почиталин на допросе в Оренбургской секретной комис-сии 8 мая 1774 г. по памяти воспроизвел текст именного указа Пугачева, посланного будто бы им 18 сентября 1773 г. с казаком А. Боряновым:

«Войска Яицкаго коменданту и казакам, и всем служивым, и всякого звания людям мое именное повеление.

Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и мне послужите, великому государю. И за то будете жалованы крестом и бороδοю, реками и морями, и денежным жалованьем, и всякою вольностию. Повеление мое исполняйте и со усердием меня, вели-кого государя, встречайте. А естли будете противиться, то возчув-ствуете как от бога, так и от меня праведный гнев».

Оной указ подписал я по приказу Пугачева тако: «Великий государь Петр Третий Всероссийской»³⁵.

Основываясь на показаниях Почиталина и приведя цитиру-емый текст в своем исследовании о Пугачевском восстании, Н. Ф. Дубровин утверждал, что в данном случае речь идет об указе, написанном будто бы Почиталиным 18 сентября непосред-ственно перед первым приступом повстанцев к Яицкому городку³⁶.

³⁰ П. Быков показал на допросе, что он «ездил от Пугачева с указом со своего хутора, состоящего у росошай под Бударинским форпостом, к старшине и депутату Акутину». (ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 207).

³¹ Рапорт майора С. Л. Наумова подполковнику И. Д. Симонову от 20 сентя-бря 1773 г. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 18.

³² Там же, л. 214.

³³ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 69—70.

³⁴ ЦГАДА, ф. 1100, л. 2, л. 213.

³⁵ Там же, ф. 6, д. 506, л. 191.

³⁶ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 2, с. 6.

Аналогичной точки зрения придерживается В. В. Мавродин³⁷. Однако показания Почиталина об этом событии, как это выяснилось при их сопоставлении со свидетельствами других источников, содержат ряд фактических ошибок, вызванных просчетами памяти. Так, из протоколов допросов Е. И. Пугачева³⁸ и Т. Г. Мясникова³⁹, а также из рапорта подполковника И. Д. Сиимонова к губернатору И. А. Рейнсдорпу от 28 сентября 1773 г.⁴⁰ видно, что Пугачев послал казака А. Борянова в Яицкий городок не 18, а 19 сентября, перед вторым приступом повстанцев к городку, и что Борянов повез туда указ Пугачева, написанный 19 сентября⁴¹, но не Почиталиным, а другим пугачевским секретарем — пленным сержантом Д. Н. Кальминским (см. об этом § 3). Что же касается текста указа, приведенного в протоколе допроса Почиталина, то это, как свидетельствовал Почиталин, был указ, который он «в первый еще раз» писал по приказанию Пугачева⁴² и, следовательно, являлся известным нам указом 17 сентября, посланным 18 сентября в Яицкий городок с казаком Быковым.

Первый историограф Пугачевского восстания А. С. Пушкин, отмечая значение указа 17 сентября, писал о нем, как о выдающемся памятнике народной публицистики, который по силе своего воздействия превосходил официальные публикации екатерининских властей: «Первое возмутительное воззвание Пугачева к яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов»⁴³. В советской литературе раскрыта связь содержания первого указа Пугачева и ряда последующих его обращений с живым разговорным языком, сказовой и песенной культурой и с умонастроениями простого народа⁴⁴.

§ 2. *Именной указ Е. И. Пугачева правителю Младшего казахского жуза хану Нуралы (18 сентября 1773 г.). Указ*⁴⁵ состав-

³⁷ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. М.; Л., 1966, т. 2, с. 107.

³⁸ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

³⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 111 об.

⁴⁰ Там же, ф. 1100, д. 2, л. 214—214 об.

⁴¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 3.

⁴² ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 191.

⁴³ Замечания о бунте. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1938, т. 9, кн. 1, с. 371.

⁴⁴ Елеонский С. Ф. Пугачевские указы и манифесты, как памятники литературы. — В кн.: Художественный фольклор. М., 1929, т. 4/5; Голуб А. В. Язык указов Пугачева: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1950. См. также вступительную статью Г. П. Макогоненко к публикации пугачевских документов в кн.: Русская проза XVIII века. М.; Л., 1950, т. 1, с. 203—208.

⁴⁵ Оригинал указа на татарском языке хранится в ЦГАДА (ф. 1100, д. 2, л. 34, 41—41 об.), там же находится и перевод с него, выполненный в Яицкой комендантской канцелярии (л. 35), он опубликован в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 2.

лен пугачевским секретарем яицким казаком Балтаем Идеркеевым (Идоркиным) рано утром 18 сентября в лагере повстанцев у реки Кушум. Происхождение указа и его датировка устанавливаются по допросам повстанцев и по документам екатерининской администрации.

В середине сентября 1773 г. хан Нуралы, узнав о появлении в приицкой степи у казаков неведомого человека, который выдает себя за Петра III, отправил в его лагерь с целью разведки своего чиновника — бывшего казанского муллу Забира Карамулина. К вечеру 16 сентября Забир и сопровождавший его яицкий казак Уразгильда Аманов явились на речку Усиху, где узнали, что Пугачев и его сторонники уехали на хутор Толкачевых. Отправившись вслед за ними, Забир и Уразгильда лишь к утру 18 сентября настигли Пугачева у реки Кушум. Здесь Забир был представлен Пугачеву и вручил ему ханские подарки (жеребца, саблю, чекан, халат)⁴⁶. Забир сказал, что он послан с поклоном от хана, а также и с тем, чтобы и «вас посмотреть для того, что я бывал в Москве и в Петербурге и государя видал». На вопрос же Пугачева, узнал ли он, Забир, «что я государь», тот ответил: «Как-де не узнать? Я узнал, что ты государь». Потом добавил, что хан Нуралы «приказал ваще величество просить, чтоб вы написали к нему письмо»⁴⁷. Забир заверил Пугачева: «Я-де верно уповаю, что Нурали-хан даст помощь»⁴⁸. В действительности, как вскоре выяснилось, хан с самого начала не намеревался оказывать какой-либо поддержки повстанцам. Посылка Забира в стан Пугачева, равно как и верноподданнические послания Нуралы к русским властям (оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову, яицкому коменданту И. Д. Симонову), служили прикрытием двойной политической игры хана, пытавшегося выторговать у обеих сторон существенные экономические уступки в пользу ханской семьи и байской верхушки Младшего жуза⁴⁹.

По совету с яицким казаком Идеркеем Баймековым⁵⁰ и ближайшими соратниками Пугачев принял решение «послать к Нуралы-хану указ и требовать у него на вспоможение людей»⁵¹. Указ писал Балтай Идеркеев⁵². Он показал на следствии, что

⁴⁶ Протокол показаний Уразгильды Аманова на допросе 18 сентября 1773 г. в Яицкой комендантской канцелярии. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 33.

⁴⁷ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 192.

⁴⁸ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 114.

⁴⁹ Бекмазанова Н. Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах). Алма-Ата, 1968, с. 56—59.

⁵⁰ Идеркей Баймеков, яицкий казак из татар, переводчик с восточных языков в ставке Пугачева, пропал без вести в заволжских степях в сентябре 1774 г.

⁵¹ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 114.

⁵² Балтай Идеркеев (род. 1750 г.), яицкий казак из туркмен, участник восстания 1772 г. на Яике, писарь в ставке Пугачева в сентябре 1773—марте 1774 г., где вел всю корреспонденцию на восточных языках, автор

18 сентября написал со слов Идеркея указ к хану Нуралы. в котором объявлялось будто бы, что «государь Петр Федорович вступает опять на царство и что, естли кто из его ханского владения желает ему служить, те бы к нему приезжали, да и сам бы он, хан, естли хочет, приезжал бы. И за то обещал его жаловать землями и водами»⁵³. При сопоставлении этого показания с текстом сохранившегося указа видно, что пересказ документа в показании Балтая Идеркеева неточен⁵⁴. В указе речь идет лишь о присылке в ставку Пугачева ханского сына с сотней джигитов, но не содержится каких-либо обещаний о земельных пожалованиях казахам. Вероятно, Балтай Идеркеев воспроизвел по памяти содержание какого-то другого указа Пугачева к правителям Младшего жуза, возможно это был указ от 26 сентября 1773 г., адресованный султану Дусали, где в числе прочих пожалований казахам за верную службу «Петру III» было обещано предоставить им в пользование земли и воду⁵⁵.

С указом к хану Нуралы 18 сентября отправился казак Уразгильда Аманов. Однако, отъехав всего лишь три версты от стана Пугачева, он был схвачен командой старшины Акутина и доставлен в Яицкий городок вместе с обнаруженным у него указом. В тот же день комендант Симонов отправил рапорт губернатору Рейнсдорпу, приложив к нему оригинал пугачевского указа и его перевод⁵⁶. В свою очередь Рейнсдорп 24 сентября послал рапорт в Военную коллегию с сообщением о попытках Пугачева «требовать к себе помощи» от хана Нуралы⁵⁷.

Пугачев, узнав об аресте своего посланца, в тот же день, 18 сентября, по просьбе муллы Забира велел Балтаю Идеркееву написать к хану Нуралы второе послание «в такой же силе, как и первое к нему было послано, то есть, чтобы он прислал к нему на помощь своего войска»⁵⁸. С этим указом к хану Нуралы поехали Забир и яицкие казаки Мурат, Чинаев и Жумачильды Сеитов, сбежавшие по дороге⁵⁹. Забир благополучно добрался до ставки хана Нуралы, находившейся в то время на левом берегу Яика.

указов Пугачева к башкирам, казахам, татарам. Захвачен в плен карателями в битве 1 апреля 1774 г. под Сакмарским городком. По приговору Сената был отдан в пожизненную солдатскую службу в Архангельский гарнизон (подробнее см.: *Овчинников Р. В.* Сподвижники Пугачева свидетельствуют. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 100—101).

⁵³ Протокол показаний Балтая Идеркеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июле 1774 г. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 109.

⁵⁴ Ср.: Документы ставки Е. И. Пугачева. ..., док. № 2.

⁵⁵ Там же, док. № 16.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 32, 34, 41—41 об., 35.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 58; к рапорту был приложен второй экземпляр перевода указа.

⁵⁸ Красный архив, 1935, № 69—70, с. 192. См. также: Протокол показаний Балтая Идеркеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июле 1774 г. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 109.

⁵⁹ Протокол показаний Мурата Чинаева и Жумачильды Сеитова на допросе 21 сентября 1773 г. в Яицкой комендантской канцелярии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7183, л. 8.

Обращаясь с этими и последующими указами к хану Нуралы, Пугачев не возлагал, впрочем, особых надежд на поддержку хана. Важно было использовать иллюзорную готовность правителей Младшего жуза оказать помощь повстанцам в политических целях, для упрочения престижа «всероссийского самодержца», которому будто бы покоряются и кочевые полунезависимые народы. Пугачев заявлял на следствии, что он от Нуралы-хана «силу требовал себе» не столько для помощи, «как для славы такой, что ему и уже орды приклянутся»⁶⁰. Для успешного развертывания восстания существенное значение имела даже и нейтральная позиция казахов, поскольку благодаря этому обеспечивались тылы повстанческих сил.

§ 3. *Именной указ Е. И. Пугачева солдатам и офицерам гарнизона Яицкого городка (19 сентября 1773 г.)*. Оригинал указа, сохранившийся в делах Секретной экспедиции Военной коллегии⁶¹, не имеет даты. Н. Ф. Дубровин, впервые опубликовавший этот указ, отнес его к 5 октября 1773 г. — дню первого приступа повстанческого войска к Оренбургу, когда будто бы казак-пугачевец Иван Солодовников привез к стенам города «воззвание самозванца, обращенное к гарнизону»⁶². Хотя Дубровин и не назвал источников своего рассказа о миссии Солодовникова, но, несомненно, он опирался на следственные показания Пугачева в Яицком городке и в Москве относительно того, что при подходе его войска к Оренбургу наперед был выслан казак Солодовников с указом о сдаче города⁶³. Однако, как выяснилось при изучении источников, современных событиям осени 1773 г. (журнал Оренбургской губернской канцелярии, дневниковые и мемуарные свидетельства очевидцев оренбургской осады), 5 октября никакой пугачевский указ в Оренбург не посылался, а показания Пугачева хронологически неточны и в действительности касаются событий более позднего времени. Следовательно, предложенная Дубровиным датировка указа «регулярной команде» ошибочна. Построение Дубровина без какой-либо критики и аргументации было принято в последующих публикациях и исследованиях, которыми указ «регулярной команде» отнесен к 5 октября⁶⁴.

А в то же время обращение к источникам как повстанческого, так и правительственного происхождения дает основания утверждать, что этот указ был составлен 19 сентября 1773 г. и адресован «регулярной команде» гарнизона Яицкого городка. Пугачев

⁶⁰ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 192.

⁶¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 77; Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 3.

⁶² Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. 2, с. 73—74.

⁶³ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 116; Красный архив, 1935, № 69/70, с. 198.

⁶⁴ Пугачевщина, 1926, т. 1, с. 225; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 2, с. 30, 127; А. И. Андрущенко. Первые призывы повстанцев Крестьянской войны 1773—1775 гг. К вопросу об идеологии восстания. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963, с. 337.

на первом допросе, вспоминая события 19 сентября, показал, что в тот день, перед вторым приступом повстанцев к Яицкому городку, он велел «сержанту Дмитрию Николаеву⁶⁵ написать еще в войско Яицкое указ, чтоб они одумались и встретили меня, яко великого государя. По написании оного указа велел я Почиталину приложить вместо себя руку, и когда оной был готов, то послал в городок с казаком, которой назад уже не возвратился»⁶⁶. В показании Пугачева содержатся две неточности. Неверно его заявление, что указ был послан «в войско Яицкое» (т. е. к казакам Яицкого войска), в действительности, судя по рапорту коменданта Симонова, он был адресован «воинской команде» Яицкого гарнизона. Неточно также и то, что указ был скреплен подписью «Петра III», сделанной Почиталиным. Графический анализ текста свидетельствует, что весь указ, включая и подпись, написан одним почерком — рукой Кальминского⁶⁷. Пугачев не назвал имени казака, посланного в Яицкий городок с этим указом, но из следственных показаний пугачевцев Т. Г. Мясникова, С. В. Кожевникова и С. Мякушева известно, что это был Алексей Борянов⁶⁸. От него и попал указ в руки подполковника Симонова, а тот сообщил губернатору Рейнсдорпу, что 19 сентября от Пугачева «к воинской команде прислано возмутительное письмо», которое и препровождается им, Симоновым, в Оренбург⁶⁹. Это сообщение Симонова — одно из решающих свидетельств, позволяющих датировать указ Пугачева «регулярной команде» (или, по терминологии Симонова, «воинской команде») 19 сентября 1773 г.

Происхождение и содержание этого указа были продиктованы событиями 18 сентября, когда выяснилось, что наличие в Яицком городке крупного гарнизона регулярных войск (6-я и 7-я легкие полевые команды, насчитывавшие свыше 1100 человек при 18 пушках) сдерживало переход значительной части казаков так называемой мятежной стороны к повстанцам и в конечном счете воспрепятствовало Пугачеву овладеть городком. Приготовившись

⁶⁵ Речь идет о Дмитрии Николаевиче Кальминском, сержанте 7-й легкой полевой команды. 17 сентября он был отправлен из Яицкого городка в крепости Нижне-Яицкой линии с «публикацией», призывающей казаков к аресту Пугачева; день спустя арестован повстанцами и доставлен к Пугачеву, который «простил» его и определил писарем к И. Я. Почиталину. Кальминский писал пугачевские указы в Яицкий и Илецкий городки, Рассыпную и Татищеву крепости. Казнен повстанцами 27 сентября 1773 г. вскоре после захвата Татищевой крепости, будучи изблещен в измене.

⁶⁶ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

⁶⁷ Принадлежность указа руке Кальминского подтверждается полным совпадением графики этого документа и оригинала письма Кальминского, посланного им 23 сентября 1773 г. своей матери (ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 226—228 об., 231 об.; Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 94).

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 11 об.; д. 467, ч. 13, л. 185 об.; ф. 349, д. 7329, л. 423.

⁶⁹ Рапорт от 28 сентября 1773 г. (ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 214—214 об.). Пугачевский указ был отправлен Рейнсдорпом в Военную коллегию в числе приложений к рапорту 7 октября 1773 г. (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 69—70 об.).

на другой день, 19 сентября, ко второму приступу к Яицкому городку, Пугачев решил сперва отправить туда указ, адресованный солдатам и офицерам «регулярной команды». Примечательно то, что в указе внимание акцентировано на разнице положения и интересов офицерства и рядовой солдатской массы, рекрутируемой из крестьян и городских низов. Сознывая, что обещанные в указе льготы вряд ли могут побудить офицеров-дворян перейти на сторону восставших, Пугачев, обращаясь к солдатам, призывал их, «оставя принужденное послушание к неверным командирам», положить «оружие свое пред знаменами моими».

Нельзя, на наш взгляд, согласиться с мнением А. И. Андрущенко, который, анализируя содержание указа «регулярной команде», рассматривал его в качестве акта, реализующего одно из важнейших звеньев стратегического замысла Пугачева, а именно намерение использовать солдат в качестве основной вооруженной силы восстания наряду с казачеством⁷⁰. В действительности у руководителей движения не было подобной ориентации на солдат; в своих замыслах и планах они опирались в то время на казачество, рассчитывая в перспективе на поддержку восстания крестьянами. Поэтому обращение Пугачева к солдатам с указом 19 сентября следует рассматривать лишь как тактический шаг, направленный на решение конкретной боевой задачи по овладению Яицким городком. Но попытка Пугачева привлечь солдат яицкого гарнизона на сторону восстания не удалась ни в сентябре 1773 г., ни в дни блокады Яицкого городка повстанцами в январе—апреле 1774 г.

§ 4. Именной указ Е. И. Пугачева атаману Л. И. Портнову, старшинам и казакам Илецкого городка (20 сентября 1773 г.). Потерпев неудачу со вторым приступом к Яицкому городку, Пугачев в тот же день, 19 сентября, отошел вверх по Яику и остановился в урочище Белые Берега. Чтя старинный казацкий обычай, он предложил собрать круг, на котором повстанцы выбрали в походные атаманы Андрея Афанасьевича Овчинникова; из числа близких к Пугачеву людей были избраны полковники, есаулы и сотники повстанческого войска. Здесь же казаки, отклонив первоначальное намерение Пугачева «пойти на Русь», настояли на походе к Оренбургу, захватывая на пути прияицкие форпосты и крепости. К вечеру 20 сентября войско Пугачева вышло к Кинделинскому форпосту. Отсюда Пугачев отправил свой указ в Илецкий казачий городок к атаману, старшинам и казакам⁷¹.

Указ, судя по сохранившимся его копиям, не имеет даты, но то, что он был составлен 20 сентября, устанавливается показа-

⁷⁰ Андрущенко А. И. Первые призывы повстанцев..., с. 337.

⁷¹ Указ хранился в копии (ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 54), посланной командантом Татищевой крепости полковником Г. М. Елагиним в Оренбург при рапорте от 22 сентября 1773 г. (там же, л. 53); опубли. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 4. Более поздняя копия этого указа находится в делах Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 60—60 об.), куда ее прислал губернатор Рейнсдорп при рапорте от 25 сентября 1773 г. (там же, л. 123—123 об.).

ниями очевидцев событий, происходивших в тот день в стане Пугачева у Кинделинского форпоста⁷². Пугачев говорил на следствии, что указ был написан его секретарем Дмитрием Николаевым (Д. Н. Кальминским) и «в такой же силе, как и в Яицкий городок»⁷³, и это подтверждается при сопоставлении текстов этих указов, устанавливающим сходство в литературной манере и в содержании ряда формулировок⁷⁴.

Следует рассмотреть вопрос о числе пугачевских указов, посланных 20 сентября в Илецкий городок. Вопрос о том, один или два указа были посланы в этот день, был запутан противоречивыми показаниями самого Пугачева. На допросе в Яицком городке он вполне определенно говорил об отправлении лишь одного указа⁷⁵, а на следствии в Москве заявил, что послал два указа: один из них был адресован Лазареву (Л. И. Портнову), а другой — илецким казакам⁷⁶. Последнее свидетельство Пугачева — без какой-либо проверки по другим источникам — прочно вошло в литературу⁷⁷. Если же обратиться к показаниям видных пугачевцев М. Г. Шигаева, Т. Г. Мясникова, И. Я. Почиталина, М. Д. Горшкова, И. Н. Зарубина и илецких казаков А. Второва, Л. А. Творогова, А. Шашникова, то можно установить, что все они единогласно говорят о присылке в Илецкий городок лишь одного указа⁷⁸. Эти свидетельства имеют решающее значение. Противоречивы показания источников и о человеке, доставившем пугачевский указ в Илецкий городок. Не могли вспомнить его имени на следствии Шигаев, Мясников и Горшков, а также и Пугачев на допросе в Яицком городке⁷⁹. Но при дознании в Москве Пугачев заявил, что в Илецкий городок отправился с двумя указами⁸⁰ Овчинников, причем из контекста протокола допроса видно, что речь идет об атамане Андрее Овчинникове⁸¹. Московское показание Пугачева, подкрепленное к тому же сходным свидетельством атамана И. Н. Зарубина⁸², было принято на

⁷² Протоколы показаний в Оренбургской секретной комиссии яицких казаков М. Г. Шигаева, Т. Г. Мясникова, И. Я. Почиталина, илецких казаков А. Второва, Л. А. Творогова, А. Шашникова. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 82 об., 111 об., 191 об.; ф. 349, д. 7329, л. 196, 216, 288.

⁷³ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

⁷⁴ Ср. док. № 3 и 4 в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева...

⁷⁵ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

⁷⁶ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 194.

⁷⁷ Пугачевщина, т. 1, с. 233; *Жижка М. В.* Емельян Пугачев. М., 1950, с. 65; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 2, с. 110, 423.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 82 об., 111 об., 191 об., 211 об., 352; ф. 349, д. 7329, л. 196, 216, 288 об.

⁷⁹ Там же, ф. 6, д. 506, л. 82 об., 111 об., 211 об.; Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

⁸⁰ В действительности, как показано выше, в Илецкий городок был послан лишь один указ.

⁸¹ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 194.

⁸² И. Н. Зарубин показал на следствии, что в Илецкий городок «послан был наперед Андрей Овчинников с увещанием» (ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 352).

веру и вошло в литературу⁸³. Вопреки этому следует отдать предпочтение показаниям илецких казаков А. Второва, Л. А. Творогова, А. Шашникова, которые, будучи непосредственными свидетелями событий в Илецком городке, единогласно утверждали, что вечером 20 сентября в городок явился с пугачевским указом Овчинников, но это был не походный атаман Андрей Овчинников, а илецкий казачий сотник Василий Овчинников; что же касается Андрея Овчинникова, то он приехал в городок лишь утром 21 сентября для разведки, агитации среди казаков в поддержку «Петра III» и устройства ему и его войску торжественной встречи⁸⁴. Следователи Тайной экспедиции, допрашивая илецкого казака И. А. Творогова (служившего в повстанческой Военной коллегии), задали ему вопрос: привозил ли какие бумаги от Пугачева в Илецкий городок атаман Андрей Овчинников? На что Творогов вполне определенно отвечал: «Манифеста ж злодейского никакого Овчинников не привозил»⁸⁵.

Обращаясь с именованным указом к илецким казакам, Пугачев обещал пожаловать их теми же льготами, которые были обещаны яицким казакам в его обращении 17 сентября, объявляя о намерении сделать казачество первым сословием в государстве после победоносного завершения предприятия «Петра III».

Выше уже отмечалось сходство содержания некоторых положений в указах 19 и 20 сентября, составленных Д. Н. Кальминским. Характерно содержащееся в обоих указах противопоставление интересов рядовой служилой массы (в первом указе — солдат, во втором — казаков) и командного состава (в первом указе — офицеров, во втором — казачьей старшины); причем в обоих документах выражено враждебное отношение к командному составу, пытающемуся склонить рядовых служилых людей к сопротивлению новоявленному «Петру III»⁸⁶.

Обнародование пугачевского указа в Илецком городке склонило большинство казаков на сторону повстанцев. Атаман Л. И. Портнов, пытавшийся с некоторыми старшинами организовать сопротивление, был арестован казаками, а позднее казнен с санкции Пугачева, торжественно, под колокольный звон вступившего 21 сентября в городок со своим войском. Три дня спустя Пугачев отправился в поход к Оренбургу, присоединив к своему отряду до 300 илецких казаков, в числе которых был и М. Д. Горшков⁸⁷, определенный писарем в помощь к Почиталину.

⁸³ См. примеч. 77.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 196, 216, 288 об.

⁸⁵ Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 17 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 1, л. 282.

⁸⁶ Ср. док. № 3 и 4 в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева...

⁸⁷ Горшков Максим Данилович (род. 1745 г.), участник казачьего восстания на Яике в 1772 г., писарь при Пугачеве и секретарь в его Военной коллегии, захвачен в плен карателями 1 апреля 1774 г. в битве у Сакмарского городка. По утвержденному Екатериной II решению Сената был отправлен на каторжные работы в г. Рогервик (ныне г. Палдиски Эстонской ССР).

§ 5. *Именной указ Е. И. Пугачева гарнизону и жителям Рассыпной крепости (24 сентября 1773 г.)*. Простояв три дня в Илецком городке, повстанческое войско утром 24 сентября отправилось в поход вверх по правому берегу Яика и в тот же день подошло к Рассыпной крепости, куда Пугачев «послал наперед указ⁸⁸, чтоб здались без супротивления»⁸⁹. Комендант крепости майор И. Ф. Веловский приготовился к отпору, но, вступив в бой, не получил поддержки от местных казаков и оробевших солдат гарнизона. После недолгого сопротивления крепость была взята штурмом, а захваченные в плен Веловский и офицеры команды казнены повстанцами.

Пугачевский указ в Рассыпную крепость не имеет даты, но то, что он был составлен 24 сентября, устанавливается событиями, происходившими в тот день у крепости, а также по рапорту коменданта Татищевой крепости полковника Г. М. Елагина, который 25 сентября писал Рейнсдорпу, что он получил утром рапорт Веловского о начавшемся накануне приступе повстанцев к Рассыпной крепости и о присланном туда указе Пугачева⁹⁰. Составителем указа был, несомненно, Д. Н. Кальминский, в чем убеждает нас сходство содержания и стиля этого документа с другими указами, написанными этим же пугачевским секретарем⁹¹. Один из современников восстания, житель Татищевой крепости, сообщил в 1833 г. А. С. Пушкину, что пугачевский указ в Рассыпную крепость был написан Кальминским (в пушкинской записи он назван Карницким)⁹².

Указ адресован «всякаго звания людям» в Рассыпной крепости, не различая их социального и служебного статуса (солдаты и офицеры гарнизонной команды, казаки, состоящие в штате, «своекопные» жители, не получающие жалования, и др.). Всем им обещано (при условии верной службы «Петру III») пожалование «вечною вольностию, реками, лесами, всеми выгодами, жалованьем, правянтном, порохом и свинцом, чинами и честью», т. е. всеми теми льготами, которые известны и по предшествующим указам Пугачева. Не вполне ясна содержащаяся в данном указе оговорка: «А вольность, хоть и нелегулярные, но всяк на веки получит». Следует ли понимать это как уравнение в правах на льготы всей массы «нерегулярных» (казаки и «своекопные») с «регулярными» (солдаты и офицеры), или же оговорка касается прав «своекопных» (не состоящих в казачьем штате и не полу-

⁸⁸ Указ сохранился в копии, посланной 28 сентября 1773 г. губернатором Рейнсдорпом в Военную коллегию (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 8); оубл. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 5. Не дошли до нас, к сожалению, оригинал указа, а также две его ранние копии (первая — отправлена 24 сентября комендантом Рассыпной крепости майором И. Ф. Веловским коменданту Татищевой крепости полковнику Г. М. Елагину; вторая — послана 25 сентября Елагиным к Рейнсдорпу).

⁸⁹ *Вопросы истории*, 1966, № 4, с. 115.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 132.

⁹¹ Ср. док. № 3, 4 и 5 в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*

⁹² *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*, т. 9, кн. 2, с. 496.

чающих жалованья), которым обещаны милости «Петра III» наравне с «регулярными»? Следует, пожалуй, предпочесть последнее предположение, учитывая всеобщность пожалований Пугачева населению крепости.

После захвата Рассыпной крепости, в ходе дальнейшего наступления к Оренбургу, Пугачев обращался с именными указами сходного содержания к казакам Татищевой крепости (27 сентября), Чернореченской крепости (29 сентября), татарам Сейтовой слободы (30 сентября), атаману Сакмарского городка Д. Д. Донскову и сакмарским казакам (1 октября), но эти документы не сохранились, а их содержание реконструировано по свидетельствам других, современных им источников⁹³.

§ 6—7. *Именные указы Е. И. Пугачева башкирам Ногайской дороги Оренбургской губернии (1 октября 1773 г.)*. В начале октября 1773 г. Пугачев, обосновавшись со своими отрядами вблизи Оренбурга, вошел в контакт с теми районами, которые были населены не только казаками Яицкого и Оренбургского казачьих войск, но и помещичьими и заводскими крестьянами, татарами, башкирами, калмыками, казаками и другими народностями Юго-Востока. Ставка Пугачева не могла не обратить внимания на возможности вовлечения в восстание этих групп населения Оренбургской губернии, учитывая то, что по своей численности они в сотню раз превышали общее число казаков Яицкого и Оренбургского войск (около 12 тыс. человек). Казаки же составляли основу повстанческих отрядов при их движении от Яицкого городка к Оренбургу, а при первом приступе трехтысячного войска Пугачева к этому городу в рядах повстанцев было не менее 2 тыс. казаков (остальную часть войска составляли солдаты, башкиры, калмыки, татары и др.).

1 октября 1773 г. Пугачев обратился с именными указами к башкирам⁹⁴. На московском следствии, вспоминая обстоятельства составления и отправления этих указов, Пугачев рассказывал, что по приходе под Оренбург он по совету атамана А. А. Овчинникова, яицких казаков и каргалинских татар послал «для подговору в его... толпу с манифестами... в Башкирию каргалинского татарина, — кто таков, не знает, потому што он тот... манифест одал каргалинскому старшине Мусалею⁹⁵, которой и послал от себя. Те манифесты писаны были... по-татарски Идоркиным сыном Болтаем»⁹⁶. Несколько в ином освещении представлены эти

⁹³ См. ч. II, гл. 1, § 1—4.

⁹⁴ Один из оригиналов этих указов на татарском языке сохранился в делах Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 73а—75б), куда он был прислан при рапорте Рейнсдорпа от 7 октября 1773 г. (там же, л. 70).

⁹⁵ Старшина Сейтовой слободы (Каргалы) Муса Улеев (Мусалей) на допросе в Оренбургской секретной комиссии показал, что он полученные от Балтая Идеркеева в запечатанном пакете пугачевские указы отправил, «нимало не мешкав», с муллою деревни Айсуяк Уфимского уезда Якшсем (ЦГАДА, ф. 349, д. 7297, л. 150).

⁹⁶ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 198.

события в показании пугачевского секретаря Балтая Идеркеева. Он сообщил, что, когда Пугачев находился в Сеитовой слободе (30 сентября 1773 г.), к нему приехал старшина Кинзя Арсланов с шестью башкирами. Башкиры «объявили свое усердие служить» Пугачеву и «сказывали, что вся их башкирская орда, буде он пошлет к ним свой указ, приклонится к нему». После этого Пугачев, «призвав меня, чрез Идеркея приказывал написать к старшинам Кинзею Арсланову⁹⁷, Алибаю Мурзагулову⁹⁸ и Кутлугильде [Абдрахманову]⁹⁹ указ свой, коим призывал он их с командами к себе на службу. Да и другим о том же повестить им приказывал и обещевал за то жаловать всю орду землями, водами и всякою вольностью»¹⁰⁰. Помимо этих трех указов, посланных старшинам Ногайской дороги, еще один указ был отправлен к старшине Суун-Кипчакской волости той же Ногайской дороги Емансары Епарову (Пугачев именует его Яман-Сарай)¹⁰¹. Большинство этих указов имели, видимо, сходное содержание, о чем говорят, в частности, сохранившиеся их переводы, выполненные осенью 1773 г. в Оренбурге и Уфе¹⁰². Некоторые различия в редакциях этих переводов следует отнести на счет индивидуальных особенностей квалификации разных переводчиков¹⁰³.

Один из указов был сразу же по его отправлении из ставки Пугачева перехвачен и доставлен в Оренбург, где переводчик губернской канцелярии А. Иманов 4 октября 1773 г. перевел его на русский язык. В делах этой канцелярии сохранился черновик перевода¹⁰⁴, а в материалах Секретной экспедиции Военной коллегии — его беловик¹⁰⁵, присланный туда при рапорте губернатора Рейнсдорпа от 7 октября 1773 г.

Другой указ был прислан в Уфу 9 октября 1773 г. мишарским старшиной Мендеем Тупеевым, получившим его от старшины Ногайской дороги Бикаша Зимакаева (Чумакова), а 12 октября «подобный же сему» указ был прислан от секунд-майора И. К. Маршилова, переданный ему старшиной Кусепкулом Азятеевым¹⁰⁶. Перевод с татарского на русский язык был сделан переводчиком

⁹⁷ Башкирский старшина Бушмас-Кипчакской волости Ногайской дороги, впоследствии главный полковник в войске Пугачева.

⁹⁸ Башкирский старшина Кыркули Минской волости Ногайской дороги, в октябре 1773—марте 1774 г. находился в рядах повстанцев.

⁹⁹ Племянник Кинзя Арсланова, повстанец.

¹⁰⁰ Протокол показаний Балтая Идеркеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июле 1774 г. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 110.

¹⁰¹ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 117.

¹⁰² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 6 и 7.

¹⁰³ См. также: Панеляз В. М. О степени участия народностей Башкирии в Крестьянской войне 1773—1775 годов на первом ее этапе. — Учен. зап. Перм. гос. ун-та им. А. М. Горького, 1966, № 158, с. 50—59.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 256—257; опубл. в кн.: Пугачевщина, т. 1, док. № 4.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 73в—75; опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 6.

¹⁰⁶ Рапорт Уфимской провинциальной канцелярии губернатору Рейнсдорпу от 28 октября 1773 г. — В кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. на

Уфимской провинциальной канцелярии А. Васильевым¹⁰⁷, после чего экземпляры переводов были посланы из Уфы в местные провинциальные и губернские учреждения, а те, в свою очередь, отправили копии с них в Военную коллегию¹⁰⁸ и в Сенат¹⁰⁹.

Для датировки указов важно указание, содержащееся в тексте обеих редакций переводов («оренбургской» и «уфимской»), что они начали составляться в «последних числах» сентября (а точнее, 30 сентября, когда Пугачев находился в Сеитовой слободе), а утверждены («подтверждены», «скреплены») 1 октября 1773 г. «в день Покрова», который в том году приходился на вторник, что совершенно точно отмечено в текстах переводов.

Указами обещано пожаловать башкир за верную службу «Петру III» землями, водами, лесами и прочими угодьями, денежным и хлебным жалованьем, боеприпасами; этот перечень в основном совпадает с номенклатурой пожалований яицким казакам (см. §1). Однако в указах 1 октября учтено специальное для условий Башкирии обещание обеспечить свободу веры и местных обычаев мусульманского населения (пожалование «верою и законами вашими»).

Распространение этих и ряда последующих указов Пугачева, обращенных к башкирам, а также активная агитация его сторонников в Башкирии привлекли в лагерь повстанцев значительную массу новых бойцов, тысячи башкир Ногайской, Сибирской, а отчасти и Казанской дорог, причем многие из них пришли в лагерь Пугачева из состава тех команд, которые были мобилизованы для участия в карательных операциях.

§ 8. *Именной указ Е. И. Пугачева башкирам, татарам и калмыкам Ногайской и Сибирской дорог Оренбургской губернии (1 октября 1773 г.)* Этот указ¹¹⁰ в отличие от рассмотренных выше посланий Пугачева, отправленных в тот же день, 1 октября, в Башкирию, адресован не только башкирам, но и другим мусульманским народностям («мухаметанцам»), а также и калмыкам Ногайской и Сибирской дорог Уфимского уезда. Не известно, где именно был выполнен перевод текста указа с татарского на русский язык, можно предположить лишь, что это было сделано в Кунгуре, судя по имеющимся на копиях переводов¹¹¹

территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 37. Оригиналы этих указов на татарском языке не сохранились.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 16—17 (экземпляр, посланный из Уфы в Сенат); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 7.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 115—116, 119—120.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 2—3; д. 504, ч. 1, л. 9—10.

¹¹⁰ Сохранился оригинал указа на татарском языке (ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 2, л. 7), присланный в Сенат при рапорте казанского губернатора Я. Л. Бранта. Особенности графики, стиля и содержания оригинала указа рассмотрены в статье: Забиров В. Новые источники об участии националов в Пугачевщине. — В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933, вып. 1, с. 36—37.

¹¹¹ Первая копия хранится в ЦГАДА (ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 13) (опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 8); вторая копия — там же (л. 27).

скрепам канцеляриста Пермской провинциальной канцелярии Н. Кадешникова. В оригинале и переводах сказано, что он был составлен 1 октября 1773 г., в субботу, но день недели указан неверно, так как 1 октября приходилось в том году не на субботу, а на вторник.

В указе, помимо известных пожалований нерусских народностей землями, водами, «пажितью», денежным жалованием, а также «верою и молитвою», обещано пожалование солью, что имело важное значение для башкир и мишарей, которые с 1754 г. взамен уплаты ясака обязаны были покупать соль у казны по высокой цене (35 коп. за пуд). При большом потреблении соли в домашнем обиходе каждой семьи косвенный налог на соль во много раз превышал обычные размеры ясачного сбора и вызывал массовое недовольство башкир и мишарей, что и было учтено составителем указа при включении в перечень пожалований обещания отменить покупку соли у казны по фиксированной цене.

Указом дано распоряжение о немедленном освобождении всех «содержащихся в тюрьмах и у прочих хозяев имеющихся в невольности людей». В Забиров, специально изучавший оригинал указа и его переводы с лингвистической стороны, установил, что русскому слову «хозяин» (в переводах) соответствуют, согласно буквальному прочтению оригинала, понятия «бай», «богатый», «имущий» с их более точной социальной окраской¹¹². Это дает основание утверждать, что указ был направлен против феодальной верхушки Башкирии (старшины, тарханы, мурзы и др.).

«Петр III» обещал в указе жаловать своих подданных за верную службу точно так же, «как вы... жалованы» были Петром I Алексеевичем, который в действительности никогда не выступал в роли защитника интересов трудового народа и многое сделал для укрепления феодальных порядков в стране. Обращение к авторитету Петра I, возвеличивание «благодетельности» его политики по отношению к социальным низам, отразившиеся в данном указе, а также некоторых последующих указах и манифестах Пугачева¹¹³, были навеяны практикой законотворчества императрицы Елизаветы Петровны и ее преемников, которые, обнаружив крупные решения в области внутренней политики, часто ссылались в своих манифестах на пример «блаженных памяти» Петра Великого и его деяния.

§ 9. *Именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, чиновникам губернской канцелярии, солдатам и казакам гарнизона, жителям Оренбурга (1 октября 1773 г.).* В лагере повстанцев у Сакмарского городка секретарем И. Я. Почиталиным были составлены и отправлены в тот же день в Оренбург два именных указа Пугачева. Первый из них был адресован губернатору Рейнсдорпу¹¹⁴, второй — атаману Оренбургского ка-

¹¹² Забиров В. Указ. соч., с. 36—37.

¹¹³ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 22, 25.

¹¹⁴ Оригинал указа хранится в ЦГВИА (ф. 20, д. 1230, л. 71); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 9.

зачьего войска подполковнику В. И. Могутову¹¹⁵. Обстоятельства составления и посылки указа к Рейнсдорпу освещены в следственных показаниях Почиталина. «Когда-де пришли мы в Сакмару», то Пугачев «приказал мне написать к господину губернатору указ, чтоб он, не противясь ему, здался. А как я оной написал, то самозванец отправил оной с двумя казаками, не упомяну с какими, но те казаки более в нашу толпу не возвращались»¹¹⁶.

Пугачевский указ к Рейнсдорпу не имеет даты. Н. Ф. Дубровин, впервые опубликовавший этот документ в своей монографии, отнес его к 4 октября 1773 г., дню первого приступа повстанческого войска Пугачева к Оренбургу¹¹⁷. А между тем свидетельства ряда документальных и мемуарных источников позволяют бесспорно точно датировать этот указ 1 октярем. В «Реестре важных колодников», содержащихся в оренбургском остроге, записано, что 1 октября в Оренбург явились местные казаки П. Мякутин и Д. Кадошников, которые доставили указы от Пугачева «на имя здешнего губернатора и подполковника Могутова, под титулом бывшего императора Петра Третьяго»¹¹⁸. На допросе Мякутин показал, что он с Кадошниковым был послан в Оренбург «с двумя запечатанными конвертами». При этом Пугачев, отправляя их, сказал: «Ето-де мои указы, одно к губернатору, другое к атаману Могутову, и вы-де отдайте их в городе»¹¹⁹. Факт присылки указов в Оренбург отмечен в журнале Оренбургской губернской канцелярии¹²⁰, в записках очевидцев оренбургской осады священника И. Осипова¹²¹ и известного ученого П. И. Рычкова¹²², причем все эти источники относят упомянутое событие к 1 октября.

Пугачевский указ, призывая жителей Оренбурга к добровольной сдаче города войскам «Петра III», обещал пожаловать их за это «рякою и землею, и травами, и морями, и денежным жалованьям, и хлебным правиянтом, и свинцом, и порохам, и вечною вольностию». И если все эти пожалования могли привлечь на сторону Пугачева казаков, солдат и рядовых горожан, ибо это соответствовало их интересам и требованиям, то эти же проявления «монаршей милости», будучи одновременно адресованы губернатору генерал-поручику Рейнсдорпу, высшим чинам оренбургской администрации, гарнизонным и казачьим офицерам, лишились реального смысла¹²³. Подобные промахи пугачевских секретарей в выборе адресатов и средств их «обольщения», характерные и для

¹¹⁵ Указ не сохранился; см. его реконструкцию: ч. II, гл. 1, § 5.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 209 об.

¹¹⁷ Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 2, с. 47.

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 510, л. 17.

¹¹⁹ Там же, д. 487, ч. 13, л. 140.

¹²⁰ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 183.

¹²¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 2, с. 554.

¹²² Там же, кн. 1, с. 221.

¹²³ Литвак Б. Г. Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974, с. 24.

ряда других посланий «Петра III»¹²⁴, едко высмеивались противниками восставших. Так, например, Рычков, рассматривая один из пугачевских указов, полученных 1 октября 1773 г. в Оренбурге, писал, что в нем «смеха достойно было обнадеживание» атамана оренбургских казаков подполковника Могутова, крупного помещика и душевладельца, тем, что его за верность и службу награждать будут «кафтанами, реками и озерами, и морями, бородами и крестами»¹²⁵. Позднее, в феврале 1774 г., в ответ на посланный повстанцами в осажденный Далматов монастырь манифест Пугачева, обещавший наградить верноподданных «крестом и бороною, травами и морями и всякою вольностию», монастырские власти писали, что всеми этими льготами «мы и без его [«Петра III»] награждения от милостивой нашей монархини довольствуемся; крест Спасителя нашего всякой из нас православной христианин чтит и поклоняется, а бороды природныя у всякаго по человечеству имеются, растущие на ней волосы по своей воле кто стрижет и бреет, а иной и отпускает, в том принуждения нет; травами же и морями мы без награждения вашего довольны, и недостатка не имеем»¹²⁶. Саркастически высмеивая пугачевский манифест, власти Далматова монастыря обошли, однако, пожалование этим манифестом «всякой вольности» народу и сделали вид, что не поняли провозглашенную в документе отмену гонений на старообрядчество.

Возвращаясь к рассмотрению указа Пугачева от 1 октября, адресованного в Оренбург, следует отметить, что его содержание послужило стереотипным образцом текста для ряда последующих указов Пугачева от октября и ноября 1773 г.¹²⁷

§ 10. *Именной указ Е. И. Пугачева коменданту Красногорской крепости капитану Б. С. Уланову, сакмарским казакам и населению крепости (не позднее 4 октября 1773 г.).* Указ этот¹²⁸ был составлен Почиталиным в лагере повстанцев под Оренбургом, отправлен с сакмарским казаком В. Дураковым в Красногорскую крепость, куда он и прибыл с четырьмя провожатыми 5 октября 1773 г.¹²⁹ Так как указ не датирован, время приезда Дуракова в Красногорскую крепость служит отправным моментом для установления точной даты указа. Учтывая то, что Дураков находился в стане Пугачева под Оренбургом всего лишь один день¹³⁰, а путь от Оренбурга до Красногорской крепости

¹²⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 4, 10, 11, 16, 18, 20, 26—29.

¹²⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 221.

¹²⁶ Зырянов А. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его. — В кн.: Пермский сборник. М., 1859, т. 1, с. 65.

¹²⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 10, 11, 15, 18.

¹²⁸ Там же, док. № 10; опубликован по копии (ЦГАДА, ф. 1100, д. 3, л. 40). Оригинал указа в делах Оренбургской губернской канцелярии не сохранился.

¹²⁹ Протокол показаний капитана Б. С. Уланова на допросе 13 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 115—116.

¹³⁰ Протокол показаний Дуракова на допросе 14 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, л. 118.

(около 70 верст) при конной езде занимал не более суток, ясно, что указ был составлен и вручен ему не позднее 4 октября.

Приехав в Красногорскую крепость и явившись в комендантскую канцелярию, Дураков обратился к капитану Уланову и «тот указ, держа над головою, отдал, ибо таким образом от Пугачева все указы велено было отдавать»¹³¹. С опрометчивого решения Уланова поручик Ф. Глазатов огласил указ собравшимся в канцелярии солдатам и казакам. Это, несмотря на уверения Уланова, будто указ «фальшивый» (т. е. исходящий не от реального Петра III), вызвало волнение. Вскоре Уланов арестовал Дуракова и четырех его товарищей и отправил их под конвоем в Верхне-Озерную крепость к бригадиру Корффу. На допросе у Корффа Дураков показал, что одновременно с ним «Петр III» отправил с точно таким же указом¹³² сакмарского казака М. Курочкина в Пречистенскую крепость. На вопрос Корффа: «Каков приметам и ростом человек», выдающий себя за «Петра III», Дураков описал внешность Пугачева, на что Корфф воскликнул: «Ето неправда! Настоящий государь не таков!»¹³³ Посланная Корффом в Красногорскую крепость команда капитана С. И. Абакумова арестовала Уланова и доставила в Верхне-Озерную крепость, где он в течение 8 месяцев содержался под стражей в кандалах¹³⁴.

7 октября 1773 г. Корфф писал коменданту Верхне-Яицкой крепости полковнику Е. А. Ступишину, что накануне он отобрал у пугачевского посланца Дуракова «под именем покойнаго Петра Третьяго указ, по которому требовано в подданство к преступлению, а как шгиль во оном явствует на склад крестьянской, следовательно, потому и надобно думать, сие несправедливо»¹³⁵. Этот указ исходил не от реального Петра III, в чем, видимо, у Корффа и были поначалу сомнения. Сохранилось до полутора десятков копий данного указа Пугачева, чему способствовало служебное рвение Корффа, который рассылал их при своих донесениях в Оренбург, Казань, Челябинск, Тобольск, Петербург, Троицкую крепость и в другие места¹³⁶. Благодаря широкой огласке указ стал известен в районах, отдаленных сотнями верст от главного очага восстания. Так, в декабре 1773 г. он был изъят

¹³¹ Там же, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 119.

¹³² Указ не сохранился, см. его реконструкцию: ч. II, гл. 1, § 9.

¹³³ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 118—120. До мая 1774 г. Дураков содержался под стражей в Верхне-Озерной крепости, после чего переведен в Оренбургскую секретную комиссию, по приговору которой нещадно бит плетью и назначен в прежнюю казачью службу (там же, ф. 349, д. 7309, л. 30).

¹³⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 116 об.—117. Приговор Оренбургской секретной комиссии от 26 мая 1774 г., зачтя Уланову в наказание 8-месячное тюремное заключение, определил посадить его на две недели на хлеб и воду, а после освободить (там же, ф. 349, д. 7309, л. 29 об.).

¹³⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 2, л. 77 об.

¹³⁶ Там же, д. 415, л. 3 об.—4, 8, 22—22 об.; д. 504, л. 11, 33; д. 510, л. 54; д. 527, л. 290—290 об.; д. 627, ч. 2, л. 77, 101, 229; ф. 1100, д. 3, л. 40, 50; ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 148 об., 167; ф. ВУА, д. 143, л. 275.

у дьячка села Семеновского Владимирского уезда И. Козьмина, который списал его у некоего проезжего из Казани серпуховского кушца ¹³⁷.

В основной своей части указ в Красногорскую крепость дублирует содержание указа Пугачева, посланного 1 октября в Оренбург (см. § 9 данной главы), и потому не рассматривается здесь.

В середине октября 1773 г., когда остатки гарнизона Красногорской крепости были выведены Корфом в Верхне-Озерную крепость, красногорские казаки перешли на сторону Пугачева и находились в рядах его войска до начала апреля 1774 г.

§ 11. *Именной указ Е. И. Пугачева атаману Верхне-Озерной крепости И. В. Немерову, старшинам, казакам и населению крепости (6 октября 1773 г.)*. Указ ¹³⁸ был составлен Почиталиным в лагере повстанцев под Оренбургом и отправлен в Верхне-Озерную крепость с табынским казаком Т. А. Красильниковым. Вспоминая об этом, Красильников показал на следствии, что Пугачев, встретив его в своем лагере, решил отправить с ним указ в Верхне-Озерную крепость и, подозвав к себе Почиталина, «назвавши его „Ванюшка“, велел ему написать... туда указ... Когда ж указ написали, то Пугачев говорил ему, Красильникову: „На, возьми етот указ, отдай коменданту в вашей крепости и никак не моги утратить“». В сопровождении двух провожатых Красильников отправился в путь и два дня спустя, в ночь на 8 октября, добрался до Верхне-Озерной крепости ¹³⁹. Здесь он встретился с казаком С. С. Новокрещеновым, рассказал ему о своей миссии, а тот той же ночью устроил ему встречу с местными казаками. Красильников передал пугачевский указ казачьему старшине, который сказал: «Эдакой-де указ и до вас еще прислан с казаком ¹⁴⁰, но бригадир Корф нам его не объявил и того казака держит под караулом. Так завтра-де отнесите к нему сами етот указ. А мы-де все пойдем к нему и будем его просить, чтоб он нам силу онаго указа объявил». Собравшиеся казаки «рады были» тому, что «государь Петр Федорович явился и прислал к нам свой указ» ¹⁴¹.

На другой день поутру казаки, «собравшись большой толпою», направились во главе с Красильниковым к комендантскому дому к бригадиру Корфу, неся «запечатанный указ — в показание народу — на ружье», и требовали от Корфа, чтобы он огла-

¹³⁷ ЦГАДА, ф. 349, д. 7399, л. 3—3 об.

¹³⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 11. Опубликовано по копии (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 23—23 об.). Оригинал указа в делах Оренбургской губернской канцелярии не сохранился. В бумагах Казанской секретной комиссии имеется еще одна копия данного указа (там же, ф. 6, д. 415, л. 29).

¹³⁹ Эти данные позволяют установить, что недатированный указ в Верхне-Озерную крепость был составлен 6 октября 1773 г.

¹⁴⁰ Речь идет о казаке В. Дуракове.

¹⁴¹ Протоколы показаний Т. А. Красильникова и С. С. Новокрещенова на допросе 9 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 84—87 об.

сил послание «Петра III» всем жителям крепости. Отказ Корфа выполнить это требование вызвал мятеж, который с трудом подавила поднятая в ружье гарнизонная команда, после чего и удалось арестовать зачинщиков выступления — казаков Красильникова и Новокрепченова ¹⁴².

Наличие крупного военного гарнизона в Верхне-Озерной крепости позволило властям удерживать казаков от перехода на сторону повстанцев и в октябре 1773 г., и при штурмах крепости отрядами Пугачева и атамана А. Т. Соколова-Хлопуши в конце ноября того же года.

Здесь не рассматривается содержание пугачевского указа в Верхне-Озерную крепость, поскольку оно сходно с текстами указов в Оренбург и в Красногорскую крепость (см. § 9, 10).

§ 12. *Именной указ Е. И. Пугачева башкирам Оренбургской губернии (14 октября 1773 г.).* Указ ¹⁴³ составлен в лагере повстанцев под Оренбургом пугачевским секретарем Балтаем Идеркеевым и послан (возможно, в нескольких идентичных экземплярах) в Башкирию при письме видного пугачевского атамана Кинзи Арсланова от 17 октября 1773 г.; в письме подтверждалась подлинность «Петра III», на сторону которого перешли 11 башкирских старшин, а в помощь ему идет будто бы цесаревич Павел Петрович с 72 тыс. донских казаков ¹⁴⁴.

Башкирские старшины Алибай Муразагулов и Кусепкул Аязтов, получившие татарские оригиналы указа Пугачева и письма Кинзи Арсланова, передали их одному из руководителей карательных команд капитану И. Г. Уракову, он отправил их в Уфимскую провинциальную канцелярию, а их переводы послал казанскому губернатору Я. Л. Бранту. В Казанской губернской канцелярии перевод указа размножили; идентичные его тексты Брант 27 октября 1773 г. отправил при своих донесениях в Петербург Екатерине II ¹⁴⁵ и в Военную коллегию ¹⁴⁶, а 26 февраля 1774 г. — в Сенат ¹⁴⁷. Еще один экземпляр перевода сохранился в бумагах походной канцелярии генерал-аншефа П. И. Панина ¹⁴⁸.

Содержание указа сводится к уверениям истинности «Петра III», который выступает как радетель и «оберегатель»

¹⁴² Рапорт Корфа губернатору Рейнсдорпу от 14 октября 1773 г. — Там же, ф. 1100, д. 2, л. 417—420. Красильников и Новокрепченоев до конца апреля 1774 г. содержались под стражей в Верхне-Озерной крепости, а потом переданы Оренбургской секретной комиссии, по приговору которой оба биты кнутом и сосланы на пожизненные каторжные работы (там же, ф. 349, д. 7309, л. 24 об.).

¹⁴³ Оригинал указа на татарском языке не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 12) напечатан русский перевод указа (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 276), приложенный к донесению Бранта Екатерине II (там же, л. 270—270 об.).

¹⁴⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 126.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 276, 270—270 об.

¹⁴⁶ Там же, ф. 20, д. 1230, л. 139—139 об., 134.

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 24—24 об.; д. 416, ч. 1, л. 58.

¹⁴⁸ Там же, ф. 1274, д. 171, л. 9.

всех своих подданных независимо от их социального положения — «больших и меньших в одном классе почитатель, скудных богатейший». Обращаясь к башкирским старшинам, рядовым джигитам — «богатырям» и казакам, ко всем подданным, Пугачев призывает их не бояться и не слушать неприятелей, а верить только ему, ибо он защитит и обережет их. В отличие от предшествующих посланий Пугачева в Башкирию, где отчетливо выражена ориентация на рядовую массу башкир-общинников¹⁴⁹, социальное звучание указа 14 октября заметно приглушено. Это может быть объяснено тем, что указ 14 октября был адресован башкирским старшинам, которые вместе со своими командами были мобилизованы в состав карательных отрядов, формируемых в районах Стерлитамацкой пристани и Кичуевского фельдшанца. Переход этих старшин на сторону Пугачева мог повлечь за собой одновременный переход рядовых башкир их команд в лагерь восставших. На этом, видимо, строился расчет Пугачева и его советника Кинзи Арсланова. И расчет этот вполне оправдался: под воздействием указов Пугачева и агитации его эмиссаров значительная часть башкир в конце октября—начале ноября 1773 г., покинув карательные отряды, примкнула к повстанцам, что способствовало разгрому экспедиции генерала В. А. Кара в боях 7—9 ноября под Юзеевой.

§ 13. *Именной указ Е. И. Пугачева приказчикам Авзяно-Петровского завода М. О. Копылову (Осипову), Д. Федорову и заводским крестьянам (17 октября 1773 г.).* Указ¹⁵⁰ составлен Почиталиным в лагере повстанцев под Оренбургом и отправлен на Авзяно-Петровский завод с атаманом А. Т. Соколовым-Хлопушей. Событие это упоминается в следственных показаниях Пугачева¹⁵¹ и Почиталина¹⁵². Атаман М. Г. Шигаев, сидевший прежде вместе с Соколовым в оренбургской тюрьме и знавший, что он «человек проворной», рекомендовал Пугачеву послать Соколова «на заводы для уговаривания крестьян на свою сторону, и после зделал онаго Хлопушу над заводскими крестьянами полковником, и получил от него с заводов пушки и разныя добычи, и провиант»¹⁵³. Наиболее интересные сведения о поездке с пугачевским указом на Авзяно-Петровский завод содержатся в показаниях самого Соколова. Когда он явился вместе с Шигаевым к Пугачеву, тот, обратившись к нему, Соколову, сказал: «Возь-

¹⁴⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 6—8.

¹⁵⁰ Оригинал указа не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 13) указ напечатан по копии (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 25), присланной в Сенат при рапорте губернатора Бранта от 26 февраля 1774 г. (там же, д. 416, ч. 1, л. 58).

¹⁵¹ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 198.

¹⁵² Пугачев решил послать Соколова «на заводы для приклонения в подданство людей... и доставления к нему пушек и пороху... и, написав указ, туда его отправил» (ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 193 об.).

¹⁵³ Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 107.

ми-де двух казаков да вожатова с Авзяно-Петровского завода, крестьянина Дорофея Иванова¹⁵⁴, и поезжай туда, объяви заводским крестьянам указ, и когда будут согласны мне служить, то осмотри тут, есть ли мастера лить мортиры, и когда есть, то вели лить мортиры». Приехав 22 октября на завод, Соколов велел огласить собравшимся крестьянам пугачевский указ, «а как во оном написаны были все крестьянские выгоды, то крестьяна закричали: „Рады ему, государю, послужить!“, и выbralось охотников к Пугачеву в службу пятьсот человек», с которыми Соколов и отправился под Оренбург и, будучи в пути, вступил вместе с отрядами атаманов А. А. Овчинникова и И. Н. Зарубина-Чики в бой против корпуса генерала В. А. Кара под Юзеевой (7—9 ноября 1773 г.)¹⁵⁵.

Пугачевский указ, призывая авзяно-петровских крестьян послужить «Петру III» «верно и неизменно до капли крови», обещал пожаловать их за это «крестом и бороδοю, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провиантом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию», т. е. всеми теми льготами, которые обещаны были прежними указами Пугачева оренбургским и яицким казакам (см. § 9—11 данной главы) и в большей их части соответствовали требованиям казачества, а не крестьянства (понятное в отношении казаков пожалование их денежным и провиантским жалованьем и боеприпасами, будучи адресовано крестьянам, теряло какой-либо смысл)¹⁵⁶. Указ предписывал авзяно-петровским крестьянам и мастерам изготовить две мортиры с бомбами к ним и немедленно доставить их в ставку «Петра III» под Оренбург. На заводе сразу же развернулась работа по этому заказу и уже в начале ноября 1773 г. в Бердскую слободу поступили первые пять бомб¹⁵⁷. Работами по литью чугунных мортир, пушек, бомб и ядер руководили доменные мастера П. Колесников и Т. Жаринов¹⁵⁸. До конца марта 1774 г. завод снабжал этой продукцией войско Пугачева. Помимо этого, авзяно-петровские литейные ма-

¹⁵⁴ В действительности это был Дорофей Макарович Загуменнов, служивший после полковником в войске Пугачева.

¹⁵⁵ Протокол показаний А. Т. Соколова-Хлопуши на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Красный архив, 1935, № 68, с. 165. О Соколове см.: Лимонов Ю. А., *Маеводин В. В., Панеях В. М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974, с. 138—151.

¹⁵⁶ Большинство авзяно-петровских крестьян поняли указ Пугачева как акт, освобождающий их от заводских работ. 23 октября 1773 г. они составили протокол об этом и, получив на следующий день отпускной билет (Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 128, 129), отправились с завода на места постоянного жительства, в прикамские села и деревни Казанского уезда.

¹⁵⁷ Об этих бомбах писал пугачевский полковник Т. И. Падуров атаману оренбургских казаков В. И. Могутову (Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 103).

¹⁵⁸ Протокол показаний С. Е. Понкина на допросе 31 октября 1773 г. в Казанской губернской канцелярии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 7, л. 47.

стера налаживали производство орудий и боеприпасов на Воскресенском заводе¹⁵⁹.

Приказчиков Авзяно-Петровского завода Копылова (Осипова), Федорова и Набатова, послушавшихся пугачевского указа, атаман Соколов увез в Бердскую слободу, где их вскоре казнили¹⁶⁰.

Имеются данные об использовании атаманом Соколовым «авзянского» указа Пугачева для агитации среди мастеровых и крестьян ряда других предприятий Южного Урала в октябре 1773 г. (на Воскресенском, Кухторском, Кагинском заводах). Авзяно-петровский крестьянин П. Моисеев с группой повстанцев приехал 26 октября 1773 г. на Белорецкий завод и объявил собравшимся крестьянам копию этого указа. Крестьяне заявили, что они «все готовы служить головами» Пугачеву, арестовали представителей администрации, «а от господ своих, ассессора Мясникова и директора Твердышева, отказались», ознакомили заводское производство, «а сами себя все готовыми подвергнули итти в службу к Третьему императору в партию». Сообщая обо всем этом коменданту Верхне-Яицкой крепости полковнику Е. А. Ступишину, контора Белорецкого завода приложила к своему донесению¹⁶¹ копию «авзянского» указа Пугачева. Ступишин препроводил копию указа при своем рапорте от 29 октября к командиру войсками Сибирской пограничной линии генерал-поручику И. А. Деколонгу¹⁶², а тот послал новую копию пугачевского указа в Военную коллегию при рапорте от 9 ноября 1773 г.¹⁶³ Таково происхождение сохранившихся копий «авзянского» указа Пугачева.

§ 14. *Именной указ Е. И. Пугачева приказчику Кано-Никольского завода Н. П. Сорокину (22 октября 1773 г.).* Указ¹⁶⁴ составлен Почиталиным в лагере повстанцев под Оренбургом и послан на Кано-Никольский завод с приказчиком Н. П. Сорокиным. Указ предписывал Сорокину взять на заводе «пушки и ядры, и свинец, и порох, и всякия государевы припасы, и поспешить... скорым поспешением» к Оренбургу, набирая в пути подводы, «сколько... потребно».

¹⁵⁹ Донесение приказчика Воскресенского завода П. Беспалова губернатору Рейнсдорпу от 4 мая 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 76 об. Тот же Беспалов писал подполковнику И. И. Михельсону 7 апреля 1774 г., что на Воскресенском заводе остались неотправленными к Пугачеву отлитые на Авзяно-Петровском заводе 50 чугунных «больших единорогих глухих ядер» (ЦГВИА, ф. 20, д. 1237, л. 112).

¹⁶⁰ Реестр Оренбургской губернской канцелярии. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 201.

¹⁶¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 259.

¹⁶² ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 2, л. 153, 152.

¹⁶³ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 259 об., 244—246.

¹⁶⁴ Оригинал указа не сохранился, в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 14) опубликован по копии (ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 2, л. 323), посланной комендантом Верхне-Яицкой крепости полковником О. Х. Демариным к генералу И. А. Деколонгу при рапорте от 10 ноября 1773 г. (там же, л. 320—320 об.).

Приехав на завод, Сорокин собрал отряд из 120 крестьян и мастеровых и, взяв пушки и боеприпасы, пошел к Оренбургу. Однако в пути, раскаявшись в своем проступке, Сорокин подговорил к побегу заводского целовальника и крестьянина, с которыми и явился 2 ноября 1773 г. в Верхне-Озерную крепость. Отряд кано-никольских крестьян возглавил конторщик Лууголазов, привел его под Оренбург и сдал пугачевскому полковнику М. Г. Шигаеву. Отряд этот участвовал в боях под Оренбургом 12—13 ноября 1773 г.¹⁶⁵

Помимо упомянутой выше копии пугачевского указа 22 октября, сохранились еще две его идентичные копии. Одна из них была прислана в Оренбург от бригадира А. А. Корфа (а он получил ее при рапорте полковника Демарина от 2 ноября)¹⁶⁶, другая — получена в Военной коллегии при рапорте генерала А. И. Бибикова от 18 декабря (а он получил ее от генерала Деколонга 5 декабря 1773 г.)¹⁶⁷.

§ 15. *Именной указ Е. И. Пугачева Л. И. Травкину и крестьянам деревни Михайлова Ставропольского уезда (23 октября 1773 г.).* Указ¹⁶⁸ составлен Почиталиным в лагере повстанцев под Оренбургом и послан в деревню Михайлова с крестьянином Л. И. Травкиным. Из материалов следствия, происходившего в декабре 1773 г. в Казанской секретной комиссии, устанавливаются данные о происхождении этого указа и о его обнародовании в селениях Ставропольского уезда. В середине октября 1773 г. в деревню Михайлова (Карамзиху), принадлежавшую помещику М. Е. Карамзину (отцу историографа Н. М. Карамзина), приехали 11 яицких казаков-повстанцев и объявили собравшимся к церкви крестьянам, что они посланы «из армии от государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу», причем казачий хорунжий сказал: «Смотрите жа-де, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите».

Крестьяне, «желая осведомиться о подлинности сей сказанной им вести», выбрали депутацию в составе Л. И. и Г. Ф. Травкиных и Е. К. Сидорова, послав их в лагерь повстанцев под Оренбург. Там Травкина и его товарищей представили Пугачеву, он спросил их: «Зачем они к нему приехали, послужить, што ли?» Но так как Травкин «от службы отрекся и сказал, што-де мы приехали только по приказанию вашей команды», то Пугачев заявил, «што-де у меня нет никого невольников» и приказал дать

¹⁶⁵ Изложение показаний Сорокина в рапорте полковника Демарина к генералу Деколонгу от 10 ноября 1773 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 2, л. 320—320 об.; Протокол показаний пугачевского сотника А. П. Зверева на допросе в Царицынской комендантской канцелярии в сентябре 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 207.

¹⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1100, д. 3, л. 55, 54.

¹⁶⁷ ЦГВИА, ф. 20, д. 1232, л. 148, 129, 130—131.

¹⁶⁸ Оригинал указа не сохранился, в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 15) опубликован по копии (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 24).

ему «милостивой указ, чтоб крестьянам быть свободным от податей помещичьих и от работ»¹⁶⁹. В действительности же этот указ, дублируя содержание ряда указов Пугачева от октября 1773 г.¹⁷⁰ и обещая крестьянам в числе прочих льгот наградить их «вечною вольностью», не раскрывал конкретных сторон этого пожалования. Однако в понимании крестьян «вечная вольность» означала, как видно, не только освобождение от личной зависимости помещикам, но и свободу от подневольной работы на них и платежа податей. Следует отметить, что и Л. И. Травкин и другие михайловские мужики, согласившиеся нести военную службу «Петру III», называются не крестьянами, а казаками (характерная для ставки Пугачева политика оказачивания всех повстанцев вне зависимости от их социальной и сословной принадлежности).

Возвратившись в родные края, Л. И. Травкин созвал 1 ноября в село Ляховка до 500 крестьян этого села и окрестных деревень, которым, по требованию Травкина, священник П. Моисеев «троекратно» зачитал указ Пугачева. Затем Травкин, назвав себя старшиной и определив семерых крестьян в капралы, приступил к формированию повстанческого отряда. Два дня спустя после отъезда Травкина в Михайлову ляховский священник П. Степанов бежал в Бузулуцкую крепость к коменданту подполковнику Д. Вульффу, представив ему «письменное объявление» о событиях в Ляховке и снятую им, Степановым, копию пугачевского указа¹⁷¹. С нее бузулуцкий комендантский писарь Е. Нечаев 5 ноября изготовил другую копию, приобретенную к материалам следственного дела¹⁷². Вульфф отправил Степанова в Сорочинскую крепость к находившемуся там с карательной командой симбирскому коменданту полковнику П. М. Чернышеву. Чернышев отрядил капитана Токмовцева с командой в деревню Михайлова, где и были вскоре арестованы Травкин и шестеро ближайших его помощников, а позднее отправлены в Казань. Травкин умер в казанском остроге 13 декабря 1773 г.

Помимо упомянутых выше двух копий указа Пугачева, сохранилась еще одна копия¹⁷³. Она была отобрана в Цивильске у воеводского товарища В. Г. Колбецкого, который на допросе 10 января 1774 г. в Казанской секретной комиссии сообщил, что «получил я письмо города Свияжска от секретаря Алексея Зиновьева, который мне зять, при котором и приложил указ от известного самозванца к какому-то крестьянину Леонтию Травкину», и что он, Колбецкий, «читал ту копию без всякого

¹⁶⁹ Протокол показаний Е. К. Сидорова на допросе 18 декабря 1773 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, 1931, т. 3, с. 8.

¹⁷⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 15. Ср. с док. № 10, 11.

¹⁷¹ Протокол показаний священника П. Степанова на допросе 9 декабря 1773 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 6—7.

¹⁷² ЦГАДА, ф. 6, д. 433, л. 19—19 об.

¹⁷³ Там же, д. 416, ч. 2, л. 358.

умыслу, а единственно для смеха и з бранью», а присутствовавший при чтении капрал Коркин сделал о том донос властям¹⁷⁴.

§ 16. *Именной указ Е. И. Пугачева султану Младшего казахского жуза Дусали (26 октября [шабана 20 дня] 1773 г.)*. Указ¹⁷⁵ составлен Балтаем Идеркеевым в лагере повстанцев под Оренбургом и отправлен в ставку султана Дусали с яицким казаклом Аптышем Тангаевым. Пугачев на допросе в Москве показал, что он послал этот указ к Дусали, надеясь получить от него в «помощь человек хотя двести»¹⁷⁶. Аптыш Тангаев, говоря о своей поездке к правителям Младшего жуза, рассказывал на следствии, как он был послан Пугачевым к хану Нурали и султанам «с письмами, коими требовал от него и других султанов себе помощи, и просил их в свою толпу, но они не поехали, с чем он, Аптыш Тангаев, возвратился к Пугачеву назад и привез ответные к нему письма»¹⁷⁷.

Писарь Дван-Аббас, осведомитель русских властей, служивший в ставке хана Нурали, писал в ноябре 1773 г. коменданту Яицкого городка подполковнику И. Д. Симонову, что султан Дусали, получив пугачевский указ, отправился с Тангаевым к хану Нурали и тот бранил Дусали за отправку его сына Саидали в стан Пугачева. Для вызволения Саидали хан Нурали отправил с Тангаевым к Пугачеву одного казаха¹⁷⁸. Дван-Аббас послал Симонову копию пугачевского указа на татарском языке¹⁷⁹, а также копии писем Нурали и Дусали к Пугачеву¹⁸⁰. Оба правителя Младшего жуза отказались послать военную помощь предводителю восстания. Хан Нурали, извещая Пугачева о получении его указа и приемля его «за самое благо», мнимо радуясь успехам восставших, в то же время писал, что оба они, Нурали и Дусали, хотя и «намерение было имели» послать двести джигитов к «Петру III», но «токмо народ... разсуждая, чтоде посланной туда Саидаley-салтан не возвращается, а без того, почитая за невозможность, остановились». Аналогичные мотивы отказа Пугачеву в помощи привел в своем письме и султан Дусали¹⁸¹. 17 ноября хан Нурали писал Симонову, что султану Дусали сделан строжайший выговор за сношения с Пугачевым, а его посланца Тангаева он, хан, не задержал, боясь за судьбу

¹⁷⁴ Там же, д. 470, л. 2 об.

¹⁷⁵ Оригинал указа на татарском языке не сохранился, в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 16) печатается по переводу (ЦГАДА, ф. 6, д. 504, ч. 1, л. 172), выполненному переводчиком Коллегии иностранных дел И. Муратовым (там же, л. 165—168).

¹⁷⁶ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 203.

¹⁷⁷ Протокол показаний Аптыша Тангаева на допросе 31 августа 1774 г. в Яицкой комендантской канцелярии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 224.

¹⁷⁸ Там же, д. 504, ч. 1, л. 171—171 об.

¹⁷⁹ Там же, л. 165—168.

¹⁸⁰ Там же, л. 161—164. Переводы писем на русский язык см.: там же, л. 78—79.

¹⁸¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 546, 547.

султана Саидали, находящегося заложником в лагере восставших под Оренбургом¹⁸².

Полученную от Дван-Аббаса копию пугачевского указа на «татарском диалекте» Симонов 20 ноября отправил без перевода в Сенат, мотивируя это отсутствием в Яицком городке «искусных переводчиков, кои бы те письма на российской без ошибок перевести могли»¹⁸³. В Петербурге указ был переведен в Коллегии иностранных дел¹⁸⁴. При первой публикации этого перевода была допущена неточность в датировке («ранее 17 ноября 1773 г.»; указ датирован на основании письма хана Нурали к Симонову от 17 ноября)¹⁸⁵. А между тем имеющаяся в тексте перевода дата по календарю хиджры «месяца шабана... 20 дня» позволяет точно отнести документ к 26 октября 1773 г.

Одновременно с донесением в Сенат Симонов отправил рапорт о тех же событиях и казанскому губернатору Я. Л. Бранту с копией пугачевского указа на татарском языке, изготовленной в Яицком городке муллой Халилом. Эту копию перевел на русский язык переводчик Казанской губернской канцелярии Е. Иванов (Алкин)¹⁸⁶, причем перевод был выполнен со многими дефектами и пропусками. Он напечатан в книге «Пугачевщина» (т. 1, док. № 3); так как он был помещен там перед октябрьскими указами Пугачева и не имел обозначения месяца (упомянуто лишь, что он написан «20 дня 1773 году»), то исследователи ошибочно принимали его за указ от 20 сентября 1773 г.¹⁸⁷

Указ Пугачева обещал пожаловать султана Дусали и подвластных ему казахов «землею, водою, лесами, оружием, свинцом, провиантом, одеждою и всяким съестным припасом и деньгами», но лишь в том случае, если они будут верно служить «Петру III», чтобы «никто, ни в которую сторону не передавался... генеральских и боярских речей на слушался». Обещанные пожалования повторяли те льготы, которые прежними указами Пугачева сулились казакам, солдатам, заводским крестьянам и горожанам (см. § 9—11, 13, 15 данной главы). Указ предписывал султану Дусали прислать в войско «Петра III» отряд из 200 джигитов для совместных действий против общего врага («как на тебя, так и на нас злодеев весьма много»). Султан Дусали, следуя совету хана Нурали, уклонился от оказания помощи Пугачеву.

¹⁸² ЦГАДА, ф. 6, д. 504, ч. 1, л. 169—171 об.

¹⁸³ Там же, л. 158—158 об.

¹⁸⁴ См. примеч. 175.

¹⁸⁵ *Овчинников Р. В., Слободских Л. Н.* Новые документы о Крестьянской войне 1773—1775 гг. в России. — Исторический архив, 1956, № 4, с. 131.

¹⁸⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 65 об.—66.

¹⁸⁷ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 2, с. 29, 109, 158.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ УКАЗОВ

Е. И. ПУГАЧЕВА.

КОНТРЕМЕРЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Из ставки Пугачева, помимо рассмотренных выше документов, в октябре 1773 г. были присланы именные указы предводителя восстания, адресованные казакам Сакмарского городка, Оренбурга, Яицкого городка, Пречистенской крепости, форшостов Верхне-Яицкой дистанции, ставропольским калмыкам, украинцам («черкасам») Кинель-Черкасской слободы, крестьянам и мастерам Воскресенского, Вознесенского, Кано-Никольского и Белорецкого заводов. Тексты одиннадцати этих указов не сохранились, но содержание их установлено по свидетельствам источников иного происхождения¹⁸⁸.

Рассматривая в едином комплексе обе группы пугачевских посланий за октябрь 1773 г. (11 сохранившихся и 11 реконструированных указов), можно сделать ряд наблюдений относительно особенностей действий ставки Пугачева в этот период. В сравнении с первыми двумя неделями восстания (сентябрь 1773 г.), когда послания Пугачева были обращены преимущественно к казакам Яицкого и Оренбургского казачьих войск, октябрьские его указы адресовались к различным социальным и национальным группам населения Оренбургской губернии, к тем же казакам, к русским заводским и помещичьим крестьянам, мастерам, горожанам, солдатам, к башкирам, калмыкам, татарам и казахам. Изменились масштабы и диапазон распространения указов. Они не только расходились в районе непосредственных действий войска Пугачева, но и посылались в пункты, отдаленные сотнями верст (Ставропольский уезд, Исетская провинция, Прикаспийская степь и др.). Произошли изменения в содержании и назначении посланий Пугачева. Среди массы указов, воззваний, призывавших народ перейти на сторону «Петра III» и оставить в его войско годных к военной службе людей, появились указы, содержавшие конкретные предписания о создании местных отрядов, производстве артиллерийских орудий, боеприпасов и о доставлении их с заводов в повстанческий лагерь под Оренбург. Вместе с тем следует отметить, что в пугачевских указах, суливших народу за подданство «Петру III» «вечную» и «всякую вольность» и стереотипную для всех номенклатуру пожалований, не было достаточно точного учета конкретных интересов той или иной социальной и национальной группы населения. Пугачев и его секретари полагали, что пожалованные указами «Петра III» вольности и льготы одинаково приемлемы и для казаков, и для крестьян, и для горожан, и для нерусских народностей края; для всех них важно было то, что народ освобождался от присяги и подданства Екатерине II, ликвидировалась власть ее администрации и отменялись прежние крепостнические порядки. Пу-

¹⁸⁸ См. реконструкцию содержания этих указов: ч. II, гл. 1, § 4—16.

гачевским эмиссарам и всем получившим указы «Петра III» поручалось фактическое их исполнение в соответствии с конкретными нуждами и требованиями населения в том или ином пункте. И они широко пользовались этими правами, выходили из подчинения властям, помещикам и заводчикам, прекращали работу на заводах и в помещичьих имениях, отказывались от выплаты подушной подати, ясачных сборов и оброчных платежей, от поставки рекрутов и от несения различного рода повинностей. Действия пугачевских эмиссаров и населения шли значительно дальше тех положений, которые провозглашались указами «Петра III», и со временем эти действия стали оказывать заметное влияние на характер социальной политики ставки Пугачева, ориентируя ее на учет требований русского и нерусского крестьянства, ибо оно уже с октября 1773 г. стало выполнять роль ведущей опоры повстанческого движения.

Руководители и рядовые участники восстания, а также их противники из лагеря екатерининской администрации отмечали тот факт, что с появлением повстанцев в начале октября 1773 г. под Оренбургом ставка Пугачева приступила к активному распространению указов «Петра III», а это сыграло решающую роль в быстром и мощном развертывании повстанческого движения, охватившем многие районы Оренбургской губернии. Сам Пугачев говорил на следствии, что по приходе под Оренбург он послал указы к башкирским старшинам, к казакам приицких крепостей, «на Воскресенской и на протчия заводы крестьянам со обещанием им вольности и всяких крестьянских выгод, с требованием, чтоб шли все в службу, да и во все места, откуда чаял себе получить помощь. В сходствие чего в короткое время прислали ко мне башкирцов при их старшинах тысяч десять, завоцких крестьян и всякого сорту семнатцать тысяч, в том числе несколько из отставных солдат»¹⁸⁹. В беседе с чиновником секретной комиссии гвардии капитан-поручиком С. И. Мавриным Пугачев не без гордости заявил, что он имел в простом народе неограниченные резервы для пополнения своих сил и не нуждался в посторонней помощи: «Да и на что-де мне? Я и так столько людей имел, сколько для меня потребно, только люд нерегулярной»¹⁹⁰, т. е. не имеющий военной выучки. Пугачевский полковник И. А. Творогов показал на допросе: когда повстанцы «к Оренбургу пришли», Пугачев «разослал в ближния места указы свои (сочинял оные яицкой казак Иван Почиталин, названный потом думным дьяком), извещая о явлении своем и обольщая народ вольностию, свободою от платежа податей, также крестом и бородою и всякими выгодами», приказывая своим посланцам «набирать народ в службу. . . Почему народ, прельщаясь на сказанныя выгоды, с радостию со всех сторон стекался ку-

¹⁸⁹ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 117.

¹⁹⁰ Рапорт С. И. Маврина генералу П. С. Потемкину от 15 сентября 1774 г. — Вопросы истории, 1966, № 3, с. 132.

чами в нашу толпу. И в короткое время одних башкирцов пришло к нам тысячи с две, а крестьян — великое множество»¹⁹¹. Вспоминая события октября 1773 г., судья повстанческой Военной коллегии М. Г. Шигаев рассказывал на следствии, что Пугачев «ни на какую чужестранную помощь надежды не полагал и никогда о том не проговаривал; надежду большею частью имел он на чернь, которую обольщал он вольностью и льготою и старою притом верою. Да и в самом деле простой народ со всех сторон стекался к нему до пришествия верных войск кучами и, почитая его за истинного государя, приклонялись к нему с усердием»¹⁹². Аналогичные данные о воздействии пугачевских указов, суливших народу «все крестьянские выгоды», содержатся в следственных показаниях ближайших сподвижников Пугачева, его секретаря И. Я. Почиталина¹⁹³ и атамана И. Н. Зарубина¹⁹⁴. Многие из рядовых повстанцев, оказавшихся позднее в плену, сообщали на следствии о восторженном принятии указов Пугачева яицкими и оренбургскими казаками, крестьянами и мастеровыми заводов Южного Урала, помещичьими крестьянами, новопоселенцами-украинцами («черкасами»), ставропольскими калмыками, башкирами¹⁹⁵. Интересные сведения о воздействии пугачевских указов и их распространении в селениях Ставропольского уезда содержатся в следственных материалах Казанской секретной комиссии. Помещичьи крестьяне этих селений показали на допросах, что в октябре 1773 г. к ним приезжали яицкие казаки-пугачевцы и бранили мужиков: «Для чего они на помещика работают?» — и говорили им, что «государь Петр Федорович дает вам вольность». Эти же казаки, будучи в деревнях Пополутовой, Гасвицкой и Араповой, «всем крестьянам объявляли указ Петра Федоровича, что они будто освобождены от господ и от податей, и притом запрещали им, под смертною казнию, делать повиновение господам, чему крестьяна, по глупости своей и простоте, и уверились». Казаки при участии крестьян разгромили помещичьи имения, захваченную пажить «разделили по себе» и, сверх того, дали на каждое тягло по пяти баранов и по одному теленку¹⁹⁶. Во второй половине октября 1773 г. значительная часть Ставропольского уезда, примыкавшего к юго-восточной границе Казанской губернии, была охвачена выступлениями русских помещичьих крестьян, пахотных солдат,

¹⁹¹ Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 142.

¹⁹² Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 94—94 об.

¹⁹³ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 194—194 об.

¹⁹⁴ Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 133.

¹⁹⁵ См. § 8, 10—16 данной главы; ч. II, гл. 1, § 6—16.

¹⁹⁶ Пугачевщина, т. 3, с. 11—12.

мордвы, чувашей и калмыков, открыто примкнувших к повстанческому движению¹⁹⁷.

Сила воздействия антикрепостнических посланий Пугачева на крестьянство была своевременно уловлена и верно оценена как деятелями местной администрации, так и правительством Екатерины II. Уже 26 сентября 1773 г. оренбургский губернатор Рейнсдорп предупреждал своего казанского коллегу генерал-аншефа Бранта о возможных последствиях прорыва Пугачева в Казанскую губернию, куда он может пойти «помещичьими жилами, преклоняя на свою сторону крестьян, обольщая их дачею вольности»¹⁹⁸. В свою очередь Брант, донося 3 октября Военной коллегии о развитии восстания в Оренбургской губернии, отмечал, что успехи Пугачева есть следствие его продуманной политики, большого внимания к нуждам народа. «Удивления достойно, — писал Брант, — что Пугачев такую на себя, как говорят, важность принял, что куда в крепости не придет, всегда к несмысленной черни будто бы оказывает свое сожаление, яко и подлинно бы государь о своих подданных, что он ничево донныне не знал, в каком они утеснении и бедности находятся. И теми своими лживыми словами и обнадёживаниями и уловляет глупых сих людей»¹⁹⁹. Сообщая Военной коллегии об обстановке в Оренбургской губернии, Рейнсдорп 7 октября писал, что Пугачев, склоняя на свою сторону народ, «намерение имеет зделать во всем целом государстве замешание. А между тем, разсевая листы свои и приводя к своей присяге», утверждает свою власть. «Словом, во всем обитающем в здешней губернии народе по поводу сих обстоятельств зделалось генеральное колебание»²⁰⁰. Эта красноречивая оценка положения дел со стороны царских чиновников, указывающая на значение посланий Пугачева в развертывании повстанческого движения, подтверждалась и последующими донесениями (губернаторов Рейнсдорпа и Бранта, командиров карательных войск генералов И. А. Деколонга и В. А. Кара, комендантов пограничных дистанций бригадиров А. А. Корфа, А. А. Фейрвара, коменданта Яицкого городка подполковника И. Д. Симонова), отправленными в октябре 1773 г. Екатерине II, в Военную коллегию и ее президенту фельдмаршалу З. Г. Чернышеву, главнокомандующему в Москве генерал-аншефу М. Н. Волконскому²⁰¹. Аналогичные рапорты от тех же лиц посылались в октябре 1773 г. в Сенат²⁰². Сведения о распространении пугачевских указов отражены в записках совре-

¹⁹⁷ Там же, с. 3—10.

¹⁹⁸ ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 147.

¹⁹⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 12.

²⁰⁰ Там же, л. 69—70 об.

²⁰¹ Там же, л. 9—10, 12—14, 46—48 об., 54—55, 78—78 об., 107, 109—112 об., 117—118 об., 134—138 об., 142—145 об., 149—149 об., 156—158 об., 163—172, 174—175, 178—180, 185—186, 191—191 об.; ф. ВУА, д. 143, л. 271—274 об., 278—279 об.

²⁰² ЦГАДА, ф. 6, д. 494, 504, ч. 1—6.

менников восстания²⁰³ и в частной переписке. Архимандрит Спасского монастыря в Казани Платон Любарский писал 24 октября 1773 г. в Москву известному архивисту Н. Н. Бантыш-Каменскому: «Пугачев опубликовал не один манифест, коими объявляет, что он (поелику Petrus III) похищенное отечество приемлет, приглашает к себе всякого звания людей, за что освобождает от податей и накладок, от злодеев и правительств, от набору рекрутского и от всех обид и наглостей, дает волю курить вино, владеть всякими угодьями и торговать безданно и беспощинно; словом — будете яко звери в поле жить»²⁰⁴. Священник И. Михайлов писал 7 октября 1773 г. своим родственникам о торжественной встрече в Сакмарском городке «Петра III», которым «сказана воля» явившимся к нему крестьянам заводов и рудников заводчика Я. Б. Твердышева, и о том, что «башкирцы все пришли в покорность и их соизволили жаловать»²⁰⁵.

Оренбургская секретная комиссия, объясняя причины успехов Пугачева в октябре 1773 г. и в последующие месяцы восстания, писала Екатерине II, что «по приходе под Оренбург самозванец не умедлил отрядить... верных своих людей по жителям для рассеяния своих манифестов», которые «для простаков поселенцев казались... полезными, в разсуждении обещаваемой им вольности, льготы, креста и бороды, что самое... и послужило ему главным удостоверением в простом народе. И шли в толпу его служить с охотою, а равно и возили провиант и фураж, почти без чувствования тягости, обнадеясь на обещаваемые им льготы и вольности». По мнению комиссии, заводские крестьяне были «всех прочих крестьян к самозванцу усерднее, потому что им от него также вольность обещана, тож и уничтожение всех заводов, кои они ненавидят в разсуждении тягости работ и дальних переездов». Резюмируя свои наблюдения, комиссия писала, что успехам Пугачева способствовали, «во-первых, яицкие казаки, а во-вторых, «народное здешняго краю невежество, простота и легковерие, при помощи вымышленного [от Пугачева] обольщения их расколом, вольностию, льготою и всеми выгодами»²⁰⁶, косвенно признавая тем самым справедливость антикрепостнического выступления народа. Чиновник той же комиссии С. И. Маврин отправил тогда же Екатерине II личный рапорт, в котором писал, что «способники» Пугачева, разъезжая с его указами, «дело свое со успехом исправляли, и, куда б не пришли, везде их принимали с честью и покорялись власти Пугачева с восхищением». А причина этому «не последняя и та, что истинна во утеснении, а потому и чернь жестоко разными способами ожесточена». Однако смелое это высказывание Маврин завершил

²⁰³ Записки П. И. Рычкова, И. Осипова, И. Полянского. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 224; кн. 2, с. 554, 591.

²⁰⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 22—22 об.

²⁰⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 97.

²⁰⁶ Рапорт Оренбургской секретной комиссии от 21 мая 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 2, л. 5 об.—6 об.

обычной, официозной сентенцией относительно невежества народа, наивно верившего в возможность ниспровержения извечных, установленных свыше феодальных порядков: «Невежды, не разумеая точно своей пользы, льстясь сему мнимому благоденствию, составляли изверговы [Пугачева] намерения событочными». Много внимания в рапорте Маврина уделено характеристике положения крестьян, особенно приписных к заводам, и объяснению причин их большой приверженности к Пугачеву. Для заводских крестьян Пугачевым «зделан указ был со включением того, чтоб на помещиков не работать». И крестьяне, «как скоро услышали жадную для них милость, сами, разоряя многих помещиков своих, заводы, забрав деньги, хлеб и скот, явились к самозванцу и все нужное, касающееся до артиллерии, привезли»²⁰⁷.

Уже с октября 1773 г. екатерининская администрация в центре и на местах приняла ряд мер, направленных против дальнейшего распространения антикрепостнических воззваний Пугачева. 15 октября на заседании императорского совета в Петербурге рассматривались донесения оренбургского и казанского губернаторов о начавшемся восстании, а также приложенные к этим донесениям указы Пугачева. Совет одобрил решения Екатерины II и Военной коллегии по организации военного подавления повстанческого движения (отправление карательной экспедиции во главе с генералом В. А. Каром, передача ему воинских частей с артиллерией из Новгорода, Москвы и Казани), а что касается до «рассеянных в той стороне от самозванца манифестов», рекомендовано было подтвердить «указами от Сената, чтоб никто письменным обнародованиям не верил»²⁰⁸. Это означало брать на веру лишь указы и манифесты, изданные в правительственных типографиях. Так именно и объявлялось в сенатском указе от 17 октября 1773 г.²⁰⁹ Но еще за два дня до того, 15 октября, был издан манифест Екатерины II — первое правительственное заявление по поводу восстания. Манифестом объявлялось, что Пугачев «дерзнул принять имя покойного императора Петра III» и «сим названием малосмысленных людей приводит в разврат и совершенную пагубу». Не раскрывая существа воззваний Пугачева, императрица призывала народ «немедленно от сего безумия отстать, ибо мы таковую продерзость по сие время не самим в простоте и неведении живущим нижняго состояния людьми приписываем, но единому их невежеству и коварному упомянутого злодея и вора уловлению»²¹⁰. Неделью спустя, 22 октября, Екатерина II отправила письмо к митрополиту казан-

²⁰⁷ ГИИ, ОР, F-IV, д. 668, ч. II, папка 2, л. 130 об., 134 об.

²⁰⁸ Архив Государственного совета. СПб., 1869, т. 1, ч. 1, с. 439.

²⁰⁹ Полное собрание законов Российской империи I (далее: ПСЗ I). СПб., 1832, т. 19, № 14047.

²¹⁰ ЦГИА, ф. 20, д. 1231, л. 1, типограф. экз.; в ПСЗ I не включен; опубл. в кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 164—165.

скому и свияжскому Вениамину²¹¹, призывая его обратиться к пастырскому увещанию народа, подпавшего под «пагубное» воздействие пугачевских воззваний²¹². Позднее к этому делу был привлечен и святейший Синод.

Задолго до этого местная администрация принимала необходимые, но малодейственные меры к пресечению пугачевской агитации. Еще 30 сентября, когда войско Пугачева подошло к Оренбургу, вступив в Сеитову слободу, Оренбургская губернская канцелярия обратилась к жителям города и губернии с публикацией, в которой объявлялось, что Пугачев старается поколебать народ и тем его «ввергнуть в бездну погибели», во избежание чего предлагалось «стоять против толпы его до последней капли крови своея... и отнюдь никаким ложным разглашениям не верить»²¹³.

Местная гражданская и военная администрация стала использовать и такое средство борьбы с распространением пугачевских указов-воззваний, как публичное истребление: палачи сжигали их у позорного столба на городской площади. Известно, что такая церемония происходила 14 октября в Уфе²¹⁴. 27 октября генерал-поручик И. А. Деколонг разослал ордера комендантам дистанции и крепостей Сибирской линии, предписывающие все «от имени бывшего императора Петра Третьяго манифесты, буде в разсеянии найдутся, собирать и истреблять»²¹⁵. В январе 1774 г. подобная практика была по указанию Екатерины II узаконена (с некоторыми, правда, уточнениями) центральной властью.

Впрочем, Екатерина II и ее сотрудники, получив первые донесения о восстании, сосредоточили основные усилия не на идейном противоборстве с пугачевской агитацией, а на организации военного подавления восставших и карательных акций против населения, поддерживающего Пугачева, отправив в середине октября 1773 г. экспедицию генерала В. А. Кара в Оренбургскую губернию.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

В ходе работы секретарей И. Я. Почиталина, Балтая Идеркеева, Д. Н. Кальминского, М. Д. Горшкова по составлению посланий Пугачева шел процесс становления внутренней формы указа, его структуры и стилистических свойств. Применяя терминологию дипломатики, можно говорить о становлении форму-

²¹¹ В его епархию входили Оренбургская и Казанская губернии.

²¹² ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 21—21 об.

²¹³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 220.

²¹⁴ Иенатъев Р. Г. Осада г. Уфы (эпизод из истории Пугачевского бунта). —

В кн: Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873, ч. 2, с. 109.

²¹⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 5, л. 17.

ляра указа параллельно с эволюцией его содержания²¹⁶. К концу рассматриваемого периода (вторая половина сентября—октябрь 1773 г.) формуляр указа сложился в составе следующих его компонентов-формул:

- 1) обозначение вида акта — «указ»;
- 2) указание титула и имени лица, от которого исходит акт — «самодержавный император Петр Федорович Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая»;
- 3) указание адресата — лицо или группа лиц, к которым адресован акт;
- 4) предписание о верной службе «Петру III», следуя тому примеру, «как деды и отцы ваши служили предкам моим»;
- 5) объявление о пожаловании за верную службу «Петру III» с конкретным перечнем обещанных льгот и «вольностей»;
- 6) предписание о запрещении уклоняться от исполнения акта или противиться ему, угрожая за это «божьей карой» и мщением самого «Петра III» вплоть до применения смертной казни;
- 7) обозначения даты составления (выдачи) акта;
- 8) удостоверительная подпись «Петра III».

Обратимся к рассмотрению отдельных формул пугачевского указа в связи с процессом становления его формуляра.

Обозначение вида акта. С первых дней восстания пугачевские секретари обозначали любое послание «Петра III» как «именной указ», варьируя это определение в самом тексте термином «именное повеление». Большинство сентябрьских и октябрьских посланий предводителя восстания являлись по их содержанию манифестами, т. е. актами, с которыми носитель верховной власти обращался ко всем своим подданным, объявляя им «во всенародное известие» важнейшие решения²¹⁷. Однако ни пугачевские секретари, ни тем более сам Пугачев не называли такие послания манифестами. Когда на допросе в Москве следователи, поправляя Пугачева, заметили, что первое его воззвание к яицким казакам является не именным указом, а манифестом, то Пугачев заявил, что «он не знал, чтоб сказать» в то время Почиталину: «Манифест напиши»²¹⁸. В последующей части допроса Пугачев именовал все свои послания, в том числе и именные указы, манифестами. Наряду с указами, имеющими явные особенности манифестов, Пугачев с октября 1773 г. посылал именные указы в «чистом» их виде (например, указ 22 октября, адресованный приказчику Кано-Никольского завода Н. П. Со рокину)²¹⁹.

²¹⁶ Значение формулярного анализа указов Пугачева в связи с изучением эволюции их содержания раскрыто Б. Г. Литваком в специальном исследовании (*Литвак Б. Г. Указ. соч.*, с. 22—28).

²¹⁷ Филиппов А. Н. Новые материалы по истории Пугачевского движения. — Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН, 1929, т. 4, с. 181—185.

²¹⁸ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 189.

²¹⁹ При обозначении вида посланий Пугачева автор придерживается, как правило, терминологии самих этих документов, аналогично тому, как

Указание титула и имени «Петра III». Во вступительной части (начальном протоколе) пугачевских посланий титул «Петра III» указывался в кратком виде — «самодержавный император Петр Федорович Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая». Как исключения выглядят написанные Балтаем Идеркеевым указы на татарском языке, адресованные казакам, татарам и башкирам, где титул «Петра III» передан в напыщенных и цветистых выражениях, свойственных языку и стилю восточного письма²²⁰.

Указание адресата. Послания Пугачева направлялись как групповым адресатам (сословной группе, например яицким казакам; национальной группе, например башкирам и др.; всему населению города, крепости, завода, селения), так и отдельному должностному лицу. В тех случаях, когда послание адресовалось какому-либо индивидуальному корреспонденту или в определенный пункт, это указание имело чаще всего условный характер, носило, по верному наблюдению Б. Г. Литвака, чисто «почтовую, адресную» нагрузку²²¹, ибо фактически предназначалось всему сообществу подданных «Петра III» в данном районе, «всякого звания людям». Характерно в этом отношении показание Пугачева на допросе в Симбирске относительно того, что он в большинстве случаев рассылал свои указы «не на лицо кому-либо, но вообще, или для утешения, или для оболыщения черни»²²². Это подтверждает высказанное выше суждение о том, что многие из посланий Пугачева, называя себя именными указами, являлись в действительности манифестами.

Предписание о верной службе «Петру III». Призыв к послушанию и верной службе «Петру III», следуя примеру «как деды и отцы ваши служили предкам моим... верно и неизменно до капли своей крови», впервые (правда, несколько в иной редакции, с включением призыва «послужити за свое отечество мне, великому государю») был введен Почтиталиным в текст указа Пугачева 17 сентября яицким казакам. В таком виде эта формула почти постоянно входила в послания Пугачева вплоть до декабря 1773 г.²²³, после чего из нее было исключено положение о службе подданных предкам Петра III. Балтай Идеркеев в написанных им указах Пугачева на татарском языке особо выделял (по личному, вероятно, пристрастию) из числа предков Петра III императора Петра I и призывал подданных служить «Петру III» так же, как прежде «служили деду моему, блаженному багатырю государю Петру Алексеевичу, и как вы от него

это применялось и при их публикации в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...».

²²⁰ Подробнее см.: *Забиров В.* Указ. соч., с. 36—37; *Голуб А. В.* Указ. соч., с. 6—7; *Алишев С. Х.* Документы повстанцев Крестьянской войны 1773—1775 гг. на татарском языке. — Советские архивы, 1973, № 5, с. 63.

²²¹ *Литвак Б. Г.* Указ. соч., с. 22.

²²² Вопросы истории, 1966, № 5, с. 115.

²²³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1—13, 15, 16, 18, 22.

жалованы, так и я ныне и впредь вас жаловать буду»²²⁴. Ссылка на некие пожалования Петра I народу не имела каких-либо реальных оснований, но была продиктована общим пиететом к личности этого выдающегося государственного деятеля.

Общий призыв к верной службе «Петру III» дополнялся в отдельных указах предписаниями об исполнении конкретных повелений (требования о сдаче Яицкого и Илецкого городков, Оренбурга, об изготовлении артиллерийских орудий, боеприпасов, о доставлении их в повстанческий лагерь, о присылке пополнений в войско «Петра III» и др.).

Объявление о пожаловании за верную службу «Петру III». В первом послании Пугачева (17 сентября) объявлялось, что яицкие казаки при условии верной их службы «Петру III» будут пожалованы земельными угодьями, денежным и хлебным жалованьем и боеприпасами²²⁵. Многие из последующих указов Пугачева нормативного («конституционного») звучания, объявленных в сентябре—начале декабря 1773 г., содержали положение о пожаловании подданных различными льготами, «выгодами» и «вольностями». Номенклатура этих пожалований, сохраняя в основе своей известную устойчивость, дополнялась и варьировалась применительно к интересам той сословной или национальной группы населения, к которой конкретно адресовался указ Пугачева. Так, в указе от 19 сентября гарнизону Яицкого городка солдатам, помимо «первых выгод... в государстве», обещано пожалование их денежным жалованьем и чинами²²⁶. Такое пожалование объявлено в указе от 20 сентября казакам Илецкого городка, которым сверх того (по установившемуся порядку казачьей службы) обещано обеспечение от казны боеприпасами²²⁷. Указ населению Рассыпной крепости от 24 сентября²²⁸, свидетельствующий о первых попытках Пугачева и его сподвижников расширить социальную базу восстания, ибо он обращен был ко «всякого звания людям», интересен в том плане, что в нем впервые приведен развернутый перечень льгот, пожалованных «Петром III» народу за послушность, истинную верность и любовь («жаловать буду вас... вечною вольностию, реками, лесами, всеми выгодами, жалованьем, провиантом, порохом и свинцом, чинами и честью. А вольность, хотя и нелегулярные, но всяк навеки получит»). Перечень этот лег в основу формулы пожалования ряда последующих указов Пугачева²²⁹. В указах от 1 октября башкирам в число пожалований включены дополнительно земли, рыбные ловли, жилища (жительства), «вера и закон ваш» (свобода веры и местных обычаев), а также (необъяснимо, по-

²²⁴ Там же, док. № 8; см. также манифесты Пугачева от декабря 1773 г., составленные Балтаем Идеркеевым (там же, док. № 22, 25).

²²⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1.

²²⁶ Там же, док. № 3.

²²⁷ Там же, док. № 4.

²²⁸ Там же, док. № 5.

²²⁹ Литвак Б. Г. Указ. соч., с. 22.

чему именно) и моря, пожалование же «вечной вольностью» подменено аллегорическим «бутте подобными степным зверям»²³⁰. В сравнении с указом в Рассыпную крепость формула пожалования в указе в Оренбург от 1 октября дополнена обещанием наградить землю и морями²³¹. В указах, адресованных казакам и населению крепостей Красногорской от 4 октября и Верхне-Озерной от 6 октября, крестьянам Авзяно-Петровского завода от 17 октября и крестьянам деревни Михайлова Ставропольского уезда от 23 октября из формулы пожалования исключается, естественно, обещание наградить «чинами», но вводится пожалование «крестом и бороδοу»²³². Эта льгота не означала, видимо, одного лишь намерения «обольщения» народа расколом, о чем доносила Оренбургская секретная комиссия в рапорте, посланном 21 мая 1774 г. Екатерине II²³³. Чиновник этой комиссии С. И. Маврин тогда же писал императрице, что Пугачев позволял «креститца крестом, кто каким хочет»²³⁴, т. е. не отдавая предпочтения сторонникам раскола и не чиня препятствий прихожанам официальной церкви. Такого же, кажется, мнения придерживался и П. И. Рычков, писавший, что Пугачев обещал жаловать крестьян «бородами и крестами, то есть позволением носить бороду и креститься, как они обыкли», а отсутствие положения о «кресте и бороде» в указах, адресованных яицким казакам, объяснял тем, что Пугачев знал их склонность к расколу и потому, видимо, не имел оснований касаться их исповедания и обрядов. Можно предположить также, что, провозглашая право на «крест и бороду», Пугачев освобождал народ от присяги верности Екатерине II, освященной авторитетом официальной церкви.

В указе Пугачева крестьянам Авзяно-Петровского завода от 17 октября формула пожалования «вечная вольность», известная по предшествующим указам, заменена «всякой вольностью»²³⁵, хотя формула «вечная вольность» упоминается и в числе пожалований, объявленных в последующих указах Пугачева²³⁶. Лишь со второй половины ноября формула «всякая вольность» начинает постоянно фигурировать в пугачевских указах²³⁷, а будучи включена в текст манифеста 2 декабря 1773 г. (распространявшегося во множестве списков вплоть до июня 1774 г.)²³⁸, становится

²³⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 6—8; в док. № 8 дополнительно включено обещание пожаловать башкир солью.

²³¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 9.

²³² Там же, док. № 10, 11, 13, 15. Судя по «Хронике» П. И. Рычкова, первое упоминание о пожаловании подданных «бородами и крестами» содержалось в указе Пугачева (несохранившемся), отправленном 1 октября 1773 г. к атаману оренбургских казаков подполковнику В. И. Могутову (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 221).

²³³ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. II, л. 6 об.

²³⁴ ГИП, ОР, F-IV, д. 668, ч. II, папка 2, л. 134 об.

²³⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 13, ср. с док. № 5, 9—11.

²³⁶ Там же, док. № 15, 18.

²³⁷ Там же, док. № 20—22.

²³⁸ Там же, док. № 23; см. также примечания к нему.

нормой, обозначавшей совокупность прав и свобод, пожалованных народу.

Уделяя много внимания раскрытию понятий «всякая вольность» и «вечная вольность», Б. Г. Литвак справедливо замечает, что понятие «вечная вольность» нечленимо, а «всякая вольность» предполагает собирательность, комплекс прав, и вместе с тем считает, что ни «вечная вольность», ни «всякая вольность» не означали будто бы освобождения народа от крепостной неволи или иной формы зависимости, что впервые было четко сформулировано лишь в манифесте Пугачева от 31 июля 1774 г.²³⁹

Если бы исследователь, пытаясь раскрыть содержание понятий «вечная вольность» и «всякая вольность», не ограничивал свои разыскания наблюдениями над текстами сохранившихся указов Пугачева, а обратился и к изучению обильного материала о происхождении, распространении и воздействии этих указов²⁴⁰, то нашел бы много свидетельств тому, что и руководители движения, и рядовые повстанцы, и народ, и, наконец, представители правительственного лагеря рассматривали указы предводителя восстания от сентября и октября 1773 г. как акты, обещавшие народу за верную службу «Петру III» не только экономические льготы, но и освобождение от крепостной зависимости²⁴¹. В этом именно смысле и можно, на наш взгляд, толковать значение термина «вечная вольность». Не следует, видимо, понятия «вечная вольность» и «всякая вольность» противопоставлять одно другому — утвердившийся в указах Пугачева со второй половины ноября 1773 г. термин «всякая вольность» как комплекс прав и свобод включил в себя «вечную вольность» в свойственном ей значении.

Формула пожалования, включенная в первые указы Пугачева яицким и оренбургским казакам и учитывающая чисто казачьи интересы, приобрела позднее всеобщее значение, входя в несколько видоизмененном виде в указы, адресованные другим условиям Оренбургской губернии: заводским и помещичьим крестьянам, горожанам, башкирам, казакам. Возможно, что на это оказывала воздействие политика ставки Пугачева, направленная на

²³⁹ Литвак Б. Г. Указ. соч., с. 22, 24—25. Автор делает этот вывод на основании того, что указы Пугачева о пожаловании «всякой вольности» адресовались не только крестьянам и казакам, но и оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, и горнозаводчику И. Л. Тимашеву (с. 24). Однако эти факты свидетельствуют всего-навсего лишь о необдуманном, шаблонном подходе пугачевских секретарей к выбору средств идейного воздействия на представителей екатерининской администрации и правящего класса.

²⁴⁰ См. разделы «Распространение и воздействие указов Е. И. Пугачева...» в гл. 1—3.

²⁴¹ Пугачев вспоминал, что в октябре 1773 г. он разослал на заводы «и во все места» указы «крестьянам со обещанием им вольности и всяких крестьянских выгод» (Вопросы истории, 1966, № 4, с. 117). Если бы эта «вольность» не означала освобождения от крепостной зависимости, то что бы могло привлечь массу заводских и помещичьих крестьян в повстанческий лагерь под Оренбург?

оказачивание всего населения, перешедшего на сторону восставших. Не случайно, например, крестьяне деревни Михайлова именуются в указе Пугачева «казаками»²⁴². Почиталин говорил на следствии о намерении Пугачева «во всем государстве людей, кто б какого звания ни был, сделать казаками»²⁴³.

Предписание о запрещении уклоняться от исполнения указа или противиться ему. Впервые это предписание появилось в пугачевском указе, адресованном гарнизону и жителям Яицкого городка от 19 сентября, где объявлялось: «Ежели же кто, забыв свою должность к природному своему государю Петру Федоровичу, дерзнет сего имянного моего повеления не исполнить и силою оружия моего в руки моего верного войска получить будет, тот увидит на себе праведный мой гнев, а потом и казнь жестокою»²⁴⁴. В различных вариациях эта формулировка вошла в последующие указы Пугачева от сентября—начала октября 1773 г. Указ в Рассыпную крепость от 24 сентября угрожал ослушникам: «Кто ж сего моего указа преслушает, тот сам узнает праведный гнев противникам моим»²⁴⁵. В указе к башкирам от 1 октября Пугачев, «заклинаясь богом», предупреждал, что всех противящихся исполнению его повелений ожидают смертная казнь и конфискация имущества («пажители») ²⁴⁶. В формуле запрещения в указе, посланном 1 октября в Оренбург, появилась новая угроза. Объявлялось, что ослушники примут не только возмездие со стороны «Петра III», но и божью кару: «А ежели вы моему указу противитца будити, то повскороности и восчювствовати на себя праведный гнев мой, и власти всевышняго создателя нашего, и гнева моего избегнуть не может никто, тебя от сильной нашей руки защитить не может»²⁴⁷. В таком виде эта формула (с незначительными редакционными различиями) постоянно входила в текст ряда октябрьских и ноябрьских указов Пугачева²⁴⁸.

Б. Г. Литвак отмечает, что в указах Пугачева первого этапа Крестьянской войны (сентябрь 1773 — март 1774 г.) не обозначено социальное лицо «изменников», «непослушных», «неприятелей», «противников» власти «Петра III»; единственное исключение — указ от 1 декабря 1773 г., где «помещики и вотчинники» отнесены к разряду «сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской», коих надлежит «лишить их жизни, то есть казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение». Но это по-

²⁴² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 15.

²⁴³ Пугачевщина, т. 2, с. 111.

²⁴⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 3. См. близкую по содержанию формулировку в тексте указа 20 сентября атаману, старшинам и казакам Илецкого городка (там же, док. № 4).

²⁴⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 5.

²⁴⁶ Там же, док. № 6—8.

²⁴⁷ Там же, док. № 9.

²⁴⁸ Там же, док. № 10, 11, 13, 15, 18.

ложение было сведено на нет последующими указами Пугачева, в частности указом от 2 декабря, где не обозначен социальный признак противников данной «Петру III» «от создателя высокой власти», коих «неминуемо» ожидает «справедный и неизбежный гнев»²⁴⁹. Поэтому, полагает Б. Г. Литвак, представляется крайне сомнительным рассматривать пугачевские указы первого этапа движения как акты, направленные против дворянства. Такую окраску, по мнению исследователя, они стали приобретать с июня 1774 г., но лишь манифест от 31 июля 1774 г. четко квалифицировал дворян как «противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян», а потому «злодеи-дворяне» и подлежат безусловному и полному истреблению²⁵⁰. Во всем ли верна подобная оценка указов Пугачева первого этапа Крестьянской войны, данная в резком контрасте с характеристикой манифестов второго и третьего этапов движения? Даже оставаясь в рамках текстов октябрьских указов Пугачева помещичьим и заводским крестьянам о пожаловании их при условии послушания и верности «Петру III» вольностью и экономическими льготами, нельзя не заметить того, что это фактически означало лишение помещиков и заводчиков прав собственности на личность и труд крепостных, на земли со всеми угодьями, заводами, рудниками и фабриками, а следовательно, было объективно направлено против дворянства, его феодальных прав и привилегий. Это подтверждается многочисленными источниками, освещающими события начального этапа восстания. Укажем лишь на одно высказывание, характеризующее отношение Пугачева к дворянству в рассматриваемый период. Высказывание это принадлежит И. Я. Почиталину, доверенному лицу и любимцу Пугачева. Будучи захвачен в плен 1 апреля 1774 г., Почиталин показал на следствии, что «сначала от Пугачева приказано было никого [из] дворян и офицеров не щадя» казнить, «а потом проговаривал о тех, кои сами к нему явятся и принесут повинную, таковых прощать и писать в казаки»²⁵¹, из чего и видно, что даже при добровольном переходе дворян на сторону «Петра III» они лишались прежнего социального статуса и переводились в разряд казаков.

Обозначение даты составления (выдачи) акта. Из шестнадцати указов Пугачева рассматриваемого периода (сентябрь—октябрь 1773 г.) восемь обозначены полными датами

²⁴⁹ Литвак Б. Г. Указ. соч., с. 25. Следует, на наш взгляд, назвать и другие указы Пугачева сентября—декабря 1773 г., в которых более или менее отчетливо выступает сословная принадлежность противников «Петра III»: в указе в Япцкий городок (19 сентября) — офицеры, в указе в Илецкий городок (20 сентября) — атаман и старшины, в указе султану Ду-сали (26 октября) — генералы и бояре, в манифесте от 3 декабря — бояре, генералы и офицеры (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 3, 4, 16, 24).

²⁵⁰ Литвак Б. Г. Указ. соч., с. 25—28.

²⁵¹ Пугачевщина, т. 2, с. 111.

их составления²⁵², а восемь — не датированы²⁵³. Это свидетельствует о том, что пугачевские секретари поначалу не придавали значения датировке указов, иногда проставляли дату, а чаще нет. Лишь с середины октября дата становится постоянным реквизитом указа. Отсутствие дат порождало у исследователей ошибки в отнесении ряда указов к событиям, к которым они не имели отношения (так, например, произошло с указом регулярной команде²⁵⁴, который ошибочно относили к началу осады Оренбурга; указ султану Дусали²⁵⁵ из-за неверного перевода даты с хиджры на юлианский календарь ошибочно датировали то 20 сентября, то 17 ноября, тогда как он был составлен 26 октября). Ошибки такого рода исправлены при подготовке сборника «Документы ставки Е. И. Пугачева...» путем изучения комплекса источников, характеризующих обстоятельства составления и объявления каждого указа Пугачева.

Удостоверительная подпись «Петра III». Вопрос о скреплении пугачевских указов подписью «Петра III» не раз поднимался следователями при дознании над Пугачевым и ближайшими его сподвижниками. Пугачев на допросе в Яицком городке, касаясь обстоятельств подписания первого указа яицким казакам от 17 сентября 1773 г., показал, что сам он, не зная грамоты и скрывая это, вынужден был прибегнуть к неуклюжей уловке: «Когда сей указ был готов и Почиталин давал мне подписывать, то я приказал, чтоб подписал он, а мне-де подписывать невозможно до самой Москвы, для того, что ненадобно казать мне свою руку, и есть-де в оном великая причина»²⁵⁶. Признание Пугачева подтвердило показание Почиталина, данное четырьмя месяцами раньше, 8 мая 1774 г., на допросе в Оренбургской секретной комиссии. По словам Почиталина, он неоднократно просил Пугачева, чтобы тот «подписывал указы сам», но Пугачев «говорил иногда из сердец: „Ты-де подписывай, а я своей руки показать никому не хочу до тех пор, покуда не благословит меня бог взятъем всей России, и в то время подписывать буду я уже сам“»²⁵⁷.

Указ подписывался именем «Петра III» тем секретарем, который его составлял: указы на русском языке подписывались соответственно И. Я. Почиталиным или Д. Н. Кальминским, а на татарском — Балтаем Идеркеевым, хотя в последних удостоверилось, что будто «Петр III» сам «руку приложил»; но ясно, что

²⁵² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1, 6—8, 12—16.

²⁵³ Там же, док. № 2—5, 9—11.

²⁵⁴ Там же, док. № 3.

²⁵⁵ Там же, док. № 16.

²⁵⁶ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 113. На допросе в Москве Пугачев, вспоминая этот эпизод, сообщил, что когда Почиталин, обратившись к нему, сказал, что указ «надобно-де вашему величеству подписать самому», то он ответил: «Подпиши ты, а я до времени подписывать не буду» (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 189).

²⁵⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 206.

подпись проставлялась не Пугачевым, который не знал не только татарской, но и русской грамоты.

Подписи под указами варьировались. Указ яицким казакам от 17 сентября подписан: «Я, великий государь анператор, жалую вас, Петр Федаравич»²⁵⁸; подпись под указом регулярной команде от 19 сентября дана в ином виде: «Великий государь Петр Федорович Всероссийский»²⁵⁹. Впоследствии указы, составленные на русском языке, скреплялись подписью утвердившегося образца: «Великий государь Петр Третий Всероссийский», применявшейся вплоть до середины ноября 1773 г.²⁶⁰ Более пестр набор подписей на указах, составленных на татарском языке: «Император Петр Федорович», «Доброжелатель, тысячью великой и высокой един великой император гсударь Петр Федорович руку приложил», «Доброжелатель, великой император, гсударь Петр Федорович и царь сам Третий руку приложил», «Великий государь, царь Российской, император руку приложил Петр Третий», «Император сам Петр Третий руку приложил», «Государь император, Российской державы содержатель, сам Петр Третий руку приложил», «Я, великий Петр Третий, своеоручно подписую»²⁶¹. Впрочем, эта пестрота подписей может быть объяснена индивидуальными особенностями перевода этих указов с татарского на русский язык.

В заключительной части указа султану Дусали от 23 октября упомянуто, что он послан «за подписанием нашей руки с приложением печати»²⁶². Это первое по времени свидетельство о скреплении указа Пугачева печатью, что прочно вошло в практику делопроизводства пугачевских секретарей несколько месяцев спустя. Однако неизвестно, как выглядела эта первая печать, так как подлинник указа, посланного к Дусали, не сохранился.

Следует упомянуть о «внетекстовых» знаках удостоверения подлинности указов. Пугачев словесно приказывал своим посланцам вручать указы, держа их на голове, над головой, на ружейном штыке (см. § 1, 10, 11 данной главы). Это не что иное, как заимствование стародавнего русского народного обряда удостоверения подлинности и истинности какого-либо акта или действия (при обращении к народу, к властям).

О языке и стиле указов Пугачева. Проблема эта получила отражение в специальных работах филологов и историков²⁶³. Их наблюдения сводятся к констатации того, что языку

²⁵⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 1.

²⁵⁹ Там же, док. № 3.

²⁶⁰ Там же, док. № 4, 5, 9—11, 13—15, 17—20.

²⁶¹ Там же, док. № 2, 6—8, 12, 16.

²⁶² Там же, док. № 16.

²⁶³ Филиппов А. Н. [Рец. на кн.:] Пугачевщина, т. 1. — Северная Азия, 1926, № 5/6, с. 172—175; *Он же*. Новые материалы по истории Пугачевского движения, с. 181—193; *Елеонский С. Ф.* Указ. соч., с. 63—75; *Забиров В.* Указ. соч., с. 22—49; *Макогоненко Г. П.* Народная публицистика XVIII века. — В кн.: Русская проза XVIII века. М.; Л.; 1950. т. 1; *Голуб А. В.* Указ. соч.

и стилю некоторых из первых указов Пугачева свойственна близость к живому разговорному языку народа, к сказовой и песенной народной традиции. Об этом писал Пушкин²⁶⁴. По мере появления в ставке Пугачева опытных канцеляристов, стремившихся подражать в писании указов образцам правительственных бумаг подобного жанра, первоначальная самобытность стиля и языка посланий Пугачева постепенно утрачивалась, вытесняясь книжной, казенной манерой письма со свойственными ей канцелярскими штампами и оборотами. Заимствование формы, стиля и языка императорских указов и манифестов, направленное на укрепление «державного» авторитета самозванного «Петра III», ни в коей мере не влияло на антикрепостническую направленность посланий Пугачева.

Язык и стиль указов Пугачева определялись уровнем грамотности его секретарей. Не вполне грамотны, но живы и выразительны по звучанию указы, составленные И. Я. Почиталиным²⁶⁵. Высокими литературными достоинствами отличаются указы, написанные Д. Н. Кальминским²⁶⁶; ему же принадлежит заслуга в выработке формуляра указа-воззвания. Указам на татарском языке, составленным Балтаем Идеркеевым²⁶⁷ в манере восточного письма со среднеазиатскими архаизмами и османизмами, свойствен в то же время и глубокий радикализм.

Ноябрь—декабрь 1773 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

Последние два месяца 1773 г. — время значительных успехов восставших как под Оренбургом, где войско Пугачева нанесло поражение карательным командам генерала В. А. Кара, полковника П. М. Чернышева и майора Е. Заева, так и в других пунктах Оренбургской губернии, где образовались крупные очаги повстанческого движения. Заметно активизировалась в этот период деятельность ставки Пугачева, что выразилось, в частности, в создании в середине ноября 1773 г. Военной коллегии, взявшей на себя руководство действиями «Главного войска» восставших и административное управление очагами восстания в других районах. На секретарский аппарат Военной коллегии было возложено дело по составлению и рассылке рескриптов Пугачева. Рассмотрим происхождение и содержание этих документов.

§ 17. *Именной указ Е. И. Пугачева губернатору И. А. Рейнсдорпу, чиновникам, гарнизону и населению Оренбурга (5 ноября 1773 г.).* Первые холода и рано выпавший снег вынудили

²⁶⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 371.

²⁶⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1, 9—11, 13—15, 17—19.

²⁶⁶ Там же, док. № 3—5.

²⁶⁷ Там же, док. № 2, 6—8, 12, 16.

Пугачева перенести лагерь в Бердскую казачью слободу (в семи верстах к северо-востоку от Оренбурга), куда он и вступил 4 ноября со своим войском. На другой день Почиталин по приказу Пугачева составил указ²⁶⁸ к губернатору Рейнсдорпу, «всем господам и всякого звания людям», требуя от них капитуляции войскам «Петра III»: «Выдите вы из города вон, вынесите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем». Указом объявлялось, что «великий государь прощает» оренбуржцев за то, «што вы учинили великую пальбу»²⁶⁹, но в случае дальнейшего упорства грозил своим возмездием и божьей карой.

Любопытны обстоятельства посылки этого указа в Оренбург. 5 ноября караульные у городской крепости задержали четырех местных казачек, появившихся со стороны Бердской слободы. При обыске у одной из них, И. Ф. Репиной, нашли зашитые в плечах шубы бумаги: упомянутый выше указ Пугачева к Рейнсдорпу, другой его же указ к старшине яицких казаков М. М. Бородину (см. § 18 данной главы), а также письма пугачевского полковника Т. И. Падурова к атаману Оренбургского казачьего войска подполковнику В. И. Могутову²⁷⁰ и к старшине М. М. Бородину²⁷¹. На допросе в губернской канцелярии Репина показала, что документы эти, «сняв с нее, Ирины, шубу, сам он, Падуров, зашил во оную против плеч, между крышки и овчины», а словесно приказал ей и ее спутнице, казачке Т. А. Черемухиной, чтобы они, явившись в Оренбург, отдали пугачевские указы Рейнсдорпу при Могутове, «а другие два письма велел ему, Могутову, отдать тихонько». Падуров велел также передать Рейнсдорпу и всем оренбуржцам, чтобы они скорее сдавали город «Петру III» и что им дается четыре дня на размышление, а если и тогда не сдадутся, то повстанцы «опять зделают приступ»²⁷².

Сообщение о появлении в Оренбурге четырех казачек с указами Пугачева имеется в дневниковой записи П. И. Рычкова от 5 ноября²⁷³.

§ 18. Именной указ Е. И. Пугачева войсковому старшине М. М. Бородину и казакам его команды (5 ноября 1773 г.).

²⁶⁸ Оригинал указа хранится в делах Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 172), куда был прислан при рапорте Рейнсдорпа от 25 ноября 1773 г. (там же, л. 171—171 об.); указ опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 17.

²⁶⁹ Речь идет о сражении 2 ноября 1773 г., когда по штурмовавшим Оренбург повстанцам было сделано с городских батарей 1788 выстрелов ядрами и бомбами («Хроника» П. И. Рычкова. — В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 239).

²⁷⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 103.

²⁷¹ Там же, док. № 104.

²⁷² Протокол показаний И. Ф. Репиной на допросе 5 ноября 1773 г. в Оренбургской губернской канцелярии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7183, л. 197—197 об.

²⁷³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 243.

Указ²⁷⁴ составлен Почиталиным в Бердской слободе и отправлен в Оренбург с казачкой И. Ф. Репиной. Содержание указа полностью дублирует стереотипный текст ряда рассмотренных выше указов-воззваний Пугачева от октября 1773 г.²⁷⁵ Правда, известная по этим указам фраза: «Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови» — передана в указе 5 ноября в дефектном виде: «Как деды и отцы ваши служили мне, великому государю, верно и неизменно до капли своей крови».

Указ 5 ноября адресован войсковому старшине яицких казаков «послушной» стороны М. М. Бородину. По требованию губернатора Рейнсдорпа отряд Бородина (320 казаков) и команда майора С. Л. Наумова (308 солдат, канониров и оренбургских казаков при четырех пушках) 28 сентября выступили из Яицкого городка «Бухарской» стороной (левым берегом р. Яика) к Оренбургу, куда и прибыли 4 октября 1773 г., значительно пополнив гарнизон города. До конца марта 1774 г. отряд Бородина участвовал в обороне Оренбурга, а позднее — в карательных операциях против повстанцев.

§ 19. *Именной указ Е. И. Пугачева приказчику Воскресенского завода П. Беспалову (8 ноября 1773 г.)*. Указ²⁷⁶ составлен Почиталиным в Бердской слободе и в тот же день вручен Беспалову при отправлении его на Воскресенский завод с группой повстанцев. Беспалову предписывалось изготовить на заводе 5 гаубиц и 30 бомб к ним, причем каждую только что отлитую гаубицу велено немедленно отправить «к великому государю».

Инициатором производства артиллерийских орудий и снарядов на Воскресенском медеплавильном заводе выступил бывший симбирский купец И. Н. Грязнов²⁷⁷, находившийся в то время при Пугачеве. Грязнов разыскал среди повстанцев в Бердской слободе трех мастеровых — В. Алимпиева, В. Мокшанцева, В. Логинова, «умеющих механической науке, литья завоцких чугунных припасов», «выученных архитектуры», которые, по его мнению, могли бы отлить из меди «две большие да поменьше тех три, а всего пять мортир», а из чугуна 50 бомб, ориентируясь на калибр чугунных бомб, привезенных атаманом А. Т. Соколовым-Хлопушей с Авзяно-Петровского завода. Мастеровые стали от-

²⁷⁴ Оригинал указа хранится в делах Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 178), куда был прислан при рапорте Рейнсдорпа от 25 ноября 1773 г. (там же, л. 171—171 об.); указ опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 18.

²⁷⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 10, 11, 13, 15.

²⁷⁶ Оригинал указа хранится среди материалов Оренбургской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 2, л. 157); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 19.

²⁷⁷ Впоследствии, в декабре 1773—июле 1774 г., И. Н. Грязнов служил полковником у Пугачева. Подробнее о Грязнове см.: Документы ставки Е. И. Пугачева... с. 433; Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панезя В. М. Указ. соч., с. 91—104.

казываться от этого поручения, ссылаясь на то, что они «как пушек, так и бомб не ливали и не умеют. А ежели принята им за то не умеючи, вылить не смогут — в том опасаются впредь от него [Пугачева] гнева». Но Пугачев успокоил их, заявив: «Ежели хотя они и вылить не могут, того с них не взыщется». При отправлении мастеровых на завод Пугачев спросил у них: «На чье имя указ написать?» Они ответили: «Есть-де здесь прежней прикащик Беспалов». Сам Беспалов, оправдываясь впоследствии в принятии пугачевского указа, писал, что, «опасаясь грозящей мне смерти, принужденным был тот указ в молчании принять и ехать обще с теми крестьянами на Воскресенский завод»²⁷⁸.

По прибытии на завод мастер Алимпиев отлил из красной меди малую мортиру, ее отправили в Бердскую слободу, но при первом же огневом испытании она взорвалась. В конце ноября Пугачев послал на завод И. Н. Зарубина, И. И. Ульянова и Я. С. Антипова для наблюдения за литьем орудий, вскоре, однако, Зарубин и Ульянов были командированы под Уфу, а на заводе остался один Антипов²⁷⁹, «которой чрез всю зиму при Воскресенском заводе при том смотреии находился», а Беспалов был при нем в роли казначея, «при держании на разныя потребности выдаваемых от него денег»²⁸⁰.

Алимпиев с помощниками отлил еще одну мортиру, на этот раз большую, но она была бракована прямо в отливке; как выяснилось, в печь заложили недостаточное количество меди. После этого литье орудий было переведено на соседний Верхне-Торский завод, но и там «выливка мортир происходила совсем негодная» — либо они браковались в отливках, либо, «хотя и выливались и оковывались железными обручами», но, доставленные под Оренбург, при первом выстреле разрывались. Антипов, убедившись, что мастер Алимпиев «по несведению ево в том литье мортир производить не в состоянии» или же, «не хотя показать усердия», саботирует дело, вынужден был вызвать опытных литейных мастеров с Авзяно-Петровского и Катавского заводов, которым и удалось наладить производство²⁸¹. По данным Беспалова, на Воскресенском заводе было отлито и отправлено к Пугачеву 11 годных орудий: 3 мортиры, 3 простых и 5 секретных единорогов; кроме того, изготовлено еще 3 мортиры, оказавшихся непригодными к стрельбе; на отливку всех 14 орудий ушло до 1 тыс. пудов красной меди и до 10 пудов олова²⁸².

²⁷⁸ Донесение П. Беспалова губернатору И. А. Рейнсдорпу от 4 мая 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 76—77 об.

²⁷⁹ Пугачевщина, т. 2, с. 134—135; ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 7, л. 334—334 об.

²⁸⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 78.

²⁸¹ Один из мастеров две недели спустя был возвращен на Авзяно-Петровский завод, где также шло литье мортир, бомб и ядер для войска Пугачева (там же, л. 78).

²⁸² ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 78—78 об.; см. также: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 2, с. 480—481.

Указами повстанческой Военной коллегии на полковника Я. С. Антипова, находившегося на Воскресенском заводе, возлагалось руководство изготовлением ядер и бомб, причем каждый заказ исчислялся сотнями экземпляров снарядов к орудиям различных калибров²⁸³. Основная часть снарядов производилась, по-видимому, не на Воскресенском, а на Авзяно-Петровском заводе, который также находился в ведомстве Антипова. Когда командир карательного корпуса подполковник И. И. Михельсон потребовал доставить в Табынск изготовленные для Пугачева «воинские снаряды», приказчик Беспалов доносил ему 7 апреля 1774 г., что «при здешнем Воскресенском заводе имеетца» всего лишь до 50 «литых при Авзяно-Петровском заводе чугунных больших единорогих глухих ядер»²⁸⁴.

В начале мая 1774 г., вскоре после поражений Пугачева в боях у Татищевой крепости и под Сакмарским городком, Беспалов явился с повинной в Оренбург и передал Рейнсдорпу указ Пугачева от 8 ноября 1773 г., а также семь указов повстанческой Военной коллегии от декабря 1773 — марта 1774 г., адресованных полковнику Антипову²⁸⁵, «во отлучность з заводу на квартире ево сысканные»²⁸⁶. Все эти документы Рейнсдорп передал в Оренбургскую секретную комиссию, а та отправила их 21 мая 1774 г. в Петербург в числе других приложений к рапорту Екатерине II²⁸⁷.

§ 20. Именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу (17 ноября 1773 г.). Указ²⁸⁸ написан И. Я. Почиталиным в Бердской слободе. В составлении указа принимали участие секретарь только что созданной повстанческой Военной коллегии М. Д. Горшков и заводской крестьянин И. Петров. Текстологическими наблюдениями устанавливается, что указ 17 ноября является начальной редакцией документа, который после незначительной доработки трансформировался сперва в манифест 25 ноября, а затем и в манифест 2 декабря 1773 г.²⁸⁹ — важнейший нормативный акт, используемый ставкой Пугачева вплоть до конца июня 1774 г. (см. § 23 данной главы).

История создания указа 17 ноября и последующих редакций его текста, завершившихся составлением манифеста 2 декабря 1773 г., освещается следственными показаниями Горшкова. Он и думный дьяк Военной коллегии Почиталин, исполняя поручение Пугачева, приступили к составлению документа, опираясь на

²⁸³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 55, 65, 66.

²⁸⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1237, л. 112.

²⁸⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 52, 55, 58, 64, 65, 66, 68.

²⁸⁶ Донесение П. Беспалова губернатору И. А. Рейнсдорпу от 4 мая 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 78—78 об.

²⁸⁷ Там же, д. 508, ч. 2, л. 1—10, 157—164 об.

²⁸⁸ Оригинал указа хранится среди материалов Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 176), куда был послан Рейнсдорпом при рапорте от 25 ноября 1773 г. (там же, л. 171—171 об.). Указ опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 20.

²⁸⁹ Ср.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 20, 21, 23.

собрание «печатных и письменных публичных указов», которые «были переплетены в книгу²⁹⁰, а сию книгу достали не знаю где-то Шигаев и Почиталин». Составители, «выбирая лутчия речи» из указов, помещенные в той книге, «по той выборке не умели порядочно речей сплести и упражнялись в составлении одного больше недели». Работа пошла быстрее лишь после того, как к ней был привлечен заводской крестьянин И. Петров, приехавший в Бердскую слободу с Воскресенского (или Белорепцкого) завода для подачи в Военную коллегию донесения с жалобой на своевольство башкир. Так как донесение показалось Горшкову и Почиталину «разумно написанным», то они, «призвав онаго Петрова на квартиру», показали ему черновик составленного ими указа и «просили, чтобы он выправил, который просмотря сие, сказал: „Нет-де, господа, не так написано“. И потом перечернил по-своему, которой так как им перечернен, после и я переписал. И носил оной для подписания к самозванцу Почиталин и, пришед от него в коллегию, сказал мне, что самозванец тот указ, не переправляя, подписал и хвалил, что написан хорошо»²⁹¹. Указ 17 ноября (как и текстологически связанные с ним манифесты 25 ноября и 2 декабря 1773 г.) близок по звучанию к языку и стилю использованных Почиталиным, Горшковым и Петровым актов верховной власти. Это по намерениям составителей должно было служить доказательством подлинности «Петра III», который, обращаясь к подданным, говорит «державным» языком, как и подобает царю. Примечателен указ 17 ноября и тем, что в его формуляре (в отличие от предшествующих указов Пугачева, адресованных к русскому населению) появляется положение, излагающее версию о новом явлении «Петра III» своим подданным²⁹². Сначала «Петр III» ссылается на некие «публикованные манифесты», в которых приводились обстоятельства его низложения с престола в 1762 г.²⁹³: «Усмотреть можете, каким образом мы от завистников общаго покоя всероссийскаго престола беззаконно лишены были, а потом сообщает, что ныне, по соизволению бога и «неизреченным» его «справедным судьбам», он, «Петр III», снова вступает на престол, покоряет верноподданных своему скипетру, «а завистников общему покою под ноги наши повергает». Приводимая в указе 17 ноября

²⁹⁰ Речь, видимо, идет о сборнике правительственных указов, возможно о книге «Указы императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийской, состоявшиеся с 1763 июля 1-го января по 1-е число 1764 года» (СПб., 1767), дополненной в одной из канцелярий рукописными копиями указов последующего времени.

²⁹¹ Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 216—216 об. Сходные показания об этом даны и Почиталиным (там же, л. 208).

²⁹² Эта версия, как отмечает Б. Г. Литвак, впервые прозвучала в октябрьских указах Пугачева на татарском языке, обращенных к нерусским народам (*Литвак Б. Г. Указ. соч.*, с. 23).

²⁹³ Возможно, что в данном случае имелись в виду манифесты Екатерины II от 1762 г., сообщавшие об отречении Петра III от престола (ПСЗ I, т. 15, № 41582, 41598).

версия о подлинности новоявленного «Петра III», справедливости и законности его притязаний на престол становится формулой, включаемой в текст ряда последующих манифестов и указов Пугачева ²⁹⁴.

Пугачевский указ «нашему губернатору к Рейнсдорпу» был подброшен к стенам Оренбурга 20 ноября ²⁹⁵. В ответ на это тогда же, судя по дневниковой записи П. И. Рычкова, казаки оренбургского гарнизона подбросили к подъехавшим повстанцам печатный экземпляр манифеста Екатерины II от 15 октября 1773 г. и два рукописных перевода его на татарском и калмыцком языках ²⁹⁶. В манифесте речь шла об отправлении против Пугачева карательной военной экспедиции генерала В. А. Кара ²⁹⁷. Но манифест вряд ли мог произвести ожидаемое властями впечатление на повстанцев, разгромивших войско Кара в боях 7—9 ноября 1773 г. у деревни Юзеевой, в 90 верстах от Оренбурга.

§ 21. Манифест Е. И. Пугачева (25 ноября 1773 г.). Манифест ²⁹⁸ составлен пугачевскими секретарями Почиталиным, Горшковым и заводским крестьянином И. Петровым в Бердской слободе. Текстологически манифест связан с пугачевским указом губернатору Рейнсдорпу от 17 ноября (см. § 20 данной главы), дословно повторяет основную часть текста этого указа и потому специально здесь не рассматривается. Следует указать лишь на два оригинальных реквизита манифеста: обращение и подпись. Манифест обращен «От самодержавного императора Петра Федоровича, самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая» ко «Всеим моим верноподанным рабам всякого звания и чина». Наличие такого адресата позволяет квалифицировать документ как манифест. Подпись «Петра III» в отличие от прежних указов, где обозначались титул и полное имя «царя», дана в манифесте в упрощенном виде — «Петр», что было санкционировано Пугачевым и прочно вошло в практику оформления последующих его указов и манифестов на русском языке. Почиталин вспоминал на следствии, что сперва Пугачев велел ему подписывать указы «сими словами»: «Великий государь Петр Третий Всероссийскаго», а потом приказал уже подписывать только одно имя: «Петр» ²⁹⁹.

Помимо упомянутой выше копии манифеста 25 ноября, сохранились и другие его копии: 1) копия, привезенная крестьянином Юрезанского завода на Саткинский завод в декабре

²⁹⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 21, 23—27, 30 и др.

²⁹⁵ Рапорт Рейнсдорпа в Военную коллегию от 25 ноября 1773 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 171—171 об.

²⁹⁶ «Хроника» П. И. Рычкова, с. 257.

²⁹⁷ Там же, с. 164—165.

²⁹⁸ Оригинал манифеста не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 21) манифест печатается по копии (ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 73—73 об.), присланной казанским губернатором Брантом в Сенат при рапорте от 28 февраля 1774 г. (там же, л. 58).

²⁹⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 206.

1773 г.³⁰⁰; 2) копия, объявленная в январе 1773 г. на Саткинском заводе атаманом И. С. Кузнецовым³⁰¹; 3) копия, заверенная надписью: «Сию копию списал Малмыжского закупа села Троицкого, Куваки тож, священник Стефан Дорофеев»; копия, передающая текст манифеста со значительными дефектами³⁰²; 4) дубликат копии, присланной в Сенат при рапорте казанского губернатора Бранта от 26 февраля 1774 г.³⁰³; 5) копия, происхождение и первоначальное место хранения которой установить не удалось³⁰⁴.

§ 22. *Манифест Е. И. Пугачева (1 декабря 1773 г.)*. Манифест³⁰⁵ составлен на татарском языке пугачевским секретарем Балтаем Идеркеевым и предназначался для распространения среди нерусского населения Уфимской провинции.

Манифест сложен по составу: в его тексте наряду с оригинальным разделом, посвященным критике крепостнических порядков в стране, содержатся положения, построенные на заимствовании текстов предшествующих посланий Пугачева. Наблюдается, в частности, близость отрывков текста («Сверх же сего и те, которые, как прежде, услуги приносили неизменные деду моему императору Петру Первому... никакого уже вы отягощения не понесете» и «А кто ж сей мой милостивой указ получит... будет всем полезно») к соответствующим положениям указов Пугачева, посланных 1 октября 1773 г. к башкирам и другим нерусским народам Оренбургской губернии³⁰⁶. А содержащиеся в манифесте 1 декабря тексты («Всех моих верноподданных рабов... ничем себя не защитит» и «А ныне ж я для вас всех един ис потерянных объявился... возвратит будет тогда никак нельзя») явно опираются на манифест Пугачева от 25 ноября 1773 г.³⁰⁷

Оригинальный раздел манифеста 1 декабря 1773 г. («А естли кто не будет на сие мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то: помещики и вотчинники... а вам отягощение и разорение») дает развернутую критику крепостнических порядков в стране, призывает к истребительной войне против помещиков, «сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской власти», которые несправедливо нажили имения и богатство путем эксплуатации, «отягощения и

³⁰⁰ Там же, д. 504, ч. 2, л. 290; послана в Сенат при рапорте челябинского воеводы А. П. Вережкина от 29 декабря 1773 г. (там же, л. 291).

³⁰¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 10, л. 401 об.

³⁰² Там же, д. 415, л. 54—54 об.

³⁰³ Там же, л. 29.

³⁰⁴ ЦГВИА, ф. 249, д. 1, л. 2.

³⁰⁵ Оригинал указа не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 22) опубликован по переводу (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 30—30 об.), объявленному пугачевскими атаманами Бакеем Абдуловым и Юскеем Кудашевым крестьянам и мастеровым Ижевского завода 1 января 1774 г.

³⁰⁶ Ср. док. № 6—8 и 24 в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...».

³⁰⁷ Ср. док. № 21 и 22 в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...».

разворения» трудового народа, захвата «крестьянского кошта». Манифест 1 декабря (наряду с воззваниями Челябинск от января 1774 г.³⁰⁸) звучит как самый яркий документ ставки Пугачева начального этапа Крестьянской войны, направленный против крепостничества и помещиков, как прямой предшественник июльских манифестов³⁰⁹, относившихся к апогею Пугачевского движения.

Судя по зоне распространения сохранившихся копий манифеста 1 декабря 1773 г. (районы Прикамья) и по тому, что все они исходили из Чесноковского штаба атамана И. Н. Зарубина, можно предположить, что оригинал манифеста был получен Зарубиным в начале декабря 1773 г. на Воскресенском заводе, откуда он был командирован под Уфу для руководства находившимися там повстанческими отрядами. Татарский оригинал манифеста и был предназначен для вовлечения в ряды повстанцев местного нерусского населения (башкир, татар, чувашей и др.). Для агитации среди русского населения края (заводские, помещичьи и государственные крестьяне, казаки, горожане) штаб Зарубина использовал манифесты Пугачева от 25 ноября и 2 декабря³¹⁰, а также переводы на русский язык манифеста 1 декабря 1773 г.

Сохранившиеся переводы манифеста 1 декабря имеют надпись: «Переведен с татарского письма на российской диалект сотником Юскеем Кудашевым». Из следственных материалов Казанской секретной комиссии известно, что Кудашев, крестьянин помещика и заводовладельца Тевкелева (по другим данным, Кудашев был мурзой, татарским князьком), в декабре 1773 г. ездил к атаману Зарубину в село Чесноковку, где, видимо, и сделал перевод манифеста на русский язык, который и был оглашен крестьянам и мастерам Ижевского завода 1 января 1774 г. после вступления туда повстанческого отряда Бакея Абдулова³¹¹. Один из экземпляров перевода манифеста остался в Чесноковке у Зарубина, и копии с него распространялись в русских селениях Прикамья. Сохранились еще четыре экземпляра копий перевода: 1) экземпляр, доставленный в Казанскую секретную комиссию от управителя Воткинского завода А. С. Клепикова³¹². В Воткинск он был прислан 14 марта 1774 г. от атамана крестьян-повстанцев Рождественского завода С. И. Волкова. Приехавший с этим манифестом угольный мастер В. Колесов показал на допросе в Казанской секретной комиссии, что документ этот привез на Рождественский завод Волков, ездивший в феврале 1774 г.

³⁰⁸ Документы ставки Пугачева..., док. № 391, 392.

³⁰⁹ Там же, док. № 39, 41.

³¹⁰ Там же, док. № 21, 23.

³¹¹ Протокол показаний унтер-штахтмейстера Ижевского завода А. Е. Губанова на допросе 18 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 4, л. 592.

³¹² Там же, д. 487, ч. 6, л. 108—108 об.

к Зарубину под Уфу³¹³; 2) идентичный экземпляр перевода, полученный генералом А. И. Бибиковым от администратора Сарapulьской дворцовой волости И. Гурьева 26 марта 1774 г.; к Гурьеву он прислан из Воткинска от управителя Клепикова³¹⁴; 3) сходный с двумя названными выше экземпляр, доставленный в Казанское духовное правление дьяконами села Покровского (Мултан-Тукля то ж) Казанского уезда Т. и А. Петровыми, выкравшими его у пугачевца-сотника М. Иванова-Тукмача³¹⁵; 4) экземпляр перевода, хранящийся в собрании бумаг акад. Н. Ф. Дубровина³¹⁶.

§ 23. *Манифест Е. И. Пугачева (2 декабря 1773 г.)*. Манифест³¹⁷ составлен в Бердской слободе пугачевскими секретарями И. Я. Почиталиным, М. Д. Горшковым и заводским крестьянином И. Петровым. Создание этого нормативного акта — итог длительной работы названного коллектива составителей. Сперва Почиталин и Горшков, опираясь на сборник печатных и рукописных правительственных указов, написали текст, который был отредактирован Петровым, переписан набело и одобрен Пугачевым. А потом уже этот беловой текст использовался в качестве предварительной заготовки при составлении указа Рейнсдорпу от 17 ноября и манифеста 25 ноября (см. § 20, 21 данной главы) и, наконец, при написании манифеста 2 декабря 1773 г. Вместе с тем манифест 25 ноября не был точным стереотипом для манифеста 2 декабря. Так, если в первом из них притязания новоявленного «Петра III» на престол были определяемы «соизволением бога», то во втором «божье соизволение» было подкреплено «молением и усерднейшим желанием наших верноподданных»; если в первом манифесте говорилось о свершающемся покорении «завистников общему покою», которых «всемогущий господь... под ноги наши повергает», то во втором отмечалось упорство этих «зависцов общему покою и благодетишю», которые, «ослеплясь неведением или помрачены от зависти злобою», не только сами «не приходят в чувство и высокой власти нашей чинят противление и непокорение и тщатся процветаяся имя наша таким же образом, как и прежде, угасить», но и стремятся «наших верноподданных рабов, истинных сынов отечеству, аки младенцев осиротить», повторно лишив права и радости служить «законному государю»³¹⁸. Всем, усердно покорившимся власти «Петра III», манифест 2 декабря объявлял всемилостивейшее прощение и «сверх того» обещал пожаловать «всякою вольностию

³¹³ Там же, л. 109—109 об.

³¹⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1236, л. 414—414 об., 419.

³¹⁵ ЦГАДА, ф. 6, л. 507, ч. 1, л. 340—340 об.

³¹⁶ ЦГВИА, ф. 249, д. 1, л. 3—4. Происхождение этого экземпляра копии установить не удалось.

³¹⁷ Оригинал манифеста не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 23) опубликована копия манифеста (ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 3), посланная 20 января 1774 г. пугачевским атаманом И. С. Кузнецовым в осажденный Кунгур.

³¹⁸ Ср. док. № 21 и 23 в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...».

отеческою». Построенный на заимствовании стиля и языка актов верховной императорской власти, манифест 2 декабря основным содержанием своим был направлен на доказательство истинности «Петра III», на укрепление его самодержавного авторитета. Социальное звучание манифеста было явно приглушено, особенно в сравнении с содержанием ряда предшествующих посланий Пугачева от сентября—начала декабря 1773 г. Это, впрочем, не мешало народу воспринимать обещание манифеста 2 декабря о пожаловании подданных за покорение «Петру III» «всякою вольностию отеческою» как провозглашение отмены прежних крепостнических порядков и предоставление трудовому населению различного рода свобод и экономических благ.

Манифест сохранился в 36 списках, в большинстве своем в виде копий, а также в нескольких дубликатах, в диапазоне датировок от 2 декабря 1773 г. по 23 июня 1774 г. Он многократно подтверждался ставкой Пугачева и служил нормативным актом «Петра III» вплоть до появления июньских манифестов 1774 г. О широком распространении манифеста 2 декабря свидетельствуют формы обнародования его экземпляров атаманами и эмиссарами Пугачева под Оренбургом, Уфой, Кунгуром, в Самаре, Красноуфимске, в Черемшанской, Троицкой, Верхне-Яицкой, Карагайской крепостях, на уральских заводах, в селениях Исетской, Уфимской, Оренбургской провинций, Слободного, Соликамского, Самарского, Ставропольского и Шадринского уездов. Поскольку в печати опубликован подробный перечень всех сохранившихся списков манифеста 2 декабря³¹⁹, остановимся здесь на характеристике наиболее примечательных, на наш взгляд, экземпляров.

19 января 1774 г. пугачевские полковники Салават Юлаев, Канзафар Усаев и атаман М. И. Попов к своему увещанию³²⁰, посланному в осажденный Кунгур, приложили копию манифеста, скрепленную подписью походного полкового писаря П. Д. Лутохина³²¹.

Два дня спустя, 21 января, атаман И. С. Кузнецов и полковник Салават Юлаев направили наставление атаману крестьян-повстанцев Юговского завода Г. Т. Ситникову³²², приложив к нему копию манифеста, скрепленную походным ротным писарем В. Протопоповым³²³.

При аресте пугачевского эмиссара, бузулудского солдатского сына В. В. Иванова, каратели отобрали экземпляр манифеста (датирован 18 декабря 1773 г.)³²⁴, с которым он разъезжал по селениям правобережья Волги под Сызранью. Хотя документ этот назван «копией», фактически — это дубликат, изготовленный

³¹⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., с. 381—383.

³²⁰ Там же, док. № 362.

³²¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1235, л. 264.

³²² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 365.

³²³ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 38—38 об.

³²⁴ Там же, д. 467, ч. 1, л. 279—279 об.

в ставке Пугачева под Оренбургом, о чем свидетельствуют графика иноязычной подписи под документом «Petr» и показания самого Иванова. Он заявил, что получил этот манифест в повстанческой Военной коллегии в Бердской слободе, откуда был направлен в Самару к атаману И. Ф. Арапову, а тот послал его для объявления манифеста крестьянам окрестных селений. С такими же манифестами, как показал Иванов, Военная коллегия отправила еще четырех эмиссаров в разные пункты Оренбургской губернии ³²⁵.

В середине апреля 1774 г., находясь со своим войском на Авзяно-Петровском заводе, Пугачев отправил в крепости и жительства Оренбургской и Сибирской губерний есаула Шибаева, снабдив его указом Военной коллегии ³²⁶ и манифестом (датирован 14 апреля) ³²⁷; указом коллегии предписывалось Шибаеву «манифест живущим во оных крепостях и слободах обывателям объявлять» и, списывая «с реченного манифеста точные копии, оставлять в каждом жительстве для того, чтоб они, жители, его императорскому величеству службу свою оказывать могли всеусердную и верную ревность, за что его величество имеет их всемилоштивейше жаловать».

Сохранился подлинный экземпляр манифеста (датирован 23 июня 1774 г.) ³²⁸, написанный повытчиком повстанческой Военной коллегии Г. Степановым в ставке Пугачева у Рождественского завода на Каме. В левом верхнем углу над текстом манифеста была приложена именная печать «Петра III»; позднее этот угол листа вместе с печатью вырезан. Манифест был вручен главному полковнику восставших Канзафару Усаеву, отправленному под Уфу для руководства действовавшими там повстанческими отрядами. Манифест, а также предписания Военной коллегии ³²⁹ были отобраны у Канзафара Усаева при аресте его карателями в начале августа 1774 г. На допросе он заявил, что с таким же манифестом Пугачев отправил Салавата Юлаева в башкирские волости Сибирской дороги Уфимского уезда, предписав ему готовить нападение соединенных сил восставших на Уфу ³³⁰.

§ 24. Манифест Е. И. Пугачева — 3 декабря (рамазана 29 дня) 1773 г. Манифест ³³¹ составлен в Бердской слободе пугачевским сек-

³²⁵ Протокол показаний В. В. Иванова на допросе 4 января 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, л. 281.

³²⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 70.

³²⁷ Сохранилась копия манифеста (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 51 об.), а оригинал его, скрепленный именной печатью «Петра III», был тогда же утрачен.

³²⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 45—45 об.

³²⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 72, 73, 76.

³³⁰ Показание К. Усаева от 4 августа 1774 г. — В кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 221—222.

³³¹ Оригинал манифеста на татарском языке хранится в собрании повстанческих документов Казанской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 2, л. 327); в кн.: «Документы ставки Е. И. Пугачева...», (док. № 24) напечатан по переводу на русский язык, выполненному М. А. Усмановым и С. Х. Алишевым (Алишев С. Х. Указ. соч., с. 64).

ретарем Балтаем Идеркеевым. Обращаясь к подданным, «Петр III» призывал их верно служить ему, обещая за это пожаловать «землями, водами, рыбными ловлями, покосами, пашнями, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим». Что же касается неприятелей, к числу которых отнесены бояре³³², генералы и офицеры, то их в случае неподчинения власти «Петра III» предписано истреблять, «голову рубить», захваченное у них имущество в основной части («обоз, лошади и разное оружие») доставлять к «царю», а «другие пожитки» раздавать повстанцам — «армейским людям». Справедливость конфискации имущества у дворянства и офицерства обосновывается в манифесте тем, что имущество это нажито было несправедливой эксплуатацией трудового народа — «они вас объедали, лишали моих рабов воли и свободы». Если же кто из прежних неприятелей повинуется, «тот не противник», но он обязан доказать свою верность «Петру III» воинской службой. По идейному звучанию манифест близок к содержанию рассмотренного выше манифеста Пугачева от 1 декабря 1773 г. (см. § 22 данной главы).

Текст манифеста 3 декабря завершается подписью «Петр Третий». Ниже этого следуют приписки, позволяющие с помощью других документов установить ряд фактов, связанных с назначением и подтверждением манифеста.

Первая из этих приписок, датированная днем составления указа и сделанная тем же почерком, что и сам манифест, предписывает отправлять его «в разные стороны и во все края» и, снимая с него копии, «передавать из деревни в деревни», а также дополняет содержание манифеста важным положением об освобождении крестьян и невольников в тюрьмах: «...кто раб боярской и если крестьян[ин] в неволе у злодеев — сегодня мною освобожден, кто в тюрьме — выпускается».

Вторая приписка на татарском языке, сделанная позднее и иным почерком, повторно подтверждает (контрассигнует) манифест и сообщает, что он вручен полковому старшине Бахтияру Канкай-углы (Бахтияру Канкаеву)³³³ и полковому сотнику Габдулкариму Кузкей-углы (Абдулкариму Кусекееву)³³⁴. Подтверждение манифеста удостоверено печатью Военной коллегии, оттиснутой на красном сургуче, и подписями сотрудников коллегии, судьи И. Творогова, секретаря М. Горшкова и повытчика И. Герасимова (подписи даны по-русски). Так как известно, что печать Военной коллегии появилась в обиходе ее делопроизводства

³³² Применительно к рассматриваемому времени речь, несомненно, идет о дворянстве.

³³³ Бахтияр Канкаев, митар одной из волостей Казанского уезда, примкнул к восстанию в декабре 1773 г., полковой старшина и полковник восставших в Башкирии и Прикамье. После поражения его отрядов в конце июля 1774 г. скрывался в прикамских лесах. Каратели безуспешно разыскивали его вплоть до конца 1774 г.

³³⁴ Абдулкарим Кусекеев — один из видных вожаков татарских повстанческих отрядов в Прикамье в декабре 1773—августе 1774 г.

лишь в марте 1774 г. и тогда же начал службу повытчиком в коллегии яицкий казак И. Л. Герасимов³³⁵, то и факт вручения пугачевского манифеста Бахтиару Канкаеву можно предположительно датировать началом марта 1774 г., когда Канкаев приехал в Бердскую слободу для подачи в коллегию извета с жалобой на Салавата Юлаева³³⁶.

Не лишено, впрочем, оснований и иное, высказанное нами ранее в печати предположение, что манифест мог быть вручен Бахтиару Канкаеву и Абдулкариму Кусекееву в начале декабря 1773 г. на Верхне-Торском заводе атаманом И. Н. Зарубиным, который по предписанию Пугачева направлялся для руководства повстанческим движением под Уфу и был, видимо, снабжен в этих целях несколькими экземплярами манифестов на русском и татарском языках³³⁷. Тогда же Зарубин вручил Бахтиару Канкаеву предписание о проведении мобилизации в окрестных селениях, набирая с каждых двух дворов по одному человеку в его отряд, а также о сборе годного к употреблению оружия и боеприпасов³³⁸. Исполнению этого поручения и мог способствовать пугачевский манифест 3 декабря 1773 г.

Этот манифест вместе с другими документами походной канцелярии Бахтиара Канкаева захвачен карателями при поражении канкаевского отряда в бою 27 июля 1774 г. у деревни Зюри в низовьях Камы³³⁹.

§ 25. Манифест Е. И. Пугачева (не позднее 15 декабря 1773 г.). Манифест³⁴⁰ составлен в Бердской слободе Балтаем Идеркеевым. Ввиду отсутствия точной даты составления манифеста датировка установлена по указанию о времени перевода его с татарского на русский язык: «Списано в башкирского иноверческого и переведено на российской язык чрез двух толмачей декабря 15-го дня 1773 году». Манифест декларирует истинность новоявленного «Петра III», призывает народ верно служить ему, как прежде служили «дедушке моему первому и великому императору Петру Алексеевичу», за что подданные будут пожалованы «впредь и после: пахотными землями и водами, и солью, и законом, и всем акипажем», а все, содержащиеся в тюрьмах и «в боярских руках», подлежат немедленному освобождению; не признающие же власти «Петра III» обрекаются на истребление, имущество их надлежит конфисковать и разделить между верно подданными. Эти положения манифеста близки по содержанию к формулировкам предшествующих посланий Пугачева: указа 1 октября к башкирам, татарам и калмыкам Ногайской и Сибир-

³³⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 66—68.

³³⁶ Там же, док. № 463 и примеч., с. 443.

³³⁷ Там же, с. 383.

³³⁸ Там же, док. № 153.

³³⁹ Там же, с. 443.

³⁴⁰ Оригинал манифеста на татарском языке не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 25) напечатан по переводу (ЦГАДА, ф. 6, л. 415, л. 47 об.).

ской дорог; манифестов 1 и 3 декабря 1773 г.³⁴¹, составленных на татарском языке Балтаем Идеркеевым (см. § 8, 22, 24 данной главы).

Пятидесятник уфимских казаков И. В. Губанов³⁴², получив в ставке Пугачева в Бердской слободе оригинал манифеста, отправился с ним в лагерь восставших под Уфу. Отправляя 15 декабря 1773 г. сотника башкир-повстанцев Батыркая Иткинина с его отрядом под Осу и Кунгур, Губанов вручил ему вместе с билетом (удостоверением) «точную копию» с «указу его императорского величества»³⁴³. В действительности это и был сделанный в тот же день двумя толмачами русский перевод татарского оригинала манифеста Пугачева. 2 января 1774 г. Батыркай Иткинин послал экземпляр перевода манифеста в осажденный Кунгур при своем письме к протопопу Благовещенского собора И. Пантелеймонову³⁴⁴.

Помимо опубликованного в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» экземпляра манифеста, сохранились идентичные ему списки: 1) перевод манифеста³⁴⁵, присланный к генерал-аншефу А. И. Бибинову при рапорте Пермской провинциальной канцелярии от 4 января 1774 г.³⁴⁶; 2) правительственный список с перевода³⁴⁷ (происхождение не установлено); 3) правительственный список с перевода³⁴⁸ (происхождение не установлено).

§ 26. *Проезжая грамота, выданная Е. И. Пугачевым атаману В. И. Торнову 15 декабря (шаввалля 11 дня) 1773 г.* — Грамота³⁴⁹ составлена в Бердской слободе секретарем Балтаем Идеркеевым. Точная дата выдачи грамоты (шаввалля 13 дня, что соответствует 15 декабря 1773 г. по юлианскому календарю) указана в татарском ее списке³⁵⁰. В русском переводе, выполненном в 1774 г. сотрудником Казанской секретной комиссии Сагитом Хальфиним, служившим в то время преподавателем казанской гимназии и переводчиком в Адмиралтейской конторе, указано, что грамота выдана в декабре, но числа нет. Грамота удостоверяла факт вручения ее «в силу именных указов... и по словесному распоряжению» «Петра Федоровича» Василию Тор-

³⁴¹ Ср. док. № 8, 21, 24 с док. № 25 (в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева...).

³⁴² Губанов Иван Васильевич, видный сподвижник атамана И. Н. Зарубина, захвачен в плен карателями 28 марта 1774 г. у Табынска, а 24 октября того же года публично казнен в Уфе.

³⁴³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 292.

³⁴⁴ Там же, док. № 293.

³⁴⁵ ЦГВИА, ф. 20, д. 1235, л. 127. Скреплен надписью: «С копию читал подканцелярист Данила Рязанцев».

³⁴⁶ ЦГВИА, ф. 20, д. 1235, л. 124.

³⁴⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 48.

³⁴⁸ ЦГВИА, ф. 249, д. 1, л. 5—5 об.

³⁴⁹ Сохранился текст грамоты на татарском языке (ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 2, л. 43) и русский перевод с нее (там же, д. 415, л. 49—49 об.); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 30.

³⁵⁰ Это установлено по новейшему переводу грамоты, выполненному С. Х. Алишевым и М. А. Усмановым.

нову³⁶¹, отправленному с пятью попутчиками в Нагайбацкую крепость; ему же предоставлялось право, «собравшись командою», покорять и другие крепости, а в случае появления неприятелей «дана власть рубить без всякого прекословия, без остановки, и без крику и без стону».

Поездка Торнова в Нагайбак была вызвана поступившими к Пугачеву жалобами жителей этой крепости и окрестных селений на своеволие башкир. При отправлении из Бердской слободы Торнову, помимо проезжей грамоты «Петра III», вручено было из повстанческой Военной коллегии «наставление такое, чтоб быть ему в Нагайбацкой крепости командиром и, собрав поблизости оной крепости из жителей команду, не допускать башкирцов до разорения жителей, тож препятствовать военным командам в проходе в Оренбург»³⁶². Торнов был снабжен также увещательным манифестом Пугачева «такого содержания: естли кто будет в повиновении оному Пугачеву, тому никакого разорения не будет, а неповиновавшимся — с великим угрозением»³⁶³. По свидетельству повстанца Султаналея Ахметова, один из экземпляров манифеста был написан по-русски, другой — по-татарски и скреплен «красною печатью» (оттиснута на красном сургуче)³⁶⁴.

Обосновавшись в Нагайбаке, Торнов приступил к созданию отрядов и вскоре стал видным вожаком повстанческого движения в Прикамье и северо-западной Башкирии. Но 9 апреля 1774 г. он с группой своих соратников был предательски схвачен башкирскими старшинами, бывшими попутчиками восстания, перешедшими на сторону карателей, и передан в руки военных властей. При аресте Торнова были захвачены документы его походной канцелярии³⁶⁵, в числе которых находилась и пугачевская проезжая грамота.

§ 27. *Именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорну (17 декабря 1773 г.)* Указ³⁶⁶ написан

³⁶¹ Торнов Василий Иванович (1737—1775), по-персидски Валит, уроженец г. Мешхеда, поселился в 1756 г. в селе Лебяжьем Ставропольского уезда, примкнул к Пугачеву осенью 1773 г., служил под Оренбургом в полку Т. И. Падурова, по рекомендации которого и был направлен атаманом в Нагайбак. В апреле 1774 г. захвачен в плен, содержался под следствием в Казанской секретной комиссии, откуда освобожден 12 июля 1774 г. при взятии Казани Пугачевым, позднее командовал полком в повстанческой войске. Снова был взят в плен в конце августа 1774 г. под Черным Яром. Казнен в Москве 10 января 1775 г. вместе с Пугачевым и его главными сподвижниками.

³⁶² Протокол показаний Торнова на допросе в Казанской секретной комиссии в апреле 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 431, л. 30 об.

³⁶³ Протокол показаний Торнова на допросе 29 октября 1774 г. в походной канцелярии генерала П. И. Панина. — Там же, д. 512, ч. 1, л. 95.

³⁶⁴ Протокол показаний Султаналея Ахметова на допросе 15 марта 1774 г. в походной канцелярии генерала А. И. Бибикова. — Там же, д. 467, ч. 3, л. 235 об.

³⁶⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 30, 166, 168, 185—202, 560, 561.

³⁶⁶ Оригинал указа хранится среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 17), куда был прислан

в Бердской слободе одним из повытчиков повстанческой Военной коллегии.

Указ почти дословно повторяет манифест Пугачева от 2 декабря 1773 г. (см. § 23 данной главы). Имеющаяся в манифесте титулатура «Петра III» — «Божиею милостию... и прочая» — в указе 17 декабря опущена, а адресат манифеста — «Объявляется во всенародное известие» — заменен в указе индивидуальным адресатом — «Указ нашему губернатору Рейнсдорпу». В целях удостоверения принадлежности указа истинному «императору» пугачевские секретари скрепили его иноязычной подписью «Petr», это новшество прочно вошло в практику оформления всех последующих указов и манифестов Пугачева. Вопрос о том, кто же именно скреплял послания Пугачева латинской подписью имени «царя», занимал следователей при дознании над Пугачевым и сотрудниками его секретариата. Почиталин заявил на допросе, что будто «Пугачев зачал сам подписывать по латыне «Петр», но, кто его научил, — не знаю»³⁵⁷. Графика этой подписи свидетельствует о том, что она выполнена рукой человека, свободно владеющего латинским письмом, а так как Пугачев грамотой не владел, то он не мог подписывать свои манифесты и указы. На допросе в Симбирске Пугачев утверждал, что под его указами подписывался пленный подпоручик Второго гренадерского полка М. А. Шванвич, проставляя по-латыне «Петер»³⁵⁸. Когда об этом спросили Шванвича, он ответил: «Кто подписывал на указах злодейских по латыне, я не знаю, а думаю, что бывшие в толпе его конфедераты³⁵⁹, взятые разными случаями в толпу»³⁶⁰. Сопоставление графики немецких и французских рукописей Шванвича (см. § 28) с латинскими подписями указов и манифестов Пугачева³⁶¹ показало, что подписи эти сделаны не Шванвичем.

Указ 17 декабря, а также «немецкий» указ Рейнсдорпу от 19 декабря³⁶² с так называемым автографом Пугачева³⁶³ переданы повстанцами казакам оренбургского гарнизона на «перего-

при рапорте Рейнсдорпа от 24 декабря 1773 г. (там же, л. 1); опубли. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 26. Сохранилась копия указа 17 декабря, изготовленная в Оренбургской губернской канцелярии (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 41) и посланная при доношении Рейнсдорпа в Сенат; на копии указа имеется надпись: «Привезен и объявлен декабря 20 числа яицкими казаками, выезжавшими для учинения с известными злодеями шермиции [стычки]».

³⁵⁷ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 206.

³⁵⁸ Вопросы истории, 1966, № 5, с. 114.

³⁵⁹ Сосланные в Оренбургскую губернию поляки, участники Барской конфедерации 1768—1772 гг.

³⁶⁰ Протокол показаний М. А. Шванвича на допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Пугачевщина, т. 3, с. 212.

³⁶¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 26—29, 31, 32.

³⁶² Там же, док. № 27.

³⁶³ Овчинников Р. В. Автографы Пугачева. — Вопросы архивоведения, 1960, № 6, с. 56—59.

ворке», последовавшей после стычки под городом 20 декабря 1773 г. Факт этот учтен в журнале Оренбургской губернской канцелярии³⁶⁴ и в дневниковой записи П. И. Рычкова, включенной в составленную им хронику³⁶⁵.

§ 28. *Именной указ Е. И. Пугачева оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу (19 декабря 1773 г.)*. Указ³⁶⁶ написан на немецком языке в Бердской слободе бывшим подпоручиком М. А. Шванвичем³⁶⁷. По существу, это был перевод на немецкий язык указа Пугачева Рейнсдорпу от 17 декабря 1773 г. (см. § 27). Обстоятельства создания «немецкого» указа освещены в показаниях секретаря Военной коллегии М. Д. Горшкова. Призвав его к себе, Пугачев сказал: «„Я-де приказывал прислать к тебе атамана Швановича. Как-де скоро он к тебе придет, так ты заставь его перевести последней мой указ, который ты с Почиталиным писал³⁶⁸ и принеси перевод ко мне“. А вскоре после того пришел ко мне в коллегию и оной Шванович, которому я, пересказав самозванцовы слова, дал тот указ. И Шванович переводил оной сперва начерно, а потом и набепо переписал, которой я потом отнес к самозванцу. А самозванец отослал оной, как я после о том слышал, к оренбургскому господину губернатору³⁶⁹. Сходные сведения об этом факте привел в своих показаниях Шванвич: однажды Пугачев прислал к нему казака, «чтоб я шел в канцелярию. А как пришел, то секретарь... Горшков сказал: „До тебя-де есть дело“ — и, вынув указ, тот, в котором в заглавии написано „Небезызвестно есть каждому“, говорил: „Батюшка-государь Петр Федорович велел тебе перевести оной указ на немецкой язык“, которой я и перевел»³⁷⁰.

«Немецкий» указ не имеет точной даты (обозначено лишь, что он составлен в декабре 1773 г.), и для его датировки имеется

³⁶⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 12 об.

³⁶⁵ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 276.

³⁶⁶ Оригинал указа хранится среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 18); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 27.

³⁶⁷ Шванвич Михаил Александрович (1755—1802), дворянин, подпоручик Второго гренадерского полка. Захвачен в плен повстанцами в начале ноября 1773 г. при поражении авангарда карательного корпуса генерал-майора В. А. Кара. Определен Пугачевым в есаулы, а позднее и в атаманы полка пленных солдат в повстанческом войске, одновременно исполнял обязанности секретаря в Военной коллегии восставших. 23 марта 1774 г., узнав о поражении Пугачева под Татищевой крепостью, Шванвич сдался властям. По приговору Сената, утвержденному Екатериной II, Шванвич лишен чинов и дворянства, сослан на пожизненное поселение в Сибирь, скончался в Туруханске в ноябре 1802 г. Подробнее о Шванвиче см.: *Блок Г. П.* Путь к Берду (Пушкин и Шванвичи). — *Звезда*, 1940, № 10, с. 208—217; № 11, с. 139—149; *Овчинников Р. В.* «Немецкий» указ Е. И. Пугачева. — *Вопросы истории*, 1969, № 12, с. 133—141.

³⁶⁸ Речь идет об указе 17 декабря 1773 г.

³⁶⁹ Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 220—220 об.

³⁷⁰ Пугачевщина, т. 3, с. 212.

два отправных момента: 1) 17 декабря — дата предшествующего указа Рейнсдорпу на русском языке, с которого Шванвичем делался немецкий перевод; 2) 20 декабря — день, когда оба эти указа, русский и немецкий, были подброшены к стенам Оренбурга. Следовательно, «немецкий» указ мог появиться не ранее 17 и не позднее 20 декабря. В литературе же датой составления указа считается 19 декабря 1773 г.

Рейнсдорп, отправляя 24 декабря рапорт в Военную коллегию³⁷¹, приложил к нему «немецкий» указ и другие документы из лагеря повстанцев (указы 17 и 21 декабря, автографы Пугачева и др.). Появление из лагеря Пугачева документа на немецком языке всерьез обеспокоило императрицу Екатерину II, которая и раньше считала, что выступление народа было будто бы инспирировано агентурой иностранных государств. В наказе чиновникам Оренбургской секретной комиссии от 26 апреля 1774 г. она особо предписала: «Старайтесь узнать: кто сочинитель немецкого письма, от злодеев в Оренбург присланного, и нет ли между ними чужестранцев, и, несмотря ни на каких лиц, уведомите меня о истине»³⁷². В самом начале следствия, при допросах 8 мая 1774 г. видных пугачевцев Шигаева, Почиталина и Горшкова, секретная комиссия установила, что составителем «немецкого» указа был Шванвич³⁷³, что и сам он подтвердил в показаниях на допросе 17 мая³⁷⁴. Основываясь на этих сведениях, секретная комиссия 21 мая рапортовала Екатерине II: «Что касается до немецкого письма, от злодея к оренбургскому господину губернатору писанного, то сие писал 2-го гренадерского полку подпоручик Шванович, бывший в то время в полону и атаманом над захваченными в толпу злодейскую гренадерами»³⁷⁵. Это успокоило Екатерину II, она поняла, что Шванвич — лицо, случайно оказавшееся в кругу сподвижников Пугачева.

§ 29. Именной указ Е. И. Пугачева И. Л. Тимашеву (21 декабря 1773 г.). Указ³⁷⁶ составлен в Бердской слободе сотрудниками повстанческой Военной коллегии. Обращенный к Тимашеву³⁷⁷, указ квалифицируется как «новый знак... милосердия» «Петра III», который «аки отец отечеству» стремится привести всех своих верноподданных «в благоцветущее состояние и во всеподданнейшее усерднейшее повиновение». И хотя со стороны Тимашева причинено было немало «неизреченных озлоблений и про-

³⁷¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 1.

³⁷² ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 1, л. 1.

³⁷³ Там же, д. 508, л. 86, 207, 220—220 об.

³⁷⁴ Пугачевщина, т. 3, с. 212.

³⁷⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 508, ч. 2, л. 6.

³⁷⁶ Оригинал указа хранится среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 23—23 об.); опублик. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 28.

³⁷⁷ Тимашев Иван Лаврентьевич, крупнейший помещик и заводовладелец Оренбургской губернии, в апреле—декабре 1774 г. участвовал в карательных операциях против повстанцев в Исетской и Уфимской провинциях, командуя конным отрядом.

тивностей», но ежели он, «возникнув от мрака неведения», придет в чувство, покорится власти «Петра III», то прежние его «противности» преданы будут «вечному забвению», он получит прощение и сверх того будет пожалован «всякою вольностью и благополучием». Если же Тимашев, продолжая упорствовать, останется в прежней «жестокой суровости и непокорении», то он не избегнет «ионосной и публичной, как и Копеечкин³⁷⁸, смерти». Указ завершается выражением сожаления по поводу участи жителей Оренбурга, которые терпят бедствия осады, будучи непричастными к «зlobe и противлению» Тимашева и подобных ему неприятелей «Петра Федоровича». Сама эта фраза служит признанием того, что пугачевские секретари сомневались в действительности указов, отправленных в Оренбург к Тимашеву и к старшине М. М. Бородину.

Хотя над текстом указа имеется отметка, что он «подброшен 22 числа декабря 1773 года», но в действительности событие это произошло днем раньше. В журнале Оренбургской губернской канцелярии в записи от 21 декабря сообщается, что в этот день повстанцы, «не делая бою, подкинули токмо два соблазнительных листа»: один — господину коллежскому советнику Тимашеву, другой — яицкому верному старшине Мартемьяну Бородину³⁷⁹. Оба указа были приложены к рапорту Рейнсдорпа, посланному 24 декабря в Секретную экспедицию Военной коллегии³⁸⁰.

Сохранилась копия указа Тимашеву, сделанная с оригинала в Оренбургской губернской канцелярии; на копии надпись: «В равной силе пасквиль подброшен того ж числа на имя Мартемьяна Бородина, старшины войска Яицкого»³⁸¹.

§ 30. *Именной указ Е. И. Пугачева войсковому старшине яицких казаков М. М. Бородину (21 декабря 1773 г.)*. Указ³⁸² составлен в Бердской слободе сотрудниками повстанческой Военной коллегии. По содержанию указ М. М. Бородину идентичен указу И. Л. Тимашеву (см. § 29 данной главы); различие между ними в том лишь, что они адресованы разным лицам.

³⁷⁸ Копеечкин Петр Ларионович (1720—1773), сотник яицких казаков послушной стороны, зять войскового атамана П. В. Тамбовцева, в дни восстания 1772 г. на Яике находился под арестом у восставших, с начала Крестьянской войны вел активную агитацию против Пугачева, возглавил карательный отряд, но вскоре был схвачен повстанцами и в начале ноября 1773 г. казнен в Бердской слободе.

³⁷⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 12 об.—13.

³⁸⁰ Там же, л. 1.

³⁸¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 41—41 об. Эта копия была послана Рейнсдорпом в Сенат при рапорте от 24 декабря 1773 г. (там же, д. 494, л. 100).

³⁸² Оригинал указа хранится среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 24—24 об.); указ прислан в Военную коллегию при рапорте Рейнсдорпа от 24 декабря 1773 г. (там же, л. 1); опубл. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 29.

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ УКАЗОВ
И МАНИФЕСТОВ Е. И. ПУГАЧЕВА.
КОНТРЕМЕРЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ**

Последние два месяца 1773 г. — время значительных успехов повстанческого движения, охватившего всю Оренбургскую губернию и перекинувшегося в смежные уезды Казанской и Сибирской губерний. К концу декабря повстанцы прочно удерживали в блокаде Оренбург, Уфу, Мензелинск, Бирск, Челябинск, Ставрополь, вышли в низовья Яика, захватили Яицкий городок, кроме городского укрепления («ретраншамента»), где засел в осаду гарнизон, и Самару, овладели селениями вдоль нижнего и среднего течения Камы, появились вблизи Казани, Красноуфимска, Кунгура и Екатеринбурга. Развитие восстания определялось как военными успехами главной армии Пугачева и местных отрядов восставших, так и широким распространением пугачевских указов и манифестов, отражавших требования трудового населения края, и прежде всего русского и нерусского крестьянства. В ноябре—декабре 1773 г. из ставки Пугачева, помимо 14 сохранившихся посланий «Петра III» (см. § 17—30 данной главы), разослано было еще по крайней мере 14 именных указов, не дошедших до нас, но содержание которых реконструировано по свидетельствам документальных источников иного происхождения³⁸³. Следует также иметь в виду, что реальное число существовавших в то время рескриптов Пугачева превышало названную выше цифру (28), так как отдельные из них были в нескольких повстанческих экземплярах — дубликатах и копиях, имевших самостоятельное значение (так, манифест 25 ноября сохранился в 6 экземплярах, манифест 1 декабря — в 5, манифест 2 декабря — в 18 экземплярах).

Выше приводились показания Пугачева и его соратников (Шигаев, Почиталин, Зарубин и др.) относительно распространения пугачевских посланий и воздействия их на вовлечение населения в восстание, на пополнение главного повстанческого войска, создание местных отрядов. Показания эти касаются событий не только октября 1773 г., но и последующих месяцев начального этапа Крестьянской войны (ноябрь 1773—март 1774 г.), когда ставка Пугачева действовала под Оренбургом.

Об огромном воздействии пугачевских посланий на умы простого народа и на распространение восстания говорят свидетельства представителей военной и гражданской администрации Екатерины II, относящиеся к ноябрю и декабрю 1773 г. Журнал Оренбургской губернской канцелярии, характеризуя обстановку, сложившуюся в губернии в ноябре, отмечал, что Пугачев своими указами позволяет башкирам захватывать заводы и помещичьи имения, «крестьянам боярским и заводским» обещает снизить подушную подать до мизерной, чисто символической суммы — «по три копейки с души», а «прочим людям, как равно и всем», су-

³⁸³ См. ч. II, гл. 1, § 17—30.

лит вольность, «чему обитающей в Оренбургской губернии разных вер. . народ», невзирая на «неоднократные увещевания» Рейнсдорпа, «без сомнения и верит»³⁸⁴. Казанский губернатор Брант 21 ноября доносил Военной коллегии, что не только в Оренбургской, но и в Казанской губернии, прослышав об указах Пугачева, «все нижняго состояния люди, будучи обольщенными вольностию, небраением никаких податей и рекрут, готовы на преклонение» к восстанию³⁸⁵. Генерал В. А. Кар доносил в Военную коллегию, что «по генеральному в сем краю [в Оренбургской губернии] колебанию» народа, куда бы Пугачев ни пошел, «езде будет принят»³⁸⁶, а когда войска карательного корпуса сблизались с повстанцами под деревней Юзеевой и высланные им, Каром, офицеры стали увещевать мятежников, то они отказались принять манифест Екатерины II от 15 октября 1773 г. и «ответствовали только з бранью, что их манифесты правее, и начали стрелять из пушек»³⁸⁷. Кар заключил свое донесение мнением, что единственным действенным средством подавления восстания явится присылка крупного соединения регулярных войск, а промедление с этим может привести к тому, что «возгоревшееся сие пламя надобно много уже трудитца утушать»³⁸⁸. Крупных успехов достигли повстанцы в восточной части Оренбургской губернии, где власти не располагали надежными военными силами. Освещая положение, сложившееся в этом районе, генерал И. А. Деколонг доносил Военной коллегии 11 ноября: «Заводские крестьяня и башкирский народ по возмущениям известного. . . Емельяна Пугачева мятутся и толпу ево. . . час от часу умножают»³⁸⁹.

Поражение в ноябре 1773 г. карательных команд генерала В. А. Кара, полковника П. М. Чернышева и майора Е. Заева способствовало росту авторитета Пугачева и успеху его агитации. Характеризуя положение, сложившееся в начале декабря 1773 г. в Закамье и Заволжье, генерал-майор Ф. Ю. Фрейман, принявший на себя командование карательным корпусом после отъезда генерала Кара в Москву, доносил Военной коллегии, что стбит в каком-либо селении появиться небольшой группе пугачевцев, «наполовину безоружейных», как «крестьяна не токмо им не противятся, но еще и сами помогают грабить помещичьи дворы и разносят слухи», что пугачевская армия намерена идти в Казань, «отчего так вся здешняя окружность трепещет, что никакова от жителей оной известия о скитаниях злодейских по-

³⁸⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 194.

³⁸⁵ Там же, д. 1230, л. 288. Архимандрит Платон Любарский писал 14 ноября к Н. Н. Бавтышу-Каменскому, что Пугачев через своих эмиссаров «не без успеха рассеивает» манифесты «в околичностях» самой Казани (ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 26).

³⁸⁶ Письмо к президенту Военной коллегии З. Г. Чернышеву от 11 ноября 1773 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 211.

³⁸⁷ Рапорт в Военную коллегию от 11 ноября 1773 г. — Там же, л. 205.

³⁸⁸ Там же, л. 211.

³⁸⁹ Там же, л. 244.

лучить не можно»³⁹⁰. Астраханский губернатор П. Н. Кречетников писал 10 декабря 1773 г. президенту Военной коллегии З. Г. Чернышеву, что причина успехов Пугачева определяется его отношением к крестьянству: посланные им атаманы захватывают «единственно помещичьи дома, отбирая имения, лошадей, скот и хлеб; до крестьянского ж имения не касаются, а естли что и взято будет, то за деньги»³⁹¹. Тем самым Пугачев «чернь к себе притягает, о чем мне сами помещики сказывали». Именно поэтому выступление Пугачева представлялось Кречетникову событием большего масштаба, «нежели самая свирепая внешняя война»³⁹². И в справедливости этой оценки нельзя усомниться, учитывая содержание донесений такого авторитетного администратора и военачальника, как генерал-аншеф А. И. Бибииков, который 29 ноября 1773 г. был назначен командующим карательными войсками и начальником секретной следственной комиссии. Прибыв в Казань и ознакомившись с делами, он нашел, что «опасностию грозит всеобщее возмущение башкир, калмык и разных народов, обитающих в здешнем краю, а паче и естли приписныя к заводам крестьяне к ним прилепятся». Более всего его страшило «прилепление черни к самозванцу и его... толпе»³⁹³. 3 января Бибииков писал Екатерине II, что к «оставлению успехов» восставших и к «удержанию... черни» от присоединения к Пугачеву не видит он «иных еще способов, как воинская сила», но надеется испытать и другие «средства к пресечению зла, столь далеко возросшаго»³⁹⁴. 5 января он доносил З. Г. Чернышеву о действиях эmissаров Пугачева, которые «разсевают» его манифесты и, «обольщая» ими «чернь», повсеместно приводят ее в «колебание»³⁹⁵. Сообщая генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому о принимаемых мерах к подавлению восстания, Бибииков писал, что он мог бы вскоре усмирить мятежников, если бы они «разными приемами не умножали» свои ряды и если бы, «к несчастию, черной народ» не был столь склонен к Пугачеву: «Вот труднейшее в сем деле обстоятельство, которое без воинской силы прекратить теперь видится невозможно»³⁹⁶. Столь же тревожные вести об успехах Пугачева и о «пагубном» воздействии его воззваний на народ сообщались в Сенат³⁹⁷,

³⁹⁰ Рапорт от 7 декабря 1773 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 13.

³⁹¹ В числе свидетельств такого рода следует сослаться на показание угольного мастера Рождественского завода В. Колесова: командир русско-башкирского повстанческого отряда говорил в декабре 1773 г. заводским крестьянам, что от «Петра III» приказано «у всех господ пожитки обирать, а в дома крестьянские не вступать и вашего имения не брать» (ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 4, л. 10 об.—11).

³⁹² ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 237—237 об.

³⁹³ Письмо А. И. Бибиикова З. Г. Чернышеву от 30 декабря 1773 г. — Там же, л. 521.

³⁹⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 274.

³⁹⁵ ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 437 об.

³⁹⁶ Письмо от 8 января 1774 г. — ЦГИА СССР, ф. 468, оп. 343/1082, д. 2, л. 60.

³⁹⁷ ЦГАДА, ф. 494, д. 504, ч. 1—6.

в Военную коллегию³⁹⁸, императрице³⁹⁹ донесениями военачальников, губернаторов Оренбургской, Казанской, Сибирской и Астраханской губерний, провинциальных и уездных воевод, помещиков и заводладельцев.

Слухи о вольности, прокламируемой манифестами «Петра III», вызвали открытое брожение среди крестьян правобережных уездов Средней Волги. Чиновники секретной комиссии в декабре 1773 г. в пути через эти места «чем ближе подъезжали к Казане, то больше слышали настоящую опасность к распространению» от Пугачева «величайшаго пожара, ибо во многих деревнях наезжающая нами, напоенная уже ядом чернь вслух почти кричала, что настает их время, в которое возьмут оне верх над властями, и опасатца будет нечево, что ни зделают»⁴⁰⁰. Пугачев верил в огромные возможности воздействия его антикрепостнической агитации на простой народ. В беседе, происходившей в декабре 1773 г. в Бердской слободе с приехавшим из Петербурга яцким казачьим сотником А. П. Перфильевым, он говорил: «Ты сам видишь, сколько теперь взято крепостей. А народу у меня как песку. А дай сроку, будет время и к ним в Петербург заберемся, моих рук не минуют. Я-де знаю, что вся чернь меня везде с радостию примет, лишь только услышит»⁴⁰¹.

Чрезмерно оптимистически оценивая перспективы восстания, Пугачев не учитывал или, вернее, недооценивал военные возможности правительства Екатерины II. В начале декабря 1773 г. Военная коллегия направила против восставших карательную армию генерал-аншефа А. И. Бибикова⁴⁰². С января 1774 г. войска Бибикова перешли в наступление на широком фронте от Казани до Самары, тесня авангардные повстанческие отряды к востоку.

Наряду с организацией и проведением карательных военных операций правительство Екатерины II продолжало использовать в борьбе с восстанием средства пропаганды, стремясь дискредитировать его с политической, нравственной и религиозной сторон, избличая Пугачева как самозванца, «вора» и ставленника раскольников, квалифицируя восставших как «государственных изменников», «бунтовщиков», «разбойников» и «богоотступников», дерзко посягнувших на «общий покой» и «благоденствие» страны, на данные «свыше» божественные установления и на

³⁹⁸ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, 1231.

³⁹⁹ Там же, ф. ВУА, д. 143; ЦГАДА, ф. 6, д. 485, 486, 503.

⁴⁰⁰ Рапорт капитан-поручика С. И. Маврина к Екатерине II от 21 мая 1774 г. — ГПБ, ОР, F-IV, д. 688, ч. II, папка 2, т. 2, л. 126.

⁴⁰¹ Протокол показаний А. П. Перфильева на допросе 12 сентября 1774 г. в Яцкой секретной комиссии. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 104.

⁴⁰² В состав армии входили полки: Архангелогородский и Санкт-Петербургский карабинерные, Владимирский и Томский пехотные, Изюмский и Бахмутский гусарские, 2-й гренадерский, Чугуевский казачий, четыре легкие полковые команды (22-я, 23-я, 24-я, 25-я); позднее к ним были присоединены три полка малороссийских и донских казаков; под начальством Бибикова находились также местные гарнизонные и полевые команды и корпус генерала Ф. Ю. Фреймана в Бугульме.

государственные законы. Власти продолжали распространять в затронутых восстанием районах противопугачевский манифест Екатерины II, изданный 15 октября 1773 г. при отправлении карательной экспедиции генерала В. А. Кара.

Новая волна правительственной пропаганды была связана с отправлением карательной армии генерала Бибикова. Канцлер граф Н. И. Панин составил проект манифеста, который после обсуждения на заседаниях императорского совета 28 ноября, 9 и 12 декабря был подписан Екатериной II, помечен датой «29 ноября 1773 года» и типографски размножен в нескольких сотнях экземпляров⁴⁰³. Расписавши в манифесте успехи своего одиннадцатилетнего царствования, «когда просвещение, человеколюбие и милосердие, насаждаемые ею в нравах и законах, предвещали «богатую жатву сих сладчайших плодов», Екатерина II объявляла, что она с «вящим оскорблением и поражением... сердца» узнала о беглом донском казаке Емельяне Пугачеве, который отважился «без всякого подобия и вероятности» взять себе имя покойного императора Петра III и, подняв мятеж, сумел «обольстить и принудить в сообществе себе и некоторую часть жителей Оренбургской губернии». Сообщая о посылке войск генерала Бибикова для усмирения «гражданского междоусобия» и на «конечное поражение» мятежников, Екатерина II призывала сторонников Пугачева прийти в раскаяние и явиться с повинной властям, обнадеживая полным прощением. Указом от 29 ноября Екатерина II предписала Бибикову обнародовать манифест в селениях Оренбургской, Казанской и Астраханской губерний, Екатеринбургском ведомстве, сибирских пограничных линиях и в донских казачьих станицах⁴⁰⁴. Канцлер Панин считал эту меру недостаточной и, выступая на заседании императорского совета 12 декабря, высказал мнение, что, поскольку о восстании «известно уже во всем государстве... правление, скрывая его пред народом, придает ему более важности, нежели есть на самом деле... посему для отнятия всех вредных мыслей и толков, следовательно же, и удержания соседних мест в спокойстве» необходимо, не ограничивая зону распространения послания Екатерины II районом восстания и прилегающими к нему местами, «объявить о том манифесте во всей империи, именовав мятежников разбойничьими толпами и Пугачева—вором и самозванцем»⁴⁰⁵. В соответствии с этим был составлен и издан новый манифест Екатерины II от 23 декабря 1773 г.⁴⁰⁶, повторяющий в сокращенном виде положения предшествующего манифеста

⁴⁰³ Печатный экземпляр манифеста 29 ноября 1773 г. хранится в ЦГВИА (ф. ВУА, д. 143, л. 53—54 об.); там же (л. 43—51 об.) находится рукописный проект манифеста с собственноручной редакционной правкой Екатерины II. В ПСЗ I (т. 19, № 14091) манифест этот ошибочно датирован 23 декабря 1773 г.

⁴⁰⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 40.

⁴⁰⁵ Архив Государственного совета, т. 1, ч. 1, с. 445.

⁴⁰⁶ ПСЗ I, т. 19, № 14091; Черновик манифеста с собственноручной редакционной правкой Екатерины II. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 54—56 об.

29 ноября, но в отличие от него объявленный во всенародное известие — «всем нашим верным подданным». Десятью днями раньше, 13 декабря, Сенат обнародовал свой указ, сообщающий о мятеже, поднятом Пугачевым, и предписывающий усилить охрану селений от проникновения пугачевских агентов и от вторжения повстанческих отрядов⁴⁰⁷.

Активное участие в противопугачевской пропаганде принимали церковные власти. 4 ноября 1773 г. обратился к пастве с увещанием архиепископ казанский и свияжский Вениамин (в его епархию входила также и вся Оренбургская губерния)⁴⁰⁸. Опираясь на богословские тексты, Вениамин осуждал самозванство и богоотступничество Пугачева, который обещает «всем к нему прилепившимся, аки сатана искушаемому Христу богу, мечтательная царствы земная», чем «малорассудных людей приводит в развращение и конечную погибель». Увещевание призывало паству сохранять непоколебимую верность в «присяге и крестном целовании и обещании пред богом» Екатерине II, запечатлев при необходимости и самой смертью «любовь и покорение к высочайшей власти». В таком же духе выдержаны увещевания епископа вятского и великопермского Варфоломея, обнародованные в ноябре—декабре 1773 г.⁴⁰⁹ Апофеозом церковного осуждения Пугачева и его сторонников явилось предание их анафеме, объявленное Синодом 10 декабря 1773 г.⁴¹⁰

Но в противоборстве сторон роль решающего аргумента могла принадлежать лишь военной силе. И пока войска Бибикова находились в пути, а местные власти пассивно выжидали их прибытия, ни правительственные манифесты, ни церковные увещевания не могли оказать желаемого воздействия ни на пугачевцев, ни на население повстанческого края, «обольщенного» антикрепостническими посланиями Пугачева. Более того, власти с тревогой доносили о фактах открытого неповиновения присланным из Петербурга и Казани увещеваниям. Ставропольский комендант бригадир И. З. Фегезак писал 15 декабря 1773 г в Военную коллегию, что посланных им с «указами ея императорскаго величества унтер-офицеров и солдат» крестьяне «бьют немилосердно и грабят, а те указы отнимают и совсем [ими] пренебрегают, и никакого исполнения и послушания не имеют. Утушить же мне сей пожар... никаким образом невозможно»⁴¹¹. Подпоручик Романовский, посланный в ноябре 1773 г. из Казани, доносил, что при чтении им в деревне Исаклы указа (речь идет о манифесте Екатерины II от 15 октября 1773 г.)

⁴⁰⁷ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 165—168.

⁴⁰⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 279—280 об. Увещевание опубликовано в тексте записок оренбургского священника И. Осипова (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, кн. 2, с. 564—567).

⁴⁰⁹ Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1909, вып. 2/3, с. 95—96; Русская старина, 1917, № 10, с. 129—130.

⁴¹⁰ *Дубровин Н. Ф.* Указ. соч., т. 2, с. 238.

⁴¹¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 353.

«крестьяне не только в слушании указа не дали подписки», но и объявили ему, что они «не слушают того указа, а только-де слушают указы из Оренбурга», т. е. от Пугачева⁴¹². Аналогичные факты имели место в то время и в деревнях Бузулукского уезда, где крестьяне отказались слушать манифест Екатерины II, заявив священнику И. Федорову: «Нам-де батюшка Петр Феодорович дал полную волю служить ему и молитца богу, как кто хочет, то мы-де почитаем ево, что он — подлинной царь наш и любит своих подданных»⁴¹³.

Власти прилагали немало усилий к задержанию пугачевских эмиссаров-«разгласителей» и к изъятию распространяемых ими воззваний «Петра III». 12 ноября 1773 г. генерал-поручик И. А. Деколонг разослал ордера комендантам сибирских пограничных линий и крепостей, сообщая им, что Пугачев «чрез рассеянные от себя ложные манифесты приводит подлых людей в замешательство и колеблемость», а потому и надлежит, если «буде какие в рассеянии... ложные манифесты и другие подозрительные письма, оные, не веря им отнюдь, присылать ко мне»⁴¹⁴. Генерал-аншеф А. И. Бибилов в наставлении от 30 ноября 1773 г. чиновникам секретной комиссии, отправляемым в Казань, писал, что они должны обратить особенное внимание на задержание «разгласителей», которые повсюду, в том числе и в другие губернии (помимо Казанской), разосланы от Пугачева «для возбуждения и мятежа простого народа». При дознании над ними необходимо «отыскать прямое начало сего смятения и замешательства» и «доискиваться допряма... с какого подвига сии разгласители таковые зловредные и непопозволенные разгласения производили: от самого ли самозванца Пугачева и его сообщников они отпавлены, куда и с каким намерением... и не находятся ли какая стороны сему злодею способствовавшая и чрез кого»⁴¹⁵. Заключительная часть цитируемого отрывка наставления отражала заблуждения властей относительно истинных причин восстания. Екатерина II и ближайшие ее сотрудники всерьез полагали, что выступление Пугачева могло быть инспирировано либо раскольниками-старообрядцами, либо агентурой зарубежных государств, либо даже проясками оппозиционных деятелей из среды высшего дворянства. Таких воззрений правительство придерживалось вплоть до завершения следствия над Пугачевым и его соратниками в декабре 1774 г. Для Екатерины II был приемлем любой из названных выше вариантов, но только не признание того, что восстание было вызвано обострением социальных противоречий в России, ужесточением ре-

⁴¹² Письмо губернатора Бранта в Казанскую секретную комиссию от 16 января 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 1, л. 105.

⁴¹³ Протокол показаний священника села Стайкина И. Федорова на допросе 4 июля 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, ф. 349, д. 7329, л. 140 об.

⁴¹⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 5, л. 100.

⁴¹⁵ Там же, д. 507, ч. 1, л. 1 об.

жима крепостнической эксплуатации народа, и прежде всего крестьянства.

Прибыв в конце декабря 1773 г. в Казань и ознакомившись с состоянием края, «обольщенного» воззваниями Пугачева и «разглашениями» его агентов, А. И. Бибииков отправил предписания губернаторам (казанскому — Я. Л. Бранту, астраханскому — П. Н. Кречетникову, сибирскому — Д. И. Чичерину, генералу И. А. Деколонгу, управителю екатеринбургских и сибирских заводов полковнику В. Ф. Бибиикову): «... ежели где от него, Пугачева, появятся какие письма или слухи, именем императора Петра Третьего зловредно разглашаемые, то тех бы плутов, которые с ними покажутся, — ловить и за крепким караулом отсылать в нарочно учрежденную в Казани секретную комиссию»⁴¹⁶.

Январь—март 1774 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

В первые три месяца 1774 г. наряду с отдельными успехами восставших в низовьях Яика, в Заволжье, под Кунгуром, Екатеринбургом и в Западной Сибири общая военная обстановка стала постепенно складываться не в пользу Пугачева: его передовые отряды, теснимые и поражаемые карательными войсками, успешно отходили к Оренбургу. В начале весны в боевые действия вступило «Главное войско» восставших, но потерпело крупные поражения от неприятеля в битвах под Татищевой крепостью (22 марта) и у Сакмарского городка (1 апреля), после чего Пугачев с остатками своих сил отошел в заводские районы Южного Урала. Главное внимание ставки Пугачева в январе—марте 1774 г. сосредоточивалось на организации военного отпора неприятелю. Этой задаче в основном было подчинено и содержание рескриптов предводителя восстания. К сожалению, подавляющее число этих документов было утрачено в ходе развернувшихся военных действий⁴¹⁷. Сохранилось от этого периода всего лишь два документа от марта 1774 г., которые и рассматриваются ниже.

§ 31. *Манифест Е. И. Пугачева (3 марта 1774 г.)*. Манифест⁴¹⁸ составлен в Бердской слободе сотрудниками повстанче-

⁴¹⁶ *Державин Г. Р.* Дневная записка поисков над самозванцем Пугачевым. — Соч. СПб., 1876, т. 7, с. 15; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907, с. 59; ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. X, л. 121—121 об.

⁴¹⁷ В источниках выявлены данные о содержании 26 несохранившихся указов и манифестов Пугачева, составленных в январе—марте 1774 г. (см. ч. II, гл. 1, § 31—55).

⁴¹⁸ Оригинал манифеста хранится в собрании повстанческих бумаг Тайной экспедиции Сената (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 18—18 об.); опублик. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 31.

ской Военной коллегии. Обращаясь «во всенародное известие» с этим манифестом и напоминая о своих постоянных заботах «привести в благоцветущее состояние и... усерднейшее повиновение» верноподданных, Пугачев объявлял о преступлении некоего казака — в тексте оставлен пропуск для внесения имени обвиняемого («имрек»), который нанес ему «чрезвычайно оказанную... несносную... поносную обиду», за которую он «по всем правам и узаконениям подверг себя... публичной и поносной смертной казни». Однако решение участи преступника передается на усмотрение «всего общества», которое путем голосования и должно определить, «простить ли ево... или учинить над ним на основании законов, продчим в страх и в подтверждение смертной казни». Завершался манифест выражением надежды на то, что наказание преступника послужит назидательным примером для всех, дабы никто впредь не отваживался поносить честь «Петра III», но признавал и почитал его за «действительного и природного своего чадолюбивого монарха».

Манифест представлял собой стереотипный образец приговоров о наказании противников восстания, и аналогичные его экземпляры рассылались ставкой Пугачева на места. Судя по карандашной помете обер-секретаря Тайной экспедиции Сената С. И. Шешковского на полях манифеста («Казак Черноморской, он ево повесил»), данный экземпляр манифеста был объявлен при казни яицкого казака Ивана Черноморского, который в 1773 г. служил фельдъегерем у коменданта Яицкого городка подполковника И. Д. Симонова ⁴¹⁹.

Возможно, впрочем, что появление манифеста было вызвано инцидентом с пугачевским полковником Д. С. Лысовым, происшедшим в конце февраля 1774 г., когда Пугачев с Лысовым и Почиталиным возвращались из Каргалы в Бердскую слободу. В пути между Лысовым и Пугачевым завязалась ссора. Лысов, бывши в подпитии и разгорячившись, с силой ударил Пугачева острием копыя. Пугачева спас надетый под шубу панцирь. Почиталин, оттолкнув Лысова, не дал ему нанести второго удара ⁴²⁰. Этим нападением Лысов нанес действительно «чрезвычайно несносную обиду» Пугачеву; кроме покушения на его жизнь, Лысов был обвинен и в том, что казаки его полка мародерствовали, грабя не только помещичьи имения, но и крестьянские дворы ⁴²¹. Лысов был казнен, несмотря на заступничество судьи Военной коллегии М. Г. Шигаева ⁴²². Предположение о связи

⁴¹⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 189—189 об.

⁴²⁰ Протоколы показаний яицких казаков И. Филимонова и Н. Шанина на допросе 8 марта 1774 г. в Оренбургской губернской канцелярии (ЦГАДА, ф. 349, д. 7183, л. 159—159 об., 161).

⁴²¹ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 205.

⁴²² Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 88 об. Шигаев вспоминал, что Пугачев, говоря с ним о Лысове, сказал: «Как-де можно его простить, он мне великой злодей!»

манифеста 3 марта 1774 г. с делом Лысова нуждается в дополнительном изучении.

§ 32. *Именной указ Е. И. Пугачева атаману Гурьева городка Е. Струняшеву (11 марта 1774 г.)* Указ⁴²³ составлен сотрудниками повстанческой Военной коллегии, находившимися в Яицком городке при Пугачеве, куда он приехал на несколько дней вскоре после боя с авангардом войска генерала П. М. Голицына 6 марта 1774 г. Первоначально, судя по вступлению — «Указ его императорского величества...» (распоряжения Военной коллегии, как обычно, начинались, говоря о «Петре III» в третьем лице), — этот документ был задуман как указ Военной коллегии. Однако в процессе писания составители в целях придания большего веса документу решили оформить его в виде именного указа Пугачева, обозначив, что он исходит от «великаго государя Третьего императора Петра Федоровича, самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая», и скрепили его иноязычной подписью «Petr», а также оттиском именной печати с надписью «Б.Г.П.П.Т., имп. и самодерж. Всерос. 1774» и изображением «Петра III». Следует заметить, что это — первый из сохранившихся оттисков печати на указах Пугачева.

Гурьев городок, куда направлен этот указ Пугачева, был захвачен повстанческим отрядом атамана А. А. Овчинникова 25 января 1774 г. Два дня спустя он назначил атаманом гурьевского казачьего отряда Евдокима Струняшева⁴²⁴, вручив ему ордер об управлении городком⁴²⁵. А сам Овчинников, взяв в Гурьеве до 60 пудов пороха в 14 бочках, возвратился в Яицкий городок, где порох был использован при минировании подкопа под стеной «ретраншамент» — внутренней крепости; минный заряд в подкопе был взорван 19 февраля 1774 г.

Обращаясь 11 марта 1774 г. с именным указом к Струняшеву, Пугачев требовал немедленно прислать в Яицкий городок половину пороха, находившегося в Гурьеве после Овчинникова, оставив другую половину на «городовые потребности» в самом Гурьеве. Судя по показанию Струняшева, за порохом в Гурьев приехал «в Великий пост» есаул Иван Ерофеев (доставивший, видимо, указ 11 марта) и, «взяв пороху одно бочку», т. е. около 4 пудов, «уехал обратно в Яицкой городок»⁴²⁶. При вступлении

⁴²³ Оригинал указа хранится среди документов Казанской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 349, д. 7279, л. 3), куда был прислан при письме астраханского губернатора П. Н. Кречетникова (там же, л. 1); указ опублик. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 32.

⁴²⁴ Струняшев Евдоким (род. 1720 г.), яицкий казак «мятежной» стороны, в 1764—1774 гг. служил в Гурьеве, в январе—апреле 1774 г. был повстанческим атаманом в этом городке, 1 мая того же года капитулировал со своей командой, сдав Гурьев карательному отряду подполковника Д. И. Кандаурова. 1 ноября 1774 г. Струняшев был допрошен в Яицкой комендантской канцелярии (протокол его показаний см.: ЦГАДА, ф. 349, д. 7355, л. 2—5 об.) и отправлен в Казанскую секретную комиссию, откуда вскоре освобожден без наказания.

⁴²⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 110.

⁴²⁶ ЦГАДА, ф. 349, д. 7355, л. 4 об.

3 мая 1774 г. в Гурьев карательного отряда Струняшев передал подполковнику Кандаурову 2,5 пуда пороха, 500 четвертей муки, 1270 руб. медной монетой, а также «все письменные, данные ему, Струняшеву, повелении»⁴²⁷, в числе которых был пугачевский указ от 11 марта и ряд других документов повстанческого происхождения⁴²⁸. Эти документы Кандауров отправил астраханскому губернатору Кречетникову, а тот переслал их в Казанскую секретную комиссию.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА. КОНТРМЕРЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Январь, февраль и март 1774 г. — последние три месяца начального этапа Крестьянской войны — проходили в обстановке упорной борьбы повстанцев против наступающих войск карательной армии генерала А. И. Бибикова. Пугачевским отрядам удалось, правда, достичь ряда тактических успехов в эти месяцы, они захватили Красноуфимск (10 января), Зайнск (15 января), Ставрополь (20 января), Гурьев (25 января), Челябинск (8 февраля), Илецкую Защиту (16 февраля), ряд сибирских слобод (в январе и феврале), разгромили в полевом сражении войска оренбургского гарнизона (13 января), держали в осаде Оренбург, Уфу, Мензелинск, Кунгур и Екатеринбург. Однако карательные войска, развернув наступление, наносили авангардным повстанческим отрядам удар за ударом, в бою 29 декабря 1773 г. под Самарой разбили отряд атамана И. Ф. Арапова, в январе 1774 г. повстанцы потерпели поражение под Алексеевском, Зайнском, Ставрополем, Мензелинском, Кунгуром; в феврале под Красноуфимском, Сарагулом, Бузулуком, Екатеринбургом; в январе — марте было подавлено повстанческое движение в Зауралье и Западной Сибири; в битве 24 марта 1774 г. под Уфой было разгромлено крупное войско атамана И. Н. Зарубина. В начале весны передовой карательный корпус генерала П. М. Голицына вошел в боевое столкновение с главным войском Е. И. Пугачева (бой 6 марта у деревни Пронкиной), а затем нанес ему поражения в битвах у Татищевой крепости (22 марта) и под Сакмарским городком (1 апреля).

Военная обстановка, сложившаяся в повстанческом крае, а также распоряжения центральных и местных властей Екатерины II об уничтожении пугачевских воззваний послужили причиной гибели большинства указов Пугачева; сохранилось всего два документа, относящихся к этому периоду (манифест 3 марта и именной указ 11 марта 1774 г.)⁴²⁹. Однако в источниках иного

⁴²⁷ Там же, л. 5—5 об. Подполковник Кандауров доносил, что в Гурьеве им захвачены 21 пушка и 1753 артиллерийских снаряда (ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 346—347 об.).

⁴²⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 32, 110, 120, 122.

⁴²⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 31 и 32.

происхождения (в протоколах допросов пленных повстанцев и в переписке екатерининской администрации) сохранились данные о содержании 25 утраченных рескриптов Пугачева, представленных как манифестами-воззваниями, так и указами-распоряжениями военно-организационного и оперативного характера⁴³⁰. Данные о распространении и огромном воздействии воззваний Пугачева на простой народ содержатся в показаниях многих источников. Беглый солдат казанского батальона Мясогут Назиров, служивший адъютантом у пугачевского полковника Мясогута Гумерова, на допросе в секретной комиссии показал, что они, разъезжая по деревням Казанского уезда, «во всех местах, где были», объявляли манифест Пугачева и «езде жители, веря тому, охотно давали людей» в их отряд⁴³¹. Кунгурский крестьянин А. Копылов сообщил на допросе, что после объявления жителям Ачитской крепости манифеста Пугачева, коим они «от всех податей уволены на 10 лет», все они тотчас перешли на сторону пугачевцев⁴³². Исетская провинциальная канцелярия 3 февраля доносила в Сенат, что пугачевские эмиссары «обнадеживанием всякою вольностию не только башкирцов, но и российских государственных и заводских крестьян» привели к смятению и что они, несмотря на увещевания, не только не отстают от «злодейских партий», но «час от часу оные умножают и всем потребным снабдевают»⁴³³. Манифесты Пугачева оказали решающее влияние на подъем повстанческого движения в Зауралье и Западной Сибири⁴³⁴. Генерал И. А. Деколонг, характеризуя обстановку, сложившуюся в этих районах, писал 16 февраля генералу А. Д. Скалону, что посланными от Пугачева воззваниями «многия государственныя, экономическыя и протчых ведомств крестьяня сами собою добровольно, без всякого от злодеев принуждения, не только что к стороне его преклоняютца, но, разсылая от себя к его партизанам нарочных, призывают в свои жительство»⁴³⁵. Екатерина II, рассмотрев «экстракты» из следственных дел зауральских и сибирских крестьян и казаков-повстанцев, писала, что «безрассудная их стремительность других важных предметов не имела, как только одни мечтательныя выгоды, коими они обольщены были»⁴³⁶. Их воздействием были вызваны волнения крестьян в уездах правобережья Волги. Сенатский курьер В. Полубояринов, возвратившись в Петербург из поездки в Саратов, писал 30 января 1774 г., что в деревнях от Саратова до Пензы «все крестьяне, как государевы, так и помещичьи, отзываются, что Петр 3-й не умер и, имея его государем, освобождены от податей, почему и ныне, естли де не захо-

⁴³⁰ См. ч. II, гл. 1, § 31—55.

⁴³¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 183—183 об.

⁴³² Там же, д. 504, ч. 2, л. 324 об.

⁴³³ Там же, ч. 3, л. 204.

⁴³⁴ Пугачевщина, т. 3, с. 30—37, 180—181.

⁴³⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 5, л. 78.

⁴³⁶ Там же, д. 467, ч. 3, л. 11.

тят, то ничего не дадут; а от него они имеют уверенность, что будут вольны и независимы ни от кого... Теперешнее же правление [Екатерины II] им несносно, ибо-де большие бояре награждаются деревнями и деньгами, а им никакой нет льготы, но только большие тягости по причине войны, как-то: рекрутские поборы и разные подати, кои должно платить и государю и помещикам, и что для перемены своего состояния пришло им метаться в воду». Крестьяне выражали надежду на то, что и солдаты карательных войск перейдут на сторону Пугачева и «будут ему служить — жить и их житье не лутче крестьянского»⁴³⁷. В феврале—мае 1774 г. волнение, вызванное слухами об антикрепостнических воззваниях Пугачева, охватило крестьян села Каврес Кадомского уезда. М. Алексеев разглашал крестьянам села и окрестных деревень, что «Петр III», появившийся под Оренбургом, «у помещиков крестьян отнимает и дает волю, а помещикам головы рубит». Крестьяне, собрав 60 руб. (по 30 коп. с души), отправили к Пугачеву ходоков К. Терентьева и С. Лаврентьева с прошением к «государю», чтобы «не быть им за помещиком, а быть бы на воле»⁴³⁸. Ходоки были задержаны в Самаре, а выступления крестьян села Каврес подавлено военной силой. Волнения происходили в этот период и в других селениях Воронежской и Астраханской губерний, а также на Дону⁴³⁹.

О степени воздействия воззваний Пугачева и агитации его эмиссаров-«разгласителей» на народ красноречивее всего свидетельствуют донесения генерала А. И. Бибикова. 21 января он писал президенту Военной коллегии З. Г. Чернышеву, что «не неприятель опасен, какое бы множество его ни было, но народное колебание, дух бунта и смятение» и, что страшнее любых военных невзгод, «предательство и непослушание от жителей»⁴⁴⁰. Не скрывал этого Бибиков и от Екатерины II, сообщая ей в реляциях, что «дерзостные» воззвания Пугачева «и чрез нескладный слог в черном народе действуют» и что народное «буйство» выросло столь далеко, что без сурового устрашения заразу сию», расширяющуюся от «плевел» Пугачева, «остановить не нахожу иного средства»⁴⁴¹, явно указывая на неэффективность средств идейного воздействия на народ противопугачевских манифестов Екатерины II, увещаний начальства и церковных властей.

⁴³⁷ Пугачевщина, т. 3, с. 458.

⁴³⁸ Доложение Шацкой провинциальной канцелярии в Сенат. — ЦГАДА, ф. 6, д. 504, ч. 3, л. 385—385 об.

⁴³⁹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 2, с. 396—402, 410—412.

⁴⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, кн. 1, с. 201. Те же мотивы звучат в письме А. И. Бибикова к Д. И. Фонвизину от 30 января, где сообщается о «великих трудностях», кои предстоит преодолеть для подавления «всеобщего черни волнения», «духа мятежа и бунта», разлившегося на огромном «пространстве» (там же).

⁴⁴¹ Реляция от 17 и 29 января 1774 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 107—111, 119—122; Грог Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. — Записки имп. Академии наук. СПб., 1862, т. 1, прил. № 4, с. 50—51, 53.

Но сомнения в действенности официальной агитации, высказываемые Бибиковым, а также оренбургским, казанским и сибирским губернаторами и некоторыми военачальниками, отнюдь не означали того, что верховная власть склонна была отказаться от использования этого средства борьбы против восстания. Помимо ранее изданных манифестов (15 октября, 29 ноября, 23 декабря 1773 г.), широко распространяемых в январе—марте 1774 г. в зоне восстания и прилегающих районах, 15 марта был составлен новый манифест Екатерины II с осуждением Пугачева и его сторонников и с призывом к населению сохранять неколебимую верность присяге и повиновение законным властям. 23 марта императрица предписала московскому генерал-губернатору М. Н. Волконскому изготовить в Синодальной типографии 1200 экземпляров манифеста, напечатав одну половину тиража гражданской печатью, а другую — церковной⁴⁴². Уже 28 марта экземпляры манифеста были отпечатаны⁴⁴³. Большая часть их тиража тогда же была отправлена к Бибикову.

Власти, распространяя манифесты Екатерины II, обращались и со своими увещеваниями к населению и пугачевцам. Генерал Бибиков 3 января послал ордер премьер-майору К. Муфелю, предписывая ему в освобождаемых от повстанцев селениях распространять манифест Екатерины II, объявляя жителям, чтобы они «пребыли неколебливы и верны ея императорскому величеству», а Пугачева почитали «врагом отечества», а не «Петром III» и не верили разглашаемым им воззваниям⁴⁴⁴. Местным учреждениям было дано предписание, чтобы они повсюду «накрепчайше подтвердили», что, если кто-либо с «разглашениями и вредными письмами» от Пугачева «под именем императора Петра III объявится и разглашать будет, таковых ловить и поступать с ними так, как с совершенными злодеями»⁴⁴⁵. 19 февраля Казанская секретная комиссия обратилась со «всенародным объявлением» к населению Казани и губернии, где с осуждением отмечала, что городские и сельские жители, не понимая «прямой силы и разума» манифестов Екатерины II о Пугачеве, «делают оным свои глупые и кривые толки», а некоторые «по склонности к Пугачеву коварно вымышляют и рассевают о нем в простом народе ложные плевелы». Поэтому комиссия «в последний раз» призывала народ не верить воззваниям Пугачева и «безмятежно» покориться власти «ея императорского величества, яко от Бога предоставленной»⁴⁴⁶.

Власти располагали фактами, свидетельствующими не только о неприятии народом манифестов Екатерины II, но и о резком

⁴⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 68.

⁴⁴³ ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 100, 100а (типографские экземпляры манифеста, напечатанные: первый — гражданской печатью, второй — церковной).

⁴⁴⁴ Пугачевщина, т. 3, с. 234.

⁴⁴⁵ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов. Ростов, 1961, с. 31—32.

⁴⁴⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 1, л. 228.

осуждении их. Когда Исетская провинциальная канцелярия в ответ на воззвания, присланные пугачевским полковником И. Н. Грязновым в Челябинск⁴⁴⁷, отправила к нему для увещевания манифест 29 ноября 1773 г., то Грязнов отозвался о нем «с немалую хулою и воровским уважением». В своем послании 9 января 1774 г. он назвал императрицын манифест «бумашкой», дал критику его положений, отметив, в частности, что Екатерина II не заботится о нуждах народа, а выступает защитницей интересов дворян, которые «привыкли всею Россиею ворочать, как скотом», и крестьян «почитают хуже собак», а на Петра III, выступившего против таких порядков, дворяне «умыслили написать хулу»⁴⁴⁸. Позднее Исетская провинциальная канцелярия доносила в Сенат, что башкиры, заводские и государственные крестьяне «ни на какие от командиров увещевания, ни же на самыя высочайшия ея императорскаго величества манифесты не взирают»⁴⁴⁹. 7 февраля оренбургский губернатор Рейнсдорп направил увещевание к повстанцам⁴⁵⁰, экземпляр манифеста Екатерины II от 15 октября 1773 г. и татарский перевод с него. Но повстанцы, как отмечено в журнале Оренбургской губернской канцелярии, «не только на то увещевание не склонились, но с большим ругательством оное возвратили»⁴⁵¹.

Наряду с увещеваниями населения и повстанцев правительство Екатерины II вынуждено было изыскивать и иные средства борьбы против воздействия пугачевской агитации. В январе 1774 г. центральные власти санкционировали давно установившуюся на местах практику изъятия и уничтожения манифестов и указов Пугачева, воззваний его атаманов и других документов повстанческого происхождения. 4 января петербургская Военная коллегия направила указ генералу А. И. Бибикову, где, отмечая, что Пугачев, «дерзнув принять на себя имя покойного императора Петра Третьяго, присылает во многия места к обольщению под тем именем разными нелепыми обещаниями простого народа», предписала публично сжигать те письма на городских площадях «через палачей» и «давать знать в Военную коллегия», какового те письма содержания будут⁴⁵². Вскоре последовало лич-

⁴⁴⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 390, 391.

⁴⁴⁸ Там же, док. № 392.

⁴⁴⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 504, ч. 3, л. 204.

⁴⁵⁰ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 73—73 об.

⁴⁵¹ Там же, л. 93. В следственных показаниях сотника яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясникова имеется любопытное свидетельство о реакции Пугачева на манифесты Екатерины II и увещевания властей осажденного Оренбурга. «Екии-де ракальи матери, — говорил он, — не только не признают меня за государя, но и ругают еще, называя разбойником, но за что — и сами не знают», ибо он выступает не как разбойник, а как защитник интересов народа: «Жаль-де мне очень бедного простого народа» (ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 113 об.).

⁴⁵² ЦГВИА, ф. 20, д. 1234, л. 293. Аналогичные указы посланы губернаторам Оренбургской, Казанской, Астраханской, Воронежской, Сибирской губерний, генералу И. А. Деколонгу, царичинскому коменданту

ное распоряжение Екатерины II к генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому об уничтожении перехваченных пугачевских бумаг: «Как вор Пугачев кои-куды указы посылает, то думаю, что не худо сие будет, естли Сенат велит публиковать, что, где его, разбойника, указы не проявятся, чтоб везде оных чрез палача публично сжечь и чтоб везде впредь тако поступали со всеми указами, кои не от законных властей происходят»⁴⁵³. В соответствии с этим предписанием Сенат указом от 10 января отдал распоряжение всем властям и учреждениям публично сжигать манифесты Пугачева и воззвания его сторонников — все эти «изменническим ядом наполненные листы»⁴⁵⁴. В дополнение к этому предписанию Сенат секретным указом от 13 января распорядился снимать точные копии с указов Пугачева перед уничтожением самих оригиналов, присылая эти копии в Сенат⁴⁵⁵. В рескрипте, poslanном к Бибикову 12 января, Екатерина II напоминала: «Естли вы еще повеления не дали, то прикажите, чтоб все бунтовщицы в народе рассеянные возмутительные листы палачом сожигаемы были»⁴⁵⁶.

Руководствуясь предписаниями Петербурга, власти приступили к истреблению перехваченных документов повстанцев, и прежде всего манифестов и указов Пугачева. Об этом доносил Бибиков в реляциях к Екатерине II от 29 января и 5 февраля⁴⁵⁷. Казанский губернатор Брант 26 февраля отправил в Сенат реестр и копии 25 документов (в их числе указы Пугачева), оригиналы которых в Казани «на площади чрез палача сожжены»⁴⁵⁸. В феврале же полковник Изюмского гусарского полка Г. И. Хорват прислал в Казанскую секретную комиссию «экстракт» — пересказ 14 документов (в их числе два указа повстанческой Военной коллегии), оригиналы которых уничтожены в Сарбайской слободе⁴⁵⁹. Командир караульного отряда подполковник А. Ф. Обернибесов 17 марта рапортовал Бибикову об уничтожении манифестов Пугачева, найденных в прикамских селах Сарапуле и Каракулине⁴⁶⁰. Комендант Яицкого городка подполковник И. Д. Симонов прислал в Сенат экстракт содержания двух

И. Е. Цыплетеву, канцелярии Войска Донского (там же, л. 294—296; ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 10, л. 508).

⁴⁵³ ЦГАДА, ф. 5, д. 98, л. 7.

⁴⁵⁴ Там же, ф. 6, д. 415, л. 76.

⁴⁵⁵ Там же, л. 79. Предписания этого указа Сената, а также указа Военной коллегии от 4 января о снятии копий с уничтожаемых повстанческих документов и учете данных об их содержании были продиктованы намерением сохранить документальные улики против участников восстания.

⁴⁵⁶ Грот Я. К. Указ. соч., с. 50.

⁴⁵⁷ Там же, с. 53, 59.

⁴⁵⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 1, л. 58—82; аналогичный рапорт и реестр 26 февраля посланы Брантом в Военную коллегию (ЦГВИА, ф. 20, д. 1232, л. 175—178 об.).

⁴⁵⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 1, д. 16—17 об.

⁴⁶⁰ ЦГВИА, ф. 20, д. 1236, л. 288—289.

сожженных им указов Пугачева⁴⁶¹ от 17 февраля и 14 марта 1774 г. О своих распоряжениях по уничтожению перехваченных манифестов и указов Пугачева рапортовали в Военную коллегию оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп и астраханский губернатор П. Н. Креčetников⁴⁶². Подобные акции по истреблению документов повстанцев проводились и в последующие месяцы Крестьянской войны и нанесли наиболее крупный урон этой группе источников. А так как власти далеко не во всех случаях снимали копии с уничтожаемых оригиналов, то эти потери тем более невозполнимы.

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

Секретари Пугачева изыскивали различные средства для того, чтобы придать манифестам и указам «Петра III» свойства документов, исходящих от «действительного и природного монарха». В этих целях наряду с заимствованием формы, языка и стиля, присущих императорским рескриптам, с декабря 1773 г. стали вводиться новые знаки, удостоверяющие подлинность пугачевских указов и манифестов, истинную принадлежность их «императору Петру Федоровичу». С середины декабря 1773 г. по март 1774 г. все его подлинные акты стали скрепляться иноязычной подписью «Petr»⁴⁶³. Это было в интересах Пугачева, о чем, в частности, свидетельствует высказывание подканцеляриста Самарского магистрата Г. Шапошникова, который в конце декабря 1773 г., ознакомившись с манифестом Пугачева от 2 декабря, говорил собеседникам, что «вот-де сказывали, будто он [«Петр III»] грамоте не умеет, а он и по латыне знает, что подписал манифест по латыне»⁴⁶⁴.

В ставке Пугачева была учтена возможность удостоверения подлинности рескриптов «Петра III» приложением печати. Имеются сведения, что его манифесты на татарском языке скреплялись печатью (см. § 16, 26 данной главы), но как выглядела эта печать, установить не удалось из-за утраты оригиналов этих манифестов. Возможно, впрочем, что эта была та самая печать, «вырезанная татарским письмом, медная», которая найдена в июне 1774 г. в Яицком городке в доме бывшего войскового атамана А. Н. Бородина, служившем дворцом для Пугачева и его супруги «императрицы» Устиньи Петровны Кузнецовой. В переводе с татарского на русский язык надпись на печати гласила:

⁴⁶¹ Там же, д. 1233, л. 130.

⁴⁶² Там же, л. 198, 241.

⁴⁶³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 26, 28, 29, 31, 32, а также примеч. к док. № 23 (там же, с. 381—382). Целям доказательства истинности «Петра III» служил и пугачевский указ Рейнсдорпу от 19 декабря 1773 г., составленный по-немецки староготическим письмом (там же, док. № 27).

⁴⁶⁴ Экстракт следствия над самарскими сторонниками Пугачева. — ЦГАДА, ф. 6, д. 438, л. 21.

«Доволен я тем, чем бог меня наделил, и препоручаю свои дела ему ж, господу, ибо судьба его как в бывшее время была, так и вперед идущее равномерно изрядна быть имеет»⁴⁶⁵. Эта печать была приобщена к материалам московского следствия по делу Пугачева наряду с некоторыми другими вещественными памятниками повстанческого происхождения, монетами и медалями, но позднее эти вещи бесследно исчезли.

Сохранились конверты, в которых были посланы указы Пугачева в декабре 1773 г. в Оренбург к И. Л. Тимашеву и М. М. Бородину, «автограф» Пугачева к губернатору Рейнсдорпу⁴⁶⁶, а также указ повстанческой Военной коллегии атаману И. Ф. Арапову от 16 декабря⁴⁶⁷; клапаны конвертов опечатаны красным сургучом, а на нем оттиснуты фамильные дворянские печати, случайно оказавшиеся в руках повстанцев⁴⁶⁸. Однако пользование дворянскими печатями было сочтено несоответствующим репутации «Петра III», поэтому Пугачев отдал распоряжение об изготовлении собственной именной печати.

Печать резали из серебра находившиеся в Яицком городке крестьяне-серебряники из Рыбной слободы: мастер И. С. Токранов, подмастерья А. Иванов, И. А. Рыжей, П. Владимиров, — а также армянин Григорий⁴⁶⁹. Вырезанная ими печать представляет собой круг диаметром в 3,5 см, размером, примерно, в полтинник того времени. По окружности печати надпись: «Б. Г. П. П. Т., имп. и самодерж. Всерос. 1774», что расшифровывается так: «Большая государственная печать Петра Третьего, императора и самодержца Всероссийского. 1774»⁴⁷⁰. В центре печати помещен погрудный портрет молодого мужчины в профиль; голова его прикрыта париком, украшена венком и увенчана небольшой короной с крестом, на плечах императорская мантия. По свидетельству крестьянина той же Рыбной слободы П. Таркова, работа над печатью производилась в то время, когда повстанцы рыли второй подкоп под крепость в Яицком городке, что имело место в первой половине февраля 1774 г.⁴⁷¹, однако готовую

⁴⁶⁵ Там же, ф. 1100, д. 9, л. 257—258; ф. 6, д. 508, ч. 1, л. 82. Зарисовку этой печати с татарским текстом см.: там же, л. 83.

⁴⁶⁶ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 19, 25, 26.

⁴⁶⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 7 об.

⁴⁶⁸ Подробнее см.: *Овчинников Р. В.* Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 329. См. также: *Соболева Н. А.* Пугачевские печати. — Вопросы истории, 1977, № 8, с. 212.

⁴⁶⁹ Протокол показаний яицкого казака С. Солодовникова в Яицкой комендантской канцелярии в августе 1774 г. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7279, л. 7—7 об.

⁴⁷⁰ Впервые так расшифровал надпись А. С. Пушкин (История Пугачевского бунта. СПб., 1834, вклейка после с. 110 в первой части книги; там же гравюра — прорись печати).

⁴⁷¹ Протокол показаний П. Таркова на допросе 16 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 147.

печать Пугачев смог получить, видимо, в свой последний приезд в Яицкий городок в первой половине марта, а впервые употребил ее для скрепления именного указа атаману Гурьеву городка Е. Струняшеву от 11 марта 1774 г.⁴⁷² Этой печатью скреплялись последующие пугачевские указы⁴⁷³, она была утеряна в боях под Казанью 12—15 июля 1774 г.

Одновременно с именной печатью Пугачева рыбнослободские мастера-серебряники изготовили печать повстанческой Военной коллегии⁴⁷⁴. Печать представляет собой круг диаметром в 3,5 см, по окружности — надпись: «Гдрь Военной колеги пчать. 1774». Ее следует читать так: «Государственной Военной коллегии печать. 1774». Внутри надписи изображен государственный герб России — двуглавый орел, держащий в лапах скипетр и державу. Известен лишь один оттиск этой печати — на манифесте Пугачева 3 декабря 1773 г.⁴⁷⁵ [сделан при контрассигновании (подтверждении) манифеста в повстанческой Военной коллегии в марте 1774 г.] (см. § 24 данной главы). Печать Военной коллегии была утеряна в конце марта 1774 г. при отступлении Главного войска восставших из Бердской слободы. Именно поэтому указы коллегии периода апреля—июня 1774 г. скреплялись либо именной печатью Пугачева, либо фамильной дворянской печатью с литерами «П. Н. В.».

Секретари Пугачева, заимствуя при составлении манифестов и указов «Петра III» практику оформления правительственных документов подобного назначения, не могли добиться полного сходства с ними и, конечно же, не могли применить передовую технику их размножения. Важнейшие государственные акты — манифесты Екатерины II, указы Сената и Синода — тиражировались в то время путем печатания в типографиях. Типографская техника была недоступна повстанцам, и они размножали манифесты и указы-воззвания Пугачева, переписывая их от руки. Это и использовалось противниками восстания для критики посланий Пугачева и для разоблачения его самозванства. Так, например, власти Далматова монастыря в ответ на присланные им 11 февраля 1774 г. воззвание пугачевского атамана П. Пестерева⁴⁷⁶ и копию манифеста «Петра III» от 2 декабря 1773 г. писали, что так как манифест представлен в «письменном, а не печатном» экземпляре, то он исходит не от истинного императора⁴⁷⁷. Атаман Пестерев 12 февраля отвечал

В свете показания Таркова оказалось ошибочным наше прежнее утверждение об изготовлении печати в январе 1774 г. (*Овчинников Р. В. Обзор печатей...*, с. 329—330).

⁴⁷² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 32.

⁴⁷³ Там же, док. № 33, 35.

⁴⁷⁴ *Овчинников Р. В. Обзор печатей...*, с. 330, 333; *Соболева Н. А. Указ* соч., с. 213.

⁴⁷⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 2, л. 327; Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 24.

⁴⁷⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 394.

⁴⁷⁷ *Зырянов А. Указ* соч., с. 64—66 (послание от 12 февраля 1774 г.).

на это, что «Петру III» печатных манифестов еще нигде сочинять. А когда он, великий государь, вступит в Санкт-Петербург, тогда уже и печатные указы будут по всем губернским провинциям и городам публиковать и о всем истинно доказывать»⁴⁷⁸. Дискуссия по поводу истинности «Петра III» и его посланий возникла 30 января 1774 г. в Течинской слободе Исетской провинции при обнаружении присланного туда манифеста Пугачева от 2 декабря 1773 г. Священник И. Федоров высказался, что этому посланию верить нельзя, ибо это всего лишь копия, а не печатный, как должно быть, манифест, исходящий от императора. Однако собравшиеся крестьяне, возражая священнику, заявили: «Где-де взять ему [«Петру III»] печатных, а и копиям верить надобно», — и все поголовно перешли на сторону восстания⁴⁷⁹. Население и повстанцы не придавали, как видно, особого значения тому, что манифесты и указы-воззвания Пугачева выступали не в типографски размноженных экземплярах, а в рукописях и чаще всего не в оригиналах, а в копиях. Решающее значение имело содержание этих документов, отражающее социальные интересы трудового народа.

23 февраля власти Далматова монастыря обратились к пугачевцам с новым посланием, в котором писали, что они поверили бы истинности «Петра III», если бы он «прибыл с подобающей честью и славой в столичный город С.-Петербург или Москву и оттоль бы слал, за подписанием своей руки, печатные манифесты» (там же, с. 77).

⁴⁷⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 395.

⁴⁷⁹ Протокол показаний И. Федорова на допросе 27 марта 1774 г. в походной канцелярии майора Ф. Жолобова. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 11, л. 195—195 об. Повстанцы арестовали Федорова и отправили в Челябинск, где атаман Г. Туманов упрекал его: «Вот ты священник, а какие возмущения в народе делаешь!» (там же).

Глава 2

УКАЗЫ Е. И. ПУГАЧЕВА ВТОРОГО ЭТАПА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

(апрель — первая половина июля 1774 г.)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

Потерпев поражение в битве 1 апреля 1774 г. под Сакмарским городком, Пугачев с остатками своего войска отошел за излучину реки Белой, в горнозаводский район Южного Урала. В том же месяце каратели нанесли удары по другим очагам повстанческого движения. Команда майора Д. О. Гагриня, подавив сопротивление отрядов И. Н. Белобородова, Г. Туманова и других атаманов, овладела рядом заводов севернее Челябинска и 10 апреля вступила в этот город. Крепости и слободы в восточной части Исетской провинции заняли войска генералов И. А. Деколонга и С. К. Станиславского. Корпус подполковника И. И. Михельсона разогнал и разбил разрозненные отряды и группы повстанцев вокруг Уфы; другие команды карателей «усмирили» западные районы Оренбургской губернии. Войска генерала П. Д. Мансурова, наступая вдоль правого берега Яика, 15 апреля нанесли удар отряду атамана А. А. Овчинникова в бою у реки Быковки, а день спустя вступили в Яицкий городок. Отправленный из Астрахани корпус подполковника Д. И. Кандаурова подошел в конце апреля к Гурьеву городку и принудил его защитников к капитуляции. В апреле из Оренбурга выступили карательные команды И. Л. Тимашева и С. Л. Наумова для подавления восставших башкир в волостях Ногайской дороги и в Исецкой провинции. Корпус генерала Ю. Ф. Фреймана тогда же послан для преследования и разгрома Пугачева.

Однако намерение военачальников Екатерины II подавить повстанческое движение еще весной 1774 г. оказалось несбыточным. К тому же начавшееся к середине апреля таяние снегов, сопровождавшееся необычайно широким разливом рек и распутицей, затрудняло, а порой и совершенно останавливало движение карательных войск. Этим счастливым обстоятельством умело воспользовался Пугачев. Он развернул энергичную деятельность по созданию нового войска, пополняя его заводскими крестьянами, башкирами и казаками, стягивая к себе уцелевшие повстанческие отряды. Завершив создание нового войска, Пугачев выступил с ним с Белорецкого завода и 6 мая овладел Магнитной крепостью, где вскоре к нему пришли с Урала отряды атаманов И. Н. Белобородова, С. Максимова, А. Д. Ерусланова, а также прорвавшийся от Яицкого городка отряд А. А. Овчинникова. За-

тем войско Пугачева, продвигаясь на северо-восток, к Сибири, захватило крепости Карагайскую, Петропавловскую и Степную, а 19 мая овладело Троицкой крепостью. Утром 21 мая в развернувшейся под стенами этой крепости битве Пугачев потерпел поражение от войск генерала И. А. Деколонга, а на следующий день понес новые потери в бою с корпусом И. И. Михельсона под Кундравинской слободой. И все же, умело маневрируя в полуокружении преследующих войск, Пугачев пробивался на запад, пополняя свои отряды на заводах, в селениях государственных крестьян, казачьих крепостях и в башкирских деревнях (так, 3 июня с ним соединился двухтысячный конный отряд башкир во главе с Салаватом Юлаевым). И хотя Михельсону удалось в начале июня настичь повстанцев и дважды, 3 и 5 числа, вступить с ними в бой, Пугачев, не понеся крупного урона, смог оторваться от преследования и неделю спустя совершенно неожиданно для властей вышел в Прикамье, где у неприятеля не было надежных военных сил, а Пугачев, опираясь на действующие там отряды и группы повстанцев, беспрепятственно мог пополнять свое войско заводскими, экономическими, государственными и помещичьими крестьянами и нерусским ясачным населением.

Отсюда начался поход на Казань. 10 июня Пугачев вступил в Красноуфимск, 21 июня овладел Осой, 24 июня взял Воткинский завод, 27 июня — Ижевский завод, 9 июля занял Арск. Утром 12 июля 20-тысячная армия Пугачева штурмовала Казань, овладела городом, не сумев, правда, взять старинного Кремля, за стенами которого укрылись войска гарнизона, губернские власти и состоятельные горожане. Вечером того же дня на Арском поле под Казанью повстанцы вступили в бой с подошедшим корпусом Михельсона, но это сражение не выявило победителя. 15 июля Пугачев снова повел наступление на Казань, но в битве потерпел тяжелое поражение и бежал к Кокшайску, где с остатками войска переправился на нагорный берег Волги.

Перейдем к рассмотрению указов второго этапа восстания¹.

§ 1. *Именной указ Е. И. Пугачева башкирскому старшине Дуванской волости Медету Миндиарову (5 июня 1774 г.).* Указ² составлен в повстанческой Военной коллегии секретарем А. И. Дубровским³ и понытчиком Г. Степановым⁴ в стане Пуга-

¹ Указы Пугачева за апрель и май 1774 г. не сохранились. Реконструкцию утраченных указов см.: ч. II, гл. 2, § 1—21.

² Оригинал указа хранится в фондах Оренбургского областного краеведческого музея (инв. № 3315); опубли. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.* М., 1975, док. № 33.

³ Дубровский Алексей Иванович (псевдоним; настоящее имя — Трофимов Иван Степанович, 1750—1774) — сын мценского купца. В конце мая 1774 г. назначен секретарем в повстанческую Военную коллегию. Захвачен в плен карателями в сентябре в низовьях Волги, у Енотаевской крепости, содержался под следствием в Царицыне, где подвергался жестоким истязаниям, умер в Саратове в конце октября 1774 г.

⁴ Степанов Герасим — заводской служитель. В начале апреля 1774 г. был

чева у верховьев реки Ай. Указ, отмечая «ревность и прилежание» Медета Миндиарова к службе «Петру III», жалует его в чин полковника, выражая надежду на то, что и впредь «так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму рабу надлежит». Документ скреплен подписью «Петр» и мартовской именной печатью Пугачева, оттиснутой на красном сургуче. По свидетельствам видных пугачевцев А. П. Перфильева, П. А. Пустобаева и Канзафара Усаева, аналогичные указы в тот же день были вручены другим башкирским старшинам, пожалованным чинами полковников и главных полковников⁵. Формуляр данного указа послужил образчиком при составлении последующих указов подобного назначения.

Медет Миндиаров, коему адресован пугачевский указ 5 июня 1774 г., был сыном башкирского старшины Дуванской волости Сибирской дороги Уфимского уезда Миндиара Арукаева, который принимал активное участие в восстании с декабря 1773 г.⁶; после его смерти сын Медет Миндиаров по наследственному праву вступил на пост волостного старшины и в этом звании 5 июня 1774 г. явился с прочими башкирскими старшинами в стан Пугачева, за что и был пожалован чином полковника.

Во второй половине XIX в. кто-то из потомков Медета Миндиарова передал пугачевский указ чиновнику Оренбургского казначейского войска И. В. Чернову (1825—1902), служившему в канцелярии башкирско-мещеряцкого войска, а затем попечителем I, II и III башкирских кантонов, которые граничили с бывшей Дуванской волостью. После смерти Чернова указ вместе с бумагами его архива поступил в Оренбургскую ученую архивную комиссию, в советское время указ передан в Оренбургский краеведческий музей⁷.

§ 2. Именной указ Е. И. Пугачева мирскому атаману крестьян Белоярской слободы Ф. Т. Кочневу (12 июня 1774 г.). Указ⁸ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Иргинским заводом. Пугачев, обращаясь с указом к Кочневу⁹,

писарем в отряде пугачевского атамана И. Н. Белобородова. В конце мая Степанов назначен повытчиком в повстанческую Военную коллегию; погиб в битве под Черным Яром 25 августа 1774 г.

⁵ См. ч. II, гл. 2, § 21—30.

⁶ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 70, 102, 257, 285, 328, 354, 365, 386.

⁷ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1907, вып. 18, с. 3—14; *Попов С. А.* Полковником пожалован. — В кн.: Под знаменем Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973, с. 65—69.

⁸ Оригинал указа не сохранился; копия указа, выполненная в XVIII в., хранится в коллекции А. П. Бахрушина (ГИМ, ОПИ, ф. 1, д. 100, л. 2—2 об.); указ опубликован в кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея. М., 1973, док. № 34.

⁹ Кочнев Федот Тихонович (род. 1734 г.) — государственный крестьянин Белоярской слободы под Екатеринбургом, примкнул к восстанию в феврале 1774 г., находился в рядах повстанцев в Башкирии вплоть до ноября 1774 г. (подробнее о нем см.: *Овчинников Р. В.* Пугачевский

своему «верноподданному рабу и сыну отечества и наблюдателю спокойствия и тишины», отмечая прежние его заслуги, предписывает ему: отправиться в Белоярскую и прочие слободы Екатеринбургского ведомства для обнародования данного указа и для набора в казаки «из всякого звания и чину людей, кто б какова ни был»; одну часть этого отряда следует оставить в Белоярской слободе для ее «охранения и обороны от злодеев», а казаки «хорошие и оружейные» должны быть отправлены в «Главную армию».

Но содержание указа не ограничивается перечнем поручений, возложенных на Кочнева. В указе дана критика крепостнических порядков в стране, установленных дворянством и властями: «Ныне Россия утеснена бедностью и отягощена работами, наложенными от злодеев сребролюбцев и гордости наполненных дворян и находящихся во градах губернаторов, воевод и протчих тому подобных мироедов, кои несытою своею завистию почти уже всю Россию поглатили». Глубина критики феодального режима, яркая антидворянская направленность указа 12 июня 1774 г. сближают его с содержанием отдельных указов Пугачева 1773 г. (см. гл. 1, § 16, 22, 24), но в особенности с воззваниями полковника И. Н. Грязнова в осажденный Челябинск в январе 1774 г.¹⁰

Указ провозглашает, что крепостнические порядки будут ликвидированы — «все оное истреблено быть может» и народы, приклонившиеся под корону «Петра III», награждены «монаршею милостию» и смогут «возчюствовать легкостью от наложенного на них от злодеев тяжчайшего ига работы, освобождены будут [от] платежа податей, и дана им будет свободная вольность без всякого в России притеснения». Из указания на отмену подневольного труда и подушной подати явствует, что намеченное преобразование России учитывало в первую очередь интересы крестьянства. Его требованиям соответствовало и заключительное положение указа, гласящее, что обидчики народа, «несытые богатством судьи и дворянство» не избегнут отмщения, «жестокое нашего гнева не преминуют».

Указ 12 июня явился одним из первых актов в генетической цепи документов ставки Пугачева, приведшей к созданию манифестов 28 и 31 июля 1774 г., которые провозгласили освобождение крестьянства и ликвидацию дворян-крепостников.

Копия указа 12 июня довольно точно, видимо, передает текст утраченного оригинала, о чем можно судить и по содержанию, сходному с сохранившимися указами Пугачева от июня 1774 г., и по точности прорисовки мартовской именной печати «Петра III», идентичной ее подлинным оттискам.

атаман Федот Кочнев. — В кн.: Рифей: Урал. литературно-краевед. сб. Челябинск, 1979, вып. 2, с. 133—139).

¹⁰ Ср. док. № 34 с док. № 391, 392 (в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева...). Не лишено оснований предположение, что Грязнов, находившийся при Пугачеве с конца марта по середину июля 1774 г., мог иметь какое-то отношение к созданию указа от 12 июня.

Атаман Кочнев не смог выполнить поручения Пугачева, ибо в июне 1774 г. Белоярская слобода и другие селения Екатеринбургского ведомства находились под контролем карательных команд Д. О. Гагрина, Ф. Жолобова и Х. Фишера. Поэтому Кочнев ушел в Башкирию, где скрывался до глубокой осени, и там передал пугачевский указ крестьянину Брусаянкой слободы А. М. Щербакову, который 30 ноября 1774 г. с пятью бывшими повстанцами явился в Красноуфимск к управителю города вахмистру Я. Г. Савинову. А он в тот же день отправил рапорт к правителю канцелярии Екатеринбургских заводов полковнику В. Ф. Бибикову, приложив к рапорту пугачевский указ¹¹.

§ 3. *Именной указ Е. И. Пугачева полковнику Бахтияру Канкаеву и походному старшине Ермухаммету Кадырметеву* (13 июня 1774 г.). Указ¹² составлен сотрудниками Военной коллегии в стане Пугачева у Иргинского завода. В тот день к Пугачеву поступил рапорт Бахтияра Канкаева и Ермухаммета Кадырметева¹³, в котором они, сообщая о своих действиях против неприятеля в низовьях реки Белой, просили от «Петра III» «повелительного указа о набрании русского и башкирского войска» из жителей окрестных селений. В ответ на это к названным предводителям повстанцев и был отправлен 13 июня указ Пугачева¹⁴, предписывающий им принять меры к набору «войска как русского, так и башкирского» и для пополнения в «Большую армию», и для того, чтобы самим «стоять против злодеев и искоренять противящихся нашей короны»¹⁵. Указ скреплен мартовской печатью «Петра III», оттиснутой на красном сургуче.

Исполняя указ, Бахтияр Канкаев формировал повстанческие отряды в низовьях реки Белой и селениях по Средней Каме, набирая с каждого двора по человеку и предписывая, чтобы «во время приезде самого государя была команда больше и тем бы показалась красива»¹⁶. Энергичные действия Бахтияра Канкаева сыграли огромную роль в обеспечении боевых операций «Главного войска» Пугачева при наступлении его в июне—июле 1774 г. от Красноуфимска к Казани.

Указ от 13 июня вместе с другими документами походной канцелярии Бахтияра Канкаева захвачен карателями в бою

¹¹ ГИМ, ОПИ, ф. 1, д. 100, л. 2.

¹² Оригинал указа хранится в собрании «пугачевских» материалов архива А. С. Пушкина (Пушкинский Дом, Отдел рукописей, ф. 244, оп. 3, № 130, л. 1); опубли. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 35.

¹³ Ермухаммет Кадырметев, ясачный татарин деревни Ижболдиной Осинской дороги Уфимского уезда, походный старшина повстанцев.

¹⁴ Указ отправлен к Бахтияру Канкаеву с есаулом Салихом Наврузовым (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 75).

¹⁵ Сохранился список пугачевского указа 13 июня на татарском языке (ЦГАДА, ф. 6, д. 416, ч. 2, л. 85), написанный, по мнению С. Х. Алишева, главным полковником Кинзей Арслановым (Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973, с. 115).

¹⁶ Ордер старшинам Уранской волости от 22 июня 1774 г. — В кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 469.

27 июля 1774 г. под деревней Зюри в низовьях Камы, после чего передан в Казанскую секретную комиссию. В 1833 г. пугачевский указ от 13 июня 1774 г. попал в руки А. С. Пушкина, надо полагать, от его лицейского друга М. Л. Яковлева, который с начала 1830-х годов служил в комиссии сенатора С. Ф. Маврина, разбиравшей дела Сенатского архива и Петербургского архива старых дел (в последнем хранились материалы Казанской секретной комиссии, а в их числе и пугачевские документы)¹⁷.

§ 4. *Именной указ Е. И. Пугачева башкирскому походному старшине Адылу Ашменеву и сотнику Мукашу Сутееву (19 июня 1774 г.)*. Указ¹⁸ составлен в Военной коллегии в стане Пугачева у прикамского пригорода Оса. Адресован указ предводителям башкирского повстанческого отряда — походному старшине Адылу Ашменеву¹⁹ и сотнику Мукашу Сутееву²⁰ (отряд их действовал на правом берегу Камы).

Рассматривая содержание указа от 19 июня, можно выделить в его составе три части: уведомительную, распорядительную и декларативную.

В уведомительной части сообщается о получении рапорта Адыла Ашменева «Петром III» и о предстоящем движении его войска к деревне Невוליной после взятия Осы.

В распорядительной части указа Пугачев предписывал Адылу Ашменеву вести агитацию среди населения в пользу «Петра III», рассылая «в разные жительство и деревни» копии указа и пополняя свой отряд новыми бойцами; вместе с тем отменялся назначенный Адылом Ашменевым поход его отряда к Рождественскому заводу. Последнее распоряжение было вызвано тем, что этот отряд, располагаясь в 40 верстах западнее Осы, контролировал переправу через Каму и прикрывал главные силы Пугачева, осаждавшие Осу. Именно поэтому отряд Адыла Ашменева должен был ожидать в деревне Невוליной подход армии «Петра III».

Наибольший интерес представляет декларативная часть указа — своеобразное программное заявление, излагающее содержание социальной политики ставки Пугачева и намечающее перспективы движения. Указ объявлял о пожаловании «всех вер-

¹⁷ *Овчинников Р. В.* Пушкин в работе над архивными документами: «История Пугачева». Л., 1969, с. 153.

¹⁸ Оригинал указа не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 36) печатается по копии (ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 98—98 об.).

¹⁹ Адыл Ашменев (род. 1727 г.), башкир деревни Елпачихи Гайнинской волости Осинской дороги Уфимского уезда, примкнул к восстанию в декабре 1773 г., участвовал во взятии ряда прикамских заводов и селений, в осаде Кунгура, в походе пугачевского войска на Казань; в октябре 1774 г. арестован карателями (подробнее см.: *Овчинников Р. В.* Именной указ Е. И. Пугачева башкирскому походному старшине Адылу Ашменеву. — История СССР, 1972, № 2, с. 121—125).

²⁰ Мукаш Сутеев, башкир, житель Осинской дороги Уфимского уезда, участвовал в повстанческом движении с декабря 1773 г.; в октябре 1774 г. арестован карателями, содержался под следствием в Казанской секретной комиссии, откуда освобожден в 1775 г.

ноподданных наших, кой помнят долг своей к нам присяги²¹, вольностию» с одновременным освобождением от государственных повинностей «без всякого требования в казну нашу подушных и прочих податей и рекрутского набору». Для крестьян объявленная вольность означала освобождение от крепостной зависимости помещикам, ибо, согласно указу, они лишались права на эксплуатацию крестьян: «Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждой восчувствует прописанную вольность и свободу».

В указе даны наметки преобразований в России после воцарения «Петра III». Предусматривалось, в частности, что государство откажется от взимания подушной подати и других налогов с населения, поскольку в этом нет никакой необходимости, ибо казна будет пополняться за счет внутренних ресурсов казны — «казна сама собою довольствоватца может». Указ предусматривал также, что в «империи Петра III» будет отменена и обременительная для народа рекрутская повинность, ибо армия будет полностью комплектоваться за счет добровольцев — «войско наше из вольножелающих к службе нашей великое исчисление иметь будет». Руководители восстания наивно верили в возможность подобных утопий в России XVIII столетия.

Указ от 19 июня развивал антифеодалные идеи указа от 12 июня (см. § 2 данной главы) и, как и он, являлся идейным предшественником манифестов Пугачева от 28 и 31 июля 1774 г.

Исполняя предписание Пугачева, Адыл Ашменев рассылал копии указа от 19 июня по прикамским селениям. Одна из копий попала в Ижевск к управителю Камских и Гороблагодатских заводов — коллежскому советнику Ф. Ф. Венцелю, а он отправил ее в Казанскую губернскую канцелярию. Там была снята новая копия, которую губернатор Я. Л. Брант приложил к своему письму, отправленному 30 июня 1774 г. к генералу Ф. Ф. Щербатову²².

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ

УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА.

КОНТРМЕРЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

От второго этапа Крестьянской войны дошли тексты всего лишь четырех указов Пугачева²³, рассмотренных выше (§ 1—4). По свидетельствам источников иного происхождения удалось ус-

²¹ Б. Г. Литвак справедливо заметил, что в указе от 19 июня формулировка условности пожалования вольностью смягчена в сравнении с указами 1773 г., где такого рода пожалования прямо связывались с признанием «Петра III», а иногда с победным завершением его борьбы за престол (Литвак Б. Г. Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974, с. 27).

²² ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 96—96 об.

²³ Особенности построения и оформления июньских указов рассмотрены в ч. I, гл. 3.

тановить содержание 48 утраченных рескриптов предводителя восстания²⁴, представленных как манифестами и указами-воззваниями, так и указами-распоряжениями. В последних содержались предписания о пополнении «Главной армии» и обеспечении ее вооружением и продовольствием, о назначении атаманов, об управлении крепостями, селениями и общинами, о действиях отдельных отрядов и по другим вопросам административного и военно-оперативного характера.

Эта сторона деятельности повстанческого центра освещается следственными показаниями лиц, находившихся в ближайшем окружении Пугачева. Судья Военной коллегии И. А. Творогов рассказывал на допросе, что в апреле—мае 1774 г. служившие в коллегии секретарь И. Шундеев²⁵ и повытчик Г. Туманов²⁶ сочинили множество именных указов Пугачева и указов коллегии (Шундеев — на русском языке, а Туманов — на татарском) «к башкирским старпинам и по заводам о наборе» в ряды пугачевского войска «людей вооруженных», и «по тем указам старшины и заводские прикащики давали людей охотно», причем в другой части своего показания Творогов подчеркивал, что эти люди шли к Пугачеву не столько по административному принуждению, сколько по внутреннему побуждению, особенно примененному в крестьянстве: «Вся чернь, как-то: заводския и помещичьи крестьяня, приклонялись к нему с радостию и были усердны, снабжая толпу нашу людьми и всем тем, чтобы от них ни потребовано было, безоговорочно»²⁷. Секретарь Военной коллегии А. И. Дубровский, касаясь своей службы в ставке Пугачева, вспоминал на следствии, что он вместе с повытчиком Г. Степановым составил много указов. Этими указами объявлялось «простому народу, что когда всех можно будет перевести помещиков, то тогда будет всем вольность и избавление от крестьянства, подушных и протчих податей, рекрутскова набору; [казенной] продажи вина и соли не будет»²⁸. Из показаний Дубровского видно, что в представлении руководителей восстания освобождение крестьянства было неразрывно связано с истреблением дворян-крепостников. Это — определяющий лейтмотив содержа-

²⁴ См. ч. II, гл. 2, § 1—48.

²⁵ Шундеев Иван, хорунжий казаков Еткульской крепости, в повстанческом движении с января 1774 г., 12 апреля того же года определен секретарем в Военную коллегию; захвачен в плен карателями 21 мая 1774 г. в битве под Троицкой крепостью и день спустя казнен.

²⁶ Туманов Григорий, переводчик конторы Воскресенского завода, примкнул к восстанию в ноябре 1773 г., сподвижник пугачевского полковника И. Н. Грязнова, а с марта 1774 г. — атаман повстанцев в Челябинске и Чебаркульской крепости; в конце апреля явился к Пугачеву и определен им в повытчики Военной коллегии. Туманов был захвачен в плен карателями 21 мая 1774 г. в битве под Троицкой крепостью, но при конвоировании в Оренбург отбит казаками. вблизи Губерлянской крепости (подробнее о Туманове см.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеев В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974, с. 132—137).

²⁷ Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2, с. 145, 162.

²⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 149—149 об.; Пугачевщина, т. 2, с. 223.

ния манифестов и указов Пугачева с июня по август 1774 г. Провозглашаемые в этих документах свободы и льготы крестьяне, по свидетельству Дубровского, «почитали и утверждали за самую истинну и думали то подлинно получить, друг друга склоняли» на сторону Пугачева ²⁹.

Данные о распространении манифестов и указов Пугачева и о их влиянии на подъем повстанческого движения на Южном Урале и в Прикамье содержатся в следственных показаниях видных вожаков восстания — полковников И. Н. Белобородова ³⁰, А. П. Перфильева ³¹, Салавата Юлаева ³², Канзафара Усаева ³³ и др.

В подъеме повстанческого движения большую роль сыграла агитация пугачевцев. Так, например, переход крестьян Авзяно-Петровского завода на сторону Пугачева в апреле 1774 г. был вызван выступлением казаков-повстанцев, объявивших мирскому сходу: «Естли кто из помещичьих людей и крестьян или ис подписных к заводам крестьян будет ему [«Петру III»] служить, то всем тем от помещиков и от заводов вечная свобода» ³⁴. 10 июня пугачевцы объявили крестьянам села Чепчуги и деревни Янчуриной под Казанью, что «государь Петр Федорович» всем «господским людям и крестьянам от помещиков дает вечную свободу, чему они простотою своею и поверили» и пошли за Пугачевым к Казани ³⁵. То же произошло 11 июля в деревне Слободной Казанского уезда, где пугачевские агитаторы говорили на сходе крестьянам, чтобы они «были послушны государю Петру Федоровичу, за что дана им будет от него вольность и от всех податей свобода, чему, поверя, они всем миром и покорились» и отправили в лагерь Пугачева под Казань печеный хлеб, гурт скота и табун лошадей, а также арестованного приказчика ³⁶. Такие картины наблюдались и в других селениях, лежащих на пути следования войска Пугачева к Казани.

Порой содержание выступлений пугачевских агитаторов приобретало характер импровизаций, не вполне совпадающих с точным смыслом манифестов Пугачева. Полковник Авзянского повстанческого полка Д. М. Загуменнов, приехав в начале июля 1774 г.

²⁹ Пугачевщина, т. 2, с. 223.

³⁰ Там же, с. 329—335.

³¹ Сподвижники Пугачева свидетельствуют. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 106—107.

³² Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 302, 318—319.

³³ Там же, с. 221—222; ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 509 об.—510.

³⁴ Протоколы показаний крестьянина Т. Н. Голдобина на допросе 18 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 2, л. 17.

³⁵ Протокол показаний крестьянина Е. В. Мурашева на допросе 18 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, л. 249.

³⁶ Протокол показаний крестьян Д. Семенова, В. Андреева и И. Афанасьева на допросе 24 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, л. 182.

в прикамское село Котловку, «изъяснял» крестьянам, что «Петр III» обещает верноподданым в течение семи лет «никакой подати не брать, а только служить будут ему несколько в казаках, о чем-де ис Казани и указ пришлетца»³⁷. Примерно такой же мотив прозвучал в выступлении пугачевского эmissара в селе Аркатово Казанского уезда. Он на сходе 14 июля объявил крестьянам, чтобы они «своего помещика [капитана Матюнина] не слушали, и как-де подушных денег, так и никаких податей девять лет збиратца с них не будет, чему они по простоте, а особенно был в большом страхе, и поверили»³⁸. Такого рода заявления находились в противоречии с именными указами Пугачева от июня 1774 г., по смыслу которых освобождение крестьян от подушной подати и прочих налогов провозглашалось не как временная мера, а как постоянное установление, как составная часть «вечной вольности».

Успехам Пугачева способствовало не только то, что он провозглашал свободу и льготы народу (пока что при условии верной ему службы), но также и то, что повстанцы и народ практически осуществляли пожалования пугачевских манифестов — ликвидировали на освобожденной территории крепостнические порядки, устраняли прежнюю администрацию, захватывали господскую и казенную собственность, вводили свое управление и т. п. Народ и по частным поводам мог видеть внимание к его нуждам со стороны «Петра III». Так, когда мастеровые и крестьяне Ижевского завода, явись к Пугачеву, заявили, что они находятся «всегда в заводских работах, а жалованье-де мастеровым давано было малое и всю зиму оно не получали, а крестьяне также обращаются в заводских работах и находились у строения кругом заводу крепости, а платы-де нисколько не получили», Пугачев тут же приказал открыть «кладовую полатку», вынести всю денежную казну и «раздавал мастеровым и крестьянам», тем, кто пошел служить в его армию, по три рубля, «а которые остались в домах, таковым по два рубля», а помимо этого распорядился о раздаче всем продовольствия из казенных «магазейнов»³⁹. Будучи 9 июля в Арске, Пугачев велел раздать горожанам более 400 руб. из казенной соляной суммы, а всю имевшуюся в амбарах соль казаки «обывателям велели брать безденежно»⁴⁰. Многочисленные факты подобного проявления «царской милости» способствовали росту популярности Пугачева в народе и увеличению числа его сторонников.

³⁷ Протокол показаний крестьянина К. С. Карасева на допросе 18 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, ч. 3, л. 400 об.

³⁸ Протокол показаний крестьянина М. Чернова на допросе 2 сентября 1773 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, л. 198 об.

³⁹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974, с. 250—251.

⁴⁰ Протокол показаний казанского купца Д. Ляпина на допросе 22 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 11, л. 316.

Характеризуя обстановку, сложившуюся весной и в начале лета 1774 г. на Южном Урале и в Прикамье, деятели екатерининской администрации указывали на единодушную поддержку Пугачева трудовым населением края. Командующий карательными войсками генерал-поручик князь Ф. Ф. Щербатов писал Екатерине II, что мятеж происходит не только там, где сам Пугачев «присудствен, но и в дальних местах повсюду ему преданны и с доброю волею» исполняют его предписания, «жертвуя имуществом и животою своим, и со всех сторон к нему стекаются»⁴¹.

Вспоминая события того времени, генерал П. М. Голицын писал, что «чернь везде сего» Пугачева «с восклицанием встречала»⁴². Другой энергичный военачальник, подполковник И. И. Михельсон, прошедший, как и Голицын, с боями путь через Башкирию и Прикамье к Казани, доносил: «Неможно себе вообразить, сколь ослепленно народ к нему [Пугачеву] клонится»⁴³. Но причина такой приверженности к Пугачеву заключалась, конечно, не в «слепоте», «невежестве» и «простоте» народа — любой из непросвещенных простолудинов ясно видел те выгоды, которые сулили ему манифесты, исходившие к тому же от «государя-батюшки Петра Федоровича». Это понимали и деятели екатерининской администрации. Казанская губернская канцелярия доносила Сенату, что «весь черный народ, слепо веря» пугачевским «обольщениям, главнейше — в даче льгот, в податях и в небранье рекрут, а помещичью [крестьянам] — воли, льстятца сею надеждою и так безрассудно присоединяютца в войско Пугачева «охотою», но есть, впрочем, и такие, которые «ради страха сему следуют»⁴⁴. Отмечая огромное воздействие воззваний Пугачева на умонастроение народа и на подъем повстанческого движения, власти квалифицировали эти «обольщения» не только «мечтательными» и «никогда несбыточными обнадеживаниями» народа, «вольностию», но и противозаконными, преступными покушениями на установленные свыше порядки⁴⁵. Дух восстания, посеянный воззваниями Пугачева и агитацией его эмиссаров, охватил различные слои трудового населения Южного Урала, а затем и Прикамья. Подполковник И. И. Михельсон, усмирив «находящихся в бунте» заводских крестьян и мастеровых под Уфой, писал генералу А. И. Бибикову: «В том народе весьма злодейские мысли вкоренились»⁴⁶. Генерал А. И. Деколонг доносил в Военную коллегию, что в связи с появлением войска Пугачева в пределах Исетской провинции вновь начались повсеместные волнения заводских и государст-

⁴¹ Донесение от 27 июля 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 404.

⁴² Рапорт П. М. Голицына генералу П. И. Панину от 9 августа 1774 г. — Пугачевщина, 1931, т. 3, с. 286.

⁴³ Рапорт И. И. Михельсона Голицыну от 6 июля 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 211.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 256.

⁴⁵ Всенародное объявление Оренбургской секретной комиссии от 27 мая 1774 г. — Там же, ф. 6, д. 508, ч. 1, л. 13—13 об.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. 20, д. 1237, л. 108.

венных крестьян, а также и башкир; возобновляется огонь, «с великою трудностью прежде погашенной», и нет надежных военных сил, чтобы защищать границы Сибирской губернии и от прорыва Пугачева, и от набегов казахов-кочевников⁴⁷. Казанский губернатор Брант, узнав о выходе Пугачева в Прикамье, опасался возможной поддержки его башкирами, татарами, удмуртами и русскими крестьянами, но особое беспокойство вызывала всегдашняя готовность присоединиться к любому бунту «заводских мужиков» прикамских частновладельческих и казенных предприятий⁴⁸. Последующие события вполне оправдали предсказания Бранта — в рядах войска Пугачева, штурмовавшего 12 июля Казань, находились сотни заводских крестьян Прикамья, ясачных татар, удмуртов и башкир. В середине июня оренбургский губернатор Рейнсдорп дважды обращался к генералу Щербатову с просьбами о посылке военных команд для подавления непрекращающихся волнений башкир и заводских крестьян, «обольщенных» Пугачевым⁴⁹. Щербатов 16 июня ответил ему, что, помимо находящихся в Башкирии карательных команд, туда отправляется корпус генерала П. М. Голицына, а о заводских крестьянах заметил, что их выступления вызваны необузданной эксплуатацией («жестокость, употребляемая от заводчиков с своими крестьянами, возбуждала их к ненависти против своих господ»⁵⁰), — заявление, несколько необычное в устах командующего карательными войсками, вынужденного признать тяжелое положение крестьянства.

Власти отмечали успехи пугачевской агитации среди нерусского населения края, особенно у башкир. Рейнсдорп доносил Сенату, что после поражения восставших под Сакмарским городком предвиделась надежда на установление «прежней здешней тишины и спокойствия», однако Пугачев «возьмел способ башкирской народ вящще поколебать, которой тотчас попустился в генеральской бунт»⁵¹. Михельсон, проводивший в мае 1774 г. карательные операции в центральной и восточной части Башкирии, в одном из рапортов к Щербатову писал, что Салават Юлаев, «будучи обольщен» Пугачевым, «возмутил все здешние волости» и никакие увещевания на башкир не действуют⁵².

Приверженность башкир Пугачеву не могли поколебать и два крупных поражения, понесенные им в боях 21—22 мая 1774 г. под Троицкой крепостью и Кундравинской слободой. Более того,

⁴⁷ Там же, д. 1233, л. 191.

⁴⁸ Письмо Бранта генералу Ф. Ф. Щербатову от 18 июня 1774 г. — Там же, ф. 20, д. 1239, л. 355. Такого же содержания рапорт отправлен Брантом в Военную коллегию (там же, д. 1234, л. 3—6).

⁴⁹ Там же, д. 1239, л. 141—143, 197—197 об.

⁵⁰ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 191.

⁵¹ Там же, с. 204. Повстанец Упак Абзямов показал на допросе, что башкиры поддерживали Пугачева, «льстясь лестным ево обещаниям, что он может возвратить имевшуюся в здешних местах заселившую землю и что господ никого не будет, а всякой зделаетца самовластным» (ЦГАДА, ф. 1274, д. 182, л. 231).

⁵² Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 139.

именно в конце мая—начале июня выявились, как доносил Щербатов Екатерине II, «буйство сего народа, великия их по всей Башкирии собрания и явная склонность» к Пугачеву⁵³. Поддержка народа, прежде всего русских крестьян и башкир, позволила Пугачеву довольно быстро одолеть последствия крупных военных неудач, пополнить свои отряды, а месяц спустя выйти во главе 20-тысячной армии к Казани.

Правительство Екатерины II и местная администрация уделяли значительное внимание идейной борьбе с восстанием. Крупные поражения восставших весной 1774 г. у Татищевой крепости, под Уфой и у Сакмарского городка использовались властями в противопугачевской пропаганде⁵⁴. Победы карательных войск освещались в официальных публикациях, в специальных «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» (№ 29 и 30 от 11 и 29 апреля 1774 г.). По мере вторжения карателей в охваченные восстанием районы населению объявлялись манифесты Екатерины, лазутчики с такими манифестами засылались в повстанческие отряды⁵⁵. В апреле 1774 г. в селениях Казанской и Оренбургской губерний обнародовались печатные экземпляры увещевания Вениамина — архиепископа Казанского и Свияжского, в которых осуждались и проклинались люди, поверившие «обольщениям» Пугачева и надеявшиеся на то, будто они, «свергшесь природного рабства своего, за то получают обещаваемую им воров Пугачевым обще всем народам пагубную свободу». Архиепископ взывал: «Да обратится убо тяжкая сия болезнь России на злоокаянную главу треклятого и вечно анафеме от всея греко-российския церкви преданного злодея Пугачева и его единомысленников мятежников»⁵⁶. В таких же тонах выдержано и увещевание Синода, изданное 17 апреля 1774 г.⁵⁷ Военачальники и местные администраторы рассылали составленные ими самими увещевания, адресованные различным группам населения. В начале апреля с увещеваниями к башкирам обратился генерал П. М. Голицын⁵⁸. Тогда же губернатор Рейнсдорп направил увещевания

⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 231.

⁵⁴ К числу такого рода акций следует отнести и уничтожение перехваченных манифестов Пугачева и указов его Военной коллегии, происшедшее в Оренбурге 27 мая 1774 г. при казни видных пугачевцев — атамана яицких казаков М. П. Толкачева и капрала оренбургских казаков И. Волкова (Объявление Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7309).

⁵⁵ См. донесения об этом подполковника И. И. Михельсона, майора О. Дуве, генералов Ф. Ф. Щербатова и Ф. Ю. Фреймана (Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 135, 138, 139, 143, 145, 149, 154, 158, 159; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии, с. 183, 187; ЦГАДА, ф. 271, д. 1339а, л. 123; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 231).

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 72—73 об. Текст увещевания вошел в записки оренбургского священника И. Осипова (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1940, т. 9, кн. 2, с. 575—577*).

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 527, л. 140—143 (типографский экземпляр, напечатанный церковной печатью).

⁵⁸ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1938, т. 9, кн. 1, с. 344.*

к башкирам, мишарам и татарам Уфимской и Исетской провинций⁵⁹. Увещевания посылались к заводским крестьянам и мастеровым, государственным и помещичьим крестьянам, яицким и исетским казакам. Но, судя по донесениям Михельсона, Щербатова, полковника П. А. Шепелева и других⁶⁰, ни манифесты Екатерины II, ни послания церковников, ни увещевания начальства не оказывали желаемого воздействия на народ — он не только отвергал обращенные к нему призывы, но порой и со «всякою непотребною бранью» отзывался о манифестах императрицы⁶¹. И это понятно. Ведь если в манифестах Пугачева призыв к послушанию и верности сопровождался обещаниями пожаловать народ свободой и различными льготами, то в манифестах Екатерины II и увещеваниях ее администрации требования о смирении и покорности соседствовали с угрозами жестоких репрессий и к самим повстанцам, и к их явным и скрытым сторонникам среди населения. Чего стоили, например, содержавшиеся в увещевании коменданта Верхне-Яицкой крепости полковника Е. А. Ступишина угрозы, обращенные к башкирам: «Буду вас казнить, вешать за ноги и за ребра, дома ваши, хлеб и сено подожгу и скот истреблю», а пойманных с пугачевскими воззваниями людей «велю пытать накрепко, а также нос и уши отрежу», каковому наказанию и был подвергнут башкир Зеутфутдин Мусин⁶². Такого рода угрозы и репрессии карателей мало способствовали «усмирению» и «общему покою» края, а наоборот, чаще всего вели к росту сопротивления народа; что же касается башкир, то их выступления удалось подавить лишь осенью 1774 г.

Обнародование Пугачевым в июне 1774 г. манифестов, отражавших интересы крепостного крестьянства, вызывало особую тревогу властей, учитывавших последствия движения «Главного войска» «Петра III» к Поволжью, большая часть населения которого была представлена помещичьими крестьянами. В середине июля губернатор Брант предупреждал своих корреспондентов из разгромленной и сожженной Казани, что если Пугачеву здесь, на левом берегу Волги, «не зделано будет совершенного истребления», то события приобретут опасный, «великой и важной» оборот, учитывая то, что «все почти уездные обыватели», и прежде всего помещичьи крестьяне, «слепо веря» пугачевским «разглашениям и обольщениям», «крепко к нему пристают»⁶³. Справедливость этих оценок подтвердилась событиями, развернувшимися на третьем этапе Крестьянской войны (вторая половина июля—август 1774 г.) на Правобережье Волги.

⁵⁹ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 120—121; ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 39—39 об.

⁶⁰ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 135, 139, 143, 145, 149; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 143, л. 231.

⁶¹ Рапорт старшины Мендея Тупеева уфимскому коменданту С. С. Мясоедову от 13 июня 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 8, л. 335.

⁶² Дубовин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 3, с. 26—28.

⁶³ Письма Я. Л. Бранта московскому генерал-губернатору М. Н. Волконскому и генерал-поручику Ф. Ф. Щербатову. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 374; д. 1240, л. 323.

Глава 3

МАНИФЕСТЫ И УКАЗЫ Е. И. ПУГАЧЕВА ТРЕТЬЕГО ЭТАПА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

(вторая половина июля—август 1774 г.)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ УКАЗОВ И МАНИФЕСТОВ Е. И. ПУГАЧЕВА

Выход Пугачева в середине июля 1774 г. на правый берег Волги, обнаружение им манифестов, прокламирующих освобождение крестьянства, вызвали мощный подъем повстанческого движения в правобережных уездах Казанской, Нижегородской, Астраханской губерний и в смежных с ними восточных уездах Московской и Воронежской губерний¹. Опираясь на многочисленные очаги крестьянских волнений, Пугачев смог быстро преодолеть тяжелые последствия поражения под Казанью, пополнить свое войско, снабдить его артиллерией и на некоторое время стать хозяином положения в Среднем Поволжье. Используя растерянность военного командования неприятеля, малочисленность и небоеспособность местных гарнизонов, а также и то, что преследующие его авангардные карательные отряды отстали на несколько суточных переходов, Пугачев, оторвавшись от преследования, в течение второй половины июля 1774 г. овладел без сопротивления рядом поволжских городов (17 июля взял Цивильск, 20 июля — Курмыш, 23 июля — Алатырь, 27 июля — Саранск), а в августе, продвигаясь далее на юг, к родному Дону, занял 1 августа Пензу, 4 августа — Петровск, 6 августа — Саратов, 11 августа — Камышин (Дмитриевск), 17 августа — Дубовку, к 20 августа вышел к Царицыну, где встретил первый серьезный отпор и вынужден был отступить в безлюдные степи Нижней Волги, потеряв надежду на поддержку донского казачества.

Какие же меры были приняты правительством Екатерины II для вооруженного подавления восстания? Первые донесения о взятии Казани Пугачевым дошли в Петербург 21 июля и вызвали состояние полной растерянности у властей. На другой день был созван императорский совет, где, как свидетельствует канцлер Н. И. Панин, «увидели государыню крайне пораженною, и она объявила свое намерение оставить здешнюю столицу и ехать для спасения Москвы и внутренности империи, требуя и настоя с великим жаром, чтобы каждый из нас сказал ей о том свое мнение. Безмолвие между нами было великое»². Но уже в бли-

¹ Повстанческая борьба продолжалась и в оставленных Пугачевым районах — в Заволжье, Прикамье, Башкирии.

² Письмо Н. И. Панина П. И. Панину от 22 июля 1774 г. — В кн.: Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 74.

жайшие дни были предприняты энергичные действия по организации и отправлению новой карательной экспедиции, войскам которой поручалось прикрыть Москву и центр страны от вторжения отрядов Пугачева, а затем нанести ему решительное поражение, подавляя в ходе наступления местные очаги повстанческой борьбы. 29 июля Екатерина II назначила главнокомандующим карательными силами генерал-аншефа графа П. И. Панина, вручив ему всю полноту «политического, военного и гражданского управления» в трех губерниях (Казанской, Оренбургской и Нижегородской), охваченных восстанием³. Под командование Панина перешли как войска, действующие уже против Пугачева (7 пехотных полков, 3 казачьих полка, 1 гусарский полк, 7 гусарских батальонов, 15 легких полевых команд, 15 гарнизонных батальонов), так и войска, спешно отправляемые с северо-западных и западных границ империи и из действующей на Турецком фронте армии (6 пехотных полков, 6 конных полков, 3 казачьих полка). В совокупности, как справедливо отмечала Екатерина II в письме к Панину от 30 июля, против Пугачева «столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была»⁴ (имеются в виду соседние государства). Большая часть этих сил участвовала в подавлении повстанческого движения в Среднем Поволжье, завершив основные карательные операции к середине сентября 1774 г. А за три недели до того, 25 августа, в приволжской степи, на полпути от Царицына к Черному Яру, авангардный корпус полковника И. И. Михельсона настиг войско Пугачева и в битве у Солениковой ватаги нанес ему решительное поражение. Пугачев с двумя сотнями казаков бежал за Волгу, но там вскоре был арестован заговорщиками, доставлен ими в Яицкий городок и выдан властям.

Обратимся к рассмотрению указов и манифестов Пугачева третьего этапа Крестянской войны.

§ 1. *Именной указ Е. И. Пугачева о производстве прапорщика Е. З. Сулдешева в полковники и назначении управителем г. Алатыря (23 июля 1774 г.)*. Указ⁵ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Алатырем. Прапорщик гарнизонной команды Е. З. Сулдешев⁶, произведенный этим

³ Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 81—85. Прежний главнокомандующий, генерал-поручик князь Ф. Ф. Щербатов, был смещен с этого поста 8 июля 1774 г., с того времени до конца июля обязанности главнокомандующего исполнял генерал-майор князь П. М. Голицын.

⁴ Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 86.

⁵ Оригинал указа не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.» (М., 1975, док. № 37) печатается по копии (ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 36—36 об.).

⁶ Сулдешев Елизар Захарович (род. в 1728 г., в службе с 1748 г.) исполнял обязанности пугачевского градоначальника в Алатыре в течение недели. При вступлении 31 июля 1774 г. в город карательного отряда майора К. Меллина Сулдешев был арестован. Тайная экспедиция Сената 6 июня 1775 г. определила «исключить его из службы» и освободить от ссылки (ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, ч. 15, л. 72—76).

указом в полковники и градоправители Алатыря (по его словам, случайный среди повстанцев человек, отмеченный вниманием Пугачева по нескольким встречам с ним). На следствии Сулдешев говорил, что Пугачев видел его среди «именитых» граждан Алатыря при вступлении в город, на торжественном молебне в соборе, на обеде в его доме. И, наконец, вызвав в свою ставку, спросил Сулдешева: «А давно ли ты в службе?» Тот ответил: «25 лет». Пугачев сказал на то: «Как же ты служишь давно, а имеешь чин маленький. Ежели ты мне верою и правдою послужишь, так я пожалую тебя полковником и воеводою здешнего города». Сулдешев пытался отказаться от такой службы, ссылаясь на возраст, болезни и раны, но Пугачев объявил: «Будь-де ты отныне полковник и в городе главным смотрителем», приказав своему секретарю Дубровскому написать о том указ. Вскоре Дубровский вручил Сулдешеву бумагу, сказав: «Вот тебе указ, прочти его дома и по оному исполняй»⁷.

Указ, судя по вступлению («Божиею милостию мы, Петр Третий...»), обращению («объявляется во всенародное известие») и содержанию первой половины текста, написан в форме манифеста. Здесь объявляется, что «Петра III» с «победоносною... армией» встречали «с принадлежащею церемониею» в пригородке Осе и в селениях Казанской губернии «разного звания и чины люди», «чувствуя долг своей присяги, желая общего спокойствия» и признавая его истинным государем. Однако некоторые из жителей, «а особливо злодеи-дворяне, не хотя быть верноподданными и лишиться дворянства», не только сами вступали в сопротивление, но и побуждали к тому своих крестьян. За это неприятели «Петра III» понесли наказание «по всей строгости... монаршего правосудия», а «грады и жительства их выжжены».

Вторая часть документа имеет характерные свойства именного указа, возлагающего на Сулдешева исполнение обязанностей градоначальника в Алатыре. Здесь констатируется, что духовенство и другие жители города, «по должности своей присяги признавая своего монарха», встретили его «с пристойною церемониею» и «в склонность пришли порядочным образом». Особо отличился при этом прапорщик Сулдешев, не только не противившийся «Петру III», но и склонивший в подданство ему «весь находящийся в городе Алатыре народ», за что он и «награждается рангом полковника, и препоручается ему, как верноподданному рабу, содержать оной город Алатырь под своим ведением и почитаться главным командиром». Управляя городом, Сулдешев должен поступать «в силу законов во всем неупустительно, не чиня никому обид, налог и притеснения». В свою очередь горожане обязаны

⁷ Протокол показаний Е. З. Сулдешева на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — В кн.: Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972, с. 317—318; см. также: Протокол показаний Сулдешева на допросе 1 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1931, т. 3, с. 215—217.

быть ему «во всем принадлежащем деле послушными». С противниками, а также с бежавшими из Алатыря людьми (дворянами, чиновниками, офицерами, розыск которых возлагался на Сулदेशева), указ предписывал поступать как «з действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками своему государю» по всей строгости его правосудия.

Оригинал пугачевского указа был послан Сулदेशевым при одном из его рапортов губернатору А. А. Ступишину в Нижний Новгород⁸ и там публично истреблен. Интересно происхождение сохранившейся копии указа. 27 июля, в воскресный торг на рынке в Алатыре, Сулदेशев встретился с канцеляристом Л. Протопоповым, показал ему пугачевский указ и позволил снять с него копию. Протопопов, будучи позднее в Нижнем Новгороде, «персонально» вручил эту копию Ступишину⁹, а тот отправил ее в Тайную экспедицию Сената, где она и была приобщена к материалам следствия по делу Пугачева и его соратников.

§ 2. *Именной указ Е. И. Пугачева о производстве подпоручика В. Косаговского в подполковники (24 июля 1774 г.).* Указ¹⁰ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Алатырем. Подпоручик Василий Косаговский¹¹, управитель Ямской слободы, был арестован повстанцами 23 июля при вступлении их в слободу. Но по заступничеству ямщиков, заявивших, что Косаговский — человек добрый и каких-либо претензий к нему они не имеют, Пугачев не только освободил его из-под караула, но и оставил при прежней должности, произведя своим именованием указом в подполковники.

Указ составлен по образцу документа подобного назначения, применявшемуся ставкой Пугачева с июня 1774 г. (см. гл. 2, § 1). Указ объявляет, что служивший прежде подпоручиком В. Косаговский «за оказанную его к службе ревность и прилежность» пожалован 24 июля 1774 г. в подполковники, почему все и обязаны «признавать и почитать» его в этом чине; в указе выражалась надежда, что Косаговский будет «верно и прилежно» нести свою службу в новом чине.

Отобранный при аресте Косаговского пугачевский указ был приобщен к материалам следствия Тайной экспедиции Сената по делу Пугачева и его соратников.

2 сентября 1774 г., находясь под стражей в Пензе, Косаговский сумел отправить рапорт в Московскую ямскую контору, в ко-

⁸ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии, с. 348.

⁹ Протокол показаний Л. И. Протопопова на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 453, л. 10.

¹⁰ Оригинал указа хранится среди следственных материалов Тайной экспедиции Сената (ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 37); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 38.

¹¹ При вступлении в Алатырь карательного отряда майора К. Меллина Косаговский был взят под стражу. Тайная экспедиция Сената, рассмотрев дело, определенном от 27 марта 1775 г. освободила его от наказания (ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, ч. 14, л. 11).

тором, оправдываясь в своем поступке, писал, что он был взят на службу к Пугачеву «в великом страхе и ужасе, едва мог ли спастись живым», и что Пугачев «своим злодейством назвал меня подполковником, на что и указ дал», но им, Косаговым, по тому указу никакого «исполнения не чинено»¹². Это, видимо, и послужило для Тайной экспедиции Сената основанием при вынесении оправдательного приговора.

§ 3. Манифест Е. И. Пугачева, объявленный жителям города Саранска и Саранского уезда (28 июля 1774 г.). Манифест¹³ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Саранском.

Созданием манифеста венчались труды А. И. Дубровского (и ставки Пугачева в целом) по выработке идейной платформы движения, отражающей в то время (лето 1774 г.) по преимуществу интересы крестьянства. При составлении манифеста были использованы формулировки предшествующих указов июня—июля 1774 г.¹⁴, рассмотренных выше (гл. 2, § 2, 4; гл. 3, § 1), но в манифесте 28 июля они приобрели более радикальное звучание. Так, если в тех указах освобождение крестьян обуславливалось обязательством их верности «Петру III», то манифест 28 июля освобождал их от крепостной неволи без каких-либо ограничивающих условий.

Итак, манифест 28 июля освобождал крестьян от крепостной зависимости, называя их людьми, «находившимися прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков», а ныне жаловал их «с монаршеским и отеческим нашим милосердием» быть «верноподданными собственной нашей короне рабами», что, конечно, не означало передачу прав феодальной собственности на крестьян от дворян к монарху или государству¹⁵, как полагают отдельные историки¹⁶.

Бывшие «прежде в крестьянстве, в подданстве помещиков» крестьяне навечно переводились, согласно манифесту, в казаки — независимое от феодальных пут сословие, которое, по представлениям Пугачева и его ближайших сподвижников — казаков, являлось идеальной формой общественного устройства свободных

¹² ЦГАДА, ф. 1274, д. 190, л. 117.

¹³ Оригинал манифеста хранится в собрании повстанческих документов Казанской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 53—53 об.); опубл. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 39.

¹⁴ Ср. док. № 34, 36, 37 с док. № 39 в книге *«Документы ставки Е. И. Пугачева...»*.

¹⁵ По терминологии XVIII в., представители всех сословий в России, от крестьян до феодалов, считались «верноподданными рабами» монарха. Даже виднейшие аристократы, граф П. И. Панин, князь Ф. Ф. Щербатов, генерал П. С. Потемкин и другие, свои подписи под официальными донесениями Екатерине II начинали со слов «всеподданнейший раб».

¹⁶ *Маеродин В. В.* Основные проблемы Крестьянской войны в России в 1773—1775 годах. — *Вопросы истории*, 1964, № 8, с. 66; *Рыслаев Л. Д.* Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам. — *Учен. зап. Псков. гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова. Кафедра истории*, 1964, вып. 23, с. 77—78.

людей. Перевод крестьян в разряд казачества не освобождал их, конечно, от крестьянского труда; речь могла идти лишь о поочередном несении ими казачьей службы.

Манифест освобождал крестьян от ряда государственных повинностей (рекрутского набора, платежа «подушных и протчих денежных податей»), а в связи с ликвидацией крепостной зависимости, истреблением дворян и чиновников освобождал и от налагаемых ими «податей и отягощений».

Радикальные перемены провозглашались манифестом и в области экономики — во владение крестьянам передавались земли с «лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями, и соляными озерами... и протчими всеми угодьями». Все это переходило в собственность крестьян безвозмездно, «без покупки», без внесения впоследствии оброчных платежей, «без оброку».

Манифест призывал к ликвидации крепостнических порядков в стране, что могло быть достигнуто путем полного истребления дворян и чиновников, ибо они не только разорители крестьян, но и «возмутители империи», от которых сам «Петр III» «вкусил и претерпел... странствие и немалое бедствие». А потому манифест и призывал к уничтожению дворян, коих надлежит, «всячески стараясь, ловить, казнить и вешать, и поступать так, как они, не имея в себе [ни] малейшего христианства, чинили с вами, крестьянами».

Таким образом, средства к разрушению старого строя были указаны вполне четкие и конкретные. Что же касается пути построения и условий существования нового общественного и государственного строя, казачьего государства со справедливым и милостивым к народным нуждам монархом, то они обозначены в манифесте весьма туманно и наивно. Жизнь в будущем государстве «Петра III» изображается в явно идиллическом виде: по истреблении злодеев-дворян «всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет»; народ, завоевавший свободу, получивший землю, уволенный от повинностей государству, будет благоденствовать под правлением чадолюбивого монарха; наступит вечный мир социальной гармонии и материального благоденствия. Эти представления создателей манифеста 28 июля 1774 г. выдержаны в духе народной социальной утопии XVIII столетия¹⁷.

Очевидец обнародования манифеста в Саранске, подпоручик гарнизонной команды С. Иванов, писал 4 августа 1774 г. казанскому губернатору Бранту, что повстанцы объявляли горожанам и «набегшей из разных уездов черни», что «Пугачев прощает их платежом как подушных денег, так и протчих государственных податей вовсе, також и от помещиков свободными. А которые помещики до них немилостивы были, тех приказывали самим им

¹⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 161; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977, с. 163—165.

вешать и рубить», поэтому «вся та чернь и доведена до большого возмущения». Пугачевцы раздавали горожанам и уездным крестьянам захваченную в Саранске денежную казну и соль, а крестьяне и повстанческие команды свозили на расправу в город дворян и чиновников¹⁸.

Манифест и другие документы повстанческого происхождения были отобраны у М. М. Шахматова — пугачевского градоправителя в Саранске — при его аресте карателями 2 августа 1774 г.

§ 4. *Именной указ Е. И. Пугачева о назначении прапорщика М. М. Шахматова воеводой Саранска и Саранского уезда (28 июля 1774 г.).* Указ¹⁹ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Саранском.

После присылки в Саранск 26 июля 1774 г. указа повстанческой Военной коллегии о торжественной встрече «Петра III», который с «победоносной армией шествовать соизволит через... Саранск для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву», и о приготовлении к его приходу лошадей, продовольствия и фуража²⁰ воевода В. Г. Протасьев с приказными служителями и некоторыми купцами бежал из города. Во главе горожан стал прапорщик гарнизонной команды Михаил Шахматов²¹. Он возглавил депутацию горожан и духовенства Саранска при встрече Пугачева 27 июля, назначил торжественный молебен в соборной церкви, а на другой день дал парадный обед Пугачеву в доме помещицы А. С. Каменницкой.

Естественно, что при решении вопроса о назначении воеводы в Саранске выбор Пугачева пал на Шахматова, что и было санкционировано именным указом 28 июля 1774 г. При его составлении за образец взят ранее изданный указ о назначении прапорщика Сулдешева градоправителем в Алатыре (см. § 1 данной главы).

Указ 28 июля оповещал, что жители селений Оренбургской и Сибирской губерний и прочих мест, признавая «Петра III» «за великого своего государя», встречали его «с победоносной... армией» «принадлежащим образом», противились же ему лишь некоторые, «а особливо дворяне», не желавшие лишиться феодальных прав и служебных преимуществ («не хотя своих чинов, рангу и дворянства отстать») и побуждавшие к сопротивлению своих крестьян; но противники «Петра III», говорилось в указе,

¹⁸ Пугачевщина, 1929, т. 2, с. 189—191.

¹⁹ Оригинал указа хранится в собрании повстанческих документов Казанской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 55—55 об.); опубл. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 40.

²⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 82.

²¹ Шахматов (Шихматов) Михаил Михайлович (по другим данным: Степанович) исполнил обязанности пугачевского воеводы в Саранске с 28 июля по 2 августа 1774 г. При вступлении в Саранск передовой команды карательного отряда майора К. Меллина Шахматов оказал вооруженное сопротивление, но был схвачен. По определению Тайной экспедиции Сената от 27 января 1775 г. освобожден из заключения (ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, ч. 14, л. 2—2 об.).

понесли и впредь будут нести суровое наказание по всей строгости «монаршего правосудия».

В распорядительной части указа отмечалась верность жителей Саранска, которые, «чувствуя должность своей присяги и признавая своего монарха», встретили его «с пристойною церемониею». «Особливо» и «против прочих весьма атлично» зарекомендовал себя прапорщик Шахмаметев, который за это и награждался «главным командиром и воеводою, причем поручаются ему здешняго города и всего уезду обыватели всякого звания и чина, кои даются ему, чтоб быть во всяком послушании». Управляя городом и уездом, Шахмаметев должен поступать «в государственных делах», а также в отношениях с верноподданными «Петра III», руководствуясь «указанными узаконениями», не причиняя «напрасно никому обид и налог». С противниками же и бежавшими от «милосердия» «Петра III», кои сысканы будут, предписано «чинить так, как з действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками своему государю».

В дни воеводства Шахмаметева и пребывания Пугачева в Саранске повстанцы роздали народу в городе и уезде деньги из казенных сборов, вино, соль (19 413 пудов ценой на 7765 руб.). Утром 30 июля войско Пугачева направилось к Пензе, взяв из Саранска 7 пушек, боеприпасы, до 30 тыс. руб., несколько десятков добровольцев.

2 августа каратели арестовали Шахмаметева, отобрав у него указы Пугачева, предписания его Военной коллегии и другие документы повстанческого происхождения²², которые позднее были приобщены к материалам следствия по делу Пугачева и его соратников.

§ 5. *Манифест Е. И. Пугачева, объявленный жителям Пензы и Пензенской провинции (31 июля 1774 г.)*. Манифест²³ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере под Пензой. 1 августа 1774 г. он был оглашен жителям Пензы на встрече с вступившим в город Пугачевым.

В июле—августе 1774 г. манифест распространялся ставкой Пугачева во многих дубликатах и копиях. После публикаций 1870-х годов²⁴ манифест получил широкую известность и с тех пор рассматривается в литературе в качестве важнейшего документа конституционного значения, характеризующего политику ставки Пугачева и требования восставших на последнем этапе Крестьянской войны. Общеизвестна оценка манифеста 31 июля,

²² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 39, 40, 82—85, 537, 538.

²³ Манифест напечатан в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 41) по дубликату, сохранившемуся среди материалов походной канцелярии генерала П. И. Панина (ЦГАДА, ф. 1274, д. 174, л. 438—438 об.).

²⁴ Грог Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта. Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и поимке Пугачева. — Записки имп. Академии наук, СПб., 1875, т. 25, прил. IV, с. 53; Пугачевские листы. — Русская старина, 1875, № 7, с. 441.

данная в свое время В. И. Семевским, по мнению которого, это «настоящая жалованная грамота всему крестьянскому люду, это хартия, на основании которой предстояло создать новое мужицкое царство»²⁵.

Манифест 31 июля 1774 г. сходен по содержанию с манифестом 28 июля (см. § 3 данной главы). Между ними наблюдаются следующие различия.

В манифесте 31 июля в перечень вольностей, даруемых народу, включено пожалование «древним крестом и молитвою, головами и бородами» — формулировка, воспроизводящая в расширенном виде положение именных указов Пугачева от октября—ноября 1773 г. о пожаловании верноподданных «крестом и бородою»²⁶; слова манифеста 31 июля «о древних кресте и молитве» явно указывают на предоставление свободы старой вере.

В манифесте 28 июля говорится о податях и отягощениях, налагаемых «от дворян и градских мздоимцев-судей всем крестьяном», в манифесте 31 июля сообщается о притеснениях «крестьяном и всему народу» со стороны дворян и чиновников, чем и подчеркивается то, что феодальной эксплуатации подвергаются не только крестьяне, но и другие трудовые сословия общества.

Манифест 28 июля желает подданным «спокойной в свете жизни», в манифесте 31 июля это пожелание дополнено и дано в такой формулировке: «...спасения душ и спокойной в свете жизни».

Манифест 28 июля призывал крестьян к уничтожению дворян, которые не имеют «в себе [ни] малейшего христианства», в манифесте 31 июля слово «малейшего» снято.

В манифесте 28 июля перечень льгот народу завершается словами: «...прочими всеми угодами». В манифесте 31 июля этих слов нет.

Сохранились следующие списки манифеста 31 июля 1774 г.

1. Печатаемый в сборнике «Документы ставки Е. И. Пугачева...» дубликат манифеста²⁷, найденный в кармане камзола пугачевского атамана М. Елистратова, погибшего в бою с карательной командой капитана С. Веденяпина под г. Нижним Ломовом в конце августа 1774 г. Веденяпин 31 августа отправил манифест воронежскому губернатору Н. Л. Шетневу²⁸, а тот послал его 5 сентября командующему карательными войсками генералу П. И. Панину²⁹.

2. Копия манифеста³⁰, снятая в походной канцелярии Панина с описанного выше экземпляра. Копия была послана Паниным Екатерине II при донесении от 10 сентября 1774 г.; Панин назвал

²⁵ Семевский В. И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1881, т. 1, с. 330.

²⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 10, 11, 13—15, 18.

²⁷ ЦГАДА, ф. 1274, д. 174, л. 438—438 об.

²⁸ Там же, л. 437.

²⁹ Там же, л. 432.

³⁰ Там же, ф. 6, д. 490, ч. 2, л. 43—43 об.

манифест «сильным и обласкательной подлости возмущением на убийство всех над собою начальников и помещиков»³¹.

3. Копия манифеста, хранящаяся в материалах пугачевской коллекции историка и архивиста Н. Н. Бантыша-Каменского³². Несомненно пензенское происхождение этой копии, учитывая то, что в коллекции находится значительное число документов, полученных собирателем от своих корреспондентов из Пензенской провинции³³;

4. Копия манифеста, хранящаяся в собрании повстанческих документов Тайной экспедиции Сената³⁴; это, собственно, копия с другой копии манифеста (несохранившейся), отобранной в октябре 1774 г. у беглых дворовых людей В. Афанасьева, И. Соколова и А. Иванова. При следствии над ними в Московском отделе Тайной экспедиции выяснилось, что они «списывали» копии с «публикованной злодеем Пугачевым возмутительной бумаги» по приказу своего помещика надворного советника П. Татищева для него, а также для себя. Экземпляр манифеста, с которого изготовлялись копии, Татищев взял у прокурора В. Нелидова. Материалы следствия были направлены в Петербург генерал-прокурору Сената А. А. Вяземскому³⁵, который 23 октября 1774 г. определил: объявить строжайшие выговоры Татищеву и Нелидову; последний должен был дать объяснение, где он взял пугачевский манифест, «не давал ли еще кому, кроме Татищева, оной читать или списывать и для чего, зная об истреблении сих вредных писем повеление»³⁶, осмелился он в противность того поступать»; все копии манифеста, найденные у Татищева и его дворовых людей, а также те, которые «от Нелидова и от других, ежели он давал кому еще списывать, присланы будут», предписано было сжечь.

Манифест 31 июля 1774 г., распространяемый ставкой Пугачева во множестве списков³⁷, оказал решающее влияние на подъем повстанческого движения в поволжских губерниях и прилегающих к ним районах Черноземного центра страны.

§ 6. Именной указ Е. И. Пугачева о производстве секунд-майора Г. Г. Герасимова в полковники и градоначальники в Пензе и об определении в товарищи к нему пензенского купца

³¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. 2, л. 34—34 об.

³² Там же, д. 527, л. 163—163 об.

³³ Там же, л. 168, 170—171, 211—214, 216—217 об., 221—223.

³⁴ Там же, д. 415, л. 15—15 об.

³⁵ Переписка по этому делу московского генерал-губернатора М. Н. Волконского с генерал-прокурором А. А. Вяземским. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 6, л. 78—81; см. также: Пугачевские листы в Москве. — Русская старина, 1875, № 7, с. 440—442.

³⁶ Имеется в виду указ Сената от 10 января 1774 г. (ЦГАДА, ф. 6, д. 415, л. 76).

³⁷ Практиковалось включение текста этого манифеста в указы повстанческой Военной коллегии (Указ коллегии выборному инсарским ямщикам Г. Моисееву от 1 августа 1774 г. — В кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 86).

*А. Я. Кознова (3 августа 1774 г.). Указ*³⁸ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Пензой.

Утром 1 августа, незадолго до вступления Пугачева в Пензу, в город приехали его посланцы с указом Военной коллегии о торжественной встрече «Петра III» и о заготовлении для его «армии» лошадей и продовольствия³⁹. Так как за три дня до того пензенский воевода А. А. Всеволожский бежал из города вместе с группой чиновников, офицеров и дворян, то власть в Пензе находилась в руках командира местной гарнизонной команды Г. Г. Герасимова⁴⁰. Он и возглавил депутацию горожан и духовенства на встрече Пугачева 1 августа в предместье Пензы, а на другой день был одним из организаторов парадного обеда, данного пензенским купечеством в доме купца А. Я. Кознова⁴¹. На этом обеде Пугачев, обращаясь к бургомистру Б. Елизарову и купцам, говорил: «Ну, господа купцы, теперь вы и все градские жители называйтесь моими казаками. Я ни подушных денег, ни рекрут брать с вас не буду; и соль казенную приказал я роздать безденежно по три фунта на человека; а впредь торгуй ею, кто хочет, и промышляй всякой про себя»⁴². Эта застольная речь — своеобразный комментарий к манифестам 28 и 31 июля 1774 г. Заявление Пугачева на приеме в Пензе следует, видимо, понимать в том смысле, что нормы его манифестов не только касались крестьян, но и распространялись на горожан; все сословия переводились в разряд казачества, сохраняя при этом привычный для каждого род хозяйственной деятельности («промышляй всякой про себя!»).

Вечером 2 августа войско Пугачева направилось из Пензы к Петровску, взяв с собой 6 пушек с боеприпасами и свыше 13 тыс руб. медной монетой (на 40 подводках). В ночь со 2 на

³⁸ Оригинал указа хранится среди материалов следствия по делу Г. Г. Герасимова и других пензенских пугачевцев (ЦГАДА, ф. 6, д. 453, л. 17); опубл. в кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 42.

³⁹ *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 87.

⁴⁰ Герасимов Гаврила Герасимович, секунд-майор, исполнял обязанности пугачевского градоначальника в Пензе с 3 по 4 августа 1774 г., арестован 4 августа командиром карательного отряда майором К. Меллиным. По определению Тайной экспедиции Сената от 18 февраля 1775 г. Герасимов разжалован и отправлен на пожизненное поселение в Сибирь (ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, ч. 14, л. 5).

⁴¹ Кознов Андрей Яковлевич — один из состоятельнейших пензенских купцов, товарищ пугачевского градоначальника в Пензе Г. Г. Герасимова, пытался использовать это свое служебное положение для приобретения в потомственное владение работавших у него по найму крестьян, заготовив подложный указ от имени «Петра III» (подробнее см.: *Очинников Р. В. Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева)*. — В кн.: *Источниковедение отечественной истории*. 1975. М., 1976, с. 230—231). По определению Тайной экспедиции Сената от 27 марта 1775 г. Кознов «как недостойный гражданин» отправлен на пожизненное поселение в Сибирь (ЦГАДА, ф. 7, д. 2043, ч. 14, л. 11 об.).

⁴² Протокол показаний А. Я. Кознова на допросе 6 октября 1774 г. в Каванской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 453, л. 25 об.

3 августа Герасимов ездил в стан Пугачева, располагавшийся в семи верстах от Пензы⁴³. Результатом этой поездки и явился именной указ о назначении Герасимова и Кознова градоправителями Пензы; он получен в Пензенской провинциальной канцелярии на другой день утром, о чем и была сделана канцелярская отметка на указе: «Получен 3-го августа 1774-го года».

Указ составлен по образцу именных указов Пугачева о назначениях градоначальниками: в Алатыре — Е. З. Сулदेशева от 23 июля, в Саранске — М. М. Шахмаметова от 28 июля 1774 г. (см. § 1, 4 данной главы). В указе от 3 августа сообщается, что жители многих селений, а особенно городов Алатыря и Саранска, «желая общего спокойствия» и по долгу присяги признавая «Петра III», «как и есть, [за] великого своего монарха», обязуясь ему быть «верноподданными... рабами», встречали его «приниждающим образом». Противились ему преимущественно лишь дворяне, не желавшие лишиться «своих чинов, рангу и дворянства», побуждавшие к сопротивлению крестьян, «прежде имевших в своем ведомстве и подданстве»; но все эти противники «короне» «Петра III» понесли наказание «по всей строгости монаршего правосудия».

Говоря о состоявшейся торжественной встрече «Петра III» и его «победоносной... армии» с жителями Пензы, указ особо отмечает «из оказавшей его верности» секунд-майора Герасимова, который награждается за это рангом полковника. Ему поручалось содержать «город Пензу под своим ведением и почитаться главным командиром». При управлении городом он должен руководствоваться данным ему указом, «не чиня никому обид, налог и притеснения»; а с противниками и бежавшими от «монаршего милосердия» поступать так, как «обнародованным указом повелено», — ссылая на манифест 31 июля 1774 г., призывавший к истреблению дворян.

Казаки-повстанцы, приехавшие с указом 3 августа в Пензу, передали Герасимову и Кознову устное повеление Пугачева о присылке 500 человек в его войско. В тот же день Герасимов и Кознов обнародовали в Пензе «билет» о назначении их управителями в городе, а также «объявление» о наборе 500 горожан в казаки для отправления «в армию его величества» по норме с шести душ по одному казаку⁴⁴. Вскоре Герасимов отрядил 200 человек, а потом, будучи вызван к Пугачеву, обещал ему ускорить отправление второй партии горожан — трехсот новобранных «казаков». Но выполнить это обещание он не успел — 4 августа его арестовали прибывшие в Пензу каратели⁴⁵. Ото-

⁴³ Протокол показаний секретаря Пензенской провинциальной канцелярии Т. Андреева на допросе 6 декабря 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — ЦГАДА, ф. 6, д. 453, л. 42. Герасимов в своих показаниях не говорит об этой поездке к Пугачеву.

⁴⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 540, 541.

⁴⁵ Протокол показаний Г. Г. Герасимова на допросе 6 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 453, л. 21—22.

бранный у Герасимова указ, а также другие документы повстанческого происхождения⁴⁶ были переданы в Казанскую секретную комиссию и приобщены к материалам следствия по делу Герасимова и других пензенских пугачевцев.

§ 7. *Именной указ Е. И. Пугачева атаману Антиповской станицы Волжского казачьего войска И. Платонову (13 августа 1774 г.).* Указ⁴⁷ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Камышином (Дмитриевском). В датировке указа («августа... дня 1774 году») число не проставлено, но оно устанавливается на основании показаний казака И. Б. Черникова, который сообщил, что в среду 13 августа к нему на хутор приехал старшина И. Никифоров и сказал о присланном в тот день в их Антиповскую станицу указе Пугачева, «в коем-де он пишет, чтоб они все без сопротивления сдались»⁴⁸. Для корректировки даты указа должно быть принято во внимание содержащееся предписание о встрече «Петра III» в Антиповской станице, куда он «завтра в половину дня прибыть» имеет. А так как, судя по показанию Черникова, Пугачев вступил в станицу в четверг 14 августа⁴⁹, то, следовательно, указ и может быть точно датирован 13 августа 1774 г.

Вступительная часть указа, составленная, как и другие именные указы июля—августа 1774 г., в форме манифеста («Божиею милостию мы, Петр Третий... объявляется во всенародное известие»), провозглашает, что «вся Россия небезизвестна», что «уже большая половина» страны «добропорядочным образом склонилась» под скипетр и корону «Петра III», уверясь в его истинности и признав за своего государя, в чем оказывают «ревность и усердие» к службе «несколько Донского и Волжского войска» казаки⁵⁰.

В распорядительной части указа содержатся предписания атаману И. Платонову «учинить пристойное встречу» «Петру III» по прибытии его с «армиею» в Антиповскую станицу и быть атаману «с войском» готовыми к службе; предписания завершаются характерным для пугачевских указов июля—августа 1774 г. требованием об истреблении дворян: «... злодеев-дворян всячески старатца искоренять».

Подлинность указа была удостоверена на оригинале подписью «Петра III» («подписанием собственной нашей руки») и приложением печати («приложением короне»). Это первое упоминание

⁴⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 42, 87, 540, 541.

⁴⁷ Оригинал указа не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 43) печатается по копии, находящейся среди документов канцелярии командующего иррегулярными войсками Г. А. Потемкина (ЦГВИА, ф. 52, оп. 194, д. 61, л. 32).

⁴⁸ Протокол показаний И. Б. Черникова на допросе 22 августа 1774 г. в Донской войсковой канцелярии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 239.

⁴⁹ Там же, с. 239—240.

⁵⁰ Имеются в виду группы донских и волжских казаков, перешедшие к Пугачеву под Петровском, в Саратове и Камышине.

вание об использовании так называемой августовской печати Пугачева.

14 августа казаки Антиповской станицы торжественно встретили Пугачева «с образами и колокольным звоном» и с «пригнутием своих знамен», а к вечеру того же дня пугачевское войско выступило к Караваевской станице, взяв с собой до 40 антиповских казаков⁵¹.

Опубликованная в сборнике «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 43) копия указа Пугачева была снята с оригинала казаком Иловлинской станицы Т. Аликовым, который 15 августа ездил для разведки в Антиповскую станицу к атаману Платонову. Эта копия в тот же день попала к походному старшине Г. Поздееву, он отправил ее в Донскую войсковую канцелярию⁵², а атаман Донского войска С. Н. Сулин приложил ее к рапорту, посланному 22 августа генерал-аншефу Г. А. Потемкину⁵³.

Сохранились другие копии пугачевского указа от 13 августа, изготовленные в Донской войсковой канцелярии и посланные ею для сведения в ближайшие присутственные места:

1) копия, присланная в Царицынскую комендантскую канцелярию⁵⁴;

2) копия, присланная в Слободскую губернскую канцелярию⁵⁵, откуда она была отправлена 28 августа слободским губернатором Е. А. Щербининым генерал-аншефу П. И. Панину⁵⁶.

§ 8. *Именной указ Е. И. Пугачева правителю волжских калмыков Цендену (Цедену)-Дарже (14 августа 1774 г.).* Указ⁵⁷ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева у Антиповской станицы. Адресат указа («Калмыцкой орды господину князю Банбуру») ошибочен, так как Банбур (Бамбур, Бамбар) вместе с калмыцким ханом Убуши и 170 тыс. калмыков в 1771 г. бежали в Джунгарию⁵⁸. В 1774 г. правителем волжских калмыков был Ценден-Даржа, в руки которого и попал пугачевский указ 14 августа. Это было повторное послание Пугачева Цендену-Дарже; первый (несохранившийся) указ к нему послан 9 августа из Камышина, в нем содержалось предписание о соединении калмыцкой конницы с войском «Петра III»⁵⁹.

С указом от 14 августа к Цендену-Дарже отправились на левый берег Волги яицкие казаки П. А. Пустобаев и Идеркей Бай-

⁵¹ Пугачевщина, т. 2, с. 240.

⁵² Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов. Ростов, 1961, с. 72—73.

⁵³ Там же, с. 113.

⁵⁴ Государственный архив Саратовской области, ф. 407, д. 1318, л. 122.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1274, д. 174, л. 36—36 об.

⁵⁶ Там же, л. 28—28 об.

⁵⁷ Оригинал указа не сохранился; в книге «Документы ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 44) опубликован по копии, находящейся среди донесений генерал-аншефа П. И. Панина Екатерине II (ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. 1, л. 270—270 об.).

⁵⁸ Великов Т. И. Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971, с. 146—147.

⁵⁹ См. ч. II, гл. 3, § 9.

меков, служивший в ставке Пугачева толмачом-переводчиком с восточных языков ⁶⁰.

В указе выражается удовлетворение по поводу известий о следовании калмыцкого правителя с ордой к «Петру III» для «оказания к службе ревности и усердия». Описав «великия притеснения и несносности», которые претерпели калмыки от «злоехидных и вредительных обществу дворян», указ объявлял, что «Петр III» стремится освободить калмыков «от всего оногo» и учинить им «свободную вольность», во свидетельство чего и посылается этот указ с «монаршеским и отеческим... милосердием».

Указ предписывал правителю калмыков следовать с ордой для соединения с «Главной армией», для чего ему надлежало переправиться с луговой на нагорную сторону Волги у г. Камышина ⁶¹, где были заготовлены переправочные средства и съестные припасы. По прибытии в «армию» каждый калмык получал по 10 руб. («невзачет жалованья»), а кроме того, «по оказательству вашей ревности и усердия и вящую монаршую... милость и награждение получить можете». Указ скреплен подписью «Петра III» и печатью, оттиснутой на красном сургуче. Это первый оттиск августовской печати Пугачева.

Исполняя указ, Ценден-Даржа 19 августа привел к Пугачеву в Дубовку 3-тысячный отряд калмыков. Очевидец этого события А. И. Дубровский вспоминал на следствии, что «калмытской владелец Ценден подошел, пал перед ним, Пугачевым, на колени и знамена свои приклонил», а потом, уже в походе к Царицыну, в стане на берегу Волги, Пугачев жаловал «Цендена с Калмытской ордой из привезенной на судне (которая была ведомства Соляной конторы) и из имеющейся при себе серебряной и медной денежной казной, сукнами, тавтами, шитым платьем и разными знатными товарами» ⁶². В составе войск Пугачева калмыки участвовали в боях 20—21 августа под Царицыном. Вскоре, получив разрешение Пугачева, Ценден-Даржа с большей частью калмыков возвратился в свои улусы.

Оригинал пугачевского указа Цендену-Дарже попал 17 августа к карателям в Камышине и тогда же послан полковником И. И. Михельсоном при рапорте генералу П. И. Панину. В канцелярии Панина с оригинала указа была снята копия и к ней приклеен вырезанный из оригинала клочок бумаги с оттиском на красном сургуче августовской именной печати Пугачева. Оригинал указа по распоряжению Панина публично сожжен палачом на городской площади в Шацке, а копия вместе с копиями двух

⁶⁰ Пугачевщина, т. 2, с. 222, 227.

⁶¹ 14 августа 1774 г. Военная коллегия Пугачева отправила указ к М. Молчанову, атаману Николаевской слободы (на левом берегу Волги против Камышина), об ограждении жителей слободы от притеснений со стороны калмыков, идущих на соединение с войском «Петра III» (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 91).

⁶² Пугачевщина, т. 2, с. 222.

указов повстанческой Военной коллегии⁶³ отправлена Паниным Екатерине II при реляции от 30 августа 1774 г.⁶⁴

§ 9. *Именной указ Е. И. Пугачева атаману и казакам Березовской станицы Донского войска (15 августа 1774 г.).* Указ⁶⁵ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева у Антиповской станицы. В дате указа («Писан августа... дня 1774 году») не обозначен день его составления и отправки, но он устанавливается по свидетельству казака Антиповской станицы И. Б. Черникова, который показал, что в пятницу 15 августа он вместе с казаком К. Тарасовым был вызван к Пугачеву, который, держа в руках «запечатанный конверт, назвав письмом, велел отвезти на Медведицу в Березовскую станицу», а потом, передумав, приказал «отвезти на Дон, в Иловлинскую станицу», в связи с чем на конверте был переправлен адрес⁶⁶. Это показание позволяет датировать указ Пугачева 15 августа 1774 г.⁶⁷, хотя возможно, что А. И. Дубровский начал составлять его десятью днями раньше, еще до взятия Саратова (6 августа) и вступления в районы, непосредственно граничащие с областью Войска Донского, как об этом свидетельствовал на допросе судья Военной коллегии И. А. Творогов⁶⁸.

Указ адресовался не только атаману и казакам Березовской станицы, но и «во всенародное известие» для «сведения всему Донскому войску», ибо предписывалось, чтобы «сей указ станица от станицы пересылать вниз по течению реки Дону, а списывая со оною копии, для надлежащего исполнения оставлять в каждой станице». И хотя составители называли этот документ указом, фактически он и по содержанию, и по формуляру является манифестом.

Вступительная часть указа освещает обстоятельства низложения Петра III с престола. Против него выступили дворяне во главе с аристократической верхушкой этого сословия (в лице «главных сенаторов»). Именно они, действуя вопреки воле Петра III, еще при его правлении будто бы нарушили и поругали «древняго святых отец предания закон христианской», а вместо того по их «зловредному вымыслу» ввели в России «с немецких

⁶³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 91, 92.

⁶⁴ Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 128.

⁶⁵ Оригинал указа хранится среди материалов Тайной экспедиции Сената в следственном деле Пугачева и его соратников (ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 144—156); опубли. в кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 45.

⁶⁶ Протокол показаний И. Б. Черникова на допросе 22 августа 1774 г. в Донской войсковой канцелярии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 240—241.

⁶⁷ Л. Д. Рысляев впервые установил эту дату (*Рысляев Л. Д. Указ. соч.*, с. 80—82).

⁶⁸ Творогов показал, что «еще до входу в Саратов» Пугачев приказал Дубровскому «написать именной указ к донским казакам». Этот указ Пугачев отправил «на Дон с двумя бывшими в толпе его донскими казаками, но кто они таковы, я не знаю» (Пугачевщина, т. 2, с. 151—152). Сообщенные Твороговым данные совпадают и с содержанием указа от 15 августа, и с обстоятельствами его отправки на Дон.

обычаев» совершенно «другой закон» и «самое богомерское брадобритие и разные христианской вере как в кресте, так и протчем неистовства». Столь явная и даже нарочитая демонстрация преданности старой вере (что не было свойственно Петру III) может быть объяснима тем, что указ адресовался в казачьи станицы на реке Медведице, которые с давних времен были гнездом старообрядчества на Дону⁶⁹. Но преступления дворянства заключались не только в преследовании старой веры и исконно русских обычаев, но и в том, что они узурпировали власть Петра III, а также «подвергнули... всюю Россию себе в подданство с наложением великих отягощений», чем довели ее до «самой крайней гибели». Это положение указа подразумевает, несомненно, ту безграничную крепостническую эксплуатацию крестьянства, которая была осуждена манифестами Пугачева 28 и 31 июля 1774 г. (см. § 3, 5 данной главы). Та же участь грозила казакам Яицкого, Донского и Волжского войск, которые ожидали от дворян «своего крайнего разворения и истребления»⁷⁰.

Далее указ сообщал, как Петр III, «отечески соболезновав» угнетенному народу, намеревался будто бы (чего не было на самом деле) освободить его от «злодейского тиранства» дворян и «учинить во всей России вольность», однако происками тех же дворян был «нечаянно» лишен престола и «вменен» (в значении «отнесен», «помещен» и т. п.) «злоумышленными публикованными указами в мертвые»⁷¹.

От сообщения легендарных известий о «чудесном спасении» и «укрытии» Петра III указ переходит к изложению реальных фактов деятельности новоявленного «Петра III». Признав его истинным государем, под его «скипетр и корону» склонился народ Оренбургской⁷² и Казанской губерний, Башкирская и Калмыцкая орды, «поселенные на реке Волге саксоны»⁷³ и казаки Волжского войска; все они «охотно и без всякого... принуждения» оказывают «ревность и усердие в службе».

Извещая казаков Березовской станицы и всего Донского войска о своем «шествии с победоносной армией», «Петр III» надеялся, что они «возчюствуют» его «отеческое попечение и поже-

⁶⁹ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, с. 183 и др.

⁷⁰ Комментарием к этому положению может служить манифест Пугачева к донским казакам от 21 августа 1774 г. (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 46), где говорится, что дворяне, «не насытившись Россиею», стремились ввести крепостнические порядки в казачьих областях.

⁷¹ Речь идет о манифесте Екатерины II от 7 июля 1762 г., объявившем о внезапной смерти Петра III, скончавшегося накануне от «прежестоккой коллики» (в действительности убитого гвардейскими офицерами-заговорщиками).

⁷² Оренбургская губерния упомянута дважды и во втором случае явно по описке, ибо наверняка следовало назвать Астраханскую губернию, в состав которой входили города Петровск, Саратов и Камышин, взятые Пугачевым в первой половине августа 1774 г.

⁷³ Речь идет об иностранных колонистах, поселенных вдоль берегов Нижней Волги от Саратова до Царицына.

лают вступить за природного своего государя, которой для общего спокойствия и тишины претерпел великие странствия и немалые бедствия», а желающие оказать ему «ревность и усердие для истребления вредительных обществу дворян», явившись в его «Главную армию», не будут оставлены без его «монаршей» милости.

Указ скреплен подписью «Петра III» и августовской именной печатью, оттиснутой на красном сургуче в верхнем левом углу первого листа документа.

Казаки Черников и Тарасов, посланные с пугачевским указом в Иловлинскую станицу, добрались туда 16 августа, где тотчас были арестованы и переданы командиру карательного отряда походному старшине В. Манкову, а он в тот же день отправил Черникова в Черкасск, в Донскую войсковую канцелярию, а Тарасова с указом — в Царицын⁷⁴. Царицынский комендант полковник И. Е. Цыплетев 21 августа отправил пугачевский указ при своем рапорте астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову, от которого он попал позднее в руки генерала П. И. Панина⁷⁵, а тот в свою очередь переслал указ в Петербург при реляции Екатерине II⁷⁶, после чего он, наконец, и был приобщен к материалам следствия по делу Пугачева и его сподвижников.

В следственном деле «первоначальных сообщников самозванца» сохранилась копия пугачевского указа от 15 августа⁷⁷, снятая с оригинала в походной канцелярии Панина и посланная им в письме начальнику Казанской секретной комиссии генерал-майору П. С. Потемкину⁷⁸.

§ 10. *Манифест Е. И. Пугачева, объявленный донским казакам Царицынского гарнизона и всему Донскому войску (21 августа 1774 г.)*. Манифест⁷⁹ составлен в повстанческой Военной коллегии в лагере Пугачева под Царицыном.

В связи с отсутствием оригинала манифеста точная дата его составления неизвестна. Имеющиеся публикации указывают разные и, видимо, неточные даты, что было связано с неверным прочтением текста. М. Н. Галкин-Враский указал дату 23 августа⁸⁰, которая имеется на копии, снятой в середине XIX в. с оригинала манифеста саратовским краеведом А. Ф. Леопольдовым и хранящейся в настоящее время среди его рукописей в фонде Саратов-

⁷⁴ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 87. Черников был казнен в Черкасске 27 октября 1774 г. (там же, с. 88).

⁷⁵ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 171.

⁷⁶ Сборник РИО, т. 6, с. 169—171.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 512—513.

⁷⁸ Там же, л. 511.

⁷⁹ Оригинал манифеста не сохранился. В «Документах ставки Е. И. Пугачева...» (док. № 46) печатается по тексту, опубликованному в кн.: *Галкин-Враский М. Н.* Из архива Саратовского губернского правления. — Русский архив, 1873, № 4, с. 451.

⁸⁰ *Галкин-Враский М. Н.* Указ, соч., с. 451.

ской ученой архивной комиссии⁸¹. Эта копия с той же датой напечатана в исследовании Д. Л. Мордовцева⁸². Л. Н. Майков опубликовал манифест с датой 13 августа⁸³, причем он печатал документ по копии, присланной в Русское географическое общество упомянутым выше Леопольдовым. Но обе эти даты неверны, так как Пугачев не мог обращаться с манифестом к донским казакам Царицынского гарнизона 13 августа, потому что в тот день он был в пути от Камышина к Антиповской станице и не имел еще контакта с этими казаками; а 23 августа он отошел далеко на юг от Царицына, за Сарепту, и также не имел надобности обращаться к казачьей команде в Царицыне. Более приемлема датировка, предложенная Л. Д. Рысляевым, который отнес составление манифеста к 21 августа 1774 г. (в тот день повстанцы, в том числе и сам Пугачев, вели переговоры с донскими казаками блокированного Царицына и могли передать им манифест, призывающий их к переходу на сторону «Петра III»⁸⁴).

Манифест адресован команде донских казаков Царицынского гарнизона. Эта команда была сформирована в октябре 1773 г. Донской войсковой канцелярией сразу же по получении на Дону известий о выступлении Пугачева. Во главе команды, состоящей из тысячи казаков (два казачьих полка), были поставлены полковники Ф. Кутейников и В. Греков. Команда несла сторожевую службу под Царицыном, охраняя границы Донской области от вторжения отрядов Пугачева. В начале августа 1774 г. полк Кутейникова (350 казаков) вместе с 1-й легкой полевой командой майора А. Дица (500 солдат) и калмыцкий отряд полковника А. Дондукова (до 5000 конных калмыков) выступили из Царицына против Пугачева. Но в битве, происшедшей 15 августа у Балыклеевской станицы на речке Пролейке, это войско было разбито повстанцами. Полк Кутейникова не понес каких-либо потерь и в полном составе бежал в Качалинскую станицу, а 19 августа возвратился к Царицыну, куда к тому времени было стянуто восемь других донских казачьих полков. 20—21 августа, при нахождении Пугачева под стенами Царицына, значительная часть казаков этих полков перешла «к несчастью общему и к погашению славы, нажитой всего войска Донского кровию», на сторону восставших⁸⁵. Это событие произошло, вероятно, не без воздействия пугачевского манифеста, обращенного к казакам Царицынского гарнизона (полки Ф. Кутейникова и В. Грекова) и других полков, оказавшихся в то время у Царицына.

⁸¹ Государственный архив Саратовской области, ф. 407, д. 1775, л. 333—333 об.

⁸² *Мордовцев Д. Л.* Политические движения русского народа. СПб., 1871, т. 1, с. 275—276.

⁸³ *Майков Л. Н.* Манифесты Пугачева. — Русский архив, 1870, № 2, с. 293—294.

⁸⁴ *Рысляев Л. Д.* Указ. соч., с. 87.

⁸⁵ Рапорт походного атамана В. Перфилова царицынскому коменданту И. Е. Цыплетеву от 21 августа 1774 г. — В кн.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 111.

Манифест объявляет, что на сторону «Петра III», под его скипетр и корону, «почти уже вся Россия» склонилась «добропорядочным образом по прежней своей присяге», этому же последовали и некоторые казаки Донского и Волжского войск⁸⁶, которые оказывают «ревность и усердие» в службе «во искоренение противников, разорителей и возмутителей империи — дворян», за что получили «монаршую» милость «Петра III» — «свободную волю» и пожалование «древнего святых отец предания крестом и молитвою, головами и бородами»⁸⁷. «Петр III» как «монарх и попечитель обо всех верноподданных рабах» надеется преклонить «в верноподданство» всех донских казаков и видеть их доказательство к службе. Признавая, что этому препятствуют дворяне и казачьи командиры («повелители ваши»), которые по своекорыстному умыслу вооружили казачество против него, «Петра III», он разоблачает антинародную и антиказачью, в частности, политику дворян и их сторонников — казачьих старшин. Манифест отмечает, что казаки, будучи «ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян», не знают того, что дворяне, «не насытятся Россиею, но и природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род». Иными словами, манифест указывал на намерение дворянства ввести в казачьих землях феодальные порядки, превратив свободных казаков в крепостных крестьян.

В манифесте выражалась надежда на то, что казаки, признав и оставив внушаемые им дворянством и казачьими командирами против «монаршей» власти и «своего государя противности и зверские стремления», которые «вам всегда будут в погибель», придут в раскаяние и станут верно служить «Петру III», за что получают «монаршее» прощение и заслужат его награждение, которым уже довольствуются склонившиеся к нему верноподданные. Манифест скреплен подписью «Петра III», в тексте нет упоминания о скреплении его именной печатью.

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ, СОДЕРЖАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ УКАЗОВ И МАНИФЕСТОВ Е. И. ПУГАЧЕВА (июль—август 1774 г.)

В рассматриваемый период пугачевские манифесты и указы, составленные А. И. Дубровским при участии повыхчика Г. Степанова, приобрели ярко выраженную антикрепостническую и антидворянскую направленность, но в то же время не претерпели сколь-либо существенных изменений в их построении и оформлении. Как и в посланиях Пугачева первого этапа Крестьянской

⁸⁶ Речь идет о группах донских казаков, перешедших к Пугачеву под Петровском и в Саратове, а также о присоединившихся к нему казакам Волжского войска в Камышине, ставицах Антиповской, Каравашинской, Балыклеевской и Дубовской.

⁸⁷ Положение, заимствованное из манифеста Пугачева от 31 июля 1774 г. (см. § 5 данной главы).

войны (сентябрь 1773—март 1774 г.), в структуре манифестов и указов-воззваний июня—августа 1774 г. присутствует в основном сходный набор формул, входящих в структуру акта: а) обозначение вида акта — именной указ, манифест; б) указание на титул «Петра III»; в) указание адресата (лицо или группа лиц; жители какого-либо селения или области; или все подданные); г) предписание о верной службе «Петру III» (облекаемое порой в форму призыва) в соответствии с ранее данной присягой верности реальному Петру III; д) объявление о свободах и льготах подданным; е) объявление о наказании противников «Петра III», притесняющих и угнетающих народ (дворяне, чиновники, офицеры), а также лиц, уклоняющихся от исполнения акта или противящихся ему; ж) указание на дату составления (выдачи) акта; з) знаки удостоверения подлинности и истинности акта (подпись «Петра III», печать)⁸⁸. Ряд формул (обозначенных буквами: г, д, е) претерпели изменения, вызванные эволюцией идейного содержания последних манифестов и указов Пугачева в сторону их все более отчетливой радикализации.

Приступая к рассмотрению этих памятников с позиций дипломатии, следует отметить свойственное некоторым из них сочетание в одном акте признаков двух различных по назначению и содержанию документов. Так, например, послание Пугачева в Пензу от 3 августа 1774 г.⁸⁹ составлено, судя по вступительной его части, в форме манифеста, обращенного «во всенародное известие» и излагающего основные положения социальной политики (освобождение народа и истребление дворянства). Вторая же половина этого документа подана в форме именного указа, содержащего предписание о назначении градоправителями в Пензе Г. Г. Герасимова и А. Я. Кознова. Такой же симбиоз формул, свойственных как актам нормативного, «конституционного» звучания (манифест), так и распоряжениям верховной власти по частным вопросам (именной указ), характерен и для других посланий Пугачева июня—августа 1774 г.⁹⁰ Б. Г. Литвак полагает, что это было связано с прекращением в то время нормального функционирования повстанческой Военной коллегии, в компетенцию которой входило решение военно-тактических и административных вопросов движения⁹¹. Думается, однако, что появление

⁸⁸ Особую структуру и содержание имели именные указы «Петра III» о награждении отличившихся, «патенты на чин» (Указы Мелету Милларову от 5 июня 1774 г. и В. Косаговскому от 24 июля 1774 г. — Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 33, 38), составленные по образцу такого рода актов, применявшемуся правительственными учреждениями России со времен Петра I.

⁸⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 42.

⁹⁰ Там же, док. № 34, 36, 37, 40, 42, 44, 45. Ряд посланий Пугачева, хотя и являются по особенностям оформления, содержания и назначения манифестами, названы именными указами (там же, док. № 39, 41, 46).

⁹¹ Литвак Б. Г. Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974, с. 26. Следует заметить, что хотя влияние Военной кол-

актов, сочетающих в себе формулы манифеста и именного указа, продиктовано было желанием руководителей восстания использовать любое послание Пугачева (в том числе изданное по какому-либо частному поводу) для пропаганды идей освобождения народа от крепостной неволи.

Формула пожалования народа свободой и льготами в ранних указах Пугачева была обусловлена обязательством верной и неизменной службы подданных «Петру III»; пожалования прямо связывались с признанием его истинным государем, а иногда даже и с победным завершением его борьбы за престол. В указах середины июня 1774 г. условность пожалования дана в смягченных формулировках. И, наконец, манифесты 28 и 31 июля 1774 г., объявляя об освобождении крестьян от крепостной зависимости, о предоставлении им других свобод и льгот, не связывают эти пожалования с какими-либо условиями и обязательствами, они вообще отсутствуют в формуле пожалования⁹².

Июльские манифесты Пугачева, значительно расширив перечень политических свобод и экономических благ, пожалованных народу, объявляли о переменах в социальной структуре общества — крестьяне, освобожденные от «подданства» дворянам, переводились навечно в разряд казаков, ибо казачество, по представлению руководителей восстания, и прежде всего Пугачева, воплощало собой идеальную форму общественного устройства. Что же касается дворянства, то оно, как сословие паразитическое, эксплуатирующее и угнетающее народ, не имеющее в себе ни «малейшего христианства», выступающее в роли противников власти «Петра III» и «возмутителей империи», приговаривалось к полному истреблению. Только таким актом возмездия, как утверждалось в указах, может быть достигнуто освобождение народа (см. § 3, 5 данной главы). Критика крепостнических порядков в России и осуждение дворянства — положения, sporadически появлявшиеся в посланиях Пугачева первого этапа Крестьянской войны⁹³, с июня 1774 г. стали постоянным элементом содержания указов предводителя восстания⁹⁴, но только в июльских манифестах получили четко выраженный бескомпромиссный характер.

Вопрос об этой стороне идейного содержания последних манифестов и указов Пугачева возник при следствии над ним в Сим-

легия на ход повстанческой борьбы в июне—августе 1774 г. заметно снизилось, но 26 ее распоряжений этого периода (тексты 21 из них сохранились, а 5 остальных известны по свидетельствам источников иного происхождения) не позволяют, на наш взгляд, говорить о прекращении нормального функционирования коллегии (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 72—92; *Овчинников Р. В.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Пугачева. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 93—97).

⁹² *Лигвак Б. Г.* Указ. соч., с. 22, 24, 27—28; см. также: гл. 1; гл. 2, § 2—4.

⁹³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 8, 16, 22, 24.

⁹⁴ Там же, док. № 34, 36, 37; см. также указы повстанческой Военной коллегии от 5 июня 1774 г. (там же, док. № 72, 73).

бирске и Москве. Начальник секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин, сообщая Екатерине II о результатах симбирского следствия, 8 октября писал, что не упустил он того, чтобы не «изведать, была ль какая система в помыслах самозванца, заключающая быть оной по изъяснениям злодейских обещаний к народу и по намерению истребить всех дворян», но после допросов Пугачева «усмотрел, что в том вовсе никакой связи не было. Все производимо было случайно и по злости. А дерзновение его овладеть всем происходило от смелого духа и по успехам»⁹⁵. По этому же вопросу Пугачев дал показания: «Что же касается до истребления дворян, то так же происходило от него и от его толпы подлинно по остервенению... их душ, случайно», а также «и по жалобам крестьян с таким только намерением, чтоб дворяне не мешали умножать его толпы, а чрез то б и крестьяне, как их великое множество, не имели в том от господ своих страха. А потому и обольщал крестьян, так как и казаков, описанными... выгодами, думая, что такие для их лестные выгоды будут способствовать массовому их присоединению к его войску»⁹⁶. В объяснении антидворянской направленности манифестов и указов Пугачева оба эти свидетельства главное место отводят не «системе» идей, а случайности и озлоблению против дворян, не называя причин последнего. Такое объяснение было приемлемо для Екатерины II и ее властей, а Пугачев по тактическим соображениям обвиняемого принял эту версию, уклонившись от дачи правдивых показаний. Но то, что осуждение дворянства являлось идейной доминантой посланий Пугачева с июня 1774 г., как раз и говорит о том, что в основе этого присутствовала известная «система», а не случайные факторы. Пугачевской секретарь А. И. Дубровский говорил на следствии, что Пугачев и его сторонники связывали освобождение народа с истреблением дворянства и потому объявляли «простому народу, что когда всех можно будет перевести помещиков, тогда будет всем вольность и избавятся от крестьянства, подушных и продчих податей, рекрутского набору; продажи вина и соли не будет»⁹⁷. Это несомненное свидетельство о наличии «системы», в оформлении которой видное место принадлежало Дубровскому, автору-составителю пугачевских посланий июня—августа 1774 г.

Версия о низложении Петра III с престола в 1762 г., дополненная легендой о его «чудесном спасении», о страданиях и лишениях, которые перенес вновьявленный «Петр III», сострадая народу, угнетенному дворянством, — положения, известные по ряду посланий Пугачева октября—декабря 1773 г.⁹⁸, получили

⁹⁵ Вопросы истории, 1966, № 5, с. 118.

⁹⁶ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 17 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — Там же, № 7, с. 100.

⁹⁷ Протокол показания А. И. Дубровского на допросе 27 сентября 1774 г. в Царицынской комендантской канцелярии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 223.

⁹⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 6, 7, 20—23, 26, 27; см. также: гл. 4, § 6, 20—23, 27, 28.

в манифестах июля—августа 1774 г. более полное освещение⁹⁹, где особо подчеркнуто то, что с ликвидацией дворянства, являвшегося злейшим врагом «Петра III» и народа, будет устранено средостение между ними и наступит вечный мир социальной гармонии и благоденствия. Эти положения отображали наивные идеалистические представления, в частности легенды о царе-избавителе, свойственные народной социальной утопии XVIII в.¹⁰⁰

Знаками удостоверения подлинности и истинности манифестов и указов Пугачева служили подпись «Петр» и (с середины августа 1774 г.) новая именная печать. Подпись проставлял секретарь А. И. Дубровский¹⁰¹, и это, как и прежде, сказывалось на авторитете Пугачева, не знавшего грамоты и вынужденного скрывать это от своих сторонников. Любопытен в связи с этим эпизод, случившийся в ставке Пугачева в середине августа 1774 г. Судья Военной коллегии И. А. Творогов, вынашивавший замысел заговора против Пугачева и стремившийся скомпрометировать его среди приближенных, взяв заготовленный указ к донским казакам¹⁰², отправился к Пугачеву и осмелился ему сказать: «Извольте, ваше величество, сами етот указ подписать! Вить имянныя указы, я слыхал, сами государи подписывают!» Но Пугачев, «потупя голову вниз и потом вскинув на меня глаза, сказал так: «Иван! Нельзя мне теперь подписывать до тех пор, покуда не приму царства. Ну вить, ежели я окажу свою руку, так вить иногда и другой кто-нибудь, узнав, как я пишу, назовется царем. Пошли ко мне Алексея (то есть Дубровского), пускай он теперь за меня подписывает». Почему я Дубровского к нему и прислал, и Дубровский подписал и приложил печать». Позднее Творогов, обратившись «по секрету» к Дубровскому, говорил ему: «Што, Алексей Иванович! Как ты думаешь? Мне кажется худо, пропали мы совсем — видно, што он грамоте не знает, когда сам не подписывает имянных своих указов. А вить государь Петр Федорович и по-русски, и по-немецки достаточен был в грамоте». Дубровский согласился с этим, но уклонился от сообщничества с Твороговым. Тайно распространяемые слухи о том, что Пугачев не знает грамоты, ибо не подписывает сам своих указов, и потому является самозванцем, послужили основанием к организации заговора¹⁰³, завершившегося несколькими неделями спустя арестом Пугачева и выдачей его властям.

⁹⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 39, 41, 45; см. также: § 3, 5, 9 данной главы.

¹⁰⁰ Клибанов А. И. Указ. соч., с. 151—165.

¹⁰¹ Дубровский на допросе в Царицыне сообщил: «А подписывал вместо ево [Пугачева] под указами я по ево приказу со объявлением: естли я сие кому донести или выговориться могу, то в тот же час от него повешен буду» (Пугачевщина, т. 2, с. 223).

¹⁰² Речь идет об указе 15 августа 1774 г. (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 45).

¹⁰³ Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 151.

Мартовская именная печать Пугачева была утеряна, видимо, при отступлении повстанческого войска от Казани в середине июля 1774 г., и потому сохранившиеся указы и манифесты июля—начала августа не скреплены печатью. Будучи 23—24 июля в Алатыре, Пугачев взял к себе двух мастеров-серебряников для делания медалей¹⁰⁴, им же, вероятно, и было поручено изготовление новой печати. В качестве образца предполагалось использовать печати, имеющиеся в учреждениях завоеванных городов. С этим связана записка, посланная 27 или 28 июля 1774 г. секретарем Военной коллегии Дубровским в Саранскую провинциальную канцелярию: «В Государственную военную коллегию потребно из канцелярии и магистрата государственные печати»¹⁰⁵. Эти печати были получены¹⁰⁶, но они по имевшимся на них изображениям и надписям не были пригодны для именной печати «Петра III». Мастерам пришлось вырезать оригинальную печать с соответствующими атрибутами «государя»; происходило это, надо полагать, во время четырехдневной стоянки войска Пугачева у Саратова (6—9 августа 1774 г.)¹⁰⁷. Августовская печать Пугачева представляет собой круг диаметром в 3,5 см, по краю его идет круговая надпись: «Петра III, Б. М. императора каруна». Ее следует читать так: «Петра III, божие милостию императора корона». Внутри круга помещен погрудный портрет молодого мужчины, видимо Петра III, профиль вправо, на голове — парик. Мужчина одет в стальные латы и наручи, а через правое плечо к груди — широкая генеральская лента¹⁰⁸. Сохранилось всего два оттиска печати. Первый из них, датируемый 14 августа 1774 г., подклеен к копии именного указа Пугачева к правителю волжских калмыков Цендену-Дарже¹⁰⁹. Второй оттиск скрепляет именной

¹⁰⁴ См. следственные показания Е. И. Пугачева, А. П. Перфильева, И. А. Творогова, П. А. Пустобаева, В. И. Малахова, И. Г. Мелехова, П. А. Бекренева, Е. Я. Крапивина (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 215—216; Вопросы истории, 1966, № 7, с. 99; там же, 1973, № 8, с. 107; Пугачевщина, т. 2, с. 152, 227; Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 149, 160).

¹⁰⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 83.

¹⁰⁶ Подпоручик инвалидной команды С. Иванов 4 августа 1774 г. доносил казанскому губернатору Бранту, что Пугачев «имеющуюся в Саранской канцелярии печать из оной канцелярии взял к себе» (Пугачевщина, т. 2, с. 190); в сентябре 1774 г. саранский магистрат сообщил Главному магистрату, что повстанцами отобрана «в саранском магистрате казенная магистратская печать» (Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея. М., 1973, с. 224).

¹⁰⁷ Первое упоминание об этой печати имеется в тексте именного указа Пугачева атаману, старшинам и казакам Антиповской станицы от 13 августа 1774 г. (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 43).

¹⁰⁸ Овчинников Р. В. Обзор печатей на документах Е. И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 332; Соболева Н. А. Пугачевские печати. — Вопросы истории, 1977, № 8, с. 214—215.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. 1, л. 270 (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 44).

указ Пугачева, отправленный 15 августа 1774 г. к атаману и казакам Березовской станицы¹¹⁰. Сама печать (штемпель) не сохранилась, была утеряна, видимо, во время последней битвы Пугачева с карателями 25 августа 1774 г. у Солениковой ватаги.

Следует отметить, что с художественной и технической стороны августовская печать Пугачева была выполнена несравненно лучше мартовской.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА НА ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. КОНТРЕМЕРЫ ЕКАТЕРИНИНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Грандиозный и во многом стихийный размах восстания в поволжских губерниях в июле—августе 1774 г., позволяющий относить это время к периоду высшего подъема Крестьянской войны, был в то же время и в значительной мере обусловлен факторами организующего порядка: нахождением Главного повстанческого войска в этой области, антикрепостнической направленностью политики ставки Пугачева, распространявшей манифесты и указы, в которых отражены интересы крестьянства — доминирующей по численности группы населения Правобережья Волги, являвшейся социальной опорой движения. И хотя от последнего этапа восстания до нас дошло всего лишь десять указов и манифестов Пугачева (см. § 1—10 данной главы), но, по свидетельствам источников иного происхождения (протоколы следственных показаний руководителей и рядовых участников движения, переписка администрации Екатерины II и др.), удалось установить содержание 16 утраченных документов «Петра III», относящихся к тому времени¹¹¹. Фактически же их было обнаружено значительно больше, о чем свидетельствует показание Пугачева: «Множество толпы его людям злых своих манифестов как сам для разсеваия оных раздавал, так и Творогова таковые ж раздавать и в разныя места для возмущения народа — кто только попросит — приказывал, но сколько оных разсеяно, он не помнит»¹¹². Это подтвердил И. А. Творогов, сообщив на допросе, что в Поволжье «во всех местах, где была их... толпа, возмутительныя указы, лишь кто... одно слово вымолвит, чтоб ему дать указ, то тем людям и давали с тем, чтоб оные они разсевали повсюду и преклоняли бы людей в их... шайку, ибо Пугачев почасту о сем приказывал»¹¹³. Аналогичные сведения о распространении манифестов и указов «Петра III» в По-

¹¹⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 2, л. 155 (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 45).

¹¹¹ См. ч. II, гл. 3, § 1—16.

¹¹² Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — Вопросы истории, 1966, № 7, с. 99.

¹¹³ Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 16 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 1, л. 220.

вожьбе содержатся в показаниях пугачевского секретаря Дубровского ¹¹⁴.

Интересны высказывания крестьян, характеризующие их отношение к воззваниям Пугачева и агитации его эмиссаров. И. Суров, крестьянин села Блиновки Пензенского уезда, рассказывал, что когда приехавший к ним атаман И. И. Родюнов зачитал пугачевский указ, «в коем написано было, что все господские люди и крестьяне от помещиков свободяются и с них рекрут и подушных денег брано не будет», то все собравшиеся на сход крестьяне, обрадовавшись, поверили тому и, перекрестившись, сказали: «Слава богу, что мы теперь достаемся за государя!» ¹¹⁵ Пугачевский полковник Ф. Иванов, крестьянин села Сурали Саранского уезда, показывал на следствии, что с начала лета 1774 г. к ним дошли слухи о «царе Петре Федоровиче», который «делает крестьянам от помещиков вольность и от платежа подушных денег, так и от рекрутской отдачи увольняет на двенадцать лет. Чему как он [Иванов], так и все вотчины их крестьяня поверя, и с радостью ожидали приходу ево к ним, чтоб чрез него, освободиться от платежа подушных денег и не быть в повиновении помещику» ¹¹⁶. Крестьяне Верхне-Ломовского уезда столь же восторженно встретили вести о действиях «Петра III», который «всех поселян в свое подданство приводит и положенным в подушный оклад государственные подати и рекрутские наборы на семь лет без платежа оставляет, соль по 20 копеек пуд продавать, а дворян и владельцев, да и всех благородных господ истреблять повелевает» ¹¹⁷. Слухи о милостивых указах Пугачева достигли Москвы. С. Блинов, дворовый человек полковника Салтыкова, был схвачен полицией в тот момент, когда разглашал окружавшим его людям, что «Петр Федорович» в своих «указах пишет, чтоб чернь радовалась и веселилась: господским людям будет воля. И как сюда [он] будет, то не станут с ним войны держать господские люди: все к нему передадутся. Да в Рогожской ямской слободе находят подметные письма, чтоб для господ рели делать: недругов вешать» ¹¹⁸.

Выразительные картины народного восстания, возбужденного воззваниями Пугачева и агитацией его эмиссаров, рисуются донесениями военачальников Екатерины II. Полковник И. И. Михельсон, командующий авангардным корпусом карательных

¹¹⁴ Протокол показаний А. И. Дубровского на допросе 27 сентября 1774 г. в Царицыне. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 223.

¹¹⁵ Протокол показаний И. Сулова на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 447, л. 229.

¹¹⁶ Протокол показаний Ф. Иванова на допросе 4 ноября 1774 г. в походной канцелярии генерала П. И. Панина. — Там же, ф. 1274, д. 181, л. 237.

¹¹⁷ Протокол показаний крестьянина В. И. Уланова на допросе 15 сентября 1774 г. в комендантской канцелярии Ростовской крепости. — В кн.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 152.

¹¹⁸ Протокол показаний С. Блинова на допросе в Тайной экспедиции Сената в августе 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 6, л. 59.

войск, первым вступавший во взбунтовавшиеся селения и волости, доносил 25 июля генералу Ф. Ф. Щербатову, что в Чебоксарском уезде все «почти до единого склонны к бунту, кроме купцов, и отвечают, что от малого до большого ждут как отца... Пугачева, которого называют Петром Федоровичем»¹¹⁹, а 1 августа рапортовал ему же, что и в Арзамасском уезде «нет почти деревни, в которой бы обыватели не бунтовали, а крестьяне не старались сыскать своих господ или других помещиков и прикащиков... Окрестности здешняя генерально в возмущении»¹²⁰. 4 августа Михельсон писал к главнокомандующему в Москве М. Н. Волконскому о «коварстве» Пугачева, «х коему темной обольщенной им народ с невероятною преданностию прилепляется»¹²¹.

Генерал-майор П. М. Голицын, стоявший во главе войск, преследующих на правом берегу Волги Пугачева, 4 августа рапортовал Военной коллегии, что «самозванец по всем своим следам оставил возмутителей, кои удачно в своем зле успевают», и что войска «всех нужных мест, по обширности взбунтовавшихся селений, объять не могут», а причину «самопроизвольного» присоединения крестьян и дворовых людей к Пугачеву видел в том, что «самозванец обещает каждому по сту рублей на месяц и вечную волю»¹²². В донесении, отправленном 28 августа Панину, Голицын писал: «Здесь дерзость и буйность простого народа да самого высшего градуса превзошла, и я по генеральному возмущению черни непрестанные получаю уведомлении о продолжаемых оною в окружностях Пензы, Симбирска и Карсуна, а также и по другим местам злодействах, для пресечения которых отправлены от меня в разные стороны detachmentы»¹²³.

Такого же рода донесения поступали и от местной губернской администрации. Нижегородский губернатор А. А. Ступишин писал 26 июля к М. Н. Волконскому, что разсланные от Пугачева эмиссары, «человека по два и по три, а не более шести», взбунтовали крестьян всей губернии. «В разсуждении сего неустройства, — продолжал губернатор, — и дабы оное час от часу не возросло и не родилось бы из одного несколько Пугачевых, прикажите, ваше сиятельство, для сего усмирения и приведения бунтующихся в губернии моей крестьян в должное повиновение и послушание своим помещикам и начальникам» немедленно прислать легкие войска¹²⁴. Но Волконский не мог выделить соседу-губернатору крупной военной подмоги, ибо сам опасался за Москву и столичную губернию, затронутые воздействием агитации Пугачева. 18 августа Волконский писал Панину: «...здесьшний город составлен ис всякаго народу, в кото-

¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 482.

¹²⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. 1, л. 202 об.

¹²¹ Там же, д. 503, л. 16.

¹²² ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 415 об.

¹²³ ЦГАДА, ф. 1274, д. 174, л. 362.

¹²⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, д. 410.

ром, как по делам Тайной канцелярии мне известно, от сообщников злодея Пугачева разглашений подлость почти вся заражена. А в уезде чернь, заключить можно, вся ж к тому подражает, как уже во Владимирском уезде целая дворцовая волость противу начальников зделалась ослушна»¹²⁵. Начальник секретных следственных комиссий генерал-майор П. С. Потемкин, характеризуя обстановку, сложившуюся в августе в Среднем Поволжье, писал Панину, что дух «бунта не теряет своей силы», несмотря на энергичное преследование самого Пугачева, ибо он и далее повсюду распространяет свои «обольщении к ослепленной черни», и что есть «одна только к истреблению того надежда на искусство вашего сиятельства и на войска, предводительству вашему вверенные»¹²⁶.

В переписке Панина с Екатериной II одно из главных мест принадлежало вопросу о мерах борьбы с воздействием пугачевской агитации на народ. В реляции от 13 августа Панин писал, что огни от употребляемых Пугачевым «ко всей черни прельщений зачинают пламенем своим пробиваться не только в тех губерниях, коими сам [Пугачев] проходил... но обнимают и здешнюю Московскую и Воронежскую губернии» и что повсеместные «возмутительныя воспламенения» в народе начинают «превосходить силу и возможность» карательного войска, разделенного на множество мелких команд¹²⁷. Едва вступив на пост главнокомандующего, Панин писал 3 августа Екатерине II, что видит главную свою задачу и успех всего дела не столько в том, чтобы самого Пугачева «совсем истребить или к заслуженному наказанию поймать», сколько в том, чтобы как можно скорее подавить зародившийся благодаря ему дух свободы в народе, дух «мятежных волнений»¹²⁸.

Донесения Панина являются источником, характеризующим отношения крестьян к манифестам Пугачева. 12 августа, посылая Екатерине II один из них, Панин писал, что он привлекает «особливое внимание по существу отчаянных средств», к коим прибегает Пугачев, — «к развращению несмысленной черни, к разлитию повсюду яда мятежничества и к развращению числа обольщающихся безумцев несовместною своею со здравым рассудком химерою»¹²⁹. В донесении от 6 сентября 1774 г. Панин сообщал, что народ «наисильнейшим образом прилеплен к самозванцу изданными от имени его обольщениями» на истребление «градона начальников, дворян», на захват «казны, соли и на неплатеж десятилетней никаких податей»¹³⁰. Екатерина II в оценке

¹²⁵ Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея, с. 333.

¹²⁶ ГБЛ, ОР, ф. 222, д. 6, л. 157.

¹²⁷ Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 106; о том же писал Панин в реляциях Екатерине II от 7, 10, 17 и 25 августа и 2 сентября 1774 г. (там же, с. 97, 98, 110, 116, 131, 132).

¹²⁸ Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 91—92.

¹²⁹ Там же, с. 104.

¹³⁰ Там же, с. 133.

пугачевских манифестов стояла на таких же позициях. В письме к лифляндскому губернатору Ю. Ю. Броуну от 24 октября 1774 г., отмечая, что крестьяне вступали в ряды восставших, «надеясь на свободу и на неплатеж податей»¹³¹, обещанные Пугачевым, она считала эти льготы не только «лживыми и незбыточными», но и вообще несовместимыми с нормами жизни общества, установленными «свыше»¹³².

Для быстрейшего подавления восстания и приведения народа в «безмолвственное повиновение» Панин использовал находившиеся у него войска не только для преследования и разгрома «Главного войска» Пугачева, но для карательных операций против множества локальных очагов движения в Нижегородской, Воронежской и Казанской губерниях; в этих же целях предполагалось использовать кавалерийские полки регулярной армии, перебрасываемые с южных границ России после подписания Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией (21 июля 1774 г.).

Чтобы истребить посеянный Пугачевым в народе «бунтовщичий дух», Панин широко использовал и такое средство, как террор, ибо, по его мнению, многого можно достичь страхом жестокой казни: «...без оной мне обойтись совсем невозможно»¹³³. В одном из донесений Панин писал, что он приемлет «с радостью пролитие проклятой крови» пугачевцев «на себя и на чад моих»¹³⁴. Екатерина II санкционировала проводимую Паниным практику массовых репрессий, заявив, что «в теперешнем случае казнь нужна, по несчастию, для блага империи», но при этом просила, правда, Панина «иметь всегда в памяти», что при этих казнях она незримо присутствует «как мать, обливающаяся слезами при нужном наказании детей своих непослушных»¹³⁵. Панин помнил это прекраснородное пожелание, а также и то, что «чувствия сердца» императрицы, как сама она заявила, «весьма отдалены» не только от употребления суровых казней, «но и самой строгости»¹³⁶. Однако, судя по справке военно-походной канцелярии, за время с 1 августа по 16 декабря 1774 г. по решениям Панина 324 повстанца «казнены смертью», 399 — наказаны кнутом «и большею частью с урезанием ушей», 895 — биты плетьюми, кнутами и розгами, 194 — шпипрутенами, 119 повстанцев — плетьюми; кроме того, с ведома Панина были подвергнуты тяжким телесным наказаниям до 6000 повстанцев, взятых в плен под Черным Яром¹³⁷.

¹³¹ Оснадцатый век. М., 1869, т. 1, с. 232.

¹³² ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 4, л. 367—367 об.

¹³³ Реляция П. И. Панина к Екатерине II от 2 сентября 1774 г. — Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 131.

¹³⁴ Донесение П. И. Панина Екатерине II от 25 августа 1774 г. — Там же, с. 117.

¹³⁵ Письмо Екатерины II П. И. Панину от 2 сентября 1774 г. — Там же, с. 120.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ ЦГАДА, ф. 1274, д. 184, л. 332.

При «умиротворении» народа, помимо применения военной силы и массовых репрессий, использовались средства идейной борьбы против «обольщений» Пугачева: различного рода увещевания, объявления и воззвания центральных и местных властей, послания церкви и т. п.

22 июля 1774 г. на заседании императорского совета при обсуждении мер к защите Москвы от нападения Пугачева генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский предложил обратиться к населению Москвы с манифестом¹³⁸. Екатерина II готовила текст манифеста, обращенного к гражданам старой столицы, в котором, изобличая самозванство Пугачева и пагубность его воззваний к народу — «несмысленной черни», призывала всеми мерами защищать Москву — «центр и коренную силу империи», предлагая, чтобы все москвичи «по состоянию своего чина, звания и достатка поревновали действительно воспособствовать скорому и сильному отражению самозванца Пугачева»¹³⁹. Опубликование манифеста не состоялось, так как вскоре выяснилось, что Пугачев повернул на юг, в низовья Волги и к Дону и угроза его движения на Москву миновала.

В августе 1774 г. начальник секретных комиссий генерал П. С. Потемкин обратился к населению поволжских губерний с воззванием, в котором развернул критику основных положений манифестов Пугачева: «Он [Пугачев] обещает свободу от рекрут и податей. Трудно ли обещать, когда оно не принадлежит ему? Но и свобода сия не может существовать на самом деле. Кто будет ограждать пределы нашего государства, когда не будет воинства? А воинство наполняется рекрутами. Чем будут содержать солдат, когда не будет подушного сбора? Где бы турки уже были теперь, когда бы в России не было воинов?» Особое ожесточение вызвало у Потемкина требование пугачевских посланий об истреблении дворянства. Возражая ему, Потемкин писал: «Пугачев прельщает вас мнимую вольностию... велит истреблять помещиков, и народ ему повинуется... Представьте себе, кто будет управлять градами и селами, ежели не будет начальников; кто будет производить суд, удерживать дерзость и неправду, защищать притесненного, ежели не будет законных властей? Кто будет предводительствовать воинством, ежели не будет степени чинов? Вот ясное изобличение злонамеренного обольщения Емельки Пугачева: прельстясь на его слова, делаетесь вы изменниками и бунтовщиками»¹⁴⁰. Суть этой тирады

¹³⁸ Канцлер Н. И. Панин, скептически относившийся к такого рода посланиям, писал П. И. Панину: «Забыл было сказать о дураке Вяземском. Ему полюбились манифесты и казанских дворян вооружения, и потому представлял только, чтоб и то и другое в Москве сделано было» (Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 75).

¹³⁹ Бумаги императрицы Екатерины II, т. III. — Сборник РИО, 1874, т. 13, с. 424—427.

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 489, л. 210—211 об. Текст воззвания полностью напечатан в кн.: *Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 3, с. 270—274.

Потемкина заключалась в том, что он только в дворянстве видел то единственное сословие, которое могло занимать командные посты в стране, государственном аппарате и армии и в силу своего положения иметь права на господство над другими сословиями и на эксплуатацию их труда. Воззвание Потемкина отражало вместе с тем и испуг властей перед популярностью и действительностью пугачевских манифестов. Следует заметить, что воззвание Потемкина не было напечатано и распространялось в небольшом числе рукописных списков, а потому и не могло оказать большого влияния на результат идейной борьбы.

С противопугачевской акцией выступил во второй половине августа 1774 г. святейший Синод. Поводом к тому послужил попавший в руки Панина рапорт секунд-майора графа К. Меллина от 2 августа из Саранска. Меллин писал: «Удивительно мне, что не только крестьяне, но и священнические, и монашеские, и архимандрицкие чины делают всему государству возмущение, возмущая чувствительной и нечувствительной народ тем: поминая в небытность уже его [«Петра III»] имя в службе божией при литургии и молебнах». Это, в частности, и было «учинено в городе Саранске архимандритом Александром»¹⁴¹. И до того еще власти обращали внимание на поведение сельского и городского духовенства в Поволжье, примкнувшего добровольно или поневоле к восстанию, что значительно усложняло дело по его усмирению и помогало Пугачеву убеждать народ в том, что он есть истинный государь, а не самозванец. Посылая 10 августа рапорт Меллина Екатерине II, Панин просил ее повелеть Синоду издать «увещевание» и «угрожения» с объявлением, что все те духовные лица, которые примкнут к повстанцам или же окажут им какое-либо содействие, будут лишены духовного звания и подвергнуты гражданскому суду и наказанию¹⁴². 14 августа императрица ответила Панину, что ею даны указания Синоду о составлении и обнародовании увещеваний; но, впрочем, высказала сомнения относительно их эффективности, ибо ранее посланные в Казанскую и Оренбургскую губернии увещевания Синода (от 17 апреля 1774 г.) «мало действия там имели»¹⁴³. 20 августа Синод издал увещевание к духовенству, где Пугачев был представлен «орудием дьявола», «врагом богу, монархине, церкви и отечеству», а церковники, которые дерзнули способствовать его начинаниям, предавались вместе со своей паствой «временному и вечному осуждению» и, по определению Синода, «извергаются от священства, отлучаются от церкви и предаются проклятию, и всей строгости, и казням, каковыя закон подобным злодеям определяет». Увещевание призывало духовенство возбудить в пастве «горячую ревность ко истреблению богопротивных и пагубных начинаний» Пугачева и непоколебимо быть «богу

¹⁴¹ Пугачевщина, т. 3, с. 182.

¹⁴² Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 100.

¹⁴³ Там же, с. 103.

усердными рабами, монархине верными подданными, отечеству достойными его членами, церкви истинными ея рабами»¹⁴⁴. В тот же день, 20 августа, Синод издал увещевание, обращенное к народу, призывавшее его отойти от поддержки Пугачева — «погибельного» человека, дерзкого самозванца, «врага богу, церкви и отечеству», ниспровергающего «все законы и клятвы»¹⁴⁵. Составители обоих синодских увещеваний уклонились от рассмотрения истинных причин привязанности народа к новоявленному «Петру III», сводя все дело к «козням дьявола» и зловерным замыслам его «орудия» — Пугачева, который, «отринув мысли о правосудии божии», творит с своими сообщниками «беззаконии»¹⁴⁶.

В августе 1774 г., вскоре после вступления в командование карательными войсками, Панин обратился с объявлением к населению поволжских губерний, в котором, проклиная действия Пугачева и его сторонников, сообщал, что следует с войсками на их истребление, призывал раскаявшихся повстанцев явиться с повинной к властям, объявлял о награждении тех, кто выдаст Пугачева, его старшин и рядовых бунтовщиков, особо обратив внимание на тех из них, которые, забыв евангельское изречение «Несть власти, яко не от бога», подговаривали «крестьян и прочих людей к возмущению против помещиков, приказчиков и старост». Тем же, кто, упорствуя, останется при Пугачеве и будет продолжать «безпорядки и мятежи против помещиков», Панин угрожал «лютейшей по законам смертной казнь»¹⁴⁷. 25 сентября Панин разослал печатные экземпляры «Извещения», в котором объявлял об аресте Пугачева и требовал, чтобы население содействовало войскам в подавлении восстания и поимке повстанцев. Тем же, кто будет продолжать верить прежним разглашениям Пугачева, он грозил беспощадным истреблением¹⁴⁸.

Увещевания с призывом сохранять верность «божьей помазанице» Екатерине II и законным властям, а одновременно и с угрозами самых жестоких кар и казней тем, кто будет содействовать Пугачеву, рассылались и другими военачальниками, а также и гражданскими властями. Особым рвением отличался генерал П. С. Потемкин, который, помимо рассмотренного выше обращения к населению Поволжья, в августе 1774 г. посылал увещевания к яицким казакам¹⁴⁹ и к башкирам¹⁵⁰, в сентябре —

¹⁴⁴ Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. 3, прил. № 1, с. 371—373.

¹⁴⁵ Там же, прил. № 2, с. 374—378.

¹⁴⁶ Там же, с. 375—376.

¹⁴⁷ Там же, с. 287—291. 25 августа было обнародовано предложение Панина о наказании пленных повстанцев и установке в «бунтовавших» селениях виселиц, колес и глаголей (Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии, с. 275—276).

¹⁴⁸ Анучин Д. Граф Панин, усмиритель Пугачевщины. — Русский вестник, 1869, № 6, с. 400.

¹⁴⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. 3, с. 268—270.

¹⁵⁰ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 224.

к кабардинским князьям и старшинам¹⁵¹. В ордере от 12 августа алатырскому воеводе М. Белокопытову Потемкин предписывал обратить особое внимание на розыск пугачевских эмиссаров, которые подговаривают крестьян к свободе от «должного повиновения власти помещиков, установленном законом божим и гражданскими правами»¹⁵². К иностранным колонистам Поволжья с увещеваниями на немецком и французском языках обращался полковник И. И. Михельсон¹⁵³, а также генерал-майор П. Д. Мансуров¹⁵⁴. В начале осени 1774 г. оставался один лишь довольно крупный очаг повстанческой борьбы — в Башкирии. К башкирам-повстанцам посылали увещевания полковник П. А. Шепелев¹⁵⁵, генерал П. И. Панин¹⁵⁶, оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп¹⁵⁷. С воззваниями к предводителям башкир-повстанцев обратился в конце октября 1774 г. П. С. Потемкин¹⁵⁸.

Основная волна антипугачевской агитации пришлась на то время (начиная, примерно, со второй половины августа 1774 г.), когда главные силы Пугачева были оттеснены в низовья Волги, где и потерпели окончательное поражение. Восстание явно шло на убыль, хотя и отмечались отдельные вспышки сопротивления в Среднем Поволжье и на Южном Урале. Это говорит о том, что противоборство сторон в тот период разрешалось не в идейной, а в военной борьбе, где сила была на стороне военачальников и войск Екатерины II. Однако военное подавление восстания потребовало меньше усилий, нежели истребление «духа мятежа», посеянного воззваниями Пугачева и агитацией его сторонников.

Поздравляя Екатерину II с 12-й годовщиной ее коронации, Панин писал 22 сентября, что Пугачев «уже в оковах» и что «от всех возженных [Пугачевым] бунтовщичьих огней внутри государства вашего не остался без истребления... уже ни один, а разве прокурятся где искры, которые, конечно, в тот же момент и потушены будут»; вообще же возмущенная чернь уже возвращена «в безмолвственное всеподданическое повиновение»¹⁵⁹. Но Панин явно поспешил с такой оценкой, ибо восстание еще продолжалось в Башкирии, «вспыхивали огни» и «курились искры» в других местах. Были селения, где появлялись люди с манифестами и указами Пугачева и, действуя именем «Петра III», собирали отряды. В сентябре 1774 г. в деревню Игнашкину Алатырского уезда явился пугачевский есаул И. Федоров с 15 повстанцами и, созвав крестьян, велел своему писарю «читать указ якобы от Петра Федоровича, а по прочте-

¹⁵¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч., т. 3, с. 257.

¹⁵² ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. I, л. 136.

¹⁵³ Рапорт Михельсона Панину от 15 августа 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. 1, л. 218.

¹⁵⁴ Там же, д. 492, л. 1—1 об.

¹⁵⁵ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 235.

¹⁵⁶ Там же, с. 241—242.

¹⁵⁷ Там же, с. 243.

¹⁵⁸ Там же, с. 248; ЦГАДА, ф. 6, д. 489, л. 167—167 об.

¹⁵⁹ Сборник РИО, 1871, т. 6, с. 153.

нии приказал нарядить в казаки восемь человек»¹⁶⁰. В том же месяце в село Кузнечиху Казанского уезда приехали 25 пугачевцев и велели крестьянину П. Петрову читать указ, в котором «было написано, чтоб народ почитал самозванца за истинного государя и давали б ему в службу людей»¹⁶¹. Депутат Уложенной комиссии А. Стариков на допросе в Казанской секретной комиссии показал, что в октябре 1774 г. к нему пришел ясачный крестьянин деревни Большой Алкапаевской Уфимского уезда с пугачевским указом «о наборе в злодейскую толпу казаков»¹⁶². И все эти события происходили в то время, когда сам Пугачев уже находился под арестом и следствием.

Об отношении народа к Пугачеву и проводимой им политике свидетельствует факт, имевший место в начале января 1775 г. в селе Головинщине Пензенского уезда. Крестьянин В. Тимофеев, выйдя на торговую площадь, кричал «во всенародно о здравии и благополучии бывшем Третьем императоре» и что «Пугачев с ево сообщниками нам, черни, был ни злодей, а приятель и наш заступник; и хотя ево теперь нет и не будет, то еще есть Пометайла¹⁶³, которой таковым же образом вознамеривается нас защищать и вскоре будет к нам с своим войском от стороны Саратова»¹⁶⁴. Воззвания Пугачева поколебали представления о неизблемости и законности крепостнических порядков на Руси. И не случайно генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский испрашивал у Екатерины II разрешения включить в текст сентенции о казни Пугачева специальный тезис, подтверждающий нерушимость права дворян на личность и труд крепостных крестьян. «В сентенции, — писал Вяземский, — для большей ясности разсудили прибавить — в объяснение дворянского успокоения и утешения малодушных — речи, на каких надлежало б дворянству и крестьянству вновь доказать, что ее императорское величество твердо намерена дворян при их благоприобретенных правах и преимуществах сохранять нерушимо, а крестьян — в их повиновении и должности содержать»¹⁶⁵. Но никакие призывы и предписания верховной власти о предании «вечному забвению и глубокому молчанию» всех дел о «внутреннем возмущении, происшедшем от донского казака Емельки Пугачева»¹⁶⁶, не могли истребить в памяти народа воспоминаний о тех свободах и льготах, которые были провозглашены манифестами и указами Пугачева.

¹⁶⁰ Протокол показаний крестьянина П. Карпова на допросе в Казанской секретной комиссии в октябре 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 5, л. 428.

¹⁶¹ Протокол показаний П. Петрова в Казанской секретной комиссии в октябре 1774 г. — Там же, ч. 4, л. 414.

¹⁶² Там же, ч. 5, л. 75 об.

¹⁶³ Речь идет об атамане И. П. Заметаеве, который действовал в Северном Прикаспии и на Нижней Волге до лета 1775 г.

¹⁶⁴ Протокол показаний В. Тимофеева на допросе 17 января 1775 г. в Пензенской провинциальной канцелярии. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 83.

¹⁶⁵ Вопросы истории, 1966, № 9, с. 147.

¹⁶⁶ Манифест от 17 марта 1775 г. — ПСЗ I. СПб., 1832, т. XX, № 14275, с. 85.

II. РЕКОНСТРУКЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ УТРАЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Глава 1

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ УТРАЧЕННЫХ УКАЗОВ И МАНИФЕСТОВ Е. И. ПУГАЧЕВА ПЕРВОГО ЭТАПА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (сентябрь 1773—март 1774 г.)

Из предшествующего изложения видно, что корпус сохранившихся манифестов и указов Пугачева невелик и не дает полного представления о характере и объеме деятельности повстанческого центра. Имеющиеся пробелы можно восполнить путем реконструкции утраченных документов, используя для этого протоколы показаний руководителей восстания и рядовых повстанцев, деловую переписку пугачевских атаманов, донесения учреждений и властей администрации Екатерины II, записки и мемуары современников, — словом, все те материалы, в которых можно выявить реальные следы текстов бытовавших в дни восстания, но не дошедших до нас воззваний и распоряжений Пугачева¹. Следует заметить, что аналогичная методика применялась в работах советских историков при реконструкции утраченных документов участников крупнейших народных движений XVII—XVIII вв.² Академик Л. В. Черепнин относил работы по реконструкции по-

¹ Теоретические и методические вопросы реконструкции содержания утраченных указов и манифестов Пугачева и документов его Военной коллегии подробно рассмотрены в статьях: *Овчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева). — В кн.: *Источниковедение отечественной истории.* 1975. М., 1976, с. 222—247; *Он же.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. — В кн.: *Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения.* М., 1974, с. 72—97.

² *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавица. 1707—1709. М., 1962, с. 23—53; *Буганов В. И.* О «повстанческом архиве» Главного войска С. Т. Разина. — *Советские архивы*, 1975, № 5, с. 82—89; *Рыслаев Л. Д.* Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам. — *Учен. зап. Псков. гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова. Кафедра истории*, 1964, вып. 23, с. 71—88.

встанческих документов к числу актуальных источниковедческих изысканий в области истории крестьянских войн в России, указывая, что «при этом, очевидно, следует использовать и методические приемы, проверенные на источниках другого типа, более изученных, и методику, непосредственно вытекающую из характера и специфики документов, порожденных повстанческим движением»³.

В работе по реконструкции утраченного документа истинную цену и определяющее значение имеют лишь реальные следы его текста, запечатленные в сообщениях других источников. Сами же реконструкции того или иного указа Пугачева, не воссоздавая в полном объеме и форме всего документа, сводятся к выявлению важнейших атрибутов текста, устанавливающих его назначение, адресат, дату, содержание, а также реальную историческую среду его создания и бытования.

В данной связи вполне уместен вопрос о степени достоверности такого рода эскизных реконструкций утраченных источников и о правомерности их в практике работы исследователя. Вопрос этот положительно решается экспериментальным путем, когда какой-либо из сохранившихся указов Пугачева сопоставляется с показаниями о нем, извлеченными из других источников⁴. Непременным условием реконструкционной работы является критический анализ самих источников реконструкции — установление обстоятельств их происхождения, степени достоверности и полноты сообщаемых ими показаний о недошедших до нас документах. Лишь опираясь на результаты предварительных источниковедческих разысканий, располагая аргументированными обоснованиями, исследователь может использовать выявленные реальные следы текста для реконструкции утраченного документа и последующего включения его в историческое построение.

Предложенный прием реконструкции восстанавливает указы Пугачева лишь в предварительном, эскизном виде, преимущественно в форме описаний их назначения с сообщением данных о происхождении этих документов и об условиях их бытования в событиях Крестьянской войны. Результат реконструкционной работы находится в прямой зависимости от числа и авторитетности используемых для этой цели источников. Надежность реконструкции повышается в тех случаях, когда она построена на использовании показаний независимых друг от друга источников (когда показания сообщены различными лицами и учреждениями, представлены в разных временных и пространственных ситуациях и т. п.). Автором данной работы учтены по различным источникам сведения о 119 несохранившихся указах и манифестах Пугачева, что в 2,5 раза превышает число дошедших до нас

³ Черепнин Л. В. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева (причины и характер). — В кн.: Героические страницы в истории народов нашей Родины. Челябинск, 1976, с. 5—6.

⁴ См. примеры такого рода сопоставлений: Овчинников Р. В. Из опыта реконструкции утраченных документов. . ., с. 223—234.

документов предводителя Крестьянской войны. О большинстве утраченных документов сведения извлечены из двух или более источников, взаимно дополняющих и корректирующих друг друга, а последнее обстоятельство повышает надежность и убедительность соответствующих эскизных реконструкций.

Для отдельных указов Пугачева возможен и иной вид реконструкции, при котором утраченный текст воссоздается заново в полном объеме. Его можно воспроизвести со всеми теми атрибутами формуляра и внутренней структуры, какими обладал подлинный текст документа до его утраты. В таких реконструкциях реальные следы текста утраченного памятника, выявленные в источниках иного происхождения, накладываются на формуляр другого документа, сходного по назначению и содержанию с восстанавливаемым памятником и хронологически близким к нему по времени создания.

Правомерность такого приема обосновывается знанием особенностей делопроизводства секретариата Пугачева и его Военной коллегии. Наблюдениями над бумагами ставки Пугачева установлено, что его секретари при составлении сходных по назначению документов довольно часто использовали стереотипные образцы соответствующих текстов. Так, например, манифест Пугачева от 2 декабря 1773 г. дошел до нас в 35 экземплярах с диапазоном датировок от 2 декабря 1773 г. до 23 июня 1774 г.⁵ При этом каждый отдельный экземпляр манифеста имел свое особое назначение, посылался каждый раз новому адресату и, следовательно, в каждом отдельном случае выступал в качестве самостоятельного документа. Использование стереотипов при создании новых указов и манифестов практиковалось пугачевскими секретарями на всем протяжении Крестьянской войны. Учитывая это и опираясь на реальные следы текстов утраченных документов и на соответствующие им по назначению и содержанию стереотипы, нам удалось воссоздать в полном виде несохранившиеся указы Пугачева, адресованные 1 октября 1773 г. атаману Оренбургского казачьего войска подполковнику В. И. Могутову и 5 июня 1774 г. предводителю башкир-повстанцев Салавату Юлаеву⁶. Справедливости ради следует заметить, что подобного рода реконструкции утраченных документов возможны лишь в исключительно редких случаях, когда это позволяют источники. Содержание подавляющего числа несохранившихся указов Пугачева удалось восстановить методом эскизной реконструкции.

Опираясь на приведенные выше методические положения, обратимся к конкретным примерам реконструкции утраченных манифестов и указов Пугачева первого этапа Крестьянской войны. От этого периода сохранилось 32 документа, исходящих

⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975, с. 36—37, 380—383.

⁶ *Овчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов..., с. 242—249.

от Пугачева (см. ч. I, гл. 1). Рассмотрим в хронологической последовательности имеющиеся в протоколах следственных показаний руководителей и рядовых участников повстанческого движения, в переписке властей и учреждений восставших, в материалах администрации Екатерины II и в мемуарных памятниках данные о несохранившихся рескриптах предводителя Крестьянской войны, относящихся к сентябрю 1773—марту 1774 г.⁷

§ 1. Указ Е. И. Пугачева гарнизону Татищевой крепости (27 сентября 1773 г.). Опыт захвата повстанцами Илецкого городка (20 сентября) и Рассыпной крепости (25 сентября) свидетельствовал о заметном воздействии указов Пугачева на умы рядовых казаков и солдат, которые отказывались сражаться против войск «Петра Федоровича». В ходе наступления повстанческого войска к Оренбургу Пугачев последовательно использовал тактику предварительной отсылки именных указов в атакуемые крепости, справедливо рассчитывая на успех своей агитации, на возможность внесения раскола в ряды и без того слабых гарнизонов крепостей.

Утром 26 сентября 1773 г. Пугачев овладел Нижне-Озерной крепостью, сломив недолгое сопротивление гарнизона. В источниках нет вполне убедительных сведений о том, что в эту крепость был послан пугачевский указ, подобный тому, который двумя днями раньше направлен в Рассыпную крепость⁸.

Более определенны свидетельства источников о отсылке Пугачевым именного указа в Татищеву крепость. Повстанческое войско подступило к ней утром 27 сентября. Крепость, являвшаяся наиболее мощным укреплением Средне-Яицкой линии, охранялась довольно крупным гарнизоном, подкрепленным карабельным корпусом из Оренбурга во главе с бригадиром Х. Х. Биловым. Число защитников крепости доходило до 1000 солдат и казаков при 13 пушках. По числу бойцов повстанческое войско хотя и превосходило силы неприятеля в 3 раза, но имело меньшее число орудий⁹. Подступив к стенам Татищевой крепости, Пугачев отправил туда казака с именным указом, требуя безусловной и немедленной сдачи крепости. Указ не сохранился; он, видимо, пропал при штурме и пожаре крепости. Как и предшествующие послания Пугачева в Яицкий и Илецкий городки и Рассыпную крепость¹⁰, он, вероятно, был написан наиболее грамотным из пугачевских секретарей пленным сержантом Д. Н. Кальминским (убитым вскоре после взятия Татищевой крепости)¹¹.

⁷ Общая характеристика событий этого периода дана в ч. I, гл. 1.

⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 5.

⁹ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884, т. 2, с. 24—25; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966, т. 2, с. 112—113.

¹⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 3—5.

¹¹ См. ч. I, гл. 1, § 3.

Имеются два свидетельства о посылке указа в Татищеву крепость, и оба они принадлежат самому Пугачеву. На допросе в Яицком городке он сообщил, что в атакованной им Татищевой крепости «находился комендант Белов с командою; но как велика была, того точно не знаю. Сей бригадир пошел было ко мне навстречу, но как услышал, что я к нему приближаюсь, то сел в крепости. А я подошел близко к оной, послал к нему указ. Но он за государя меня не признал»¹². Более подробные сведения об этом факте привел Пугачев на допросе в Москве: «Послал он к Татищевой крепости с казаком, которого толпа его поймала бродящего по полю пешего», свой указ, «чтоб здалась крепость»¹³. Судя по этим свидетельствам, можно предположить, что указ в Татищеву крепость содержал те же положения, что и предшествующие послания Пугачева: призыв сложить «оружие свое» пред его знаменами; обещание пожаловать казаков, солдат и «всякаго звания людей» вечной вольностью, землей со всеми ее угодьями, «всякими выгодами», жалованьем, провиантом, боеприпасами, чинами и «честью»¹⁴. Посланный в Татищеву крепость указ и последующие переговоры повстанцев с Т. И. Падуровым, сотником команды оренбургских казаков, оборонявших крепость, возымели желаемое действие. Вскоре на сторону Пугачева перешли оренбургские и татищевские казаки. Крепость в результате артиллерийского обстрела, штурма и начавшегося пожара была захвачена повстанцами.

§ 2. Указ Е. И. Пугачева казакам Чернореченской крепости (29 сентября 1773 г.). С захватом Татищевой крепости для Пугачева открылась дорога на Оренбург. На этом пути, правда, была еще одна крепость, Чернореченская, но слабый гарнизон ее, деморализованный успехами повстанцев, вряд ли мог оказать им серьезное сопротивление. К тому же этот гарнизон был вскоре после падения Татищевой крепости отведен губернатором И. А. Рейнсдорпом в Оренбург.

29 сентября Пугачев выступил из Татищевой к Чернореченской крепости, куда в тот же день отправил находившегося в его войске чернореченского казачьего капрала Михаила Мелехова с именным указом к атаману и казакам. В следственных показаниях Пугачева, его секретарей И. Я. Почиталина и М. Г. Горшкова нет упоминаний об этом факте. Сведения об этом сохранились в протоколе допроса пугачевского посланца Мелехова, который сообщил следователям, что «как Пугачеву известно было, что отец его, Мелехов, в Чернореченской крепости атаман, то Пугачев призвал к себе и послал его» со своим указом «в Чернореченскую крепость с яицкими двумя казаками (но кто они, не помнит). А как приехали, то он, Мелехов, отца своего тут не застал, ибо он со всей бывшей тут командой уехал в Оренбург»,

¹² Следствие и суд над Е. И. Пугачевым. — Вопросы истории, 1966, № 4, с. 115.

¹³ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 196.

¹⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 1, 3—5.

опасаясь «пришествия» Пугачева. Указ был зачитан казакам, которые единодушно решили принять Пугачева и сдать ему крепость¹⁵. Эти данные подтверждаются протоколом допроса чернореченского драгуна К. Самарцева, который сообщил на следствии, что 29 сентября в крепость приехал атаманский сын М. Мелехов и привез от Е. И. Пугачева указ, «чтоб ево почитать за государя, а когда-де придет, то встретить ево с хлебом и солью»¹⁶. Утром 30 сентября повстанческое войско вступило в Чернореченскую крепость. Содержание указа Пугачева казакам этой крепости было, видимо, идентично основным положениям предшествующих его указов сентября 1773 г.; составителем указа являлся пугачевский секретарь И. Я. Почиталин, перу которого принадлежали большинство дошедших до нас указов Пугачева от сентября—ноября 1773 г.

§ 3. *Указ Е. И. Пугачева татарам Сеитовой слободы (30 сентября 1773 г.)*. От Чернореченской крепости до Оренбурга было всего 28 верст. Но Пугачев, на время отказавшись от движения к Оренбургу, направился к Сеитовой слободе (Каргале), находившейся в 18 верстах к северо-востоку от Оренбурга, куда вступил 1 октября 1773 г., торжественно встреченный многочисленным татарским населением. Но встреча эта была организована заранее пугачевскими посланцами, которые во главе с писарем Балтаем Идеркеевым приехали в слободу накануне, 30 сентября, привезя с собой именной указ Пугачева к старшинам и рядовым татарам. Единственное упоминание об этом факте содержится в показаниях сеитовского татарина Мусы Улеева (Алеева), служившего полковником в повстанческом войске. Он рассказывал на допросе в Оренбургской секретной комиссии, что «в ыходе сентября месяца» в слободу приехали ящские казаки во главе с татаринном¹⁷ и последний передал слободскому старшине «запечатанную в куверте бумагу, объявляя притом, что то указ от известного самозванца Пугачева, которой остался у показанного старшины, на татарском диалекте, а в нем написано, как то оной старшина вслух всем им, сеитовским татарам, читал, дабы они, татара, были ему, самозванцу, послушны и учинили б ему надлежащим образом встречу»¹⁸. Указ составлен был пугачевским секретарем Балтаем Идеркеевым, хотя сам он в следственных показаниях обошел этот факт молчанием, сообщив лишь о торжественной встрече Пугачева и его войска татарами в Сеитовой слободе¹⁹. Следует отметить, что в этой же слободе 30 сентября Балтай Идеркеев по приказанию Пугачева составил три экземп-

¹⁵ Протокол показаний М. Мелехова на допросе 14 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 150.

¹⁶ Протокол показаний К. Самарцева на допросе 14 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, л. 173.

¹⁷ Балтай Идеркеев.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 5, л. 644.

¹⁹ Протокол показаний Балтая Идеркеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июне 1774 г. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 109—110.

лара его именного указа к башкирским старшинам Кинзе Арасланову, Алибаю Мурзагулову и Кутлугильде Абдрахманову²⁰. Указ этот, предоставивший башкирам за верную службу различные материальные льготы, отменявший гонение на мусульманское вероисповедание и притеснения со стороны прежней администрации, определил политику ставки Пугачева по отношению к нерусским народностям Урала и Поволжья на всем протяжении Крестьянской войны. Вполне вероятно, что эти положения вошли также и в указ Пугачева, адресованный татарам Сеитовой слободы.

§ 4. Указ Е. И. Пугачева казачьему атаману Сакмарского городка Д. Д. Донскову и сакмарским казакам (1 октября 1773 г.). Находясь в Сеитовой слободе, Пугачев принял решение пополнить свое войско казаками Сакмарского городка, находившегося в 29 верстах к северо-востоку от Оренбурга. В связи с этим пугачевский секретарь Почиталин написал 1 октября именной указ Пугачева к сакмарскому казачьему атаману Донскову и казакам его команды. В тот же день с этим указом отправились в Сакмарский городок яцкие казаки М. Г. Шигаев и П. Митрясов. Приехав в городок и собрав казачий круг, они объявили, что «мы-де приехали к вам с указом от государя Петра Федоровича», и велели зачитать его местному сакмарскому священнику И. Михайлову²¹. Он возразил, что указ недействителен, так как давно уже «государь скончался», но пугачевские посланцы «со свирепостью» сказали: «Врешь, батька! Он жив, а вместо его погребен вить другой».

В указе, как вспоминал на следствии Михайлов, «написано было, что государь Петр Федорович вошел на престол и чтоб ему все были покорны»²². Сходные показания дал на допросе писарь И. Я. Бородин, сообщивший также, что указ Пугачева был написан «под титулом покойного императора Петра Третьего на имя нашего атамана с казаками... в такой силе, чтоб все государю Петру Третьему были покорны и служили б ему верой и правдой». Так как атаман Д. Д. Донской с частью казачьей команды бежал из Сакмарского городка в Оренбург, то сакмарские казаки (по совету Шигаева) решили отправить указ с казаком И. Беловым в Оренбург к Донскову, «чтоб оной подать тайно»²³. То, что указ был доставлен в Оренбург, подтверждается записью в генеральном реестре колодников оренбургского острога, в которой сообщается, что 2 октября

²⁰ Там же, с. 110; Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 6—8.

²¹ И. Михайлов по приказу Е. И. Пугачева был назначен атаманом Сакмарского городка и был в этой должности до января 1774 г. 1 апреля Михайлов был арестован при вступлении карательного корпуса генерала П. М. Голицына в Сакмарский городок. По приговору Оренбургской секретной комиссии от 25 июня 1774 г. Михайлов был лишен сана священника и «нещадно» бит плетью (ЦГАДА, ф. 349, д. 7309, л. 103 об.).

²² Протокол показаний И. Михайлова на допросе 13 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 112.

²³ Протокол показаний И. Я. Бородина на допросе 13 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, л. 109 об.

в Оренбурге был арестован казак И. Белов, приехавший из Сакмарского городка «от стариков с присланным к ним от самозванца на имя атамана их Донскова указом, которой у него, Белова, найден в сапоге спрятанной, и что велено ему от тех стариков реченного Донскова вызывать отсель к побегу» в войско Пугачева²⁴. Вступив 2 октября в Сакмарский городок, Пугачев пополнил свое войско местными казаками и два дня спустя направился к Оренбургу.

§ 5. *Указ Е. И. Пугачева атаману оренбургских казаков подполковнику В. И. Могутову (1 октября 1773 г.)*. Указ этот, написанный секретарем Почиталиным в лагере Пугачева под Сакмарским городком 1 октября 1773 г. и доставленный в Оренбург казаками П. Мякутиным и Д. Кадошниковым, призывал В. И. Могутова перейти на сторону повстанцев и сдать Оренбург «Петру Федоровичу». Содержание указа и обстоятельства доставки его в Оренбург освещены в следственных показаниях Почиталина²⁵ и Мякутина²⁶, в рапорте губернатора Рейнсдорпа в Военную коллегию от 7 октября 1773 г.²⁷, в генеральном реестре колодников оренбургского острога²⁸, в журнале Оренбургской губернской канцелярии²⁹, в записках П. И. Рычкова³⁰ и И. Осипова³¹. Свидетельства этих различных по происхождению источников подробно рассмотрены в специальной статье, где приведен текст реконструированного пугачевского указа атаману Могутову³².

В литературе не раз упоминается указ, будто бы посланный Пугачевым в Оренбург 5 октября 1773 г. Вопрос о существовании такого указа нуждается в особом рассмотрении.

Утром 5 октября войско Пугачева подступило к стенам Оренбурга. Судя по показаниям Пугачева, он в тот же день послал к губернатору Рейнсдорпу именной указ о сдаче города. Касаясь этого факта, Пугачев на допросе в Яицком городке сообщил, что, не доходя еще Оренбурга, он «велел написать сперва указ илецкому казаку Максиму Горшкову, а подписал вместо меня Почиталин, в такой силе, чтоб губернатор не противился и мне город здал... Потом заготовленный мною указ с казаком Иваном Солодовниковым послал. А сей, взяв оной и подъехав на ближайшее разстояние к Оренбургу, указ ущемил в колышок, сам ко мне и возвратился. Потом видно было, что оной указ в Оренбург

²⁴ Там же, д. 510, л. 17.

²⁵ Там же, д. 508, ч. 2, л. 80.

²⁶ Там же, д. 467, ч. 13, л. 140.

²⁷ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 69.

²⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 510, л. 17.

²⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 183.

³⁰ Оpubл. в кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17-ти т. М.; Л., 1938, т. 9, ч. 1, с. 221.

³¹ Там же, 1940, т. 9, ч. 2, с. 558.

³² *Осчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов... с. 242—245.

взяли и ничего тогда не ответствовали»³³. Сходное показание, но в лаконичном виде (без упоминания того, что указ был написан Горшковым и подписан Почиталиным) внесено в протокол допроса Пугачева на следствии в Московском отделении Тайной экспедиции Сената³⁴. Оба этих свидетельства Пугачева согласуются с показанием Почиталина на следствии 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии: не доходя трех верст до Оренбурга, Пугачев «расположился лагерем и велел мне написать указ к оренбургскому губернатору, чтоб без супротивления с городом здался. В то время из Оренбурга выслана была выласка, а Пугачев со всею толпою пошел оную встретить. Когда ж близко стали друг к другу подходить, то со стороны Пугачева закричали: „Стойте, не стреляйте, а примите сперва указ!“ Почему со стороны Пугачева заготовленный указ казак, называемый графом Чернышевым³⁵, взял и повез к оренбургской армии и, не доезжая некоторое расстояние, положил указ на землю, сам отъехал. А с стороны оренбургской подъехали казаки и тот указ приняли и повезли к губернатору»³⁶. Казалось бы, что эти независимые друг от друга показания Пугачева и Почиталина сообщают сходные данные о существовании недошедшего до нас пугачевского указа от 5 октября 1773 г. (имеются лишь, как видно, отдельные разноречия в этих показаниях).

Однако ни в журнале Оренбургской губернской канцелярии, где подробнее фиксировались все действия Пугачева против осажденного города, ни в обстоятельной «Хронике» П. И. Рычкова, ни в записках других очевидцев осады Оренбурга (И. Осипова, И. Полянского, М. Н. Пекарского, Ф. И. Сукина) при упоминании о событиях 5 октября 1773 г. не имеется никаких сведений о присылке пугачевского указа к Рейнсдорпу³⁷. Нет данных об этом ни в протоколе следственных показаний Горшкова³⁸, которого Пугачев называл составителем указа, ни в допросе Зарубина³⁹, который, судя по заявлению Почиталина, будто бы доставил этот указ к Оренбургу. Следует отметить, что показание Почиталина относительно пугачевского указа, подброшенного якобы 5 октября к стенам Оренбурга, вызвало возражение со

³³ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 116.

³⁴ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 198.

³⁵ Речь идет об яйцком казаке И. Н. Зарубине.

³⁶ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 192 об.—193.

³⁷ ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 185 (журнал Оренбургской губернской канцелярии); *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1, с. 222, 224—225 («Хроника» П. И. Рычкова); там же, т. 9, ч. 2, с. 555—556 (записки И. Осипова), с. 590 (записки И. Полянского), с. 602 (записки М. Н. Пекарского); Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея. М., 1973, с. 20 (письмо Ф. И. Сукина петербургскому губернатору С. В. Перфильеву от 25 ноября 1773 г.).

³⁸ Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 213.

³⁹ Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2, с. 133.

стороны губернатора Рейнсдорпа, ибо он вообще «находил в некоторых местах показание Почиталина несходным с правдою». Вторично допрошенный в присутствии Рейнсдорпа по поводу событий 5 октября Почиталин показал, что в тот день, «как же близко стали к городу подходить, то палили из города по нас из пушек, а выласки из города в то время мы не видали, и Чика самозванцова указа в то время не клал. А показал прежде о сем ошибкою, потому что это в самом деле после происходило, но в какое точно время — не припомню»⁴⁰. Это признание Почиталина, а также приведенные выше свидетельства других источников позволяют признать сообщения Пугачева и Почиталина об указе, отправленном будто бы 5 октября к Рейнсдорпу, недостоверными, вызванными ошибками памяти. Видимо, оба они, и Пугачев и Почиталин, сместили во времени два факта — отнесли к 5 октября событие, имевшее место в действительности 20 ноября 1773 г., когда повстанцы подбросили к стенам Оренбурга указ Пугачева к Рейнсдорпу от 17 ноября⁴¹, а осажденные — манифесты Екатерины II от 15 октября 1773 г.⁴²

§ 6—8. *Указы Е. И. Пугачева казакам Яицкого городка И. Фофанову, П. Яманову и Д. Кобылину (Кобыльей Голове) (7 октября 1773 г.)*. Вооруженное выступление Пугачева началось, как известно, 17 сентября 1773 г. обнаружением именного указа, обращенного к казакам Яицкого войска. Казаки поддерживали Пугачева. В рапорте губернатору Рейнсдорпу от 9 октября 1773 г. комендант Яицкого городка подполковник И. Д. Сиμωνов сообщал, что к войску Пугачева примкнули 462 казака из гарнизона городка и 125 казаков из крепостей и форпостов Нижне- и Средне-Яицкой линий⁴³.

Пугачев, обосновавшись в лагере под Оренбургом, не забывал о возможности пополнения своего войска яицкими казаками. В конце первой недели октября 1773 г. он отправил группу повстанцев под Яицкий городок с указами к находившимся там казакам.

Первые известия об этом принесли в Оренбург перебежчики из повстанческого лагеря — яицкие казаки С. Акутин и И. Дурманов⁴⁴. Они сообщили яицкому казачьему старшине М. М. Бороздину, что «назад тому пятой день» посланы от Пугачева в Яицкий городок казаки Д. Сломихин, С. Мякутин и Д. Панкин «для понуждения находящихся в городке Яицком казаков и истребования сюда оных себе в помощь, до трехсот человек, которым бы и собиратьца на Чагану, в хуторах казака Фофанова». Пугачевские посланцы отправлены «с указом на имя к казаку Петру Яма-

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 210.

⁴¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 20.

⁴² См. «Хронику» П. И. Рычкова в кн.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1, с. 257.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 401—402.

⁴⁴ Они «выбежали своевольно» в Оренбург во время боя 12 октября (Рапорт майора С. Л. Наумова И. А. Рейнсдорпу от 12 октября 1773 г. — Там же, л. 302—302 об.).

нову и два ордера к казакам же Ивану Фофанову и Дмитрею Кобыльей Голове»⁴⁵. В середине октября Д. Сломихин с товарищами добрались до хутора Раннева (в 90 верстах от Яицкого городка) и велели жившим здесь казакам А. Хохлову и М. Чернееву ехать в городок и вручить там указы казакам. Сохранился протокол показаний Хохлова, сообщающий сведения о вручении этих указов и об их содержании. Он показал, в частности, что Сломихин, Панкин и Мякутин «просили меня и казака Чернеева, чтоб мы те письма отвезли в Яицкий город и отдали одно, написанное на имя казака Яманова, — Большему Ивану Фофанову, а другое, на татарском диалекте, — татарину⁴⁶, а как его зовут — не упомяну, ис коих татарское письмо относил казак Чернеев, а кому отдал — не знаю, а Фофанову относили мы обще в дом к нему, причем оное казаком Замяряновым и читано, точию в каком содержании было написано — понять ничего из того я не мог, кроме сего, что кто-де самозванцу служить будет, того он жалует водами, и землями, и лесными угодья, Яиком рекой и до устья»⁴⁷. Тем временем Симонов получил предписание от Рейнсдорпа принять меры к розыску и задержанию лиц, причастных к доставке и получению пугачевских указов. 18 октября полицейские команды произвели обыски в домах Яманова, Фофанова и Кобылина, но указов не обнаружили. Доставленные в комендантскую канцелярию Яманов и Фофанов (Кобылин не был разыскан) не признались в получении каких-либо бумаг, присланных от Пугачева⁴⁸. Несколько дней спустя Симонов отправил на хутор Раннев сотню казаков во главе с сотником П. Л. Копеечкиным, приказав ему задержать находившихся там пугачевских эмиссаров. Но 25 октября со слов явившегося в Яицкий городок казака Б. Чеботарева стало известно, что в самой карательной команде произошел мятеж, сотник Копеечкин и 15 послушных казаков были схвачены мятежниками и увезены под Оренбург к Пугачеву⁴⁹. В начале ноября повстанцы казнили Копеечкина в Бердской слободе. Факт получения пугачевских указов Фофановым и другими казаками подтверждается показаниями одного из видных сподвижников Пугачева — полковника А. П. Перфильева. Находясь в ноябре 1773 г. в Петербурге, Пер-

⁴⁵ Рапорт старшины М. М. Бородина подполковнику И. Д. Симонову от 13 октября 1773 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 391. Пугачевцы Д. Сломихин и Д. Панкин 1 апреля 1774 г. попали в плен в битве под Сакмарским городком, содержались под следствием в Оренбургской секретной комиссии, которая 21 июня 1774 г. приговорила их за то, что они «отвозили на Яик от лжесамозванца к бунтующим казакам указы» к нещадному наказанию плетьюми (ЦГАДА, ф. 349, д. 7309, л. 67—68).

⁴⁶ Яицкий казак Петр Яманов.

⁴⁷ Протокол показаний А. Хохлова на допросе 17 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 12, л. 93—93 об.

⁴⁸ Рапорт И. Д. Симонова И. А. Рейнсдорпу от 18 октября 1773 г. — Там же, ф. 1100, д. 2, л. 317—318.

⁴⁹ Рапорт И. Д. Симонова И. А. Рейнсдорпу и приложенный к нему протокол показаний Чеботарева от 25 октября 1773 г. — Там же, д. 4, л. 4—5.

фильев и казак П. Герасимов взялись выполнить поручение правительства Екатерины II: выехать под Оренбург, проникнуть в стан Пугачева, войти в число ближайших его сторонников и организовать среди них заговор против «Петра III», арестовать его и выдать властям⁵⁰. 14 декабря 1773 г. Перфильев и Герасимов прибыли в Яицкий городок и просили коменданта Симонина отправить их под Оренбург к Пугачеву «для уговаривания здешних казаков». Симонов 23 декабря отправил Перфильева под Оренбург в сопровождении казаков И. Фофанова, И. Мирошихина и Т. Мирошихина⁵¹. Позднее на допросе Перфильев вспоминал, что он пытался склонить своих попутчиков на измену Пугачеву. В ответ на это они заявили ему: «Нет-де, не могли ты етова делать, мы тебя изколим, ежели хоть чуть станешь что-нибудь предпринимать. Он-де, то есть самозванец, мы слышали, — точной государь, и прислал ко мне (к Фофанову) и к войску указ, в котором обещает нас жаловать многими милостями»⁵². Содержание указов Пугачева И. Фофанову⁵³ и другим яицким казакам можно выявить по показанию Перфильева о его беседе в Бердской слободе с походным атаманом яицких казаков-повстанцев А. А. Овчинниковым. В ответ на признание Перфильева, что он прислан из Петербурга от графа А. Г. Орлова «казаков уговаривать, чтоб вы отстали от самозванца и его б связали», Овчинников сказал ему: «Плюнь ты на все на это, а служи нашему батюшке верно. Он уж нам милости все показал, пожаловал нас и водами, и сенокосами, да еще крестом и бороною, и обещает нам еще жалованье. Так чего ж больше?»⁵⁴.

Из приведенных выше показаний пугачевцев и свидетельств переписки правительственной администрации видно, что три пугачевских указа, посланных в начале октября 1773 г. в Яицкий городок, содержали обещание предводителя восстания пожаловать яицких казаков за верную их службу старинными казачьими вольностями и привилегиями, землями, рыболовными и сенокосными угодьями, денежным жалованьем, провиантским обеспечением, боеприпасами, свободой верования («крестом и бороною»), т. е. теми льготами, которые сходны были в основном с пожалованиями именного указа от 17 сентября 1773 г.⁵⁵

§ 9. Указ Е. И. Пугачева казакам, солдатам и жителям Пречистенской крепости (октябрь 1773 г.). Пречистенская крепость,

⁵⁰ Вопросы истории, 1973, № 8, с. 98—99, 102.

⁵¹ Рапорт И. Д. Симонина И. А. Рейнсдорпу от 23 декабря 1773 г. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 5, л. 24—25.

⁵² Вопросы истории, 1973, № 8, с. 103. Эти же сведения Перфильев подтвердил на допросе 15 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената (ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 1, л. 319).

⁵³ И. Фофанов в феврале 1774 г. был избран войсковым старшиной яицких казаков (вместе с А. П. Перфильевым), в апреле—мае 1774 г. командовал отрядом повстанцев в низовьях Яика и на Иргизе.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 1, л. 320.

⁵⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 1.

расположенная на правом берегу р. Сакмары в 55 верстах к северо-востоку от Оренбурга, не имела сильного гарнизона. К тому же еще 27 сентября комендант крепости капитан И. Ф. Чemezгин, следуя предписанию губернатора Рейнсдорпа, вывел значительную часть команды сначала в Сакмарский городок, а затем в Оренбург⁵⁶. В крепости осталась немногочисленная караульная команда при подпоручике И. И. Остренева, который 30 сентября доносил Чemezгину, что эта команда ненадежна в случае нападения Пугачева и по сути оставлена «в жертву» при обстоятельствах, «коих всякому человеку страшить надобно», а находящиеся в крепости обыватели «потенно» хотят бежать⁵⁷. В начале октября Пугачев отправил в Пречистенскую крепость казачью команду во главе с атаманом А. А. Овчинниковым, вручив ему указ «для склонения жителей оной [крепости] в свое подданство, что Овчинников и исполнил, и привез к самозванцу четырех офицеров с солдатами, которых он за то, что они не противились, зделал свободными, и двоих офицеров учредил атаманами при пехоте, а двоих — казачьими есаулами», как сообщил позднее при допросе М. Г. Шигаев⁵⁸. В числе этих офицеров находился и подпоручик Остренев, который позднее, в феврале 1774 г., был изобличен в организации заговора против Пугачева и казнен повстанцами в Бердской слободе.

§ 10. Указ Е. И. Пугачева казакам форпостов Верхне-Яицкой линии (октябрь 1773 г.). Упоминание об этом указе содержится в протоколе допроса атамана И. Н. Зарубина. Он показал, что в октябре 1773 г., «после праздника Покрова Богородицы... отправлены были в разные места» от Пугачева его эмиссары с указами (Идеркей Баймеков — в Башкирию, А. Т. Соколов-Хлопуша — на уральские заводы, Д. С. Лысов — к ставропольским калмыкам). Среди них был и ближайший сподвижник Пугачева — яицкий казак Шигаев, который «вверх по Яику посылан был... по фарпостам забирать казаков, увещевать их и прославлять» Пугачева, «что он государь». Шигаев, «возвратясь, привел с собою до ста человек»⁵⁹. В этом показании речь идет о форпостах Верхне-Яицкой линии укреплений по правому берегу Яика (Нежинский, Каменный, Вязовский, Гирьяльский), а также, возможно, и о Красногорской крепости. В расположенной выше их по реке Яику Верхне-Озерной крепости находился крупный гарнизон, который в конце ноября 1773 г. сумел отбить

⁵⁶ Рапорты И. Ф. Чemezгина И. А. Рейнсдорпу от 27 и 28 сентября 1773 г. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 160—161 об.

⁵⁷ Рапорт И. И. Остренева И. Ф. Чemezгину от 30 сентября 1773 г. — Там же, л. 197—198.

⁵⁸ Протокол показания М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, ф. 6, д. 506, л. 84.

⁵⁹ Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 133.

два приступа повстанческих войск во главе с атаманами А. Бородиным, Соколовым-Хлопушей и самим Пугачевым.

§ 11. *Указ Е. И. Пугачева к ставропольским калмыкам (октябрь 1773 г.).* В упомянутом выше показании Зарубина говорится, что в октябре 1773 г. с указом Пугачева «к калмыкам посылан был ящиком казак Дмитрий Лысов... для прославления» Пугачева «государем, уговаривания народа и приведения к нему»⁶⁰. Добравшись до калмыцких улусов под Бузулуком, Лысов установил связь с ротмистрами ставропольского калмыцкого корпуса В. Маңжей и А. Ишеевым, привлек их на свою сторону и отправил с пугачевским указом в Ставрополь. Маңжа и Ишеев развернули агитацию в поддержку «Петра III», нашли много сторонников среди калмыков, мобилизованных в карательный отряд полковника П. М. Чернышева. Пугачевских агитаторов активно поддерживал войсковой квартирмейстер калмыцкого корпуса Ф. И. Дербетев, который увел 300 вооруженных калмыков к Пугачеву под Оренбург, куда они и прибыли в конце октября 1773 г.⁶¹ Этот факт отмечен в показаниях Пугачева: «Тогда же пришел ставропольских калмыков старшина и привел с собою калмыков триста человек»⁶².

§ 12. *Указ Е. И. Пугачева крестьянам и мастеровым Воскресенского завода (октябрь 1773 г.).* В первые недели осады Оренбурга ставка Пугачева, предпринимая энергичные меры по дальнейшему развертыванию повстанческого движения и укреплению своего войска, не могла не обратить внимания на необходимость использования в этих целях материальных и людских ресурсов металлургических предприятий Южного Урала⁶³. Именно поэтому (по свидетельству Пугачева) в октябре 1773 г. и были посланы из его ставки именные указы «на Воскресенской и на прочие заводы крестьянам со обещанием им вольности и всяких крестьянских выгод, с требованием, чтоб шли все в службу»⁶⁴.

Сведения о пугачевском указе, посланном на Воскресенский завод, имеются и в других источниках. 10 октября 1773 г. контора Воскресенского завода отправила в Оренбург рапорт о том, что 5 октября произошли волнения среди работников Каргалинского медного рудника, принадлежащего заводу. 13 рудничных работников во главе с П. Козминым и А. Дворовым ушли в стан к Пугачеву, а два дня спустя Козмин возвратился на рудник с пугачевским указом. Огласивши указ, Козмин склонил на сторону Пугачева многих работников, захватил четыре пушки, порох, свинец и все ружья и покинул рудник⁶⁵. 12 октября на Воскресенский завод приехали присланные от Пугачева «из за-

⁶⁰ Там же.

⁶¹ *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971, с. 69—71.

⁶² Красный архив, 1935, № 69/70, с. 199; Вопросы истории, 1966, № 4, с. 117.

⁶³ См. ч. I, гл. 1, § 13 и 14.

⁶⁴ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 117.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 504, ч. 1, л. 49—49 об.

водских крестьян, бежавшие в ту злодейскую толпу с рудников два человека, Петр Федорович Лебедков да Петр Кузмин [Козмин] с конвоем бышкирпов двадцати человек». Прибывшие пугачевцы заставили заводского приказчика П. Беспалова огласить указ Пугачева, после чего привели заводских крестьян к присяге на верную службу «Петру III». Три дня спустя Козмин и Лебедков, взяв с собой 400 крестьян и 14 пущек, ушли с Воскресенского завода в лагерь Пугачева под Оренбург⁶⁶. Крестьянин И. Рыжиков был послан повстанцами с Воскресенского завода в Преображенский и Архангельский заводы с копией того же самого пугачевского указа, «чтоб они, тутошние крестьяне», также шли в повстанческое войско под Оренбург, однако Рыжикова задержали каратели у Табынска и 14 октября 1773 г. прислали под конвоем в Уфу⁶⁷.

Работы, прерванные на Воскресенском заводе в октябре 1773 г., были возобновлены там по указу Пугачева от 8 ноября того же года в связи с заданием по производству артиллерийских орудий и боеприпасов для повстанческого войска⁶⁸; завод изготовлял эту продукцию, а также снабжал повстанцев продовольствием и деньгами вплоть до конца марта 1774 г.⁶⁹

§ 13. *Указ Е. И. Пугачева крестьянам и мастеровым Вознесенского казенного завода (октябрь 1773 г.)*. Данные о содержании этого указа и обстоятельствах его обнародования на Вознесенском заводе сообщаются в показаниях заводских крестьян И. Буторова, И. Иванова, И. Куватова и других на допросе в Оренбургской секретной комиссии. Они показали, что в октябре 1773 г. на Вознесенский завод приехали «их же завода работники, нарядчики Иван Лаврентьев и Андрей Маслонин, и по приезде, собрав всех крестьян, объявили указ, якобы от имени государя Петра Федоровича, в такой силе, чтоб заводских работ не исправлять, а когда будут потребны к государю на службу люди, то б оных давать беспрепятственно. Чему все заводские крестьяне, в том числе и они, поверили и, оставя заводские работы, зделались праздными»⁷⁰. Вольнонаемный работник Вознесенского завода экономический крестьянин слободы Холуй Суздальской провинции Московской губернии Я. Калугин объяснял причины немедленного перехода заводских крестьян на сторону

⁶⁶ Донесение приказчика Воскресенского завода П. Беспалова оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 5 мая 1774 г. — Там же, д. 511, л. 73—75. О событиях на Воскресенском заводе см.: *Мартьянов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773—1775 гг.* — Исторические зап. М., 1967, т. 80, с. 287—304.

⁶⁷ Рапорт Уфимской провинциальной канцелярии губернатору И. А. Рейнсдорпу от 28 октября 1773 г. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 3, л. 106 об.

⁶⁸ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 19.

⁶⁹ См. указы повстанческой Военной коллегии своему эmissару на Воскресенском заводе Я. С. Антипову от декабря 1773—марта 1774 г. (там же, док. № 52, 55, 57, 64—66, 68).

⁷⁰ Протокол показаний И. Буторова на допросе в Оренбургской секретной комиссии в мае 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 90 об.—100.

восстания тем, что в объявленном И. Лаврентьевым пугачевском указе «написаны были крестьянские выгоды», которым «многие на том заводе бывшие тому радовались». Лаврентьев взял из казенных магазинов Вознесенского завода весь порох, сформировал отряд из 170 заводских крестьян и увел его под Оренбург к Пугачеву⁷¹.

В начале апреля 1774 г., потерпев поражение в битве под Сакмарским городком, Пугачев отошел на Вознесенский завод, где начал энергичное формирование нового повстанческого войска из заводских крестьян и башкир.

§ 14. Указ Е. И. Пугачева крестьянам и мастерам Кано-Никольского завода (октябрь 1773 г.). Сведения об этом указе сохранились в протоколе допроса крестьянина Кано-Никольского завода Н. Дюкова. Он рассказал на следствии, что в октябре 1773 г., «около Покрова», на завод приехали некие сакмарские казаки «и прочитали указ, якобы от государя Петра Федоровича, в котором написано было, что он принял царство, и дает всем вольность, и требует на службу к себе в казаки»⁷². Существенные данные, уточняющие содержание указа, привел на следствии конторщик Кано-Никольского завода Лупоглазов, захваченный в плен 12 ноября 1773 г. под Оренбургом. Он сообщил, что указом Пугачева требовано, «дабы они признавали его за государя и служили б ему верно, с таким выражением, что он будет жаловать их бородами и крестами, то есть позволением носить бороду и креститься как они обыкли... порохом и свинцом и увольнением от подушных податей и рекрут»⁷³. Из цитируемого текста видно, что в пугачевском указе содержалась та же примерно номенклатура пожалований, которая была провозглашена в указе, адресованном крестьянам Авзяно-Петровского завода (17 октября 1773 г.)⁷⁴, однако в указе на Кано-Никольский завод внесены новые льготы, освобождающие крестьян за верную их службу «Петру III» от таких обременительных государственных повинностей, как подушная подать и рекрутский набор.

Получив пугачевский указ, приказчик Кано-Никольского завода Н. П. Сорокин «по принуждению башкирцов» и, видимо, по настоянию заводских крестьян отправился в ставку Пугачева под Оренбург, где «будучи несколько часов», отправлен обратно на завод с новым пугачевским указом от 22 октября 1773 г., по которому ему велено взять на заводе «пушки и ядры, и сви-

⁷¹ Протокол показаний Я. Калугина на допросе в Казанской секретной комиссии в мае 1774 г. — Там же, д. 431, л. 19—19 об. Я. Калугин в декабре 1773—апреле 1774 г. был писарем в отряде пугачевского атамана В. И. Торнова.

⁷² Протокол показаний Н. Дюкова на допросе в Оренбургской секретной комиссии в мае 1774 г. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 36.

⁷³ Изложение допроса Лупоглазова в «Хронике» П. И. Рычкова (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.*, т. 9, ч. 1, с. 247).

⁷⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 13; см. также ч. I, гл. 1, § 13.

нец, и порох, и всякий государевы припасы», с коими возвратиться в лагерь повстанцев под Оренбург⁷⁵.

§ 15. Указ Е. И. Пугачева крестьянам и мастеровым Белорецкого завода (октябрь 1773 г.). В показаниях приказчика Кано-Никольского завода Н. П. Сорокина сообщалось, что одновременно с ним в октябре 1773 г. из ставки Пугачева были отправлены несколько повстанцев «на Белорецкой Твердышев завод для литья пушек и бомб»⁷⁶. Это показание подтверждается рапортом коменданта Зелаирской крепости подпоручика Е. Долгоносова коменданту Верхне-Яицкой крепости полковнику Е. А. Ступишину от 27 октября 1773 г. Долгоносов сообщал, что в тот день в Зелаирскую крепость явилось пятеро пугачевских посланцев, направлявшихся на Белорецкий завод. Ими предводительствовал белорецкий заводской крестьянин — «бунтовщик и возмутитель» И. Григорьев. Он объявил перепуганному коменданту указ Пугачева, «коим велено им на Белорецком Твердышева заводе три гаубицы з бомбами исправить и в ту толпу привести в самой скорости». Пугачевцы сказали также, что, приехав на Белорецкий завод, «всех крестьян, артиллерию и денежную кавну взяв, в возврат чрез здешнюю крепость имеют следовать». Комендант, крепко напоив пугачевцев «на щет коронный» вином, связал с помощью солдат захмелевших гостей, велел выпороть их плетью и под конвоем капрала Гладышева и шести солдат отправил в Верхне-Яицкую крепость⁷⁷. Однако уже на следующий день Долгоносов получил известие, что «на тракте блись Кусябнискаго яму... бунтующие крестьяня» Кано-Никольского завода И. А. Масалова отбили арестованных пугачевцев «и как тех колодников, так и капрала со всею командою, оружейными и амуничными вещами на тот Мосолов завод увезли»⁷⁸.

Указ Пугачева, отправленный с И. Григорьевым на Белорецкий завод, содержал в себе распоряжение о производстве артиллерийских орудий и боеприпасов. В этом отношении он напоминал, видимо, сходный по назначению пугачевский указ на Авзяно-Петровский завод от 17 октября 1773 г., касавшийся тех же вопросов⁷⁹.

Заводским властям при содействии карательных команд удалось на некоторое время удержать крестьян и мастеровых Белорецкого завода от открытого перехода на сторону восставших. Однако 3 января 1774 г. завод был захвачен повстанцами. Во второй половине апреля на Белорецком заводе находился Пуга-

⁷⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 14; см. также ч. I, гл. 1, § 14.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 1100, д. 3, л. 56 об.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Рапорт Е. И. Долгоносова бригадиру А. А. Корфу от 4 ноября 1774 г. — Там же, л. 48. Об этом же событии писал Корф 10 ноября губернатору Рейнсдорпу (там же, л. 226—226 об.).

⁷⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 13.

чев, где ему удалось собрать крупное войско из заводских крестьян, исетских казаков и башкир⁸⁰.

§ 16. *Указ Е. И. Пугачева жителям Кинельской-Черкасской слободы (октябрь 1773 г.)*. Кинельская-Черкасская слобода, населенная украинцами, находилась на западе Оренбургской губернии, в Ставропольском уезде. Сведения о посылке Пугачевым указа к жителям этой слободы отражены в протоколе допроса крестьян-пугачевцев Ставропольского уезда В. Чемадурова, Е. Петрова и Е. Кузьмина. Они показали, что Пугачев отпустил из-под Оренбурга яицкого казака в Кинельскую-Черкасскую слободу с указом, «чтоб, объявляя повеление тамошним жителям о вспоможении ему и взяв от них трех человек, ехать потаенными дорогами в Малороссию и там, малороссиянам и протчим казакам объявляя письма, просил о неоставлении и помощи ему»⁸¹.

Действия пугачевского посланца в Кинельской-Черкасской слободе отражены в донесении Симбирской провинциальной канцелярии астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову. Канцелярия сообщила, что 10 октября 1773 г. в слободу приехал яицкий казак в сопровождении двух местных крестьян. По призыву казака в слободу был собран отряд из 50 черкасских «конных лучших стрелков», который во главе со слободским атаманом О. Ломухиным направился к повстанцам. Ломухин распорядился, чтобы в слободе собрался еще «толикому числу» вооруженных и быть «в готовности к выступлению»⁸². Атаман Ломухин выдвинулся впоследствии в ряды активных руководителей повстанческого движения в Заволжье, действуя в этом районе до лета 1774 г.

§ 17. *Указ Е. И. Пугачева атаману ставропольских калмыков-повстанцев Ф. И. Дербетеву (ноябрь 1773 г.)*. В конце ноября 1773 г. в улусах ставропольских калмыков появился атаман Ф. И. Дербетев, посланный Пугачевым с заданием набрать здесь новый отряд и привести его в повстанческое войско под Оренбург. Калмыки Ставропольского корпуса С. Чжамча и И. Зембо показали на следствии, что Дербетев, «ездя по улусам, объявлял приказание [Пугачева], чтоб вскорости сколько набраться могло вооруженных калмык, собравшись, шли б к Оренбургу»⁸³. Другой очевидец событий под Ставрополем — хорунжий В. Бурутов, сообщил, что Дербетев, собрав калмыков, объявил им полученный указ («письменный вид») от Пугачева о захвате помещичьего имущества⁸⁴. Дербетеву удалось склонить на свою сторону войскового полковника В. Делдеша и нескольких зайсан-

⁸⁰ *Ушаков И. Ф.* Работные люди Белорецкого завода в Крестьянской войне. — История СССР, 1960, № 6, с. 131—135.

⁸¹ Протокол показаний В. Чемадурова, Е. Петрова и Е. Кузьмина на допросе 20 ноября 1773 г. в Казанской губернской канцелярии. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1230, л. 473—475.

⁸² ЦГАДА, ф. 6, д. 595, ч. 1, л. 58.

⁸³ Протокол показаний С. Чжамчи и И. Зембо на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июне 1774 г. — Там же, д. 467, ч. 6, л. 335.

⁸⁴ Протокол показаний В. Бурутова на допросе в Оренбургской губернской канцелярии в июне 1774 г. — Там же, ф. 1100, д. 9, л. 451.

гов, собрать под Ставрополем и у Красносамарской крепости отряд из 250 конных калмыков с оружием. С этим отрядом Дербетев и прибыл в начале декабря в ставку Пугачева, в Бердскую слободу под Оренбургом⁸⁵.

§ 18. *Указ Е. И. Пугачева о казни исетских казачьих атаманов (ноябрь 1773 г.)*. Во время похода на Верхне-Озерную и Ильинскую крепости войско Пугачева 25 ноября 1773 г. в Гирьяльском руде окружило и захватило в плен полутысячный отряд исетских казаков во главе с атаманами В. Черкашениновым, М. Дьяконовым и В. Савостьяновым. Находившийся в этом отряде казачий капрал И. Ф. Белоносов, бежавший три дня спустя от повстанцев, рассказывал на допросе в комендантской канцелярии Орской крепости, что служивший в пугачевском войске полковником капрал исетских казаков П. З. Билдин, обратившись к Пугачеву, обвинил трех исетских атаманов в служебных злоупотреблениях. На другой день находившийся при Пугачеве секретарь Почиталин («писарь из яицких казаков, который указы пишет и подписывает, по руке видно, што сам») написал указ с изложением обвинений, выдвинутых против Черкашенинова, Дьяконова и Савостьянова, и они «при прочтении им за их якобы вины непорядки» были казнены⁸⁶. Казнь трех исетских атаманов упоминается в следственных показаниях Почиталина⁸⁷ и исетского казака С. Билдина⁸⁸.

§ 19. *Указ Е. И. Пугачева атаману И. Ф. Арапову (ноябрь 1773 г.)*. Отправляя во второй половине ноября 1773 г. отряд атамана И. Ф. Арапова по Старо-Московской дороге к Самаре, Пугачев поручил ему призывать народ к поддержке восстания, набирать в отряд родных к военной службе людей, заготавливать провиант, фураж и одежду для снабжения «Главного войска» восставших⁸⁹. Все эти поручения были изложены в именном указе Пугачева; сам Арапов называл этот указ «публикацией»⁹⁰ потому, видимо, что он был предназначен для публич-

⁸⁵ *Беликов Т. И.* Указ. соч., с. 73—77.

⁸⁶ Протокол показаний И. Ф. Белоносова на допросе 3 декабря 1773 г. в Орской комендантской канцелярии. — ЦГВИА, ф. 1231, л. 376—378. Аналогичные данные приведены в протоколе показаний исетского казачьего сотника Я. С. Сутормина (там же, л. 379 об.).

⁸⁷ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 195.

⁸⁸ Протокол показаний С. Билдина на допросе в Яицкой секретной комиссии в сентябре 1774 г. (там же, д. 505, л. 100).

⁸⁹ Крестьянин Казанского уезда Г. Иванов сообщил на следствии, что атаман Арапов был послан из Бердской слободы с отрядом из 30 повстанцев «для уговаривания о склонения по [Самарской] линии казаков и прочей черни», что они и исполнили и через «их разглашения и уверения» о Пугачеве, что он «подлинный государь и будет всей черни облекчение как в подушных деньгах, так и в протчих податях», набрали, не доходя еще до Бузулука, в свой отряд «до несколько сот людей» (ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 4, л. 299).

⁹⁰ Приказ Арапова ротмистру самарских казаков П. Хопренину от 27 декабря 1773 г. — В кн.: *Документы ставки Е. И. Пугачева...*, док. № 178.

ного обнаружения, оглашения в крепостях Самарской линии, слободах, селах и деревнях. Содержание указа устанавливается по следственным показаниям самарского протопопа А. Иванова. Он сообщил на допросе, что Арапов, вступив со своим отрядом в Самару 25 декабря 1773 г., велел протопопу огласить народу манифест Пугачева от 2 декабря, а также «увещевание к народу о поставке в армию в Оренбург провианта, не опасаясь того, што деньги выплачены им были повольною ценою»⁹¹. Писарь пригородка Алексеевска под Самарой А. Горбунов рассказывал на допросе, что этот же пугачевский указ («публикацию») он огласил по приказанию Арапова жителям Алексеевска, а в указе речь шла о том, чтобы «весть к нему [Пугачеву] в армию сукно, холст и рукавицы»⁹². Параллельными источниками для установления содержания указа являются сохранившиеся предписания повстанческой Военной коллегии Арапову от 16 и 18 декабря 1773 г., которые конкретизировали указания о наборе добровольцев в повстанческие отряды, о заготовлении провианта и фуража для снабжения «Главного войска» Пугачева⁹³.

Атаман Арапов успешно справился с поручением Пугачева. Продвигаясь на запад вдоль Самарской линии укреплений, он захватил в течение ноября—декабря 1773 г. все крепости этой линии, занял город Самару, взял под свое руководство повстанческое движение в Заволжье и отчасти на правобережье Волги, мобилизовал людские и материальные ресурсы этого района на службу делу восстания. В январе—марте 1774 г. отряды Арапова оказали упорное сопротивление карательным войскам генерала П. Д. Мансурова, наступавшим по Старо-Московской дороге. Арапов погиб 22 марта под Татищевой крепостью, где «Главное войско» Пугачева потерпело крупное поражение в битве против регулярных войск генералов П. М. Голицына, Ю. Ф. Фреймана и П. Д. Мансурова.

§ 20. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Н. Зарубину (декабрь 1773 г.). В 20-х числах ноября 1773 г. Пугачев отправил на Воскресенский завод трех своих эмиссаров, яицких казаков И. Н. Зарубина, И. И. Ульянова и Я. С. Антипова, поручив им ускорить производство артиллерийских орудий и боеприпасов на этом заводе. Отправление Зарубина, Ульянова и Антипова было вызвано тем, что получивший ранее аналогичное поручение приказчик Воскресенского завода П. Беспалов⁹⁴ оказался человеком, не сведущим в литье пушек и снарядов, и, более того, по его признанию, саботировал это дело⁹⁵. Приехав на Воскресен-

⁹¹ Протокол показаний А. Иванова на допросе в Казанской секретной комиссии в январе 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 438, л. 11.

⁹² Там же, д. 437, л. 59.

⁹³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 47, 49.

⁹⁴ Именной указ Е. И. Пугачева П. Беспалову от 8 ноября 1773 г. — В кн.: Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 19; см. также ч. I, гл. 1, § 19.

⁹⁵ Донесение П. Беспалова губернатору И. А. Рейнсдорпу от 4 мая 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 77 об.—78 об.

ский завод в самом конце ноября 1773 г. и пробыв там с неделю, когда «тутошния заводские зачели уже лить чугунные пушки», Зарубин получил из Бердской слободы от Пугачева «повеление, чтобы ему, Зарубину, называться графом Чернышевым, и велено ехать под Уфу, принять там команду от бывших их же злодейских сообщников, называемых: полковником — башкирца Кашкина Самарова и подполковником — Губанова, — которая была из башкирцов и русских, тысяч до четырех, с коими ему и приказано было подступить под Уфу»⁹⁶. Это показание Зарубина уточняется свидетельством Ульянова, который сообщил на допросе, что пугачевский указ Зарубину привез на Воскресенский завод М. Г. Шигаев: «Приехал к ним казак Максим Шигаев, который при самозванце был всегда дежурным, и объявил указ от самозванца, чтоб Зарубин писался графом Чернышевым и ехал под Уфу»⁹⁷. Почиталин утверждал на допросе, что Зарубин получил указ Пугачева о том, чтобы именоваться ему, Зарубину, графом Чернышевым и ехать под Уфу еще якобы до отправления его на Воскресенский завод, когда последний находился в Бердской слободе⁹⁸. Сходные данные привел в своих показаниях и Шигаев. Не упоминая о посланном с ним при поездке на Воскресенский завод указе к Зарубину, Шигаев показал, что на заводе из пугачевских эмиссаров находился один лишь Антипов⁹⁹. Показаниям Почиталина и Шигаева следует предпочесть свидетельства Зарубина и Ульянова, в памяти которых эпизод, связанный с обстоятельствами получения пугачевского указа, сохранился в более отчетливом и последовательном виде. Ошибочным представляется нам и показание Пугачева о том, что был бы сам Зарубин присвоил себе графский титул, а он, Пугачев, лишь после санкционировал это своим распоряжением. Рассказывая об этом событии, Пугачев сообщил, что Зарубин, блокировав Уфу, прислал к нему «репорт» о наборе в свои отряды до 15 тыс. повстанцев, «под коим репортом и подписался, назвав себя графом Иваном Чернышевым». Пугачев, будучи доволен тем, что тот набрал такое войско, «назвал того Зарубина полковником и велел ему писатца графом Чернышевым»¹⁰⁰. Даже зная решительный и независимый характер Зарубина, невозможно представить то, чтобы он смог решиться на столь своевольный и опасный поступок. Несомненно, что инициатива в титуловании Зарубина «графом Чернышевым» принадлежала самому Пугачеву, ибо, по свидетельству Шигаева, Пугачев «онаго Чикю нарек графом Чернышевым, да и прежде еще сего самозванец называл его графом и любил его ото всех отменно»¹⁰¹.

⁹⁶ Протокол показаний И. Н. Зарубина на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 134—135.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 7, л. 334—334 об.

⁹⁸ Пугачевщина, т. 2, с. 108.

⁹⁹ Протокол показаний М. Г. Шигаева на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 85—85 об.

¹⁰⁰ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 206.

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 85—85 об.

По получении указа Пугачева Зарубин, находясь еще на Воскресенском заводе, свои распоряжения по сплочению повстанческих сил подписывал титулом и именем «граф Иван Никифорович Чернышев» или «граф Иван Чернышев»¹⁰². Так адресуются ему и указы повстанческой Военной коллегии от декабря 1774 г.¹⁰³

Обосновавшись в середине декабря 1773 г. в селе Чесноковке под Уфой, Зарубин взял на себя руководство действующими здесь русскими и башкирскими отрядами, объединив их во «Вторую армию» восставших, создал второй центр по руководству повстанческим движением в Башкирии, на Среднем Урале, в Прикамье и Западной Сибири, поддерживая вместе с тем постоянную и тесную связь со ставкой Пугачева — главным центром Крестьянской войны. Чесноковский штаб восстания действовал до конца марта 1774 г., вплоть до поражения «Второй армии» и пленения ее руководителя Зарубина¹⁰⁴.

§ 21. Указ Е. И. Пугачева к яицким казакам, посланный с атаманом М. П. Толкачевым (декабрь 1773 г.). В середине ноября 1773 г. в Бердской слободе у Пугачева появился 45-летний яицкий казак М. П. Толкачев, бежавший с ниже-яицких форпостов с И. И. Ульяновым. Позднее Толкачев участвовал в походе войска Пугачева на Верхне-Озерную и Ильинскую крепости (24—29 ноября)¹⁰⁵. Возвратившись в начале декабря в Бердскую слободу, Пугачев по совету ближайших своих сподвижников А. А. Овчинникова, Д. С. Лысова, М. Г. Шигаева, А. И. Витошнова и других решил отправить Толкачева на Нижний Яик «с манифестом, чтоб он, начав от одного фарпоста¹⁰⁶, до самого городка¹⁰⁷ брал везде всех казаков». Одновременно с Толкачевым должен был отправиться к казахскому султану Дусали и хану Нуралы яицкий казак Аптыш Тангаев («Тангаич») «также с манифестом», чтобы они дали «помощь, человек хотя двести. А как Толкачев наберет казаков, а Тангаич приведет киргисцов (ибо Дусали-султан кочевал тогда от одного фарпоста и Яицкого городка неподалеку), то б. они и ударили на Яицкой городок. По коим показанного Овчинникова с товарищи речам два злодейския манифеста Почиталин по-русски, а Болтай [Идеркеев] по-татарски и написали, и отдали: русской — Толкачеву, а татарской — Тангаичу. И с вышесказанном

¹⁰² Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 153, 154.

¹⁰³ Там же, док. № 50, 54.

¹⁰⁴ Панеях В. М. Иван Никифорович Зарубин-Чика. — В кн.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974, с. 47—73.

¹⁰⁵ Протокол показаний М. П. Толкачева на допросе 14 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 135.

¹⁰⁶ Речь идет о ниже-яицком Тополевском («Стополевском») форпосте (в 120 верстах выше Гурьева городка).

¹⁰⁷ Имеется в виду Яицкий городок.

обоим приказом они оба вместе и поехали»¹⁰⁸. Хотя посланные с Толкачевым и Тангаевым послания Пугачев обозначил как манифесты, но в действительности это были именные указы, один из которых адресовался яицким казакам, а другой — правителям Младшего казахского жуза, хану Нуралы и султану Дусали. На допросе в Яицком городке Пугачев несколько по-иному осветил обстоятельства отправления экспедиции Толкачева на Нижний Яик. Следуя совету своих сподвижников, показал Пугачев, «я велел написать указы в такой силе, чтоб шли оне Бухарскою стороною на Калмыковской фарпост, а оттуда, поворотя, шли бы в Яицкой городок, забирая с собою всех с фарпостов казаков, оставляя человека по четыре. А как указ был написан, то татарин Идорка¹⁰⁹ говорил мне: «Пошлите-де, ваше величество, Тангаева к Нуралы-хану, он-де детина проворной и, конечно, по указу вашему исполнит». Почему я Тангаеву к Нуралы-хану указ дать и велел с тем, что когда исполнит свое дело, то, возвратясь бы оттуда, и во обще с Михайлом Толкачевым, собрав с Нижней Яицкой дистанцы людей, вошли бы в Яицкой городок и, что учинят, прислали бы ко мне рапорт. Почему Толкачев с Тангаевым туда и поехали»¹¹⁰. В поездке Толкачева и Тангаева сопровождали яицкий казак из татар Акберда Даутов и три казака из свиты султана Саидали (сын султана Дусали, находившийся в ставке Пугачева)¹¹¹. Полторы недели спустя экспедиция прибыла в ставку хана Нуралы, располагавшуюся на левом берегу Яика, напротив Кулагиной крепости. Толкачев и Тангаев передали хану указ Пугачева (см. § 23 данной главы). После свидания с Нуралы экспедиция разделилась на две группы: Тангаев отправился вверх по Яику в аул султана Дусали, а Толкачев поехал в низовья Яика к Тополевскому форпосту. В этом укреплении, а также в других крепостях и форпостах Нижне-Яицкой дистанции Толкачев объявлял пугачевский указ и набирал казаков в свой отряд. Содержание этого указа отражено в протоколах показаний яицких казаков на следствии в секретных комиссиях. Пугачевский сотник И. В. Изюмов сообщал, что указ был «в такой силе, дабы казаки... ему, Пугачеву, яко истинному государю, преклонились и во всем волю его испол-

¹⁰⁸ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 4 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 203.

¹⁰⁹ Идеркей Баймеков, татарин, яицкий казак, служивший толмачом в ставке Пугачева с сентября 1773 по август 1774 г.

¹¹⁰ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 118. Об отправлении Толкачева и Тангаева имеются данные в показаниях Почиталина (Пугачевщина, т. 2, с. 108). Другой пугачевский секретарь — Балтай Идеркеев, писавший указ к хану Нуралы и султану Дусали на татарском языке, в своих показаниях (Вопросы истории, 1973, № 8, с. 108—111) умолчал об этом эпизоде.

¹¹¹ Хан Нуралы 4 и 11 января 1774 г. писал в Астраханскую губернскую канцелярию, что семеро пугачевских посланцев (два русских казака, два казака из татар, три казака) приехали на Нижний Яик 15 декабря 1773 г. (Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Алма-Ата, 1964, с. 24—25).

няли»¹¹². Казак И. С. Харчев показал, что в указе «написано было... чтоб все служили ему [Пугачеву] верою и правдою, обещаая за верную службу награждением»¹¹³. Атаман Толкачев вспоминал, что в указе Пугачева были «прописаны» казацьи вольности, «чему все тут бывшия казаки той милости обрадовались и в службу к Пугачеву ехать согласились с охотою»¹¹⁴. Судя по этим показаниям, в указе Пугачева содержалось обещание пожаловать яицких казаков за их верную службу старинными казацкими льготами, привилегиями и вольностями, т. е. включены все те положения, которые ранее были провозглашены указами Пугачева от 17 сентября 1773 г.¹¹⁵ и от начала октября того же года¹¹⁶.

§ 22. *Указ Е. И. Пугачева атаману Н. А. Бородину (декабрь 1773 г.).* Отправляя атамана Толкачева из Бердской слободы на Нижний Яик, Пугачев вручил ему еще один документ — свой именной указ походному атаману казаков Нижне-Яицкой дистанции Н. А. Бородину. На допросе в Оренбургской секретной комиссии Толкачев показал, что в Бердской слободе Пугачев, помимо указа к яицким казакам и к правителям Младшего казахского жуза, «дал еще указ к атаману Никите Бородину, который тогда находился в Кулагинской крепости, чтоб он со всеми казаками покорился ему, а в противном случае приказывал онаго, а равно и других, если будут противиться, казнить смертью»¹¹⁷. Документ этот имел то же, видимо, содержание, что и рассмотренный выше указ Пугачева яицким казакам. Приехав в середине декабря в Кулагину крепость (она носила также и второе название — Атаманский форпост), Толкачев вручил указ Бородину, но тот отказался служить Пугачеву, не признавая его за «государя»; к нему примкнули братья Лобиковы, казак и толмач. Толкачев арестовал их, а после они были казнены повстанцами.

Из Кулагинной крепости Толкачев и его товарищи, «забрав всех тут бывших казаков, пошли вверх по Яику, по форпостам, с которых, сколько ни было казаков», по объявлении им пугачевского указа «всех в толпу свою он, Толкачев, брал и пришел к Яицкому городку в числе немало, а думает, что было слишком триста человек»¹¹⁸. Отряд Толкачева вступил в Яицкий городок 30 декабря 1773 г., разгромив высланную против него команду старшины Н. Мостовщикова.

§ 23. *Указ Е. И. Пугачева правителям Младшего казахского жуза (декабрь 1773 г.).* Выше уже сообщалось, что Пугачев, отправляя в начале декабря 1773 г. на Нижний Яик атамана Тол-

¹¹² Пугачевщина, т. 2, с. 164.

¹¹³ Там же, с. 125.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 136.

¹¹⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 1; см. также ч. I, гл. 1, § 1.

¹¹⁶ См. о них § 6—8 данной главы.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 135 об.

¹¹⁸ Там же, л. 136.

качева и Аптыша Тангаева, поручил им поднять на восстание казаков Нижне-Яицкой дистанции, а также добиться военной помощи от казахов (см. § 21 данной главы). Пугачевский секретарь Балтай Идеркеев составил на татарском языке указ к правителям Младшего казахского жуза, хану Нуралы и султану Дусали; указ должен был доставить им Аптыш Тангаев, который до того ездил уже к хану и султану с указом от 26 октября 1773 г.¹¹⁹ О содержании нового декабрьского указа к Нуралы и Дусали имеются данные в протоколах показаний Пугачева. На допросе в Москве он сообщил, что Тангаев посылался с указом к Дусали, «чтоб он дал... помощь человек хотя двести»¹²⁰. Почиталин, вспоминая об этом событии, показал на допросе, что «послал Пугачев к киргис-кайсацкому хану казака Толкачева, татарина Тангаича и с ним еще четыре человека... просить у хана помощи»¹²¹. Отправленный с Тангаевым указ повторял, видимо, содержание предшествующего послания Пугачева к Дусали (26 октября 1773 г.), в котором речь шла о пожаловании казахов земельными угодьями и жалованьем в том случае, если они покорятся власти «Петра III» и предоставят ему в порядке военной помощи отряд из 200 казахских джигитов¹²². Приехав к хану Нуралы и султану Дусали, Тангаев должен был вступить с ними в переговоры об оказании военной помощи Толкачеву для совместного похода на Яицкий городок: «А как Толкачев наберет казаков, а Тангаич приведет киргисцов... то б они и ударили на Яицкий городок», — показывал Пугачев на допросе в Москве¹²³. Полторы недели спустя после отъезда из Бердской слободы Толкачев, Тангаев и их спутники прибыли в ставку хана Нуралы под Кулагиной крепостью. Тангаев вручил хану указ Пугачева и вступил в переговоры. Желая склонить Нуралы к поддержке Пугачева и к участию в походе на Яицкий городок, Тангаев решил усилить свою аргументацию, сообщив явно апокрифические сведения о состоявшемся будто бы взятии Оренбурга и Яицкого городка Пугачевым. Однако хан, уже «известясь» от казаха из свиты Тангаева и Толкачева «как о невзятии Оренбурга и Яика, так и о притомлении» войска Пугачева, отказал в помощи его посланцам¹²⁴. Покинув после провала переговоров с ханом Нуралы его ставку, Толкачев направился с низовья Яика к Тополевскому форпосту, а Тангаев поехал

¹¹⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 16; см. также ч. I, гл. 1, § 16.

¹²⁰ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 203; см. также: Вопросы истории, 1966, № 4, с. 118.

¹²¹ Пугачевщина, т. 2, с. 108.

¹²² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 16.

¹²³ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 203; см. также: Вопросы истории, 1966, № 4, с. 118.

¹²⁴ Письмо хана Нуралы в Астраханскую губернскую канцелярию от 4 января 1774 г. (Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 24); *Бекмаханова Н. Е.* Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах). Алма-Ата, 1968, с. 63.

к султану Дусали, который оказывал видимую поддержку Пугачеву (в Бердской слободе находился султанский сын Саидали). Продвигаясь вверх по Яику вдоль Нижне-Яицкой дистанции, Тангаев «поколебал» казаков в Калмыковой крепости, казнил оказавших ему сопротивление полковника Г. Ф. Приказчикова (Федотова), писаря С. Домашнева и священника Д. Иванова¹²⁵. Приехав 16 декабря 1773 г. на Мергеневский форпост (в 144 верстах ниже Яицкого городка), Тангаев и сопровождавший его казаки были арестованы карательной командой есаула А. Кочемасова. При аресте у Тангаева было отобрано послание Пугачева к хану Нуралы и султану Дусали. Кочемасов повез арестованного Тангаева в Яицкий городок, но тот был отбит «поколебавшимися от возмущения» конвойными казаками и увезен ими в Калмыкову крепость к Толкачеву¹²⁶. Тангаеву, вопреки противодействию хана Нуралы, удалось привлечь на сторону повстанцев некоторое число казахов, и они в составе отряда Толкачева вступили в Яицкий городок 30 декабря 1773 г. и участвовали в осаде находившейся там крепости, обороняемой гарнизонной командой и верными правительству казаками¹²⁷. По свидетельству Пугачева, из Яицкого городка Толкачев отправил в Берду рапорт об успешном завершении своей экспедиции и об отказе правителей Младшего казахского жуза представить ему военную помощь¹²⁸.

§ 24. Указ Е. И. Пугачева Салавату Юлаеву (декабрь 1773 г.).

Салават Юлаев примкнул к повстанческому движению в ноябре 1773 г., вступив с командой башкир своей волости в отряд пугачевских атаманов И. Н. Зарубина и А. А. Овчинникова, которые незадолго до этого нанесли поражение корпусу карательных войск генерала В. А. Кара в боях 7—9 ноября под деревней Юзеевой вблизи Оренбурга. В ноябре—декабре 1773 г. Салават Юлаев участвовал в боевых действиях «Главного войска» восставших против осажденного Оренбурга. В декабре того же года Пугачев отправил раненого Салавата Юлаева для излечения до-

¹²⁵ Протокол показаний М. П. Толкачева на допросе 14 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 135 об.

¹²⁶ Рапорт коменданта Яицкого городка подполковника И. Д. Симонова губернатору И. А. Рейнсдорпу от 23 декабря 1773 г. — Там же, ф. 1100, д. 5, л. 32—35 об. Об этом событии дал показание казак Мергеневского форпоста И. Чагин на допросе в Яицкой комендантской канцелярии (там же, ф. 6, д. 467, ч. 12, л. 169—170).

¹²⁷ *Бекмаханова Н. Е.* Указ. соч., с. 63—69. Аптыш Тангаев в середине апреля 1774 г., после поражения повстанцев под Яицким городком, бежал в казахские степи к хану Нуралы, который позднее выдал его карательной команде старшины М. М. Бородина. Тангаев был допрошен в Яицкой комендантской канцелярии и по ее приговору в начале сентября 1774 г. казнен четвертованием (ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 224).

¹²⁸ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 118; Красный архив, 1935, № 69/70, с. 204.

мой, поручив ему, по выздоровлении, возглавить повстанческое движение в башкирских селениях северо-восточной части Уфимского уезда¹²⁹. Пугачев при отправлении Салавата Юлаева из Бердской слободы в Башкирию вручил ему именной указ о назначении его походным полковником, о поручении ему склонять народ на сторону «Петра III» и набирать годных к военной службе башкир в свой отряд. О наличии у Салавата Юлаева пугачевского указа сообщил на следствии в Уфимской провинциальной канцелярии башкир-повстанец Абляз Соккуров, житель деревни Алкеевой Сартской волости Сибирской дороги. Он показал, что в исходе 1773 г. в селениях Сибирской дороги появился Салават Юлаев, возвратившийся из-под Оренбурга и объявлявший «иноверцам», что он имеет от Пугачева указ, по которому именовал себя полковником и принуждал башкир на службу «Петру III»¹³⁰. Сподвижник Салавата Юлаева — юртовой старшина Тюбелясской волости Сибирской дороги Субхангул Килтиков, захваченный в плен карателями под Суксунским заводом, сообщил на следствии, что в начале января 1774 г. в их волость приехал Салават Юлаев с отрядом из 60 башкир и огласил данный ему от Пугачева указ «о бытии у него в подданстве и послушании, объявляя притом всем всякую вольность и что-де уже во власти ея императорскаго величества и нигде у поставленных от нее вышних и нижних начальников не будет»¹³¹. Характерно, что Салават Юлаев, подписывая свои распоряжения как походный полковник, подчеркивал, что он носит это звание в соответствии с именным указом «Петра III»¹³². Сам Салават Юлаев на допросе 25 февраля 1775 г. в Тайной экспедиции Сената, касаясь обстоятельств назначения его в полковники, показал, что в декабре 1773 г., когда Пугачев «делал в толпе своей распоряжение, уставлял начальников», тогда и он, Салават, по просьбе и рекомендации находившихся в Бердской слободе башкир его команды был произведен в полковники и отпущен для излечения «в его жилище» с тем, чтобы, поправившись, набрал «себе в команду башкирцов»¹³³. Учитывая то, что Салават Юлаев не знал русской грамоты, а врученный ему указ Пугачева был предназначен для оглашения в башкирских селениях Уфимского уезда, можно с уверенностью утверждать, что документ этот был написан на татарском языке и составителем его был Балтай Идеркеев.

¹²⁹ Салават Юлаев: К 200-летию со дня рождения. Уфа, 1952; *Панеев В. М.* Князь Арсланов и Салават Юлаев. — В кн.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеев В. М. Пугачев и пугачевцы, с. 167—169.

¹³⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 593, л. 341.

¹³¹ Протокол показаний Субхангула Килтикова на допросе 4 февраля 1774 г. в Пермской провинциальной канцелярии. — В кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 89.

¹³² Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 357, 359, 360, 370.

¹³³ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 301. На допросе 5 мая 1775 г. в Уфимской провинциальной канцелярии Салават Юлаев, вспоминая тот же эпизод, показал, что он был назначен Пугачевым в полковники «прошлого 1773 года, в исходе оногo» (там же, с. 318).

Исполняя пугачевский указ, Салават Юлаев в начале января 1774 г. собрал в семи волостях Сибирской дороги отряд из 800 башкир и татар, с которым принял участие в боевых действиях под Кунгуром вместе с отрядами пугачевских атаманов И. С. Кузнецова, М. Е. Мальцева, Канзафара Усаева, Бахтияра Канкаева и Адила Бигашева. В ходе восстания Салават Юлаев вырос в одного из крупнейших предводителей повстанческого движения на Южном Урале¹³⁴.

§ 25. Указ Е. И. Пугачева Мясогуту Гумерову (декабрь 1773 г.). После поражения карательных экспедиций генерала В. А. Кара и полковника П. М. Чернышева (ноябрь 1773 г.) повстанческое движение охватило западные районы Заволжья, Закамья и Прикамья, где активно действовали эмиссары Пугачева, снабженные его именными указами. Одним из них был татарин деревни Псяк Арской дороги Казанского уезда Мясогут Гумеров. В начале декабря 1773 г. он ездил в Бердскую слободу к Пугачеву и получил указ о назначении полковым походным старшиной с поручением набирать годных к военной службе людей в свой отряд. Содержание этого указа устанавливается по показаниям крестьян деревни Суни Арской дороги. На допросе в Казанской секретной комиссии они сообщили, что в начале января 1774 г. в их деревню приехал Мясогут Гумеров и, «собрав мирских людей, читал указ как на русском, так и на татарском языках от государя Петра Федоровича, а в том указе написано, что он принял престол и велено к нему набрать в службу две тысячи человек»¹³⁵. Действуя в междуречье Волги, Камы и Вятки, Мясогут Гумеров собрал крупный отряд (свыше 2000 человек) из татар, русских помещичьих и заводских крестьян, захватил Бемышевский, Пыжманский и Таишевский заводы, ряд крупных селений на Арской дороге, оглашая повсюду пугачевский указ и приводя народ к присяге на верность «Петру III». В январе 1774 г. под натиском регулярных войск неприятеля он оставил Арскую дорогу, переправился на левый берег Камы и обосновался в районе Нагайбакской крепости, примкнув к отряду атамана В. И. Торнова¹³⁶. Мясогут Гумеров в середине апреля 1774 г. был захвачен в плен под Уфой одним из карательных отрядов корпуса подполковника И. И. Михельсона.

§ 26. Указ Е. И. Пугачева Мясогуту Назирову (декабрь 1773 г.). Одним из соратников Мясогута Гумерова по руководству повстанческим движением в Прикамье был татарин деревни Чашпар Казанского уезда Мясогут Назиров, полковой старшина восставших¹³⁷. Он также имел именной указ Пугачева, который

¹³⁴ Панаяз В. М. Кинзя Арсланов и Салават Юлаев, с. 167—186.

¹³⁵ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 385.

¹³⁶ Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973, с. 106—113.

¹³⁷ См. сообщение Мясогута Гумерова Мясогуту Назирову от 7 января 1774 г. о пополнении его отряда казаками (Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 432).

оглашал в татарских и русских селениях Арской дороги, набирая там людей в свой отряд. Крестьяне деревни Чапшар на допросе в Казанской секретной комиссии показали, что в январе 1774 г. в их деревню с командой казаков приехал Мясогут Назиров и «привез с собою какое-то русское письмо, сказывая, что-де это указ из Оренбурга от государя Петра Федоровича, которым велено с каждых два двора брать на службу к нему вооруженных по одному на коне»¹³⁸. В конце января Мясогут Назиров попал в плен и был казнен карателями.

§ 27. *Указ Е. И. Пугачева атаману Андрееву (декабрь 1773 г.).* Крупный очаг повстанческой борьбы сложился в Ставропольском уезде, в районе Сарбайской, Саврушинской, Кинельской-Черкасской, Аманатской и Бугурусланской слобод, где в декабре 1773—феврале 1774 г. действовали отряды атаманов Г. Давыдова, О. Ломухина, И. Черепанова, А. Каюкова. Один из предводителей этих отрядов — атаман Андреев, именовавший себя полковником, имел при себе пугачевский указ, который объявлял в селениях Ставропольского уезда. Ставропольский комендант бригадир И. З. Фегезак 15 декабря 1773 г. доносил Военной коллегии, что в окрестностях Сарбайской слободы действует атаман Андреев, оглашающий жителям указ Пугачева об освобождении крестьян от крепостной неволи, от платежа податей и рекрутской повинности; это вызвало волнения среди русских крестьян, татар, калмыков, мордвы, чувашей и украинцев («черкас») ¹³⁹. Об этом же указе сообщили на допросе в Казанской секретной комиссии жители Сарбайской слободы, причем показали, что «указ состоял в том, что государь Петр Третий принял опять престол и что увольняет народ от всяких податей и работ» ¹⁴⁰.

§ 28. *Указ Е. И. Пугачева атаману О. Т. Ломухину (декабрь 1773 г.).* В том же Ставропольском уезде видным предводителем повстанцев был атаман Кинель-Черкасской слободы О. Т. Ломухин, примкнувший к восстанию еще в октябре 1773 г. (см. § 16 данной главы). Крестьянин этой слободы А. Тарасченков рассказывал на следствии, что в декабре 1773 г. Ломухин поехал к Пугачеву в Берду и привез от него указ «в такой силе», что «Петр Федорович принял царство и чтоб были ему верны и давали на службу людей» ¹⁴¹. Боевые действия отрядов Ломухина и других атаманов в Ставропольском уезде продолжались вплоть до начала февраля 1774 г.¹⁴² и были прекращены лишь после прибытия в этот район карательной команды полковника Г. И. Хорвата.

¹³⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 355.

¹³⁹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1231, л. 252—253.

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. 349, д. 7297, л. 214.

¹⁴¹ Протокол показаний А. Тарасченкова на допросе 30 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, д. 7329, л. 180 об.

¹⁴² Об энергичной деятельности атамана О. Ломухина свидетельствуют его распоряжения и переписка, захваченные 11 февраля 1774 г. в Сарбайской слободе карателями (Пугачевщина, 1926, т. 1, с. 119—120, 233; Документы ставки Е. И. Пугачева..., с. 457).

§ 29. Указ Е. И. Пугачева атаману Г. Давыдову (декабрь 1773 г.). В ноябре 1773 г. в Бугурусланскую слободу вступил калмыцкий повстанческий отряд во главе со старшинами Ф. и А. Алексеевыми. Некоторые из калмыков стали не только захватывать помещичье имущество, но и самовольно отбирать скот и пажить у крестьян в слободе и ближних деревнях. Бугурусланцы решили послать к Пугачеву жалобу на калмыков. С жалобой отправились в Бердскую слободу бугурусланские крестьяне, депутат Уложенной комиссии 1767 г. Г. Давыдов и И. Опряттов (Захлыстов). Перед Николиным днем (6 декабря) бугурусланцы прибыли в Бердскую слободу и явились к Пугачеву. В ответ на принесенную ими жалобу Пугачев сказал Давыдову: «От меня-де никогда приказу такова не было, чтоб делать обывателям обиды, и велю-де тебе дать указ, чтоб никто не разорял, и кто ограблен и кем имянно, — прикажу тебе самому исследовать»¹⁴³. Пугачев приказал находившемуся тут же секретарю Почталина «написать указ на имя Давыдова, чтоб о причиненных калмыками разорениях ему исследовать»¹⁴⁴. На другой день Давыдов был вызван в повстанческую Военную коллегию, где секретарь Горшков вручил ему указ Пугачева, а в указе «написано было, чтоб исследовать о пограбленном и репортовать в коллегию, что окажется. Включено ж и то, чтоб увещевать народ к верности государю и набирать к нему, естли потребно будет, в службу и защищать как Бугурусланскую слободу, так и ближния к ней деревни... всеми силами» от правительственных войск¹⁴⁵. При отъезде из Берды Давыдову был вручен также и манифест Пугачева (видимо, от 2 декабря 1773 г.), который он оглашал и в Бугурусланской слободе, и в окрестных селениях. В манифесте «обещалось от всех податей увольнение, что при собрании всех наших жителей и вблизи округи оной и читан, чему все поверили»¹⁴⁶.

Давыдов и Опряттов возвратились в Бугурусланскую слободу с крупным отрядом повстанцев накануне праздника рождества (25 декабря). Давыдов взял на себя руководство повстанческим движением в Бугуруслане и его округе и «обо всем, что в его ведомстве происходило, в [Военную] коллегию репортовал по часту»¹⁴⁷.

В середине февраля 1774 г., накануне вступления в Бугуруслан карательных войск, Давыдов с группой повстанцев от-

¹⁴³ Протокол показаний Г. Давыдова на допросе 17 апреля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 431, л. 4.

¹⁴⁴ Протокол показаний И. Опряттова на допросе в Казанской секретной комиссии в октябре 1774 г. — Там же, д. 507, ч. 4, л. 193.

¹⁴⁵ Сведения, сходные с показаниями Г. Давыдова, приведены в показаниях И. Опряттова (там же, д. 507, ч. 4, л. 193—193 об.).

¹⁴⁶ Протокол показаний бугурусланского крестьянина Д. Семенова на допросе 1 июля 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 304 об.

¹⁴⁷ Протокол показаний Г. Давыдова на допросе в Казанской секретной комиссии в апреле 1774 г. — Там же, ф. 6, д. 431, л. 4.

ступил на северо-восток к Нагайбакской крепости, вблизи которой вступил в отряд атамана В. И. Торнова. Давыдов, Торнов и другие повстанцы 7 апреля были предательски схвачены командой башкирских старшин¹⁴⁸ и отправлены в секретную комиссию в Казань. 12 июля 1774 г. при начавшемся штурме Казани отрядами Пугачева караульные офицеры закололи Давыдова в камере казанского острога¹⁴⁹.

§ 30. *Указ Е. И. Пугачева казачьему капралу Елдяцкой крепости М. Кожевникову (декабрь 1773 г.).* Крепость Елдяцкая, расположенная в 90 верстах севернее Уфы, охранялась казачьим гарнизоном и до середины декабря 1773 г. являлась крупным опорным пунктом администрации Уфимского уезда. В начале декабря из крепости бежал казачий капрал М. Кожевников. Как выяснилось впоследствии, он был в селе Чесноковке под Уфой у атамана Зарубина, ездил от него под Оренбург к Пугачеву. 16 декабря Кожевников возвратился в Елдяцкую крепость, имея при себе «похвальной указ» Пугачева, «чтоб при елдяцких казаках быть атаманом». Кожевников привел казаков крепости к присяге на верную службу «Петру III», но спустя три дня умер¹⁵⁰. Елдяцкая крепость до конца сентября 1774 г. находилась в руках повстанцев.

§ 31. *Указ Е. И. Пугачева атаману Ф. И. Дубовскому (январь 1774 г.).* Будучи в Сакмарском городке 2 октября 1773 г., Пугачев назначил атаманом сакмарских казаков местного священника И. Михайлова. На допросе в Оренбургской секретной комиссии 13 мая 1774 г. Михайлов рассказывал, что он в течение нескольких месяцев исполнял должность атамана «и в ту мою бытность насылаемы были ко мне от него указы об отправлении к нему печеного хлеба и сена, что я, збирая со обывателей, к нему сперва в лагери, а потом в Берду и отправливал»¹⁵¹. Со временем Михайлов стал тяготиться атаманской должностью и просить об отставке; к тому же жители Сакмарского городка прислали к Пугачеву жалобу на своего атамана-священника, что он и правит и живет «дурно». Пугачев решил назначить нового атамана в Сакмарский городок. Выбор пал на верного ему 83-летнего илецкого казака Ф. Дубовского, жившего в Бердской слободе. Дубовский был человеком с примечательной биографией. В молодые годы он служил казаком в Волжском («Волском») казачьем войске, в 1738 г. казаки избрали его атаманом Дубовской станицы. Позднее, после смещения с этого поста, он вступил в тягбу с атаманом Волжского войска М. Персидским, подал на

¹⁴⁸ См. рапорт этих старшин генералу А. И. Бибикову от 10 апреля 1774 г. (Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 127—128).

¹⁴⁹ Рапорт генерала П. С. Потемкина Екатерине II от 12 августа 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 489, л. 44.

¹⁵⁰ Рапорт атамана елдяцких казаков Старкова атаману Оренбургского казачьего войска подполковнику В. И. Могутову от 21 октября 1774 г. — Там же, ф. 1100, д. 11, л. 167—167 об.

¹⁵¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 114.

него жалобу в Военную коллегию, где обвинял его «в удержании казакам жалованья». По проискам старшинского семейства Персидских жалоба эта обернулась против самого жалобщика. Дубовский был осужден Военной коллегией, бит кнутом и сослан «на вечное житье» в Илецкий городок, где и служил в рядовых казаках. При вступлении повстанцев 20 сентября 1773 г. в Илецкий городок Дубовский заверил илецких казаков, что Пугачев — это не кто иной, как действительный царь Петр Федорович, которого он не раз видел в Петербурге, был на его обручении с царевной Екатериной Алексеевной (будущей императрицей Екатериной II) и бывал на именинах цесаревича. Дубовский заявил на следствии, что за это «уверение Пугачев... любил» его¹⁵². С того времени он постоянно находился в ставке Пугачева и всегда был вхож к нему. Именно ему и доверил Пугачев занять пост атамана в Сакмарском городке.

В начале 1774 г., вскоре после крещения (7 января), Дубовский явился в Сакмарский городок с указом Пугачева. О содержании этого указа можно судить по допросу сакмарского писаря Бородина, который показал, что Дубовский, приехав в городок и «собрав всех жителей в станичную избу, заставил меня читать указ, данной ему от самозванца о смене того нашего попа [атамана И. Михайлова] и об отобрании у него всех жителей, также и письменных дел в свое ведомство»¹⁵³. Почти три месяца служил Дубовский атаманом. После поражения отрядов Пугачева в битве 1 апреля 1774 г. у Каргалы и Сакмарского городка каратели вступили в городок, арестовали Дубовского и других видных пугачевцев (Почиталин, Горшков, Витошнов, Падуров, Михайлов) и отправили их под конвоем в Оренбург¹⁵⁴.

§ 32. *Указ Е. И. Пугачева атаману М. П. Толкачеву (январь 1774 г.).* Вступив 30 декабря 1773 г. в Яицкий городок, отряд М. П. Толкачева осадил внутреннюю крепость («ретраншмент») в центральной части городка, оборонявшуюся гарнизоном в составе 6-й и 7-й легких полевых команд и отряда верных правительству казаков; оборону крепости возглавил комендант Яицкого городка подполковник И. Д. Симонов. Не располагая силами, необходимыми для штурма и взятия крепости, атаман Толкачев обратился с рапортом к Пугачеву, прося его прислать в Яицкий городок подкрепления и осадную артиллерию. Пугачев на допросе в Москве рассказал, что в рапорте Толкачев писал о взятии Яицкого городка благодаря тому, что «бывшие в том городке казаки не противились, а противился один старшина [Мостовников], коего он и истребил; камендант же Симонов ушел в город,

¹⁵² Протокол показания Ф. И. Дубовского на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июне 1774 г. — Там же, ф. 349, д. 7329, л. 225—226.

¹⁵³ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 111.

¹⁵⁴ Письмо П. М. Голицына губернатору И. А. Рейнсдорпу от 3 апреля 1774 г. — Там же, ф. 1100, д. 7, л. 43—44. По приговору Оренбургской секретной комиссии Ф. Дубовский был наказан кнутом (50 ударов) и сослан на пожизненные каторжные работы (там же, ф. 349, д. 7309, л. 197 об.).

а команда у меня [Толкачева] не велика; а Дусали-салтан киргисцов ни одного человека не дал, и тем депортом просил, чтоб прислать к нему еще команду и пушек»¹⁵⁵. Рапорт этот привезли к Пугачеву казаки И. Изюмов, И. Мурашкинцев и А. Челноков. Изюмов вспоминал позднее на следствии, что по приезде в Берду он подал рапорт Пугачеву, а тот, «распечатав, отдал дяку Почиталину и велел читать, а по прочтении сказал: „Хорошо“ и и спросил ево, Изюмова: „Все ли благополучно Толкачев до городка доехал?“ На что он, Изюмов, сказал: „Слава-де богу, батюшка, здоров“». На другой день, продолжал Изюмов, Пугачев отправил его «обратно от себя с указом в Яицкой городок, а что в указе было писано, он не знает и не слышал»¹⁵⁶. В этом несохранившемся указе, судя по последующим распоряжениям Пугачева, высказывалось одобрение действиям Толкачева на Нижнем Яике, сообщалось об отправлении в помощь ему из Бердской слободы отряда атамана А. А. Овчинникова и о скором приезде самого Пугачева в Яицкий городок. И действительно, 6 января 1774 г. туда прибыл Овчинников с отрядом яицких казаков и уральских башкир с несколькими пушками, а 7 января приехал сам Пугачев с Почиталиным и небольшой свитой казаков.

§ 33. *Указ Е. И. Пугачева коменданту Яицкого городка подполковнику И. Д. Симонову (январь 1774 г.)*. Приехав в Яицкий городок, Пугачев вместе с атаманами Овчинниковым и Толкачевым приступил к подготовке штурма крепости, но предварительно решил послать туда именной указ подполковнику Симонову с требованием капитуляции. «Написал к Симонову указ, — вспоминал Пугачев на следствии, — чтоб он вышел из кремля и покорился»¹⁵⁷. Показание Пугачева подтверждается свидетельством журнала Яицкой комендантской канцелярии («Журнал Симонова»), в котором сообщается, что после неоднократных приступов повстанцев к крепости и ответных вылазок осажденного гарнизона, наносивших большой урон обеим сторонам, Пугачев послал указ в крепость, предлагая ее защитникам капитулировать или прекратить вылазки, «запрещая оные чинить впредь»¹⁵⁸. Так как командование осажденной крепости отклонило требование Пугачева, он приказал рыть минный подкоп под боковой фас крепости. Через две недели он был завершен, 20 января мину взорвали. После взрыва Пугачев сам повел повстанцев на штурм крепости, но осажденные сумели отбить его ружейным и пушечным огнем, нанеся пугачевцам большие потери.

§ 34. *Указ Е. И. Пугачева полковнику М. Г. Шигаеву (январь 1774 г.)*. Отъезжая в начале января 1774 г. в Яицкий горо-

¹⁵⁵ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 204. Об этом рапорте имеются показания Е. И. Пугачева (Вопросы истории, 1966, № 4, с. 118) и показания И. Я. Почиталина (Пугачевщина, т. 2, с. 108).

¹⁵⁶ Протокол показаний И. Изюмова на допросе в Яицкой секретной комиссии в сентябре 1774 г. (Пугачевщина, т. 2, с. 164—165).

¹⁵⁷ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицком городке (Вопросы истории, 1966, № 4, с. 119).

¹⁵⁸ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 171.

док, Пугачев назначил ближайшего своего сподвижника — судью Военной коллегии полковника М. Г. Шигаева — главным командиром повстанческих отрядов под Оренбургом. Отъездом Пугачева и уходом части его войска с атаманом Овчинниковым к Яицкому городку решил воспользоваться губернатор Рейнсдорп для нанесения удара по лагерю восставших в Бердской слободе. В пятом часу утра 13 января три колонны войск оренбургского гарнизона (1700 солдат, до 400 оренбургских и яицких казаков, 29 пушек) выступили из города и направились к Бердской слободе. Вскоре они были обнаружены караулами повстанцев, которые успели поднять тревогу. Пугачевские полковники М. Г. Шигаев, Д. С. Лысов, Т. И. Падуров и А. Т. Соколов-Хлопуша вывели свои отряды к оврагу, окружавшему слободу и служившему надежным рубежом обороны, а конница повстанцев вышла на фланги неприятеля. Оренбургские колонны, утопая в снегу, находясь с фронта под губительным обстрелом повстанческих батарей (до 60 орудий) и отбивая с флангов атаки конницы, дрогнули, пришли в замешательство и, неся большие потери, отступили к Оренбургу. Потери оренбургского гарнизона в сражении 13 января составляли до 280 человек убитыми, свыше 120 ранеными; повстанцами были отбиты 13 пушек со снарядами, много ручного оружия, боеприпасов и амуниции¹⁵⁹.

В тот же день Шигаев отправил к Пугачеву в Яицкий городок курьером сотника А. П. Перфильева с донесениями, в числе которых был и рапорт о крупной победе, одержанной повстанцами в полевом сражении. По приезде в Яицкий городок Перфильев «те письма отдал сперва Овчинникову, а Овчинников уже самозванцу»¹⁶⁰. Пугачев вспоминал позднее, что «получил я от Шигаева рапорт, в коем он уведомлял, что у них было сражение с оренбургскою выласкою и что он оренбургских с поля збил и, прогнав их в город, отбил тринадцать пушек, три ящика пороху». Будучи «очень доволен» этим успехом, Пугачев отправил к Шигаеву указ с благодарностью за умелое руководство войсками в сражении 13 января: «... писал к Шигаеву благодарность»¹⁶¹.

§ 35. Указ Е. И. Пугачева старшине Нагайбаку Асанову (январь 1774 г.). Одним из видных руководителей повстанческого движения в Закамье в январе—феврале 1774 г. был старшина ясачных татар Ногайской дороги Казанского уезда Нагайбак Асанов. 15 января его отряд вступил в городок Зайнск, торжественно встреченный комендантом Ф. Мертвецовым, оставшими офицерами и солдатами, а также местным духовенством во главе со священником П. Андреевым¹⁶². Нагайбак Асанов вручил

¹⁵⁹ Исторический архив, 1960, № 1, с. 154—156.

¹⁶⁰ Протокол показаний А. П. Перфильева на допросе 12 сентября 1774 г. в Яицком городке. — Вопросы истории, 1966, № 8, с. 104.

¹⁶¹ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 119.

¹⁶² Рапорты полковника Ю. В. Бибикова генералу А. И. Бибинову от 15 и 16 января 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1232, л. 44—47.

имевшийся у него пугачевский указ капитану Мертвецову, а тот велел священнику Андрееву зачитать его собравшимся у церкви жителям городка. Священник, арестованный 16 января вступившей в Заинск карательной командой полковника Ю. Б. Бибикова, рассказывал на следствии, что в оглашенном им указе, «как он припомнить может, написано было так: „Указ от государя Петра Третьяго императора в город Заинск всему народу. Послан от меня полковник Нагайбак, чтоб оному пригородок взять, и естли кто будет противиться, то всех переказнит он смертью“¹⁶³». Одновременно с этим указом Андреев огласил и манифест Пугачева от 2 декабря 1773 г.

§ 36. *Указ Е. И. Пугачева атаману Ф. И. Дербетева (январь 1774 г.).* В начале января 1774 г. Пугачев, получив от атамана И. Ф. Арапова известия о наступлении карательных войск к Самаре и далее на восток по Самарской (Старо-Московской) дороге к Оренбургу, принял решение об отправлении в помощь к нему атамана Ф. И. Дербетева, который должен был собрать отряд в калмыцких улусах под Ставрополем. Депутат ставропольских калмыков П. Крашенинников показал на следствии в Казанской секретной комиссии, что в январе к калмыкам в Ставропольский уезд приехал войсковой квартирмейстер Дербетев, имеющий у себя от Пугачева «именной указ с тем, дабы мы шли к нему, Пугачеву, со всеми семействами»¹⁶⁴. При отправлении Дербетева из Бердской слободы под Ставрополь повстанческая Военная коллегия вручила ему свой указ от 9 января 1774 г. о совместном действии собранного им отряда с отрядами атамана Арапова, обороняющими Старо-Московскую дорогу: «Ехать ему в ставропольские калмыцкие жилища, собрать калмык и оружейных людей в Сарбай и в Савруху, и в Омонацкую, и в окольные жительства для искоренения московской армии и явитца в Кинельской Черкасской слободе. И когда в Черкасской слободе армей не получит, то маршировать к пригородку Алексеевску или где их армии находитца»¹⁶⁵. Приехав с семьей старшинами в Ставропольский уезд, атаман Дербетев собрал двухтысячный отряд из калмыков, русских крестьян, оставших поселенных солдат и 20 января внезапно овладел городом Ставрополем, а затем пошел на соединение с атаманом Араповым к Самаре. Однако в конце января—начале февраля 1774 г., потерпев ряд неудач в столкновении с карательными командами П. Б. Гринева, Г. И. Хорвата и В. Елагина, Дербетев отступил на Самарскую линию. Отряд Дербетева участвовал в неудачных для повстанцев боях у Бузулуцкой крепости (14 февраля 1774 г. в составе отрядов И. Ф. Арапова и С. Речкина) и под Татищевой

¹⁶³ Протокол показаний П. Андреева на допросе в Казанской секретной комиссии в январе 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 4, л. 235.

¹⁶⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 1, л. 327.

¹⁶⁵ Пугачевщина, т. 1, с. 60—61 (пересказ содержания указа в экстракте, составленном в походной канцелярии полковника Г. И. Хорвата).

крепостью (22 марта 1774 г. в составе главных сил Пугачева), после чего отошел к Илецкому городку.

§ 37. *Указ Е. И. Пугачева татарам Орской крепости (январь 1774 г.).* В ряде гарнизонов Средне- и Верхне-Яицких линий (в Нижне-Озерной, Красногорской и других крепостях) наряду с русскими казаками военную службу несли поверстанные в казаки оренбургские татары. Значительная часть казаков-татар примкнула к восставшим еще в сентябре—октябре 1773 г. Во второй половине февраля 1774 г. вспыхнули волнения среди казаков-татар Орской крепости. При расследовании этого дела в Походной канцелярии генерала С. К. Станиславского выяснилось, что мятеж был вызван действиями пугачевских эмиссаров, явившихся в Орскую крепость с указом Пугачева. Один из них — татарин Ишмухаммет Абдулкаримов показал на допросе, что шесть недель назад (т. е. в начале января 1774 г.) он с двадцатью оренбургскими татарами был отправлен из Бердской слободы, и с ними Пугачев послал «Орской крепости всем татарам указ, а сверх того, словесно приказано, чтоб все орские татары были под ево командою и во всем ево слушались и к нему в Берду ушли»¹⁶⁶. Татарский мулла Орской крепости Ибрагим Мамбетев, читавший этот указ Пугачева, заявил на следствии, что указ был написан «на татарском диалекте» и имел следующее содержание: «От государя Петра Третьяго Орской крепости всем татарам, чтоб они ему были во всем послушны и под ево командою, обнадеживая награждением, и бежали б все в Берды»¹⁶⁷. Выступление казаков-татар в Орской крепости было подавлено в самом начале решительными действиями генерала Станиславского, опиравшегося на силы местного регулярного гарнизона и находившуюся в крепости 10-ю легкую полевую команду.

§ 38. *Указ Е. И. Пугачева, посланный с каргалинскими татарами Садыком и Ахметом Хасановыми в Белорецкий завод (январь 1774 г.).* В конце декабря 1773 г. в Бердскую слободу приехала депутация крестьян Белорецкого завода с жалобой на башкир Катайской и Тамьянской волостей, которые, атакуя завод и окрестные селения, захватывали наряду с господским имуществом и крестьянские пожитки. Вспоминая этот факт, пугачевский полковник Муса Улеев сообщил на допросе, что в январе 1774 г. «по жалобе белорецких крестьян от разорения от башкир Пугачев послал с татарами Садыком и Ахметом Хасановыми указ для взыскания пограбленных пожитков»¹⁶⁸. Источники сохранили немало сведений об обращениях заводских и помещичьих крестьян в ставку Пугачева с жалобами на своевольные действия некоторых повстанческих отрядов и групп, не только громивших владения помещиков и заводчиков, но и захватывающих крестьянское имущество. Секретарь повстанческой Военной кол-

¹⁶⁶ ЦГАДА, ф. 110, д. 7, л. 118.

¹⁶⁷ Там же, л. 124 об.

¹⁶⁸ Протокол показаний Мусы Улеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии в мае 1774 г. — Там же, ф. 6, д. 507, ч. 5, л. 660.

легии Горшков говорил на допросе о жалобе, поданной в декабре 1773 г. от заводского крестьянина И. Петрова (приехавшего то ли с Воскресенского, то ли с Белорецкого завода) о грабеже башкирами-повстанцами крестьянских дворов¹⁶⁹. Следует заметить, что Пугачев, судя по показанию Почиталина, «грабительства безвинных людей... не любил, а потому многих, в том приличившихся», казнил «без пощады»¹⁷⁰. Его Военная коллегия строго преследовала мародерство. Характерен в этом отношении указ Военной коллегии атаману И. Н. Зарубину от 20 декабря 1773 г. об ограждении крестьян русских селений в Башкирии от своевольных действий со стороны башкирских и митарских отрядов¹⁷¹. На указ этот, как на нормативный акт, устанавливающий правопорядок на освобожденной повстанцами территории, неоднократно ссылались руководители и рядовые участники повстанческого движения¹⁷².

§ 39. *Указ Е. И. Пугачева казакам Яицкого войска (начало февраля 1774 г.).* В начале февраля казаки обратились к Пугачеву с просьбой дать указ о привилегиях Яицкому войску. По приказанию Пугачева такой указ был тогда же написан секретарем Почиталиным. Атаман казаков-повстанцев Яицкого войска Н. А. Каргин рассказывал на допросе, что «как потом тот указ составлен был», то Пугачев «приказал всему войску на площади сделать круг» и велел «означенной указ прочитать, в котором написано, сколько ему помнитца, следующее: што жалует Яицкое войско крестом и бородою, рекою Яиком с вершины и до устья, и впадшими в нее реками и протоками, землею, травами и лесами, и всеми теми обрядами, какие прежде между ими бывали, тож и вольностью в выборе старшин и атамана. А как скоро сей указ прочитали, то все войско и закричало: „Благодарствуем, надежа-государь“»¹⁷³. Четыре месяца спустя другой участник этого события — пугачевский полковник А. П. Перфильев дал сходные показания о том же указе, сообщив, что Пугачев, «собравши из казаков круг, велел читать пред всеми именной свой указ, которым жаловал Яицкое войско: рекою Яиком с вершины до устья и всеми впадающими в оную протоками, всеми выгодами, вольностию, свинцом, порохом, крестом и бородою. Тем же указом повелел выбрать им в кругу общим советом кого сами захотят для их управления — войскового атамана и двух старшин — с тем, что естли выбранныи ими атаман

¹⁶⁹ Протокол показаний М. Д. Горшкова на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, д. 506, л. 216—216 об.

¹⁷⁰ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 111.

¹⁷¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 50.

¹⁷² Там же, док. № 59, 197, 303, 364, 365, 551.

¹⁷³ Протокол показаний Н. А. Каргина на допросе 14 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 129 об.—130. По приговору Оренбургской секретной комиссии от 12 июня 1774 г. (там же, ф. 349, д. 7309, л. 60—61) Каргин был казнен в июне того же года в Яицком городке.

и старшины не станут делать войску угодность и казаки будут ими недовольны, то отдает на их волю хоть через три дни старого атамана и старшин сменить, а на их места выбрать других в кругу по общему совету». По прочтении указа Пугачев сказал казакам: «Извольте, Яицкое войско, выбрать себе атамана и старшин по прежнему вашему обыкновению кого хотите — отдаю на вашу волю». Тогда казаки все закричали: «Довольны, батюшка, надежа-государь, вашу царскую милостью!» В кругу пошли разговоры в похвалу Пугачева: «То-та, отец-ат, посмотри-ка, отдает на нашу волю выбор атамана, он старинной наш обычай по-прежнему хочет возстановить!»¹⁷⁴ Совершенно независимые друг от друга и одновременные показания Каргина и Перфильева воссоздают сходное, иногда даже близкое по тексту содержание утраченного указа Пугачева от февраля 1774 г. Этот реконструированный документ в сочетании с сохранившимся указом Пугачева Яицкому войску от 17 сентября¹⁷⁵ и показания о других утраченных его же указах от начала октября¹⁷⁶ и середины декабря 1773 г.¹⁷⁷ дают возможность представить существо политики повстанческого центра по отношению к яицкому казачеству — застрельщику Крестьянской войны и самой боеспособной силе в рядах войска восставших.

Эти утраченные ныне документы хранились в войсковой канцелярии. Солдат гарнизона крепости Яицкого городка И. В. Мамаев, перебежавший к повстанцам 22 марта 1774 г., рассказывал на следствии, что атаман Каргин и старшины показывали ему в войсковой канцелярии три указа («манифеста») Пугачева к казакам Яицкого войска¹⁷⁸.

§ 40. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Ф. Арапову (начало февраля 1774 г.). Возвратившись из Яицкого городка в Бердскую слободу, Пугачев узнал из полученных Военной коллегией донесений атаманов авангардных повстанческих отрядов, что карательные войска генералов П. М. Голицына и П. Д. Мансурова продолжают наступление от Казани и Самары к Оренбургу. Поэтому Пугачев послал указы «ко всем своим командирам, к Арапову и протчим, чтоб они, имея крайнее наблюдение за князем Голицыным, и старались ему в проходе к Оренбургу препятствовать, и, что будет у них происходить, присылали б в Военную коллегию почасту рапорты. А как я полагал, что князь Голицын

¹⁷⁴ Протокол показаний А. П. Перфильева на допросе 12 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 104—105. В казачьем кругу атаманом Яицкого войска был выбран Н. А. Каргин, а в старшины выбраны А. П. Перфильев и И. Д. Фофанов. По приговору Сената Перфильев был казнен 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве.

¹⁷⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 1.

¹⁷⁶ Речь идет об указах, посланных в Яицкий городок с казаком Д. Панкиным (см. § 6—8 данной главы).

¹⁷⁷ Имеется в виду указ, посланный яицким казакам с атаманом М. П. Толкачевым (см. § 21 данной главы).

¹⁷⁸ Протокол показаний И. В. Мамаева на допросе 16 мая 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 460, л. 172 об.

еще не скоро будет, то чрез неделю поехал опять в Яицкий городок, препоруча главную команду в Берде над всеми Максиму Шигаеву»¹⁷⁹. В указе, адресованном Арапову, речь шла не только, видимо, о наблюдении за действиями карательных войск и об отпоре им, но и о постоянном пополнении повстанческих отрядов новыми бойцами. О последнем можно судить по допросу И. Федорова — священника села Стайкина (под Бузулуцкой крепостью). Федорова, находившегося в Бердской слободе, Военная коллегия отправила с группой повстанцев в Бузулуцкую крепость, поручив ему доставить указ Пугачева атаману Арапову. Последний, прочитав указ, отдал его Федорову с товарищами, сказав им, «что это-де указ от государя Петра Федоровича и вы-де поезжайте в свое село и другие жительства и тамо читайте и уговаривайте к нему в подданство, ибо-де он точно наш государь». Федоров и его товарищи стали отговариваться от этого поручения. Однако Арапов говорил: ««Да што-де вы, разве изменники? Ково ж-де мне послать? Неужели инова казаков нарядить, за которыми и без того много дела. А вас-де при всякой церкви по два и по три. Куда вас, дьяволов, беречь?» Почему мы, страшась смерти, с трепетом тот указ взяли и поехали домой. В проезд же до своего села во всех деревнях тот указ читали и народ уговаривали, чтоб к самозванцу были преклонны»¹⁸⁰.

§ 41. Указ Е. И. Пугачева гарнизону осажденной крепости в Яицком городке (17 февраля 1774 г.). В середине февраля 1774 г. Пугачев возвратился из Бердской слободы в Яицкий городок, где близились к завершению работы по устройству минного подкопа под цитадель крепости — каменную колокольню соборной церкви архангела Михаила. 17 февраля, за два дня до взрыва подкопа, повстанцы подкинули на лед реки Старицы указ Пугачева к защитникам крепости с требованием о капитуляции. Следы текста этого указа дошли в составе «Экстракта», составленного в канцелярии коменданта Яицкого городка подполковника И. Д. Симонова. В «Экстракте» сообщается, что 17 февраля Пугачев «чрез сообщника ево... неизвестного именем и неизвестного казака» подбросил к крепости указ, «коим он, Пугачев, к находящимся во оном ретранжаменте» писал «злоговарный свой воровской соблазн» и потому требовал «покорения со изъявлением всем прощения, а в случае непослушания угроживал варварским и бесчеловечным наказанием»¹⁸¹. Защитники крепости

¹⁷⁹ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября в Яицком городке. — Вопросы истории, 1966, № 4, с. 119.

¹⁸⁰ Протокол показаний И. Федорова на допросе 4 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 141—142. Выполнив поручение Арапова, Федоров возвратился к нему, а тот послал его с донесением к Пугачеву в Бердскую слободу.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 130. Указ сходен по содержанию с манифестом Пугачева от 2 декабря 1773 г. (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 23). Происхождение пугачевского указа 17 февраля и обстоятельства, связанные с его посылкой в яицкий «кремль», подробно

отклонили ультиматум повстанцев. 19 февраля Пугачев подорвал мину, которая обрушила колокольню. Однако начавшийся штурм крепости не принес желаемого успеха и повстанцы отошли на исходные позиции. В тот же день Пугачев отправился в Бердскую слободу, взяв с собой несколько сотен повстанцев.

§ 42. Указ Е. И. Пугачева атаману И. И. Ульянову (февраль 1774 г.). В первой половине февраля 1774 г. развернулись крупные бои карателей с повстанцами в восточной части Закамья. Направленная в этот район карательная команда полковника Ю. Б. Бибикова захватила крепости Нагайбак (10 февраля) и Бакалы (11 февраля), оттеснив находившиеся там повстанческие отряды атаманов В. И. Торнова и Мясогута Гумерова к востоку. Однако вскоре после того, как Бибиков ушел к Бугуруслану, где он 16 февраля соединился с корпусом П. М. Голицына, повстанцы снова вступили в оставленные районы Восточного Закамья, захватили крепости Бакалы и Нагайбак (18 февраля). Тем не менее в связи с общим наступлением карательных войск к Оренбургу и Уфе, позиции повстанцев в Восточном Закамье находились в угрожаемом положении. В связи с этим атаманы Торнов и Гумеров обратились с просьбами о помощи к Пугачеву и атаману И. Н. Зарубину. В середине февраля Зарубин отправил в Бакалы атаманов И. С. Кузнецова и И. И. Ульянова. Вспоминая события середины февраля—начала марта, Ульянов рассказывал на следствии, что «недели за две до масленицы»¹⁸² Зарубин послал его с двумя сотнями повстанцев и пятью пушками из-под Уфы в крепость Бакалы на помощь Торнову, под командой которого находился двухтысячный отряд. Приехав в Бакалы, Ульянов нашел там «в порохе великий недостаток», поэтому возвратился к Зарубину и «требовал от него пороху, но Зарубин отозвался, что также имеет в том великий недостаток». Тогда Ульянов отправился в Бердскую слободу, куда и приехал в двадцатых числах февраля, застав там Пугачева, только что возвратившегося из Яицкого городка. По его приказанию Ульянову выдали бочку пороха «около четырех пуд», причем Пугачев «обещал ево, Ульянова, наградить полковником». Ульянов возвратился с порохом к атаману Зарубину в село Чесноковку и вскоре получил там именной указ Пугачева «о награждении ево, Ульянова, полковником». Указ этот, судя по сообщаемым Ульяновым сведениям, может быть датирован февралем 1774 г. Из Чесноковки Ульянов отправился к своему отряду в крепость Бакалы, где ожидал прибытия карательной команды, которую «считал не в большом числе и устоять против оной надеялся»¹⁸³. Однако в бою 12 марта

рассмотрены в статье: *Овчинников Р. В.* Из опыта реконструкции утраченных документов... с. 238—239.

¹⁸² Масленица (сырная неделя) приходилась в 1774 г. на 24 февраля—2 марта.

¹⁸³ Протокол показаний И. И. Ульянова на допросе 16 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии (Пугачевщина, т. 2, с. 126—127). Показание Ульянова подтверждается свидетельством Пугачева на допросе

1774 г. под Бакалами против корпуса генерала А. Л. Ларионова отряд Ульянова потерпел поражение и отступил к Уфе, где находились войска атамана Зарубина¹⁸⁴.

§ 43. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Н. Белобородову (февраль 1774 г.). Крупным предводителем повстанческого движения на Среднем и Южном Урале был атаман И. Н. Белобородов¹⁸⁵. Примкнув к восстанию в начале января 1774 г., он вскоре стал атаманом отряда кунгурских крестьян, татар и башкир, захватил Нижне-Иргинский завод, а затем отправился из-под Кунгура на Екатеринбург. Опираясь на поддержку населения и не встречая в пути какого-либо сопротивления, Белобородов взял крепости Ачитскую, Бисертскую, Кленовскую, Киргишанскую и Грбовскую, занял заводы Билимбаевский (18 января) и Васильево-Шайтанский (19 января), находившиеся в полусотне верст от Екатеринбурга. Посланные оттуда карательные экспедиции Белобородов разбил на подступах к Шайтанскому заводу. В начале февраля, незадолго до прихода на Уткинский завод (который был захвачен им 11 февраля), Белобородов решил отправить к Пугачеву рапорт с отчетом о своих действиях под Екатеринбургом. Вот что рассказал сам он об этом на следствии: «Выбрав, он с разных заводов лутчих, человек с пять и одного из пленных, да ис татар четырех человек посылал под Оренбург к самозванцу с рапортом, в коем изъяснял свою к нему усердную службу». Одновременно Белобородов поручил посланным скрытно «проведать от знающих людей, подлинно ли он [Пугачев] государь». Посланцы Белобородова побывали в Бердской слободе у Пугачева. Четверо заводских крестьян, возвратившись оттуда, заверили Белобородова, что «Петр III» не кто иной, как «подлинно государь и при нем же есть такие люди, которые прежде в гвардии служили». Ездившие в Берду привезли Белобородову «указ от самозванца о пожаловании ево, Белобородова, атаманом; а он, поверя сказанному и видя от самозванца к себе милость, начал еще усерднее ему служить и надеялся от него более получить награждение»¹⁸⁶.

Потерпев в конце февраля 1774 г. поражение в боях с карательной командой майора Д. О. Гагринна под Уткинским и Шайтанскими заводами, Белобородов отступил на Южный Урал. 7 мая 1774 г. он соединился с войском Пугачева у Магнитной крепости.

в Москве о том, что «Зарубин прислал к нему... Ульянова для взятых пороху, которому он и дал одну бочку, приказывая притом, чтоб он с Зарубиным старались взять Уфу, — а коли возьмут, то „будь ты, Ульянов, полковник“, — куда оной Ульянов и поехал обратно» (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 206).

¹⁸⁴ Ульянов вместе с атаманом И. Н. Зарубиным был взят в плен 28 марта 1774 г. под Табынском, по приговору Сената сослан на каторжные работы в г. Рогервик.

¹⁸⁵ Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958; Лимонов Ю. А. Иван Наумович Белобородов. — В кн.: Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеях В. М. Пугачев и пугачевцы, с. 74—111.

¹⁸⁶ Протокол показаний И. Н. Белобородова на допросе 30 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 328.

§ 44. Указ Е. И. Пугачева атаману А. А. Овчинникову (февраль 1774 г.). Возвратившись 21 февраля 1774 г. в Бердскую слободу из Яицкого городка, Пугачев из донесений, полученных Военной коллегией от командиров авангардных повстанческих отрядов, узнал о приближении карательных войск к Оренбургу — корпус генерала П. М. Голицына 18 февраля вступил в Бугуруслан, а генерал П. Д. Мансуров 14 февраля нанес поражение отрядам атаманов И. Ф. Арапова, Ф. И. Дербетева и С. Л. Речкина в бою под Бузулуцкой крепостью. После того как «пришло Пугачеву известие, что из Бузулуку команда ево выгнана», он отправил в Яицкий городок указ атаману А. А. Овчинникову с предписанием вывести его отряд в Илецкий городок, что он и исполнил — «прибыл с Яику в Илек. . . и привез с собою яицких казаков и низовых, кои были там при осаде Кремля. . . , а Пугачев велел Овчинникову жить в Илеке и ждать повеления»¹⁸⁷. Суть этого предписания Пугачева заключалась в том, что Илецкий городок, занимая срединное положение между Яицким городком и Оренбургом, являлся тем стратегическим пунктом, находясь в котором, Овчинников (в зависимости от движения карательных войск) мог либо прикрывать дорогу на Яицкий городок, либо идти на соединение с войском Пугачева под Оренбург. В марте 1774 г. отряд Овчинникова в составе войска Пугачева участвовал в боях под деревней Пронкиной (6 марта) и у Татищевой крепости (22 марта), после чего, понеся большие потери, снова отошел в Илецкий городок.

§ 45. Указ Е. И. Пугачева атаману А. А. Овчинникову (март 1774 г.). В самом начале марта 1774 г. Пугачев получил рапорты от атаманов Арапова и Речкина о наступлении карательных войск генералов Голицына и Мансурова к Сорочинской крепости¹⁸⁸. Пугачев решил выступить с частью своего войска из Бердской слободы и нанести удар по неприятелю. 4 марта он вышел в поход с пятью сотнями казаков и несколькими пушками. Накануне этого дня Пугачев отправил нарочного в Илецкий городок с указом к атаману Овчинникову, предписывая ему следовать с отрядом к Сорочинской крепости. О том, что такой указ был послан к Овчинникову, свидетельствуют данные об участии этого атамана и его отряда в бою 6 марта у деревни Пронкиной в составе войска Пугачева. Соединение отряда Овчинникова с войском Пугачева произошло в Новосергиевской крепости, где сходились тракты, идущие от Бердской слободы и Илецкого городка. В ночь на 6 марта войско Пугачева и отряды атаманов Овчинникова, Арапова, Дербетева и Речкина внезапно атаковали расположенную на ночлег в деревне Пронкиной (на дороге от Сорочинской крепости к Бугуруслану) команду майора В. Елагина из

¹⁸⁷ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 110.

¹⁸⁸ На допросе в Яицком городке Пугачев показал, что «в сие время пришел ко мне репорт от Арапова, писал он ко мне, что князь Голицын идет на Сорочинскую крепость» (Вопросы истории, 1966, № 4, с. 119).

авангарда корпуса генерала Голицына. Однако повстанцы были отбиты и отошли к Сорочинской крепости. О последующих событиях Пугачев рассказывал на допросе следующее: «Возвратясь с такою неудачею в Сорочинскую крепость, забрав остальную свою команду и пушки, выступил оттуда к Илецкому городку. Неходя до оногo, я з дороги поворотил на Яик, а Овчинникова с командою послал далее»¹⁸⁹. Вместе с Овчинниковым в Илецкий городок ушли отряды Арапова, Речкина, Н. Л. Чулошникова и др. Овчинникову, назначенному главным командиром этих отрядов, Пугачев дал поручение наблюдать за действиями неприятеля на Старо-Московской дороге.

§ 46. *Указ Е. И. Пугачева хану Младшего казахского жуза Нуралы (март 1774 г.)*. Накануне выступления в поход под Сорочинскую крепость Пугачев попытался получить военную поддержку хана Нуралы. Из Бердской слободы в ханскую ставку с именованным указом Пугачева отправился яицкий казак Кулагинной крепости Симон Болдырев, который «знает татарской разговор». Об этой поездке Болдырев рассказал майору М. Ваганову, что с ним, Болдыревым, «послано было от Пугачева к хану письмо, которое он, хан, принял и прочел и во оборот на то к нему, Пугачеву, прислал с ним же, Симоном, письмо». В середине марта 1774 г. Болдырев возвратился в Бердскую слободу и отдал послание хана Пугачеву. По его реакции Болдырев понял, что «хан повеления ево [Пугачева] не исполнил и все обманывает», так как Пугачев сказал, что «если он, Пугачев, возвратится назад¹⁹⁰, то велит ево, хана, повесить за ребро». Ваганов спросил Болдырева: «Для чего Пугачев так крепко на хана осердился? На что он мне сказал, что требовал он, Пугачев, от него, хана, помощи, и хотел ехать в Татищеву крепость, а он, хан, ему не прислал»¹⁹¹. В отношениях с Пугачевым хан остался на прежней позиции. Скрывая под личиной доброжелательности враждебное отношение к Пугачеву в период крупных успехов повстанцев (октябрь—декабрь 1773 г.), Нуралы в марте 1774 г. в условиях наступления карательных войск к Оренбургу, выслуживаясь перед Екатериной II, не мог компрометировать себя какой-либо поддержкой Пугачева и, более того, предлагал властям использовать казахов в подавлении восстания¹⁹².

§ 47. *Указ Е. И. Пугачева коменданту Яицкого городка подполковнику И. Д. Симонову и команде гарнизона (14 марта 1774 г.)*. После неудачи у деревни Пронкиной Пугачев отправился в последнюю свою поездку в Яицкий городок, куда приехал 8 марта и пробыл там около недели. Он осмотрел минные под-

¹⁸⁹ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 119.

¹⁹⁰ Разговор шел накануне похода Пугачева в Татищеву крепость, куда он отправился 20 марта 1774 г.

¹⁹¹ Рапорт майора М. Ваганова в Астраханскую губернскую канцелярию от 25 июня 1774 г. — В кн.: Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках, с. 64.

¹⁹² Подробнее см.: Бекмажанова Н. Е. Указ. соч., с. 81—92.

копы, прорытые в береговом откосе Старицы под стеной яицкого «кремля», 10 марта руководил повстанцами при отражении ими вылазки неприятеля из крепости, 11 марта отправил указ атаману Гурьева городка Е. Струняшеву о доставлении пороха в Яицкий городок¹⁹³. 14 марта, накануне отъезда из Яицкого городка, Пугачев обратился с именованным указом к коменданту Симонову и гарнизону осажденной крепости. Указ был доставлен в осажденную крепость весьма оригинальным путем. Конверт с запечатанным в нем указом был привязан к хвосту бумажного змея, который запустили повстанцы с Чаганской стороны. Нить змея обрезали точно в тот момент, когда он находился над центром крепости. В конверте защитники крепости обнаружили указ Пугачева, которым он, судя по «Экстракту» Симонова, предписывал осажденным «удержаться» от «всяких коварных умыслов... и вылазок из крепости днем и ночью, а также напрасного кровопролития не чинить, улаживая притом всех к покорению со обещанием от него прощения, а в случае несклонения угрожал зверостною своею проклятою злобою и заключал уведомлением, что ими, ворами, посланные от нас в Оренбург на лыжах с почтою Шестой полевой команды мушкетеры Тимофей Денехин и Иван Потехин в степи без хлеба десять дней блудящие, пойманы и сюда привезены»¹⁹⁴. В ответ на полученный указ осажденные сделали несколько выстрелов гранатами из единорога по укреплениям повстанцев на Чаганской стороне. Указ 14 марта был послан накануне отъезда Пугачева из Яицкого городка под Оренбург, куда одновременно с ним отправилась значительная группа местных казаков-повстанцев и вывозилась крупная партия боеприпасов. Повстанческие силы в Яицком городке заметно ослабли, и этим, видимо, обстоятельством можно объяснить обращенное к командиру осажденного гарнизона требование о прекращении дневных и ночных вылазок из крепости во избежание напрасного кровопролития при относительном равновесии борющихся сторон. Доказательством достоверности сообщения «Экстракта» о содержании указа Пугачева от 14 марта 1774 г. может служить подробность его описания (вплоть до обозначения имен солдат-курьеров), а также детальное изображение необычных обстоятельств доставки этого документа в Яицкий «ретранжамент».

Находясь в Яицком городке, Пугачев получил из Илецкого городка от атамана Овчинникова донесение о вступлении корпуса генерала Голицына 11 марта в Сорочинскую крепость. Сразу же по получении этого донесения Пугачев, взяв с собой 50 казаков, отправился в Бердскую слободу. В пути, встретившись с Овчинниковым у Илецкого городка, он приказал ему приготовиться к походу в Тагитцеву крепость, куда и сам собирался выступить с войском из Бердской слободы.

§ 48—50. *Указы Е. И. Пугачева атаманам А. А. Овчинникову, И. Ф. Арапову, Н. Л. Чулошникову (март 1774 г.). 17 марта*

¹⁹³ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 32.

¹⁹⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 130.

Пугачев приехал в Бердскую слободу и приступил к спешному приготовлению своего войска к походу в Татищеву крепость, где собирался дать сражение генералу Голицыну, продвигавшемуся к Оренбургу. Для этого сражения следовало вызвать в Татищеву крепость повстанческие отряды, находившиеся в Илецком городке. В связи с этим Пугачев отправил указы атаманам Овчинникову и Арапову, «велел из Илека притти» в Татищеву крепость¹⁹⁵. Свидетельство Пугачева о посылке указа Овчинникову подтверждается следственными показаниями пугачевского полковника Абдрешита Аитова, сообщившего, что «от самозванца прислан был в Илек к яицкому атаману Овчинникову указ, чтоб всем тут бывшим командам итти вскорости под Татищеву крепость, куда они и пришли»¹⁹⁶. Аналогичный указ был послан и атаману Чулошникову, отряд которого занимал пост у Мустафиной мельницы под Илецким городком. Сведения об этом содержатся в показаниях пугачевца А. И. Сомова: «Прислан был в Илек к атаману Чулошникову нарочный с указом, чтоб всему ево войску итти вскорости на сражение под Татищеву крепость против генерал-майора князя Голицына»¹⁹⁷. Возможно, что такие указы Пугачев послал и атаманам других отрядов, находившимся в то время в Илецком городке [а именно: С. Л. Речкину, И. Чернееву, Мосею Дмитриеву (Кизылбашенину)], которые принимали участие в битве у Татищевой крепости. 20 марта Пугачев выступил из Бердской слободы с пятитысячным войском при 20 пушках и в тот же день пришел в Татищеву крепость, где застал отряды, прибывшие из Илецкого городка с атаманом Овчинниковым (до 2 тыс. человек при 10 пушках). Вскоре к крепости подошли калмыцкие отряды с атаманами Дербетевым и Делдешем, а также другие группы повстанцев. В общей сложности в Татищевой крепости у Пугачева было до 9000 человек при 36 пушках. Утром 22 марта к Татищевой крепости приступили карательные войска генералов Голицына, Мансурова и Фреймана. В упорном шестичасовом сражении Пугачев потерпел сокрушительное поражение. На поле битвы, под стенами крепости и внутри ее осталось до 1500 убитых, 1800 раненых повстанцев, остальные были взяты в плен, неприятель захватил всю пугачевскую артиллерию¹⁹⁸. Сам Пугачев бежал в Бердскую слободу с группой людей его свиты (И. Я. Почиталин, Е. П. Кузнецов, В. С. Коновалов, Г. Бородин). Атаман Овчинников сумел пробиться с двумя сотнями казаков сквозь неприятельские колонны, ушел от преследо-

¹⁹⁵ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Москве в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. — Красный архив, 1935, № 69/70, л. 207.

¹⁹⁶ Протокол показаний А. Аитова на допросе 23 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 194 об.

¹⁹⁷ Протокол показаний отставного гвардии сержанта А. И. Сомова на допросе 22 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — Там же, ф. 349, д. 7329, л. 343.

¹⁹⁸ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, 1970, т. 3, с. 23—27.

вагия гусар в Нижне-Озерную крепость, а затем в Илецкий городок¹⁹⁹.

§ 51. Указ Е. И. Пугачева казакам Переволоцкой крепости (март 1774 г.). Приводя в боеготовность главные повстанческие силы для предстоящего похода к Татищевой крепости, Пугачев и его Военная коллегия в середине марта 1774 г. направили предписания казачьим командам ближних к Оренбургу крепостей о присылке резервов в Бердскую слободу. Сохранились сведения о присылке одного из таких предписаний в Переволоцкую крепость. Казаки-повстанцы этой крепости (И. Коновалов, П. Сошников, В. Дегаев) показали на допросе, что «нынешняго 1774 году в марте месяце прислан был из Берды от Пугачева с новосергиевским казаком Гаврилой, как прозывается — не знаю, ордер, в котором написано было, что требует государь Петр Федорович на службу». В соответствии с указом капрал А. Бобылев нарядил в службу 12 казаков, которые приехали в Бердскую слободу, но в походе под Татищеву крепость не участвовали, а оставались в команде полковника Шигаева в Берде, где и были захвачены в плен в начале апреля 1774 г.²⁰⁰

§ 52. Указ Е. И. Пугачева башкирскому старшине Баиму Кедряеву (март 1774 г.). Накануне похода к Татищевой крепости Пугачев отправил из Бердской слободы казанского татарина Исхака Ахметева с указом к башкирскому старшине Кубеляесской волости Сибирской дороги Уфимского уезда тархану Баиму Кедряеву. Сведения об этом содержатся в следственных показаниях Исхака Ахметева, где сообщается, что Пугачев послал его «к Верхояицкой крепости к башкирскому старшине Баиму-тархану Кедряеву, чтоб он, ведомства ево с каждого двора собрав по лошади, прислал к нему». Добравшись до ставки Баима Кедряева, пугачевский посланец отдал ему «письмо» (указ Пугачева) и, взяв от него «письменный репорт», отправился в обратный путь. Исхак Ахметев застал Пугачева на Вознесенском казенном заводе²⁰¹, где он находился с 4 по 7 апреля, отступив туда с остатками своего войска после поражения в битве 1 апреля 1774 г. под Каргалой и Сакмарским городком против корпуса генерала Голицына. Что касается Баима Кедряева, которому был послан пугачевский указ, то он был видным участником повстанческого

¹⁹⁹ В середине апреля 1774 г. Овчинников пытался остановить наступление корпуса генерала Мансурова к Яицкому городку, дважды вступал с ним в бой (12 апреля — у Иртецкого форпоста, 15 апреля — у реки Быковки), но, будучи разбит, пошел через оренбургские степи и Уральские горы на соединение с Пугачевым, встретился с ним 7 мая у Магнитной крепости, участвовал в составе его войска в походе к Казани и далее, вдоль Волги, до Царицына. Овчинников погиб 25 августа 1774 г. в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром.

²⁰⁰ Протокол показаний И. Коновалова, П. Сошникова, В. Дегаева на допросе 25 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 100.

²⁰¹ Протокол показаний Исхака Ахметева на допросе 27 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, ф. 6, д. 467, ч. 2, л. 280.

движения в Восточной Башкирии с зимы 1773/74 г., он оказал большую поддержку Пугачеву в апреле—мае 1774 г., в период создания нового повстанческого войска на Южном Урале и похода его с Белорецкого завода к Магнитной и Троицкой крепостям.

§ 53. Указ Е. И. Пугачева генерал-майору князю П. М. Голицыну (март 1774 г.). На допросе в Яицком городке Пугачев, вспоминая события кануна битвы под Сакмарским городком (1 апреля 1774 г.), рассказал, что в то время «писал я к князю Голицыну указ, чтоб против ково воюет, написал ему отца²⁰² и деда²⁰³ предкам якобы моим службу»²⁰⁴. Поводом к написанию этого указа послужили, видимо, письма Голицына к оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, перехваченные повстанцами при набеге их на Бердскую слободу 28 марта 1774 г. Эти письма вез из Татищевой крепости в Оренбург капитан 2-го гренадерского полка И. Ахшарумов. В Бердской слободе на него внезапно напали повстанцы, сам капитан, имея хорошего коня, успел бежать в Оренбург, но трое его людей с капитанской повозкой были захвачены пугачевцами. В повозке, кроме вещей капитана, были и два письма Голицына к Рейнсдорпу²⁰⁵. Несомненно, что с содержанием этих писем Пугачев был ознакомлен, и он приказал своим секретарям написать указ Голицыну, составив его в духе тех же крепких и язвительных выражений, которыми было наполнено известное послание повстанческой Военной коллегии губернатору Рейнсдорпу от 23 февраля 1774 г.²⁰⁶ Не случайно оба этих документа вместе фигурировали на следствии в Оренбургской секретной комиссии. На заседании 8 мая 1774 г. при допросе Почиталина присутствовал Рейнсдорп, спросивший подследственного: кто из пугачевских секретарей составлял послания ему, Рейнсдорпу, и князю Голицыну? Почиталин сперва ответил, что «к оренбургскому губернатору указ и к князю Голицыну письмо писал секретарь Горшков», но после, желая, видимо, облегчить вину своего товарища, заявил уже в конце допроса: «Вспомнил я, что письма и указы к оренбургскому губернатору и к князю Голицыну писали бывшие в Военной коллегии

²⁰² Голицын Михаил Михайлович (1681—1764), князь, генерал-адмирал.

²⁰³ Голицын Михаил Андреевич (1655—1715) князь, городской воевода в Киеве.

²⁰⁴ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 120. Видимо, об этом указе «болтали меж собой» крестьяне деревни Путиловой под Оренбургом: «Вот-де, братцы, слышно, что наш батюшка, государь император Петр Третий, после разбития в Татищевой крепости опять силу набрал великую и писал от себя указ к генерал-майору князю Голицыну, чтоб он вскоре дождался его прихода под город Оренбург, отчего будто он [Голицын] пришел в великой страх» (Протокол показаний крестьянина Н. Дмитриева на допросе 4 июня 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 144—144 об.).

²⁰⁵ Рапорт капитана И. Ахшарумова И. А. Рейнсдорпу от 28 марта 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1100, д. 6, л. 211—211 об.

²⁰⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 62.

повытчиками Супонев и Пустаханов, а не Горшков, на которого выше сего в допросе показал я ошибкою»²⁰⁷.

§ 54. Указ Е. И. Пугачева башкирскому старшине Алибаю Мурзагулову (конец марта 1774 г.). Сведения о происхождении и содержании этого указа приведены в донесении старшины Ногайской дороги Алмекея Алкеева к губернатору Рейнсдорпу от ноября 1774 г. Во время блокады Оренбурга Алмекей Алкеев находился в осажденном городе, а 27 марта был отправлен оттуда в Сеитову слободу для ареста сподвижников Пугачева.

Но в тот день в Сеитову слободу внезапно ворвались повстанцы, они захватили Алмекея Алкеева и хотели было казнить его; он избежал смерти благодаря заступничеству видных пугачевцев Кутлугильды Абдрахманова и Кинзи Арсланова. Алмекей Алкеев был доставлен в Сакмарский городок к Пугачеву. Как раз в то время Пугачев получил известие о поражении отрядов атамана И. Н. Зарубина в битве 24 марта под Уфой и о захвате самого Зарубина карателями. Для руководства остатками повстанческих сил в районе Уфы Пугачев «нарядил на место того пойманного Чики башкирского старшину Алибая Мурзагулова (которой у него... в толпе был главным) с тем, чтоб он, Алибай, город Уфу атаковал и, как можно, старался б его взять, о чем ему и указ дал». Алмекей Алкеев вызвался сопровождать Алибая Мурзагулова, а в пути «всеми силами старался» склонить пугачевского эmissара к переходу на сторону правительства и «через многие... внушения едва мог уговорить, которого, не пропуская времени, дабы он паки то злодейство произвести не вознамерился, взял его, Алибая, с собою, и явились 9-го числа апреля в Уфимскую провинциальную канцелярию»²⁰⁸.

§ 55. Указ Е. И. Пугачева воеводе Исетской провинции И. Г. Лазареву (31 марта 1774 г.). На допросе 2 апреля 1774 г. в Походной канцелярии генерала П. М. Голицына пленные пугачевцы (полковник Т. И. Падуров и секретарь Военной коллегии М. Д. Горшков) наряду со сведениями о состоянии сил Пугачева, разгромленного накануне в битве у Сакмарского городка, и о ближайших его планах сообщили, что «сего года марта 31-го числа из Сакмарского городка... Пугачевым послан в Кичигину крепость атаман Сазонов²⁰⁹ с манифестом к воеводе Лазареву

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 207 об., 209.

²⁰⁸ Там же, ф. 1100, д. 12, л. 173 об.—174. В мае—июне 1774 г., в период нового подъема повстанческого движения в Башкирии, Алибай Мурзагулов снова действовал в рядах восставших, а позднее, 17 июля того же года, явился с повинной к генералу П. М. Голицыну (Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 345, 396—397).

²⁰⁹ Сазонов Осип, казак Кичигиной крепости, в январе 1774 г. был избран атаманом отряда повстанцев, в феврале держал в блокаде Троицкую крепость. В марте прибыл в ставку Пугачева с отрядом исетских казаков, которые принимали участие в битве 1 апреля 1774 г. под Сакмарским городком. В ведомости Исетской провинциальной канцелярии от октября 1774 г. сообщается, что «Сазонов воинскою командою на сражении убит» (ЦГАДА, ф. 1274, д. 185, л. 147).

со уверенением, что он [Пугачев] — настоящая та персона [т. е. „Петр III“]»²¹⁰. Отправление пугачевского указа в Исетскую провинцию было связано с намерениями Пугачева направиться в тот район (в случае неудачного исхода борьбы с неприятелем под Оренбургом).

* * *

Рассмотренные свидетельства источников о содержании 55 утраченных манифестов и указов Пугачева существенно расширяют представление о характере деятельности главного повстанческого центра в сентябре 1773—марте 1774 г. Реконструированные документы предводителя Крестьянской войны характеризуют развертывание повстанческого движения на Яике, Южном и Среднем Урале, в Заволжье, Закамье, Западной Сибири и других районах Юго-Востока страны, сообщают данные о ведущих лозунгах борьбы, о пополнении и обеспечении «Главного войска» восставших, о производстве оружия и боеприпасов, об административных назначениях, о поддержании правопорядка на освобожденной территории, о подготовке и проведении военных операций и о других сторонах внутренней жизни повстанческого лагеря²¹¹.

²¹⁰ ЦГВИА, ф. 20, д. 1237, л. 35.

²¹¹ Источниками, отображающими деятельность ставки Пугачева в рассматриваемый период, являются и документы повстанческой Военной коллегии: 22 сохранившихся ее указа (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 47—68) и еще 13 указов, реконструированных по свидетельствам других источников (*Овчинников Р. В.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии..., с. 84—92).

Глава 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ УТРАЧЕННЫХ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА ВТОРОГО ЭТАПА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (апрель — первая половина июля 1774 г.)

Второй этап Крестьянской войны представлен четырьмя сохранившимися именными указами Пугачева, относящимися к июню 1774 г. (см. ч. I, гл. 2). По документам повстанческого и правительственного лагерей и следственным материалам удалось установить данные о содержании ряда утраченных посланий предводителя движения с апреля по первую половину июля 1774 г.¹

§ 1. Указ Е. И. Пугачева атаману Ф. И. Дербетеву (апрель 1774 г.). Потерпев поражение в битве 1 апреля 1774 г. под Каргалой и Самарским городком, Пугачев отступил в труднодоступные весной горные районы Южного Урала и, обосновавшись сперва на Вознесенском, а позднее на Авзяно-Петровском заводах, приступил к созданию нового повстанческого войска, мобилизуя в него заводских и государственных крестьян, башкир Уфимской и Исетской провинций. Важным резервом пополнения нового войска являлись крупные повстанческие отряды атаманов А. А. Овчинникова и Ф. И. Дербетева, оставшиеся в оренбургских степях. Эти отряды должны были (по предварительному указанию Пугачева; еще до событий под Самарским городком) пойти на соединение со «Второй армией» атамана И. Н. Зарубина под Уфу² либо к самому Пугачеву. Следуя этому указанию, атаман Овчинников повел свой отряд кружным путем, через оренбургские степи и горы Южного Урала на восток, и 7 мая 1774 г. соединился с главными силами Пугачева у Магнитной крепости. Что же касается атамана Дербетева, то ему в начале апреля Пугачев отправил нарочного с указом, предписывая идти на соединение с ним в Башкирию. Об этом указе сообщил 28 апреля на допросе в Самарской комендантской канцелярии бежавший от повстанцев хорунжий Ставропольского калмыцкого корпуса П. Крашенинников: в середине апреля к Дербетеву «от самозванца Пугачева пришло повеление, дабы он со всем Ставропольским калмыцким корпусом ехал вслед ево, Пу-

¹ Общая характеристика событий этого периода дана в ч. I, гл. 2.

² Отряды И. Н. Зарубина были разбиты в сражении под Уфой 24 марта 1774 г. Пугачев узнал об этом незадолго до битвы под Самарским городком (Показания М. Д. Горшкова и Т. И. Падурова на допросе 2 апреля 1774 г. в походной канцелярии генерала П. М. Голицына. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1237, л. 35).

гачева, в Башкирию, а в которое именно место, то сего не сказал, почему он, Дербетев, со всем корпусом к реке Самаре на Бузулукскую крепость и поехал»³. Дербетев приложил много усилий для выполнения этого предписания Пугачева, о чем свидетельствуют неоднократные его попытки прорваться через кордоны неприятеля на Самарской линии в апреле—мае 1774 г. Против Дербетева были направлены карательные команды И. Денисова, К. Муфеля и Байкова. 23 мая команда поручика Байкова настигла отряд Дербетева в приицкой степи, у реки Грязнухи, и в завязавшемся бою разгромила повстанцев. Тяжелораненый Дербетев был захвачен в плен и два дня спустя умер⁴.

§ 2—3. *Указы Е. И. Пугачева крестьянам Авзяно-Петровского и Белорецкого заводов (апрель 1774 г.)*. Вспоминая события апреля 1774 г. и, в частности, деятельность ставки Пугачева по созданию нового войска, член повстанческой Военной коллегии И. А. Творогов рассказывал на следствии, что Пугачев «на Вознесенском ли заводе или на Авзяно-Петровском... на место потерянных производителей письменных дел взял в секретари исецкого казака Ивана Шундеева, а в повыткики — Григорья Туманова; сии новья писцы сочиняли от имени названной коллегии указы к башкирским старшинам и по заводам о наборе в толпу людей вооруженных, которыхя подписывал я, а переводил на татарской языкъ объявленной Туманов; и по тем указам старшины и заводския прикащики давали людей охотно»⁵. Известно, что один из таких указов Военной коллегии (от 4 апреля 1774 г.) был послан атаману И. Н. Белобородову, которому предписывалось «для укомплектования и распространения корпуса его величества собрать русской, башкирской и черемисской... команды многотысячное число... для отправления в главную армию»⁶. Аналогичного содержания указы исходили не только от Военной коллегии, но и от имени «Петра III» — Пугачева. Об одном из таких указов, направленном с Вознесенского на Авзяно-Петровский завод, упомянул атаман С. И. Телегин на допросе 9 апреля 1774 г. в Табынской комендантской канцелярии: 6 апреля ему встретился авзяно-петровский крестьянин, ехавший от Пугачева с Вознесенского на Авзяно-Петровский завод «с таким приказанием, чтоб со оного, выкомандируя до трехсот человек крестьян, к нему на Вознесенский отправить»⁷. Эти сведения подтвердил допрошенный

³ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 1, л. 327.

⁴ *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971, с. 104—114; *Он же*. Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста, 1978, с. 82—102.

⁵ Протокол показаний И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1929, т. 2, с. 145.

⁶ Содержание этого указа изложено в ордерах Белобородова полковнику Бахтияру Каякаеву (от 9 апреля 1774 г.) и сотнику Егафару Азбаеву (от того же числа) (Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975, док. № 423, 425).

⁷ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975, с. 125.

в тот же день в Табынске крестьянин В. О. Шишкин. Быв 6 апреля на Авзяно-Петровском заводе, он «подлинно видел наряд того завода крестьянам, чинимой по повелению, присланному чрез нарочного с Вознесенского заводу ж от находящегося на оном во укрывательстве» Пугачева. «И слышел-де, он, Шишкин, от авзянских крестьян, что от них х командировке набратся может до дву сот человек, которые, уповаю, неотменно 7 числа апреля, то есть в понедельник, к нему», Пугачеву, «в Вознесенский завод и отправлены». Шишкин добавил также, что «за таковою ж командою, требуемую» Пугачевым «к себе ж, на Вознесенской чрез Авзянской, и на Белорецкой завод тот нарочной того ж числа проехал» с таким же указом⁸. Вознесенский, Авзяно-Петровский и Белорецкий заводы являлись в апреле 1774 г. важнейшими пунктами формирования нового повстанческого войска. На Вознесенском заводе Пугачев находился с 4 по 6 апреля и взял здесь в свой отряд до 70 заводских крестьян во главе с берг-гешвореном В. Соколовым. На Авзяно-Петровский завод Пугачев вступил 8 апреля и, пробыв там четыре дня, мобилизовал до 400 крестьян, составивших Авзянский полк во главе с полковником Д. М. Загуменновым — выходцем из местных крестьян. 14 апреля Пугачев обосновался на Белорецком заводе и пробыл там больше двух недель, до 2 мая 1774 г. На этом заводе в его войско было набрано до 300 крестьян⁹. Войско Пугачева за время пребывания на этих заводах пополнилось многими сотнями башкир¹⁰. Сам Пугачев показал, что на Белорецком заводе его войско насчитывало «русских и башкирцов до двух тысяч человек», с которыми он и пошел на Магнитную крепость¹¹.

§ 4. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Н. Белобородову (начало апреля 1774 г.). В апреле 1774 г. отряд атамана Белобородова, насчитывающий до 700 бойцов (главным образом из числа заводских крестьян) при 6 пушках, действовал в районе Саткинского, Златоустовского и Симского заводов¹². Пугачев, собиравший в то время под свои знамена разрозненные повстанческие отряды и группы, принял необходимые меры для присоединения столь крупной и беспособной силы, какую представлял собой отряд Белобородова. В течение апреля Пугачев по крайней мере дважды обращался с указами к Белобородову, предписывая ему

⁸ Там же, с. 370.

⁹ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1970, т. 3, с. 41—42.

¹⁰ 1 апреля 1774 г., в канун битвы под Сакмарским городком, Пугачев, по свидетельству «Хроники» П. И. Рычкова, отправил указы и в башкирские волости о присылке башкир в его войско (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. М.; Л., 1938, т. 9, ч. 1, с. 331).

¹¹ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 210.

¹² Мартынов М. Н. Пугачевский атаман Иван Белобородов. Пермь, 1958, с. 38—44.

идти на соединение в «Главную армию»¹³. Сведения об этих указах имеются в следственных показаниях Белобородова и ряде других источников.

Первый из указов Белобородову был послан, видимо, еще с Авзяно-Петровского завода, где Пугачев находился 8—12 апреля. Белобородов стоял в то время со своим отрядом в деревне Нижние Киги, где и получил от Пугачева «повеление» идти на соединение к нему, куда Белобородов и отправился, «но за разлитием рек остановился в Саткинском заводе, где и стоял до слития оных и до просухи»¹⁴. Белобородов показал, что повеление Пугачева предписывало идти ему под Магнитную крепость. Но это, вероятно, ошибка памяти. В указе Пугачева речь, видимо, шла о движении отряда Белобородова к Белорецкому заводу, куда 12 апреля выступил с Авзяно-Петровского завода и сам Пугачев. Следует в связи с этим сослаться на указ Военной коллегии, врученный 12 апреля 1774 г. Т. Фалкову и И. Шишалову. В нем говорилось о предстоящем походе Пугачева от Авзяно-Петровского завода к Белорецкому и далее на Челябинск¹⁵, но не было каких-либо упоминаний о движении к Магнитной крепости. Характерно также, что пугачевский полковник В. Михайловских во исполнение этого указа Военной коллегии отдал приказ о заготовлении провианта и фуража («для следующей чрез здешния места в город Челябину государственной армии» Пугачева) в крепостях Верхне-Увельской, Коельской, Кичигиной, Нижне-Увельской, Еткульской, Еманжелинской, свозя заготовленное в Чебаркульскую крепость¹⁶, а о Магнитной крепости не упоминает. Решение Пугачева о движении к этой крепости было принято позднее, в конце апреля 1774 г., когда выяснилось, что путь от Белорецкого завода к Челябинску находится под контролем карательного корпуса генерала И. А. Деколонга.

§ 5. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Н. Белобородову (14 апреля 1774 г.). 14 апреля 1774 г. Пугачев отправил с Белорецкого завода есаула илецких казаков И. Шibaева для объявления в «крепостях и слободах обывателям» манифеста «Петра III»¹⁷. Одновременно Шibaеву поручалось доставить атаману Белобородову именной указ Пугачева. Белобородов показал на следствии, что, находясь на Саткинском заводе, он «вторично получил» от Пугачева присланный с есаулом Шibaевым «указ о поспешении

¹³ Крестьянин И. Шульгин, побывавший в конце апреля 1774 г. в ставке Пугачева на Белорецком заводе, рассказывал, что Пугачев «призывал его [Белобородова] к себе три раза» (Протокол показаний челябинского казака Л. Заварухина на допросе 7 мая 1774 г. в походной канцелярии генерала И. А. Деколонга. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 62 об.).

¹⁴ Протокол показаний И. Н. Белобородова на допросе 24 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 329.

¹⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 69.

¹⁶ Там же, док. № 416, 417.

¹⁷ См. указ Военной коллегии есаулу И. Шibaеву от 14 апреля 1774 г. (там же, док. № 70).

йти» на соединение с ним, Пугачевым¹⁸. Еще не выступая в поход, Белобородов узнал, что Шибает, отправившийся обратно к Пугачеву, самочинно захватил имущество у служителей Златоустовского завода. Белобородов, ревнитель строгой дисциплины, приказал арестовать Шибаета. Приказ этот был выполнен, но Шибает, будучи под арестом, сумел отправить к Пугачеву рапорт с обвинениями Белобородова в неверности «Петру III», в намерении «отложиться» от него. Много позднее, по прибытии 7 мая в ставку Пугачева к Магнитной крепости, Белобородову пришлось защищать себя от обвинений Шибаета. Пугачев, выслушав обоих, оправдал Белобородова¹⁹.

§ 6. Указ Е. И. Пугачева атаману Г. Туманову (середина апреля 1774 г.). В течение двух месяцев, с 8 февраля по 8 апреля 1774 г., город Челябинск, центр Исетской провинции, находился в руках повстанцев. Командиром находившихся там отрядов был полковник И. Н. Грязнов, а с середины марта, после его отъезда в Бердскую слободу к Пугачеву, руководителем челябинских повстанцев стал атаман Г. Туманов²⁰. В начале апреля он отправил с донесениями к Пугачеву двух нарочных — хорунжего Еткульской крепости И. Шундеева и челябинского казака И. Шипалова. Вспоминая о поездке к Пугачеву и о пребывании в его ставке, Шипалов рассказывал позднее на следствии, что Туманов послал их из Челябинска к Пугачеву «с прошением на башкирцов, что они делают раззорение» русским «жителям». Посланные добрались до Белорецкого завода, где и застали Пугачева, «коему посланную от мира прозбу подали». Пугачев принял прошение, однако «ничего не сказал». Но несколько дней спустя он отправил к атаману Туманову казака Шипалова, послав с ним «указ, что до прибытия ево [Пугачева в Челябинск] остаецца оное к рассмотрению». Шундеев остался в ставке Пугачева, был определен в секретари Военной коллегии и находился в этой должности вплоть до сражения 21 мая 1774 г. у Троицкой крепости²¹. В этом сражении Шундеев был взят в плен²², допрошен и по приказу генерала И. А. Деколонга казнен вместе с другими пленными повстанцами.

§ 7. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Н. Белобородову (1 мая 1774 г.). Пугачев отправил 1 мая 1774 г. нарочного с третьим указом к Белобородову, предлагая ему следовать на соединение

¹⁸ Пугачевщина, т. 2, с. 329—330.

¹⁹ Пугачевщина, т. 2, с. 330. Позднее, в начале июля 1774 г., Шибаета казнили по приказу Пугачева (Протокол показаний пугачевского полковника Г. Ф. Филинкова на допросе в Царицынской комендантской канцелярии в сентябре 1774 г. — Там же, с. 204).

²⁰ Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панеляз В. М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974, с. 132—137.

²¹ Протокол показаний И. Шундеева на допросе 22 мая 1774 г. в походной канцелярии генерала И. А. Деколонга. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 174—175.

²² Ведомость, приложенная к рапорту И. А. Деколонга генералу Ф. Ф. Щербатову от 21 мая 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1233, л. 263.

с «Главной армией» к Магнитной крепости. Сведения об этом указе имеются в протоколе показаний челябинского казака Л. Заварухина, который сообщил на следствии, что полковник В. Михайловских 28 апреля послал из Чебаркульской крепости двух повстанцев, крестьян Ф. Т. Кочнева и И. Шульгина, в Белорецкий завод к Пугачеву «с требованием сюда помощи и чтоб атамана Белобородова определить здесь», в Чебаркуле. Однако Пугачев прислал указ, коим «велено Белобородову ехать в Белорецкий завод, а здесь остатца Михайловских. И потому реченной Белобородов туда отправился. От помянутого ж возвратившегося [в Чебаркульскую крепость] Шульгина слышал он, что самозванец призывал его к себе три раза»²³.

Данные об этом повелении Пугачева содержатся также в указе, отправленном Военной коллегией Белобородову 2 мая 1774 г. В коллежском указе сообщалось, что накануне, 1 мая, к нему был послан указ самого «Петра III» «о скором тебе со всею при тебе командою и артиллериею прибытии к его императорскому величеству, под Магнитную крепость». При этом Белобородову напоминалось, что «и пред сим уже ни одним указом определено ж было о прибытии сюда»²⁴. Но только от вас как команды с вами, так и репорту ни в какой силе не бывало»²⁵. Белобородов 4 мая получил указы Пугачева и Военной коллегии, находясь на полпути от Кундравинской слободы к Магнитной крепости, а 7 мая прибыл со своим отрядом к этой крепости и явился в ставку Пугачева.

§ 8. *Указ Е. И. Пугачева полковнику В. Михайловских (1 мая 1774 г.)*. Исетский казак В. Михайловских, пожалованный Пугачевым в полковники, был (наряду с атаманами И. Н. Грязновым и Г. Тумановым) крупным руководителем повстанческого движения в Исетской провинции в марте—начале мая 1774 г. В середине апреля, после отступления повстанцев из Челябинска, он отошел в Чебаркульскую крепость и оттуда разослал небольшие команды, чтоб иметь сведения о приближении неприятельских войск. Он поддерживал связь с Пугачевым, находившимся на Белорецком заводе, информировал его о действиях неприятеля, заготовлял провиант для пугачевского войска. Когда Пугачев получил рапорт есаула Шибоева об имевшемся будто бы у Белобородова намерении «отложиться» от «Петра III», то поручил Михайловских принять ответные меры в отношении Белобородова. Факты эти известны из показаний Белобородова. Он сообщил, что когда он выступил из Косотурского (Златоустовского) завода в поход к Белорецкому заводу, то приехали к нему от полковника Михайловских, «находившегося в Чебаркульской

²³ Протокол показаний Л. Заварухина на допросе 7 мая 1774 г. в походной канцелярии генерала Деколонга. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 62—62 об.

²⁴ Речь идет об апрельских указах Пугачева Белобородову (см. § 4 и 5 данной главы).

²⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 71.

крепости, шесть человек казаков и объявили, что к оному Михайловскому от самого «Пугачева» прислан указ, по рапорту объявленного Шибаева, чтоб против ево, Белобородова, поступить военною рукою за то, что он хочет от самозванца отложиться; он же, Белобородов, сказал им, что служит «Пугачеву» верно и изменить ему не желает». Когда же Белобородов вступил в Чебаркульскую крепость, то Михайловских «объявил ему оной указ, но он, Белобородов, и ево, Михайловскова, уверил, что он к... Пугачеву усерден, почему Михайловский и велел поспешать ему к назначенному месту»²⁶. Само прибытие Белобородова к Пугачеву в Магнитную крепость 7 мая 1774 г. опровергало обвинения, выдвинутые Шибаевым против Белобородова.

§ 9. Указ Е. И. Пугачева атаману Ф. Т. Кочневу (1 мая 1774 г.). Выше уже сообщалось, что 28 апреля 1774 г. полковник В. Михайловских послал из Чебаркульской крепости к Пугачеву в Белорецкий завод донесения с двумя курьерами, Ф. Т. Кочневым²⁷ и И. Шульгиным²⁸. В донесениях речь шла о присылке военной помощи в Чебаркуль, возможности оставления здесь бывшего отряда Белобородова, выплате жалованья канонирам и др. Пробыв три дня в пути, Кочнев и Шульгин 1 мая прибыли в ставку Пугачева и отдали ему посланные с ними донесения. Приняв их, Пугачев, как вспоминал на следствии Шульгин, «спрашивал о господине генерал-порутчике и ковалере Деколонге — где он имянно находится. На что и ответствовано от них ему было, что он состоит в городе Челябине».

В тот же день Кочнев и Шульгин были отправлены Пугачевым в Чебаркульскую крепость, причем Кочневу по его, видимо, просьбе был дан «от того государя указ, чтоб ему находитца при Кыштымском заводе обще с тут находящимися мещеряками и башкирцами, которых, по примеру, будет ста с четыре, и притом подтверждено, чтоб он, Кочнев, оных мещеряков и башкирцов не допускать до обид и разорения в заводах находящихся жителей. В награждение ж за то их верное к нему кувертов доставление [донесений] выдал Кочневу пять, а Шульгину два рубли»²⁹. Кочневу и Шульгину было поручено Пугачевым доставить его указы атаману Белобородову и полковнику Михайловских. В начале мая 1774 г. обстановка под Чебаркульской крепостью изменилась. Авангардные части корпуса генерала Деколонга захватили Чебаркуль, а 6 мая команда майора Ф. Жолобова нанесла поражение повстанцам в бою под деревней Травники. Кочнев

²⁶ Пугачевщина, т. 2, с. 330. В. Михайловских был захвачен в плен в бою 6 мая 1774 г. Видимо, он скончался от полученных в бою ран еще до начала следствия, чем и объясняется отсутствие протокола его допроса в делах походной канцелярии генерала Деколонга.

²⁷ Овчинников Р. В. Пугачевский атаман Федот Кочнев. — В кн.: Рифей: Урал. литературно-краевед. сб. Челябинск, 1979, вып. 2, с. 133—139.

²⁸ Крестьянин села Красный Яр под Уфой.

²⁹ Протокол показаний И. Шульгина на допросе 7 мая 1774 г. в походной канцелярии Деколонга. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 63—63 об.

еще накануне боя, «услышав прибытие к деревне Травникам войск, неведомо куда бежал»³⁰.

§ 10. Указ Е. И. Пугачева атаману И. Шульгину (1 мая 1774 г.). Упомянутый выше повстанец И. Шульгин, явившийся 1 мая 1774 г. к Пугачеву как ходатай канонеров Чебаркульской крепости с просьбой о выплате им жалованья, в тот же день получил именной указ «о имении над канонирами главной команды»³¹. Шульгин не успел вступить на этот пост, так как 6 мая 1774 г. он был захвачен в плен карательной командой майора Ф. Жолобова в бою под деревней Травники.

§ 11. Указ Е. И. Пугачева крестьянам Авзяно-Петровского завода (2 мая 1774 г.). Во второй половине апреля 1774 г. генерал Ф. Ю. Фрейман, находившийся с карательной командой в Табынске, направил на Авзяно-Петровский завод своего агента с манифестом Екатерины II. Прибыв туда и огласив манифест, он привел часть заводских крестьян «в послушание» сообщением о скором прибытии на завод команды Фреймана и, взяв с собой четырех крестьян, отправился в обратный путь к Табынску. Сразу же после этого выборный авзяно-петровских крестьян-повстанцев Я. Мещеряков уехал в Белорецкий завод к Пугачеву с сообщением о намерении Фреймана вступить на Авзяно-Петровский завод. Выслушав Мещерякова, Пугачев отправил его на завод со своим указом. Содержание его отражено в показаниях приписного крестьянина А. Ф. Зайцева³², данных им в Берг-коллегии 27 июня 1774 г. Он сообщил, в частности, что Пугачев, узнав от Мещерякова о событиях на заводе и «зная, что к нему [Пугачеву] чрез Авзяно-Петровские заводы надлежит итти военной команде, послал от себя к заводским обывателям повеление, приказав, прочтя оное, крестьяном з детьми и с пожитки з заводу выбираться, а завод весь выжечь». Когда 8 мая в завод прибыла передовая команда корпуса Фреймана, крестьяне объявили прибывшим, что сюда «указ от Пугачева наслан: завод весь выжечь, а крестьянам с женами и детьми ехать в лес или к Пугачеву»³³. Сведения об этом пугачевском указе имеются и в рапорте генерала Фреймана, посланном 10 мая 1774 г. к генералу Ф. Ф. Щербатову. Фрейман писал, что авзяно-петровские крестьяне получили от Пугачева «письменное повеление: выбираться со своими пожитками в горы и выжечь все строенье»³⁴.

³⁰ Протокол показаний Л. Заварухина на допросе 7 мая 1774 г. в походной канцелярии генерала И. А. Деколонга. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 62 об. Месяц спустя Кочнев снова явился в ставку Пугачева у Иргинского завода (под Кунгуром) и получил от него именной указ от 12 июня 1774 г. (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 34).

³¹ Протокол показаний Л. Заварухина на допросе 7 мая 1774 г. в походной канцелярии генерала И. А. Деколонга. — ЦГАДА, ф. 6, д. 627, ч. 9, л. 62 об.

³² Зайцев был проводником в команде генерала Фреймана в пути от Табынска до Авзяно-Петровского завода.

³³ ЦГАДА, ф. 271, л. 1339а, л. 123 об., 124.

³⁴ ЦГВИА, ф. 20, д. 1238, л. 647—647 об.

Крестьяне выполнили это предписание Пугачева. 9 мая они подожгли Верхний Авзяно-Петровский завод, где сгорели домны, молотовые фабрики, угольные сараи, вешняя плотина. Меньше пострадали от пожара Нижний Авзяно-Петровский и Кухтурский заводы. Большинство заводских крестьян с семьями ушли к Пугачеву. 10 мая в Авзяно-Петровский завод вступил корпус Фреймана, по приказу этого генерала были казнены арестованные накануне выборные крестьян-повстанцев — Я. Мещеряков и П. Кунгуров (Кунгурцев)³⁵.

§ 12—14. Указы Е. И. Пугачева Салавату Юлаеву, Юлаю Азналину и Яхье (Язы) Якшиеву (2 мая 1774 г.). При допросе 5 мая 1775 г. в Уфимской провинциальной канцелярии башкирский старшина Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги Уфимского уезда Юлай Азналин показал, что «прошлого 1774 году в мае месяце... Пугачев, быв на Белорецком Твердышева заводе, прислал на имя мое, сына моего, Салавата, старшины Язы Якшиева и протчих на татарском диалекте повеление, чтоб, собрав нам команды свои, чинить разворение состоящим на Сибирской дороге заводам и сожигать их»³⁶. Тогда же это свидетельство подтвердил и Салават Юлаев: «1774 году в мае месяце... Пугачев прислал на имя отца моего и мое, да и протчих письменное повеление с тем, чтоб нам все заводы выжечь»³⁷. Оба они, впрочем, добавляли, что этими же повелениями Пугачев «устраивал» их, что «если мы сего чинить не будем, то он нас вырубит». Но это сказано было скорее всего для того, чтобы снять с себя в какой-то мере ответственность за разгром заводов, переложив вину на уже казненного Пугачева. Салават и Юлай признались в том, что они в мае 1774 г. сожгли Симский завод, принадлежавший Я. Б. Твердышеву.

Уничтожение повстанцами ряда предприятий Южного Урала весной и летом 1774 г. свидетельствовало об изменении тактики руководителей движения по отношению к заводам. В первый период Крестьянской войны, когда Пугачев использовал заводы как производственную базу для изготовления артиллерии, оружия и припасов к ним, а также как источник снабжения повстанческого войска оружием, провиантом, фуражом и деньгами, заводы, как правило, не подвергались разрушениям, а отдельные самочинные нападения на них со стороны повстанцев преследовались и Пугачевым, и его Военной коллегией. С весны же 1774 г., когда карательные отряды стали систематически теснить и преследовать войско Пугачева и отдельные его отряды, он вынужден был пойти на уничтожение заводов (не затрагивая, как правило, заводских селений и ближайших к ним деревень), дабы лишить неприятеля возможности снабжаться оставшимися на заводах запасами продовольствия, фуража и боеприпасов.

³⁵ Протокол показаний А. Ф. Зайцева на допросе в Берг-коллегии в сентябре 1774 г. — ЦГАДА, ф. 271, д. 1339а, л. 124—125.

³⁶ Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 316—317.

³⁷ Там же, с. 318.

Подобная тактика, оправданная по чисто военным соображениям, не могла, впрочем, не обострить противоречий между заводским населением и башкирскими отрядами, ибо последние, действуя часто не столько по приказам Пугачева, сколько по собственному почину, не только уничтожали производственные сооружения заводов, захватывали имевшиеся на них запасы, но и громили заводские селения лишь потому, что они стояли на землях, некогда принадлежавших башкирам³⁸. Имели место факты, когда заводские крестьяне «нимало не защищали» заводы от нападения башкир и «не прибегнули к воинским командам ни с объявлением о опасности, ни с прозвобой о защищении». Так, например, приказчик Архангельского завода заявил властям, что «крестьяна допустили сами башкирцов до зажжения завода». Все это говорило о том, что «жестокость, употребляемая от заводчиков с своими крестьянами, возбудила их к ненависти против своих господ». Это писал не кто иной, как командующий карательными войсками генерал Ф. Ф. Щербатов, которого, конечно же, невозможно было заподозрить в сочувствии к крестьянам³⁹.

§ 15. Указ Е. И. Пугачева башкирскому старшине Муньяку (Мукняку) Сюлейманову (начало мая 1774 г.). Аналогичный, видимо, с предыдущими, указ Пугачева был получен башкирским старшиной Усерганской волости Ногайской дороги Уфимского уезда Муньяком Сюлеймановым. Приказчики Воскресенского завода писали 18 мая 1774 г. коменданту городка Табынска майору И. К. Маршилову, что приехавшие к заводу башкиры-повстанцы объявили указ Пугачева на русском языке и его татарский перевод, скрепленный «печатью, на коей изображен неведомо какой-то патрет, и около патрету подписано: „Государь Петр Третий Всероссийской“». При ознакомлении с указом приказчики установили, что он был адресован «не в завод Воскресенской, а к башкирскому старшине, живущему у Зелаирской крепости, Мукняку». Поэтому приказчики, мастеровые и заводские крестьяне отклонили требование башкир выдать им «от завода пушки, порох и людей на помощь для разбития стоящей на Бугульчане команды»⁴⁰.

§ 16. Указ Е. И. Пугачева старшине Шукуру Абязмову (Уразаеву) и согнику Упаку Абязмову (Уразаеву) (2 мая 1774 г.). Перед выступлением в поход к Магнитной крепости (2 мая 1774 г.) Пугачев решил заручиться поддержкой феодалов Среднего казахского жуза, и прежде всего султана Аблая, отправив к нему для переговоров особое посольство. По совету ближайшего своего сподвижника Кинзи Арсланова он вызвал к себе братьев

³⁸ Подробнее см.: Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 3, с. 53—60.

³⁹ Письмо Ф. Ф. Щербатова губернатору И. А. Рейнсдорпу от 16 июня 1774 г. — Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 191.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 592, л. 465. В деревне Бугульчан (на реке Белой) располагалась карательная команда майора И. К. Рылеева.

Шукура и Упака Абязмовых (Уразаевых) — башкир Бала-Катайской волости Исетской провинции, неоднократно бывавших у казахов, с тем чтобы назначить их в состав посольства к султану Аблаю. Упак Абязмов рассказывал на допросе, что в самом начале мая 1774 г. Пугачев, «находясь на Белорецком заводе, прислал к нему, Упаку, з братом ево, старшиною Шукуром, через есалу Айлинской волости Уметея Усянова указ, чтобы они были к нему для посылки их в Киргис-кайсацкую орду к хану, Аблаю-салтану, посланниками»⁴¹.

§ 17. Указ Е. И. Пугачева коменданту Магнитной крепости капитану С. К. Тулановскому (5 мая 1774 г.). Войско Пугачева, выступив 2 мая 1774 г. из Белорецкого завода и преодолев за три дня теснины Уральских гор, достигло Магнитной крепости. Гарнизон крепости приготовился к обороне. Стремясь избежать потерь, Пугачев отправил в крепость «указ, чтоб комендант здался. Однако ж он не послушал»⁴². Повстанцы, не имевшие у себя артиллерии, пошли на штурм крепости, но, понеся немалые потери убитыми и ранеными (сам Пугачев в бою был ранен в правую руку), временно отошли. 6 мая Пугачев предпринял новый штурм. После нескольких часов упорного боя гарнизон дрогнул, часть солдат и все исетские казаки перешли на сторону пугачевцев. К ночи Магнитная крепость капитулировала. Это был первый крупный военный успех Пугачева после серии тяжелых поражений его войска в боевых действиях весной 1774 г.

§ 18—21. Указы Е. И. Пугачева султану Аблаю, Даутбаетархану, Ембекею-батырю и Урамбетю-батырю (8 мая 1774 г.). На допросе в Москве Пугачев показал, что вскоре после взятия Магнитной крепости он отправил посольство к султану Среднего казахского жуза Аблаю: «Как он был в Магнитной крепости, то туда приехал башкирец»⁴³ (как зовут, не знает), и был оной в киргисах, и как оной к нему пришел, то он, Емелька, спросил ево: „Зачем ты пришел и откуда и кто тебя сюда прислал?“ И оной башкир сказал, что башкир и живет в Каргалинской орде и сюда пришел посмотреть государя. И он, Емелька, спросил: „А отсюда куда ж хочешь ехать?“ Башкир сказал: „Я опять поеду в киргисы“. А он, Емелька, спросил: „Отвезешь ли ты к Аблай-хану от меня письмо?“ Башкир сказал „Отвезу“. И он, Емелька, приказал заводскому мастеровому⁴⁴ (как ево зовут, не знает) написать по-татарски, а Творогову по-русски к Аблай-хану письма, в коих он писал, чтоб прислать к нему войска, где

⁴¹ Протокол показаний Упака Абязмова на допросе в Исетской провинциальной канцелярии в июне 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1274, д. 182, л. 232—232 об.

⁴² Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицком городке. — Вопросы истории, 1966, № 6, с. 121.

⁴³ Это был, видимо, Иткул (Уткул) Ураев, который приехал к Пугачеву с письмом от казахского феодала Даутбаетархана.

⁴⁴ Речь идет о Г. Туманове, который в мае 1774 г. был повытчиком в повстанческой Военной коллегии.

писано и о взятом под Оренбургом безденежно ево скоте⁴⁵, за которой и обещал присланному от него отдать деньги. И с теми письмами одного башкирца, да еще из ево толпы два башкирца⁴⁶ же, да казанского татарина⁴⁷, дав им денег двести рублей да всем по красному кафтану, отправил. Но на то никакой отповеди не получил и, где оные посланные девались, не знает. Оным же людем приказывал он, Емелька, чтоб они Аблая от него попросили, чтоб он, ежели блиско где кочуют бежавшие из России калмыки, то б он дал им весть, чтоб оне как можно скорее сюда к нему, Емельке, приезжали»⁴⁸.

Посольство возглавили братья Шукур и Упак Абязмовы (Уразаевы). Они должны были договориться с султаном Аблаем и влиятельными феодалами Среднего казахского жуза о присылке военной помощи войску Пугачева к Троицкой крепости или же, если эта подмога не подоспеет туда, к Звериноголовской крепости (на Ново-Ишимской линии укреплений), куда собирался следовать Пугачев. Один из членов посольства — Упак Абязмов, возвращаясь из казахских степей к Пугачеву, был арестован 14 июня 1774 г. под Санарской крепостью авангардной командой корпуса генерала С. К. Станиславского. В тот же день Упак Абязмов был допрошен в походной канцелярии этого генерала и дал показания о пугачевском посольстве в Средний жуз, сообщив, что «он с братом ево, походным старшиною Шукуром от... Пугачева ис-под крепости Магнитной майя 8 числа и с ним казанской татарин Раим и башкирец Уткул Ураев (которой недавно перед тем от киргисского старшины Даутбай-тархана с письмами [к Пугачеву] приехал, в коих, как слышно, он, тархан, писал Пугачеву о своем доброжелательстве и во всем послушании) посланы к киргисцам с письмами. А оные были писаны по-русски с переводом татарского диалекта к Аблай-хану, к показанному Даутбай-тархану, Ембекею-батырю и Урамбетю-батырю, коими просил о вспоможении против российских войск, ибо он — действительный государь Петр Третий, император, неправедно от престола своего изгнанной. А сверх того им словесно приказано всех киргисцов уговаривать, чтоб к нему, Пугачеву, собрались».

В пути посольство разделилось на две группы. Шукур Абязмов, Иткул Ураев и татарин Раим поехали в ставку султана Аблая, а Упак Абязмов — в кочевья Даутбая-тархана и Ембекея-батыря, куда и приехал 25 мая. Даутбай-тархан, собрав «старшин человек до тридцати», ознакомил их с посланиями Пугачева. Старшины «согласились Пугачеву отписать, что они со-

⁴⁵ Имеются в виду гурты скота, захваченные осенью 1773 г. у казахов, пришедших под Оренбург для меновой торговли.

⁴⁶ Братья Шукур и Упак Абязмовы (Уразаевы).

⁴⁷ Казанский татарин Раим.

⁴⁸ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 211. О предшествующих сношениях Пугачева с султаном Аблаем и подвластными ему феодалами Среднего казахского жуза см.: *Бекмаганова Н. Е.* Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева в 1773—1775 годах). Алма-Ата, 1968, с. 168—170.

гласны и во всем помогать будут, и куда явиться, и какие места разорять прикажет». Написав письма, вручили их Аралбаю (сын Ембекея-батыря) и Упаку Абзямову, отправили их в сопровождении 10 казахов к Пугачеву. Не застав его в Троицкой крепости (Пугачев ушел оттуда, потерпев поражение в битве 21 мая), они отправились было «ехать в Урал для сыску... Пугачева», но у Санарской крепости их арестовала карательная команда⁴⁹.

Другой части посольства, возглавляемой Шукурком Абзямовым, удалось встретиться с султаном Аблаем, и он также отправил письмо Пугачеву, но оно не дошло до него, так как к тому времени Пугачев ушел с войском в Прикамье⁵⁰.

Сведения о посольстве Пугачева к султану Аблаю и подвластным ему феодалам Среднего жуза сохранились в ряде документальных свидетельств того времени. Башкир Муртаза Зянбаев, находившийся в войске Пугачева, писал в начале июня 1774 г. к башкирам Гарейской волости, что «Киргис-кайсацкой орды от Аблай-хана к Петру Федоровичу прислан был посол с тем, что он от него помощи требует ли? И напротиву чего и оной государь к нему, Аблаю, присовокупя к тому присланному ведомства Исецкой провинции называемых Упака и Шукура [Абзямовых] послал, и тое даваемую от них помощь признал за хорошее»⁵¹. Об этом посольстве сообщали генералу Деколонгу сотник аюкинских калмыков Мурзабай Кашкин и башкирский сотник Исерган Илкыбаев на допросе 14 июня 1774 г., что «в Киргис-кайсацкую орду к Аблай-султану» посланы башкиры от Пугачева «с письмом, чтоб они [казахи] собрали киргисцов немалое число и разорили 6 линейные крепости»⁵². Данные о пугачевском посольстве в Средний жуз нашли отражение в «Хронике» П. И. Рычкова: «Сказывают, что самозванец Пугачев, пришед на Уйскую линию, посылал от себя в среднюю Киргис-кайсацкую орду к Облаю-салтану и к тамошним старшинам с требованием, чтоб они ему к овладению Троицкой крепости помогли»⁵³.

§ 22—31. *Указы Е. И. Пугачева Салавату Юлаеву и другим башкирским старшинам-повстанцам (5 июня 1774 г.)*. Потерпев поражения в боях с карателями у Троицкой крепости (21 мая 1774 г.) и под Кундравинской слободой (22 мая), войско Пугачева направилось на северо-запад, захватило в пути Чебаркульскую крепость (29 мая), Златоустовский (31 мая) и Саткинский заводы (1 июня) и 3 июня вышло к деревне Нижние Киги

⁴⁹ Ордер генерала С. К. Станиславского бригадиру С. Сумарокову от 14 июня 1774 г. — В кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 190—191; Протокол показаний Упака Абзямова на допросе 19 июня 1774 г. в Исетской провинциальной канцелярии. — ЦГАДА, ф. 1274, д. 182, л. 231—233.

⁵⁰ Подробнее см.: Бекмаханова Н. Е. Указ. соч., с. 170—171.

⁵¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 145.

⁵² ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 306—306 об.

⁵³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1, с. 347. О других источниках, освещающих сношения казахских феодалов Среднего жуза с Пугачевым, см.: Бекмаханова Н. Е. Указ. соч., с. 170—176.

в среднем течении реки Ай, где отбило атаку со стороны преследующего повстанцев карательного корпуса подполковника Михельсона. Накануне этого боя к Пугачеву присоединилась башкирская конница Салавата Юлаева. Пугачев, вспоминая это событие, рассказывал, что по вступлении его войска в башкирские селения у реки Ай он встретил «стоящих на конях башкирцов до трех тысяч человек. И из оных, увидя идущую его толпу, старшина Салават, подъехав к нему, Емельке, сказал: „Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидаемся, ваше величество, а нас-де старшин здесь трое“. И он, Емелька, сказал: „Благодарствую. Послужите мне!“»⁵⁴. В последующие два дня к Пугачеву пришли еще несколько башкирских старшин с отрядами, в которых было «великое множество» конных башкир и татар. 5 июня 1774 г., накануне новой битвы против команды Михельсона, Пугачев жаловал пришедших к нему старшин чинами. Пугачевский полковник А. П. Перфильев сообщил на допросе, что в тот день Пугачев «башкирцов жаловал: одного старшину их — генералом, а другога — бригадиром, человек десять — полковниками и некоторых из них — кармазинными кафтанам»⁵⁵.

Пожалование верных старшин воинскими званиями было оформлено именными указами Пугачева. Один из них — указ о производстве башкирского старшины Дуванской волости Медета Миндиарова в чин полковника — сохранился⁵⁶, благодаря чему представилась возможность реконструировать в полном объеме и виде текст пугачевского указа о пожаловании Салавата Юлаева в чин главного полковника (бригадира)⁵⁷, ибо сам он признался на допросе, что с июня 1774 г. ему велено было от Пугачева «править должность брегадира»⁵⁸.

Пугачевским указом в чин главного полковника (бригадира) был возведен и мишарский сотник Ногайской дороги Канзафар Усаев. Следует в связи с этим отметить, что одновременно с именованным указом Пугачева Канзафару Усаеву 5 июня 1774 г. был вручен указ повстанческой Военной коллегии, где он упоминался в новом звании⁵⁹. Будучи в начале августа 1774 г. захвачен в плен, Канзафар Усаев показал, что два месяца назад он явился в ставку Пугачева, рассказал ему «все, что происходит в Башки-

⁵⁴ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 211.

⁵⁵ Протокол показаний А. П. Перфильева на допросе 12 сентября 1774 г. в Яицкой секретной комиссии. — Вопросы истории, 1973, № 8, с. 106. Сходные показания дал тогда же и пугачевский сотник П. А. Пустобаев (ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 391).

⁵⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 33.

⁵⁷ Овчинников Р. В. Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева). — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1976, с. 245—247.

⁵⁸ Протокол показаний Салавата Юлаева на допросе 5 мая 1775 г. в Уфимской провинциальной канцелярии. — Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 319.

⁵⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева... , док. № 72, 73.

ри, за что он мне дал 50 рублей ... манифест о возмущении народа и указ для ведома всем, что я полковник»⁶⁰.

Старшина Юлай Азналин июньским указом Пугачева был назначен главным атаманом. Год спустя, вспоминая события июня 1774 г., Юлай Азналин рассказывал на следствии, что Пугачев «для лутчего в народе разбирательства и учредил меня над всеми в нашей стороне обитающими главным атаманом по прозвбе народной, приказывая притом мне, что естли кто будет просить о переходе из одного в другое жительство, то оное делать дозвлять»⁶¹. Это следует понимать как назначение Юлая Азналина старшим администратором в башкирских волостях всей Сибирской дороги Уфимского уезда, что соответствовало должности главного старшины в иерархии управления административно-территориальными округами — дорогами в Уфимской и Исетской провинциях. Сохранилось письмо Салавата Юлаева и Юлая Азналина к управителям и приказчикам Катав-Ивановского завода (от 10 сентября 1774 г.), в котором Юлай Азналин называет себя в соответствии с указом Пугачева главным атаманом⁶².

В числе башкирских старшин, явившихся со своими отрядами к Пугачеву и получивших от него 5 июня 1774 г. указы о присвоении им воинских званий, были, видимо, старшины Исетской провинции: Мякотинской волости — Базаргул (Барзагул) Юнаев (депутат Уложенной комиссии 1767 г.), Кара-Табынской волости — Юламан Кушаев (Кошаев), Айлинской волости — Муртаза Юртаумов (Юртумов), Айлинской волости — Байгаза Козямышев. На допросе в походной канцелярии генерала Деколонга калмыцкий сотник Мурзабай Кашкин и башкирский сотник Исерган Илкыбаев показали, что Пугачев произвел Базаргула Юнаева в фельдмаршалы, Юламана Кушаева — в генералы, Муртазу Юртаумова и Байгазу Козямышева — в полковники⁶³. Показания Мурзабая Кашкина о пожаловании одного из башкир-пугачевцев в чин фельдмаршала, а другого — в генералы неверны, ибо впервые такие воинские звания были введены Пугачевым в конце августа 1774 г. Возможно, полковничьи звания были даны и таким видным участникам повстанческого движения из числа башкир, как Айт Аитов, Муксин Миндиаров, Токтамыш Ижбулатов, а из ясачных татар — Абдулла Тохтаров, именовавшимся полковниками и в начале июня 1774 г. действовавшим совместно с «Главным войском» Пугачева⁶⁴.

§ 32. Указ Е. И. Пугачева хорунжему елдяцких казаков С. Шеметову (12 июня 1774 г.). Под деревней Месягутовой у реки Ай 5 июня 1774 г. произошел бой между «Главным войском»

⁶⁰ Протокол показаний Канзафара Усаева на допросе 4 августа 1774 г. в походной канцелярии полковника Н. Н. Кожина. — В кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. на территории Башкирии, с. 221.

⁶¹ Там же, с. 317.

⁶² Там же, с. 229.

⁶³ ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 306—306 об.

⁶⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., с. 71; Крестьянская война 1773—1775 гг. в Башкирии, с. 222, 241, 269, 306, 316, 319.

Е. И. Пугачева и корпусом подполковника И. И. Михельсона — бой, не давший заметного перевеса ни повстанцам, ни карателям. Михельсон отвел свой корпус в Уфу, а Пугачев направился на северо-запад, к Кунгуру. Путь пугачевского войска проходил восточнее крепости Елдяк (на правом берегу реки Уфы), и один из казаков этой крепости, С. Шеметов, явился в ставку Пугачева. Там он получил именной указ, содержание которого отражено в протоколе показаний служителей Златоустовского завода Л. Морозова, А. Федорова и С. Васильева на допросе 20 июня 1774 г. в походной канцелярии полковника А. Я. Якубовича. Они сообщили, что бежали с завода после вступления туда повстанцев (31 мая), а потом, прибыв в крепость Елдяк, узнали от местного казака С. Шеметова, что он ездил к Пугачеву и привез от него указ, в котором говорилось, «чтоб они [елдяцкие казаки] в Елдяке толпы збирали и давали о наших командах ему [Пугачеву] знать, чтобы он мог их защитить, докуда чрез завод Суксунский Демидова в Кунгур дойдет, а оттоль с елдятскими и другими толпами соединится»⁶⁵. Смысл этого распоряжения Пугачева заключался в намерении обеспечить тылы своего войска местными повстанческими отрядами, которые позднее, после овладения Кунгуром и прикамскими заводами, должны были соединиться с главными силами и принять участие в намеченном походе на Казань.

С. Шеметов в октябре 1774 г. попал в плен к карателям, и в его следственных показаниях сообщаются интересные данные о происхождении и содержании врученного ему пугачевского указа. На первом допросе в Уфимской провинциальной канцелярии Шеметов сообщил, что в начале июня 1774 г., когда «разные иноверцы крепости их жителям стали чинить немалые обиды и намерение свое объявили крепость выжечь», атаман Елдяцкой крепости А. Шеметов, «написав о тех обидах и намерениях иноверцев» доношение к Пугачеву, отправил к нему казаков С. Шеметова и С. Лебедева. Они нашли Пугачева на Иргинском заводе (куда он вступил 12 июня), и он в ответ на то доношение дал им указ «с тем, чтобы те иноверцы никаких обид им [казакам Елдяцкой крепости] не чинили»⁶⁶. При втором, «пристрастном» допросе Шеметов дал более подробное показание о содержании пугачевского указа: это был «защитительный указ на имя его [Шеметова], в котором он именован хорунжим, и велено ему, выбрав атамана и собрав партию, против верных [правительству] команд супротивления чинить; которой указ и был всегда при нем, но он его — не знает где — потерял»⁶⁷.

В сентябре 1774 г. С. Шеметов с полусотней елдяцких казаков присоединился к отряду Салавата Юлаева и вместе с ним участ-

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 20, д. 1239, л. 385—385 об.

⁶⁶ Изложение показаний С. Шеметова в рапорте Уфимской провинциальной канцелярии в Казанскую секретную комиссию от 11 ноября 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 443, л. 53—53 об.

⁶⁷ Там же, л. 55.

вовал в боях против карательной команды подполковника И. К. Рылеева под деревней Нуркиной и у Елдяцкой крепости⁶⁸. 8 октября Шеметова захватила в плен карательная команда майора Д. О. Гагрина. Пять месяцев Шеметов содержался в Уфимском тюремном остроге, а потом, по определению Казанской секретной комиссии от 27 февраля 1775 г., был нещадно бит плетьюми, заново приведен к присяге и определен рядовым казаком в гарнизон Елдяцкой крепости⁶⁹.

§ 33. Указ Е. И. Пугачева гарнизону крепости в пригородке Оса (20 июня 1774 г.). Следуя из Башкирии в Прикамье, войско Пугачева 10 июня 1774 г. захватило Красноуфимск и направилось к Кунгуру, но 11 июня в бою под Ачитской крепостью было остановлено командой кунгурского гарнизона. Пугачев повернул на запад и, следуя через Иргинский, Уинский, Ашاپский и Шермяитский заводы, 19 июня вышел к пригородку Оса на левом берегу Камы. За несколько дней до этого Оса, обороняемая местными карательными командами и прибывшими из Казани войсками во главе с майором Ф. В. Скрипицыным, была блокирована башкирскими повстанческими отрядами и авангардными частями пугачевского войска во главе с атаманом И. Н. Белобородовым и бригадиром Салаватом Юлаевым. Пугачевцы вступили в переговоры с командирами осажденного гарнизона, но они отказались капитулировать. После этого Пугачев, «отойдя в стан, велел написать указ, чтоб здались без баталии»⁷⁰. Утром 20 июня повстанцы передали указ защитникам осинской крепости. Воевода городка Осы поручик Ф. Д. Пироговский, вспоминая события того дня, рассказывал, что «один из яицких казаков привес с собою от Пугачева указ и, не доезжая до форштату, оставил ево на полевой городьбе, а сам уехал в толпу. Которой указ посланной от майора Скрыпицына человек привес и, прочетши оной, много тому смеялись; но что в нем было написано, он, Пироговской, не знает, потому что он ево не читал»⁷¹. Можно предположить, что офицеры смеялись по поводу тех пожалований, которые обещал в своем указе вновьявленный «Петр III» жителям, солдатам и офицерам гарнизона Осы за добровольную сдачу крепости.

Ввиду отказа командования гарнизона крепости пойти на капитуляцию на тех условиях, которые были изложены в указе,

⁶⁸ Там же, л. 53—53 об.

⁶⁹ Там же, л. 56—56 об.

⁷⁰ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Яицком городке. — Вопросы истории, 1966, № 4, с. 121.

⁷¹ Протокол показаний Ф. Д. Пироговского на допросе в Казанской секретной комиссии в июле 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 440, л. 21—21 об. Подпоручик казанского гарнизона Ф. Д. Минеев, перешедший в Осе на сторону Пугачева и служивший полковником в его войске, на допросе в Казанской секретной комиссии утверждал, что Пугачев послал в Осу якобы не один, а два указа: 23 июня пугачевцы перехватили пакет, посланный пленными офицерами, майором Скрипицыным и капитаном С. М. Смирновым, в Казань, в пакете оказался их рапорт «с приложением во оном двух его [Пугачева]... о преклонении к нему народа указов» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1940, т. 9, ч. 2, с. 702).

Пугачев повел свои полки на штурм крепости. К концу дня выяснилось, что силы осажденных пришли к концу и дальнейшее сопротивление бессмысленно. 21 июня гарнизон капитулировал, и Пугачев вступил в Осу.

§ 34. Указ Е. И. Пугачева крестьянину Шермяитского завода Г. Новикову (23 июня 1774 г.). Захватив Осу, Пугачев направился левым берегом Камы на запад. 23 июня 1774 г. повстанцы начали переправу на правый берег реки на Ножевском перевозе и здесь захватили караван судов с хлебом, плывущий в верховья Камы. Пугачев погрузил часть своего войска на эти суда, назначил командиром флотилии крестьянина Шермяитского завода Г. Новикова, приказав ему плыть вниз по Каме до села Котловки. Крестьянин того же завода К. А. Гладышев рассказывал на следствии, что Пугачев при отправлении флотилии вручил Новикову указ, «чтоб плыть в село Котловку, выгрузясь с судов, и расположитца там станцею, дожидатца, когда-де возьму Казань, то пришло вторичной указ, куда вам отправитца»⁷². В начале июля, когда повстанческое войско проходило вблизи села Котловки, котловский крестьянин К. С. Карасев (Карась) явился в ставку Пугачева. Среди прочих поручений Пугачев «велел ему, Карасю, когда приплывут сверху Камы с семействами⁷³ и провиантом суда, то б их при Котловке оставить, и людей всех взять по домам и довольствовать тем провиантом по препорции до указа»⁷⁴. Сам Пугачев на допросе в Москве в Тайной экспедиции Сената 11 декабря 1774 г. вспоминал, что когда он шел со своими отрядами от Осы в Казань, то отправлен был «не знаемой провиант или, лутше сказать, одно судно⁷⁵, но толпа его присвоила то судно к себе. Почему и приказал он то судно привалить к селу Котловке, а чтоб с него хлеб не грабали, то велел то судно отдать показанному Карасю для того одного, чтоб оно было цело, а Карась — человек старой, так бы он ево зберег»⁷⁶. Из этого показания видно, что в указе, врученном Г. Новикову, содержалось предписание о передаче доставленного в Котловку хлеба под сохранение К. С. Карасеву, который был знаком Пугачеву еще со времени его побега из казанского острога в мае 1773 г. При встрече же с Карасевым в июле 1774 г. Пугачев спросил его: «Получил ли ты посланное от меня с провиантом судно?» На что Карась сказал, что он ничего не получал. И он, Пугачев, сказал тому Карасю: «Ну, слушай-ка, когда после то

⁷² Протокол показаний К. А. Гладышева на допросе в Казанский секретной комиссии в августе 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 64.

⁷³ На речных судах пугачевской флотилии находились заводские крестьяне-повстанцы с их семьями.

⁷⁴ Протокол показаний К. С. Карасева на допросе 18 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 3, л. 400 об.

⁷⁵ Пугачев вспомнил не о всей флотилии в целом, а лишь о наиболее крупном ее судне, «флагманском» корабле, на котором была основная масса захваченного хлеба и где, видимо, находился командир флотилии Г. Новиков.

⁷⁶ Вопросы истории, 1966, № 7, с. 107.

судно к тебе придет, ты его бес приказу не выгружай...»⁷⁷. Однако пугачевская флотилия не смогла пробиться к Котловке. 8 июля эта флотилия, состоявшая из трех крупных барок и нескольких лодок, была атакована вблизи села Бетки карательной командой полковника А. Ф. Обернибесова и после недолгой перестрелки остановлена. Каратели захватили в плен до 380 повстанцев. При выгрузке хлеба на берег у барок были подрублены днища и борта, и они затонули⁷⁸. Так завершилась история камской флотилии Пугачева.

§ 35. *Указ Е. И. Пугачева крестьянам Сарапульской волости (не позднее июня 1774 г.).* Вступив в пределы Казанской губернии, Пугачев принял энергичные меры по мобилизации местного населения в повстанческое войско, которое, захватив городок Осу (21 июня 1774 г.), Воткинский (24 июня) и Ижевский заводы (27 июня), направилось к Казани. Эмиссары Пугачева, снабженные его указами и предписаниями Военной коллегии, опережая «Главное войско» восставших, а порой действуя в его тылах и на флангах, вели антикрепостническую агитацию в поддержку «Петра III» в селениях русских заводских, помещичьих и государственных крестьян, ясачных татар, удмуртов, марийцев, чувашей и мордвы, набирали годных к службе людей в партии и отряды, вели их на соединение к Пугачеву.

Один из таких пугачевских эмиссаров — крестьянин села Березовки Н. Воробьев — в Петров день (29 июня) явился в деревню Карякину дворцовой Сарапульской волости и на созванном сходе объявил крестьянам, что он прислан от «императора Петра III» с «указом о наборе в службу его казаков». Вскоре в деревню вступили отряды пугачевских полковников Яркая Кадерметева и Аита Сейтова. Партия мобилизованных карякинских крестьян догнала вместе с ними Пугачева в начале июля в селе Мамадыш и была зачислена в состав полка атамана И. Н. Белобородова⁷⁹.

§ 36—37. *Указы Е. И. Пугачева крестьянам Галицкой и Арской дорог («даруг») Казанского уезда (2 июля 1774 г.).* Эмиссаром ставки Пугачева в июле 1774 г. служил ясачный татарин деревни Ковали Галицкой дороги Казанского уезда Исхак Ахметев. Он был ветераном Пугачевского движения, участвовал в осаде Оренбурга, в уральском походе войска Пугачева, в боях под Магнитной и Троицкой крепостями, городком Осой, во взятии Воткинского и Ижевского заводов⁸⁰.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Рапорт полковника А. Ф. Обернибесова генералу Ф. Ф. Щербатову от 11 июля 1774 г. — В кн.: Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Удмуртии. Ижевск, 1974, с. 220—222.

⁷⁹ Протокол показаний крестьян деревни Карякиной на допросе 22 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 8, л. 252—253.

⁸⁰ В конце марта 1774 г. Исхак Ахметев ездил с указом Пугачева к башкирскому старшине Баиму Кедряеву (см. ч. II, гл. 1, § 52).

Вступив 2 июля в село Елабугу на Каме, Пугачев в порядке подготовки вступления его войска в селения Арской и Галицкой дорог⁸¹ решил отправить туда надежного человека со своими указами. Выбор его пал на Исхака Ахметева, хорошо знакомого с местными условиями. Исхак Ахметев показал на следствии, что, «будучи в селе Елабуге он, Ахметев, получил» от Пугачева «два указа о наборе в казаки с жительств людей по Арской и Галицкой дорогам». При этом было велено «уверить народ, что он, самозванец, — истинной государь император Петр Федорович, и тем самым привлечь народ в повиновение»⁸². Указы были написаны, видимо, на татарском языке, так как население обеих дорог было по преимуществу нерусским, с преобладанием татар. Своим содержанием они объявляли льготы, обещанные народу за верную службу «Петру III». По неизвестным причинам Пугачев временно отложил отъезд Исхака Ахметева с этими указами: «... однако ж в то время ехать ему не велел». Исхак Ахметев оставался в ставке Пугачева вплоть до взятия Казани (12 июля 1774 г.) и сражения, происходившего вечером того же дня на Арском поле с подоспевшим корпусом подполковника Михельсона. Не ожидая исхода этого сражения, Исхак Ахметев, взяв с собой двух татар, с «предписанными, данными ему» от Пугачева «повелениями поехал в прежнее свое жительство, в деревню Ковали, для набора людей». Приехав туда и собрав «мирских людей», он читал им пугачевские указы, однако «казаков дано ему не было, а объявлено, что люди у них все в разброде». 15 июля в деревню явились два повстанца, которые объявили, что в тот день Пугачев потерпел решительное поражение в битве под Казанью. Вскоре Исхак Ахметев и двое приехавших с ним татар были арестованы и отправлены в Казанскую секретную комиссию⁸³.

§ 38. Указ Е. И. Пугачева полковнику Д. М. Загуменнову (не ранее 3 июля 1774 г.). Приписной крестьянин Авзяно-Петровского завода Д. М. Загуменнов задолго до Крестьянской войны участвовал в волнениях приписных крестьян в 1760—1761 гг.⁸⁴; в октябре 1773 г. он примкнул к Пугачевскому движению; вместе с атаманом А. Т. Соколовым-Хлопушей был при взятии Авзяно-Петровского завода, потом в составе войска Пугачева участвовал в уральском и казанском походах, командуя Авзянским полком, сформированным из уральских заводских крестьян. В начале июля 1774 г., когда повстанческое войско вышло в Нижнее Прикамье, Пугачев отправил Загуменнова в прикамские селения, приписные к Авзяно-Петровскому заводу (Котловка, Афонасова, Болдырь и др.), где он должен был пополнить свой полк ново-

⁸¹ Арская дорога располагалась в северо-восточной части, а Галицкая — в западной части Казанского уезда.

⁸² Протокол показаний Исхака Ахметева на допросе 27 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 2, л. 280 об.—281.

⁸³ Там же, л. 279—281. По определению Казанской секретной комиссии Исхак Ахметев был сослан на пожизненную каторгу (там же, л. 286).

⁸⁴ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 3, с. 103—104.

бранцами из крестьян. 3 июля Загуменнов с тремя сотнями казаков явился в село Котловку, собрал на сход крестьян и объявил им «строжайший» указ Пугачева, «чтоб ево... все признавали императором Петром Третьим» и дали казаков в его армию. При этом Загуменнов «изъяснял», что тем крестьянам, которые будут верно служить «Петру III», «на семь лет обещал никакой подати не брать, а только служить будут ему несколько в казаках, о чем-де ис Казани и указ пришлетца». Загуменнов взял в свой полк 170 котловских крестьян и увел их к Пугачеву⁸⁵.

Авзянский полк Загуменнова участвовал в боях под Казанью 12—15 июля 1774 г., в походе войска Пугачева по правобережью Волги. Загуменнов был ранен в бою 15 августа 1774 г. у реки Пролейки; а десять дней спустя погиб в битве у Солениковой ватаги под Черным Яром.

§ 39. Указ Е. И. Пугачева котловскому крестьянину К. С. Карасеву (Карасю) (4 июля 1774 г.). В делегации жителей села Котловки Казанского уезда, явившихся в стан Пугачева 3 июля 1774 г., был 70-летний К. С. Карасев (Карась), активный участник происходившего в 1760—1761 гг. выступления крестьян прикамских селений, приписных к Авзяно-Петровскому заводу⁸⁶. Он познакомился с Пугачевым летом 1773 г., когда тот, бежав с алатским купцом П. П. Дружининым из казанского острога, пробирался на Яик, был в селе Котловке и переправлялся на левый берег Камы. Когда год спустя Пугачев снова появился в этих местах и узнал, что к нему явилась делегация из Котловки, он вспомнил о Карасеве. Вот как рассказал об этом эпизоде сам Пугачев. Когда он шел с войском вблизи Котловки, то «встретил ево поп на дороге с крестами с народом. Подъехав к оной стрече, спросил: „Откудова поп?“ На что, как сказали ему: „Мы-де, надежда-государь, из Котловки“, и он тотчас вспомнил о Карасе и спросил: „Где здесь мужик, знакомой мне, — Карась?“ И поп и другие ис тех стретивших привели к нему, Пугачеву, Карася, коего он спросил: „Узнал ли ты меня, как мы ехали с Дружининым и купили у тебя рыбу?“ На что Карась, поклонясь ему в ноги, сказал: „Нет, государь, не узнал, вить здесь много ездят“»⁸⁷.

Примерно такую же картину встречи с Пугачевым изобразил в своих показаниях и Карасев. Он сообщил, что узнал в «Петре III» Пугачева, но побоялся признаться ему в этом, заявив, что «ево знает, а признавает, как и протчие, истинным государем и ево власти быть должен, прося ево... чтоб он как

⁸⁵ Протокол показаний котловских крестьян С. Соловьева, М. Никитина, Т. Федотова, М. Улитина на допросе 17 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 349, д. 7370, л. 2; Протокол показаний К. С. Карасева (Карася) на допросе 18 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, ф. 6, д. 487, ч. 3, л. 400—400 об.

⁸⁶ Подробнее см.: *Маевский В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева. Л., 1980, с. 446—447.

⁸⁷ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе 11 декабря 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — Вопросы истории, 1966, № 7, с. 107.

своих рабов жаловал». На что Пугачев сказал котловским крестьянам: «...со всех крестьян семь лет дани брать не буду, а только служить будут ему поочередно в казаках». 4 июля Карасев приехал к Пугачеву в село Мамадыш с просьбой облегчить казачью повинность котловских крестьян. В ответ на это Пугачев передал с полковником Д. М. Загуменновым «повеление, что он [Пугачев] ево, Карася, жалует полковником над Котловской волостью, и притом подтвердил: государь приказал тебе, Карасю, чтоб ты ему служил верно и народ не разорял, а делал бы между ими справедливую управу»⁸⁸. Повеление Пугачева было оформлено именным указом, и Карасев был назначен, видимо, не полковником, а атаманом, ибо он определялся не на командную должность в войсках, а в гражданские администраторы. В связи с этим следует упомянуть утверждение Пугачева на допросе «полковником тому Карасю быть никогда не приказывал»⁸⁹.

В течение двух недель Карасев исполнял должность атамана в Котловке и окрестных селениях, а после бежал из села, укрывался в ближних деревнях и лесах, но в середине августа был арестован карателями в селе Слутки и доставлен в Казанскую секретную комиссию. 29 августа начальник комиссии генерал П. С. Потемкин доносил Екатерине II, что посланной командой арестован К. С. Карасев, «старой знакомец Емельки Пугачева, крестьянин [заводчика] Демидова из села Котловки, который назван был... полковником». «Ему повелено было в окружности своей делать в поселениях возмущение: сей сообщник [Пугачева] давно оглашался предательством»⁹⁰. Потемкин приговорил Карасева к повешению. Казнь эта была совершена 6 ноября 1774 г. в селе Котловке⁹¹.

§ 40. Указ Е. И. Пугачева крестьянам прикамских селений (4 июля 1774 г.). Вступив в село Мамадыш 4 июля, Пугачев узнал, что преследующие его карательные войска (части подполковника Михельсона, полковника Обернибесова, генерала Голицына) подошли к Каме и готовятся к переправе с левого берега на правый. Чтобы обезопасить тылы и левый фланг своего войска, Пугачев отправил в селения по правобережью Камы указ об охране переправ (перевозов), уничтожении и о затоплении переправочных средств (паромов, судов и лодок). Упоминание об этом указе содержится в рапорте капитана С. Астафьева (из Кичуевского фельдшанца) генералу Ф. Ф. Щербатову от 18 июля

⁸⁸ Протокол показаний К. С. Карасева на допросе 18 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 3, л. 400—402. Его сын, П. К. Карасев, на допросе 26 июля 1774 г. в той же комиссии сообщил, что К. С. Карасев ездил к Пугачеву, «а чрез двое суток, приехав в дом свой, объявил ему», что Пугачев «ево над окольными жительствовами, как и над селом Котловкою и над прочими, пожаловал полковником» (там же, л. 397—397 об.).

⁸⁹ Вопросы истории, 1966, № 7, с. 107.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 6, д. 489, л. 94.

⁹¹ Рапорт прапорщика Т. Гребенникова в Казанскую секретную комиссию от 6 ноября 1774 г. — Там же, д. 467, ч. 3, л. 434.

1774 г.⁹² Сведения об исполнении пугачевского указа относительно охраны речных переправ через Каму и Вятку содержатся в рапортах полковника Бахтияра Канкаева в повстанческую Военную коллегию, в его приказах сельским властям правобережья Камы и Вятки и в их донесениях полковнику (документы от первой половины июля 1774 г.)⁹³.

§ 41. Указ Е. И. Пугачева полковнику Бахтияру Канкаеву (4 июля 1774 г.). Бахтияр Канкаев, мишар одной из восточных волостей Казанского уезда, присоединился к Пугачевскому движению в начале декабря 1773 г.⁹⁴ Он участвовал в военных действиях под Кунгуром и в северо-восточной Башкирии и 13 июня 1774 г. получил предписание Пугачева о формировании русских и башкирских команд в Прикамье для пополнения «Большой армии» восставших⁹⁵.

4 июля Бахтияр Канкаев явился в село Мамадыш, где получил новый указ с аналогичным поручением — «наставление о наборе казаков», как сообщил на следствии татарин Уфимского уезда Абубакир Клячев (Тлячев), служивший писарем в отряде Бахтияра Канкаева⁹⁶. Более полные сведения о содержании этого указа приведены в протоколе показаний казанского татарина Аднагула Юсеева: «Бахтияр уверял, что он [Петр III] жив, и ты тому верь, и показывал притом якобы данной ему от него указ за подписью его руки. Содержание ж оного пересказывал ему в такой силе, что велено ему набрать в службу из разных жителей казаков, коих и доставить к Казани»⁹⁷, куда, как известно, направилось из Мамадыша войско Пугачева.

Бахтияр Канкаев отправился в селения по Арской и Зюрейской дорогам, где набрал в свой отряд до 2 тыс. крестьян⁹⁸; отряд охранял тылы войска Пугачева, контролировал дороги к Казани с востока и речные переправы через Каму и Вятку и, по существу, являлся до конца июля 1774 г. хозяином положения в Нижнем Прикамье. Не успев присоединиться к Пугачеву, находившемуся до середины июля под Казанью, Бахтияр Канкаев оказался в критической ситуации. 25 и 27 июля авангардные команды прапорщика П. Товеркина и поручика Н. Калалая из карательного корпуса подполковника С. В. Неклюдова, подошедшего из Казани, нанесли поражение отряду Бахтияра Канкаева в боях под деревнями Большие и Малые Зюри. Значительная часть повстанцев попала в плен, многие рассеялись по окрестным ле-

⁹² ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 367—368.

⁹³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 492, 495, 497, 502, 513, 514.

⁹⁴ Там же, док. № 24, 153.

⁹⁵ Там же, док. № 35.

⁹⁶ Протокол показаний Абубакира Клячева на допросе 2 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 6, л. 244.

⁹⁷ Протокол показаний Аднагула Юсеева на допросе в Казанской секретной комиссии в августе 1774 г. — Там же, ч. 8, л. 317 об.

⁹⁸ См. донесения Бахтияра Канкаева в Военную коллегию (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 497, 510, 513, 514).

сам. Бежал и сам Бахтияр Канкаев «с малым числом» людей⁹⁹. В течение всего 1774 г. власти предпринимали меры к его розыску и аресту, но он бесследно исчез, скрывшись, по слухам, в Башкирии.

§ 42. Указ Е. И. Пугачева полковнику Г. М. Лихачеву (Макарову) (6 июля 1774 г.). Указ, аналогичный по содержанию предыдущему, был вручен Пугачевым повстанческому полковнику Гавриле Макаровичу Лихачеву (Макарову) — 27-летнему крестьянину деревни Шиланки Казанского уезда, крепостному помещика Н. Я. Лихачева. Он примкнул к повстанческому движению задолго до прихода войска Пугачева в Нижнее Прикамье. 6 июля 1774 г. он явился к Пугачеву в село Мамадыш и, как свидетельствовал на допросе писарь его отряда А. Ф. Поторчинов (Поторчинов), был послан «с сотником Никифором Ивановым [Чваниным] для набору в казаки по Зюрейской дороге с... наставлениями для оболыщения народа с тем, чтоб по наборе оных доставить х Казане... естли те противиться станут, то писать о том к нему», Пугачеву. Выступив в поход и проходя по деревням, Поторчинов «по приказу Лихачева те наставлении читал, чрез что и набрали в казаки человек до двухсот... В тех же жительствовах, ис которого сколько взято было казаков, давал он старостам билеты, именовал во оных [Пугачева] императорским титулом. И с теми набранными поспешали они х Казане». Однако в 40 верстах от Казани, под деревней Шапши (Шатши), Лихачев столкнулся с одной из команд карательного корпуса подполковника Михельсона. Повстанцы разбежались по ближним лесам, затем часть их снова примкнула к остаткам отряда Лихачева¹⁰⁰.

15 июля Лихачев, узнав, что недалеко от него, в селе Савруши, стоит отряд полковника Бахтиара Канкаева, послал ему известие, предлагая «поспешать в армию к нам и совокупитца обще, и следовать в армию его величества х граду Казане, как наивозможно»¹⁰¹. 19 июля оба повстанческих отряда соединились в селе Савруши и в тот же день Бахтияр Канкаев и Лихачев отправили рапорт в Военную коллегию Пугачева о состоянии своих сил и боевых действиях против неприятеля¹⁰². 22 июля они снова обратились с рапортом в Военную коллегию, в котором просили Пугачева прислать распоряжение об использовании их отрядов: «...просим нас уведомить, где изволите... пребывать и нам к вам ли прибыть, просим... повеления»¹⁰³. Они не знали еще, что Пугачев, разбитый в битве 15 июля под Казанью, ушел

⁹⁹ Рапорт прапорщика П. Товеркина генералу Ф. Ф. Щербатову от 27 июля 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 509—510.

¹⁰⁰ Протокол показаний А. Ф. Поторчинова на допросе 29 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 324—325; Протокол показаний сотника лихачевского отряда Н. И. Чванина на допросе 9 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 4, л. 205—205 об.

¹⁰¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 500.

¹⁰² Там же, док. № 510.

¹⁰³ Там же, док. № 514.

на север, к Кокшайску, а 17 июля переправился с остатками своего войска на правый берег Волги.

22 июля Лихачев со своим отрядом отделился от Бахтиара Канкаева и направился к Рыбной слободе, намереваясь атаковать находившуюся там карательную команду подполковника С. В. Неклюдова, призывая в последующие три дня на эту операцию и Бахтиара Канкаева, от чего тот уклонился, ссылаясь на необходимость выждать прибытие отряда Караная Муратова¹⁰⁴. Последствия этого промедления были губительными и для отряда Лихачева, и для «армии» Бахтиара Канкаева. 25 июля у села Батерякова (в 15 верстах от Рыбной слободы) правительственные войска атаковали отряд Лихачева, в котором было 400 человек и две пушки. В ходе боя повстанцы потеряли до 70 человек убитыми; каратели отбили две пушки, 43 лихачевца попали в плен. Разрозненные группы повстанцев «все по лесу разбежались», а их предводитель, полковник Лихачев, «ушел не более как сам четверт»¹⁰⁵. 26 и 27 июля передовые команды Неклюдова разгромили отряд Бахтиара Канкаева в боях под деревнями Большие и Малые Зюри.

Уйдя от преследования карателей на восток, за реку Вятку, Лихачев приступил к формированию нового отряда в русских и удмуртских селениях Арской дороги. В агитационных целях он использовал пугачевский указ, взятый у священника села Вавож-Можги Т. Иванова¹⁰⁶. Лихачеву удалось собрать отряд из полусотни повстанцев, с которым он направился к городу Уржуму. В ночь с 8 на 9 августа 1774 г. команда майора Еленева внезапно атаковала отряд Лихачева, расположившийся на почевку в деревне Мелеклес. В завязавшемся бою Лихачев был убит, восемь главных его сподвижников попали в плен, остальные «все разошлись» по лесу. Каратели свершили посмертную казнь над Лихачевым, повесив его у околицы деревни Большой Кильмезь, близ большой почтовой дороги на Казань¹⁰⁷.

§ 43. Указ Е. И. Пугачева священнику села Вавож-Можги Казанского уезда Т. Иванову (11 июля 1774 г.). Происхождение и содержание этого указа устанавливается по следственным показаниям повстанцев из отряда полковника Г. М. Лихачева. Сотник этого отряда Н. И. Чванин (крестьянин дворцовой Рыбной слободы) сообщил на допросе, что они в августе 1774 г., разъ-

¹⁰⁴ Там же, док. № 517—522.

¹⁰⁵ Рапорт С. В. Неклюдова генералу Ф. Ф. Щербатову от 25 июля 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 475—475 об.

¹⁰⁶ Протокол показаний удмурта-новокрещена Ф. Федорова на допросе 20 ноября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 4, л. 221—221 об. Об указе Пугачева от 11 июля 1774 г. см. § 43 данной главы.

¹⁰⁷ Приказ майора Г. Еленева сотнику деревни Большой Кильмезь Е. Тимофееву от 9 августа 1774 г. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 7, л. 304—304 об. Подробнее о Г. М. Лихачеве см.: Овчинников Р. В. Пугачевский полковник Гаврила Лихачев. — Вопросы истории, 1976, № 6, с. 130—136.

езжая по удмуртским деревням и набирая жителей «в казаки», читали «изданной от ... Пугачева манифест», который был списан «села Вавож у священника Тимофея, а чей прозванием, — не знает»¹⁰⁸. Уточняющие данные в это показание внес дьячок села Нылги У. Анисимов, служивший писарем в отряде Лихачева. Он рассказал, что, приехав в село Вавож-Можга, он с удмуртом-новокрещеном Федоровым и Лихачевым пошел в дом к священнику того села Тимофею Иванову, «у которого взял изданной от... Пугачева манифест, и [Лихачев] велел мне сплести, которой я и списал. А указ увольнительной¹⁰⁹ из армии ево..., Пугачева, оной священник Иванов дал нам сам». Анисимов «читал во всех деревнях сей... манифест и уговаривал также жителей к возмущению»¹¹⁰. На другом допросе Анисимов показал, что пугачевский указ предписывал, «чтоб государю Петру Федоровичу все повиновались, за что в том указе обещано от податей дать льготу, а сверх оного, что в нем писано, — не упомнит. В заключение ж того указа подписано: „Петр Третий“... и, по-видимому, тот указ рукою писан какого-либо семинарского школьника или церковника»¹¹¹.

В ноябре 1774 г. к дознанию был привлечен и житель села Вавож-Можга Ф. Федоров. Он показал на допросе в Казанской секретной комиссии, что священник Иванов «сказывал ему, что он тот указ получил таким образом: имел-де он надобность ехать в Казань и нечаянно на дороге захвачен... развозом и приведен к Казане, где представлен к самому... Пугачеву, которой дал ему указ о разглашении об нем, с чем в дом ево и отпущен»¹¹². Иванов, судя по этому показанию, явился в стан Пугачева (под селом Царицыном) 11 июля, когда пугачевское войско готовилось к штурму Казани, начавшемуся утром следующего дня.

Содержание указа не ограничивалось распоряжением об увольнении священника Иванова от службы в войске Пугачева; упоминание Анисимова о том, что указом «обещано от податей дать льготу», свидетельствует о сближении его содержания с сохранившимися указами Пугачева и его Военной коллегии от июня 1774 г., освобождавшими народ от крепостной неволи, подушной подати, других налогов, рекрутского набора, объявлявшего о ликвидации старой администрации и уничтожении дворянства¹¹³.

¹⁰⁸ Протокол показаний Н. И. Чванина на допросе 9 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 4, л. 201 об.

¹⁰⁹ «Указ увольнительной», т. е. указ, освобождающий от службы в войске Пугачева.

¹¹⁰ Протокол показаний У. Анисимова на допросе 9 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 4, л. 201—201 об.

¹¹¹ Там же, л. 208 и 208 об.

¹¹² Протокол показаний Ф. Федорова на допросе 20 ноября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, л. 221—221 об.

¹¹³ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 34, 36, 72, 73.

§ 44—46. Манифесты Е. И. Пугачева администрации Казанской губернии, русскому и татарскому населению Казани (11 июля 1774 г.). Утром 11 июля повстанческое войско подошло к предместьям Казани и изготовилось к ее штурму. В тот же день Пугачев отправил в Казань три манифеста с призывом сдать город армии «Петра III». «Часу в 4-м пополудни получил господин губернатор от господина генерал-майора Потемкина три» пугачевских «письма, первое — на имя ево, господина губернатора, второе — на имя всево народа, а третье — на татарском языке для татар. Которые того ж самага времени распечатав и первыя два прочитав, как оныя, так и последнее отданы в секретную комиссию». Это сообщение, извлеченное из доношения Казанской губернской канцелярии в Сенат от 11 августа 1774 г.¹¹⁴, свидетельствует о том, что Пугачев послал в атакуемый город три манифеста, первый из них был адресован губернатору Бранту, второй — русскому населению Казани, третий — татарам Новой и Старой татарских слобод.

Свидетельство губернской канцелярии подтверждается следственными показаниями и воспоминаниями пугачевцев. Атаман И. Н. Белобородов на допросе в Казани вспоминал, что ездившие с Пугачевым в разведку казаки «сказывали, что послали в Казань три манифеста»¹¹⁵. Заводской конторщик пугачевец Д. В. Верхоланцев сообщил в своих воспоминаниях, что по приходе на Арское поле Пугачев «написал манифесты и послал их в город»¹¹⁶. Секретарь повстанческой Военной коллегии Дубровский на допросе в Царицыне упомянул, что Пугачев, подступив «под самую Казань, послал указы, чтоб сдались без кровопролития»¹¹⁷. Сведения о посылке манифестов в Казань содержатся в показании Пугачева на допросе в Яицком городке: «Подошед х Казани, стал я в лагере и написал х казанскому губернатору, чтоб без баталии здался»¹¹⁸. На следствии в Москве он уточнил этот факт, заявив, что с Арского поля к Казани им был послан атаман А. А. Овчинников с манифестом, «чтоб Казань ему здалась»¹¹⁹. Наиболее полные сведения об этом событии сообщил на следствии в Казанской секретной комиссии илецкий казак И. А. Творогов, бывший судья повстанческой Военной коллегии. Он показал, что в лагере под Казанью Пугачев «при мне приказывал секретарю Дубровскому написать в Казань именной от

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 6, д. 511, л. 258.

¹¹⁵ Пугачевщина, т. 2, с. 333.

¹¹⁶ Волегов В. А. Материалы для истории Пугачевского бунта в Пермской губернии. — В кн.: Календарь Пермской губернии на 1884 год. Пермь, 1883, с. 28. Воспоминания 73-летнего Д. В. Верхоланцева были записаны в 1829 г. пермским краеведом В. А. Волеговым.

¹¹⁷ Пугачевщина, т. 2, с. 221.

¹¹⁸ Вопросы истории, 1966, № 4, с. 121.

¹¹⁹ Красный архив, 1935, № 69/70, с. 213. Пугачев сообщил о посылке в Казань одного, а не трех манифестов, как это было в действительности. Это расхождение может быть объяснено тем, что все три манифеста имели, видимо, идентичное содержание.

него указ, чтоб жители без всякаго супротивления ему покорились и приняли с честью, обещая за то разные милости»¹²⁰.

В приведенных выше свидетельствах Казанской губернской канцелярии, а также в показаниях Пугачева и его сподвижников содержатся два важнейших положения. Первое из них заключается в себе требование о сдаче Казани без сопротивления, второе же касается обещания предоставить казанцам «разные милости». Первое из этих положений не нуждается в комментариях, а под «разными милостями», обещанными жителям Казани, несомненно, подразумевались те свободы и льготы трудовому народу, которые провозглашались антикрепостническими манифестами и указами Пугачева в июне и июле 1774 г.¹²¹ В данном случае свидетельства учреждений и лиц, стоявших на позициях противоборствующих сторон, служат надежным основанием для восстановления содержания несохранившихся манифестов Пугачева, отправленных 11 июля 1774 г. в Казань. Из показания Творогова видно, что манифесты были составлены секретарем Дубровским при участии повытчика Военной коллегии Г. Степанова¹²². Экземпляр манифеста на татарском языке составлялся, видимо, находившимися в ставке Пугачева башкирским старшиной Кинзей Арслановым, яицким казаком Идыркеем Баймековым и каргалинским татаринном Садыком Сеитовым, входившим в состав «тайного совета» при Пугачеве¹²³.

Три манифеста, посланные Пугачевым в Казань, были отклонены властями. 12 июля Пугачев повел свое войско на штурм Казани, сломил недолгое сопротивление неприятеля в предместьях и на несколько часов овладел городом (кроме кремля, где засел местный гарнизон, укрылись власти и состоятельные горожане). Вечером того же дня на Арском поле под Казанью произошло сражение между войском Пугачева и подошедшим по Арской дороге корпусом подполковника Михельсона. После битвы, не выявившей победителя, Пугачев отвел свое войско за реку Казанку.

§ 47. Манифест Е. И. Пугачева повстанческому войску (15 июля 1774 г.). 13 июля на подступах к Казани произошло новое столкновение войска Пугачева с корпусом Михельсона. Не одолев неприятеля, Пугачев отошел к селу Сухая Река и здесь в течение двух дней готовился к новой битве за Казань, спешно пополняя войско крестьянами из окрестных селений. На рассвете 15 июля, завершив приготовления к битве, Пугачев велел зачитать войску манифест. Сообщение об этом содержится

¹²⁰ Пугачевщина, т. 2, с. 149.

¹²¹ См.: именной указ атаману Ф. Т. Кочеву от 12 июня 1774 г., именной указ походному старшине Адьму Ашменеву от 19 июня 1774 г., манифест от 28 июля 1774 г., объявленный в Саранске (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 34, 36, 39).

¹²² Пугачевщина, т. 2, с. 149.

¹²³ Протоколы показаний пугачевцев А. П. Зверева, А. М. Салманова на допросе в Царицынской комендантской канцелярии в сентябре 1774 г. — Там же, с. 208, 219.

в «Кратком известии» Платона Любарского, архимандрита Спасского казанского монастыря: «Как все было к исполнению его [Пугачева] намерения готово, то 15 числа на рассвете толпе своей, под знамена расставленной, и прочему в плену у него находившемуся бесчисленному народу вслух велел прочитать... свой манифест, коим дал знать, что по вшествии с торжеством в Казань предпринял [намерение] поспешать в столичный свой град Москву»¹²⁴. Хотя это, и единственное свидетельство о пугачевском манифесте 15 июля, но его следует признать достоверным, учитывая то, что Любарский писал свое «Краткое известие», опираясь на рассказы многих жителей Казани, находившихся в тот день в лагере Пугачева. Объявленное в манифесте 15 июля намерение Пугачева предпринять поход на Москву косвенно подтверждается при обращении к сохранившимся документам ставки предводителя Крестьянской войны. Так, 26 июля 1774 г., накануне вступления войска Пугачева в Саранск, повстанческая Военная коллегия послала в этот город указ, в котором объявлялось, что «Петр Федорович с победоносной армией шествовать соизволит чрез написанной город Саранск для принятия всероссийского престола в царствующий град Москву»¹²⁵. Заявление Пугачева о намерении следовать «для принятия российского престола в Москву» содержалось также и в его манифесте, обнародованном 20 июля 1774 г. в Курмыше (см. ч. II, гл. 3, § 1).

В сражении 15 июля повстанцы, по свидетельству Михельсона, «на меня наступали с такою пушечною и ружейною стрельбою и с таким отчаянием, коего только в лутчих войсках найти надеялся»¹²⁶, но, однако, после упорнейшего двухчасового боя были сломлены и рассеяны. Пугачев с остатками своего войска, преследуемый более 30 верст неприятельской конницей, с трудом оторвался от погони, бежав правым берегом Волги, на север, к городу Кокшайску.

§ 48. Указ Е. И. Пугачева властям и жителям города Кокшайска (16 июля 1774 г.). К вечеру 16 июля остатки войска Пугачева, разбитого накануне в сражении под Казанью и состоящего теперь из тысячи конных повстанцев¹²⁷, подошли к городу Кокшайску. Властей в городе не оказалось, и казаки передового отряда вручили встретившемуся им оставшему солдату Д. А. Кораблеву указ Пугачева, предписывающий горожанам «приготовить чрез реку Волгу перевоз» для переправы повстанцев на правый берег, «А сам-де государь с силою будет сюда чрез полчаса. Почему тутошний поп Данила Кирилов, прочитав

¹²⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 9, ч. 2, с. 366.

¹²⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 82.

¹²⁶ Рапорт И. И. Михельсона генералу Ф. Ф. Щербатову от 16 июля 1774 г. — ЦГВИА, ф. 20, д. 1240, л. 348.

¹²⁷ Пугачев на допросе в Москве показал, что после переправы на правый берег Волги к нему «собралось на первый стан до тысячи конных» (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 214).

указ, пошел с образами, а граждана с хлебом и солью навстречу тому называемому государю»¹²⁸. Час спустя в город вступила основная часть пугачевского отряда; Пугачев, «не прикладываясь ко кресту, проехал мимо, к Волге, к перевозу, в расстоянии от них с версту»¹²⁹. Так как все крупные переправочные средства на Кокшайском перевозе были предусмотрительно истреблены или затоплены, то, по приказанию Пугачева, «один из приехавших казаков, называемый дежур-майор¹³⁰, дав ему, Кораблеву, помянутой указ, приказал итти в село Сундырь, состоящее от Кокшайска в пяти верстах, с тем, чтоб жители оного приготовили для их [повстанцев] перевоз». Переправившись через Волгу, Кораблев объявил сундырскому старосте В. Петрову¹³¹ и крестьянам села Сундыря пугачевский указ, говорил, что «прислан от батюшки Петра Федоровича и приказал приготовить лодки». Узнав здесь, что в Сундыре и в других ближних селениях по правому берегу Волги переправочные средства (паромы, завозни и лодки) затоплены специально присланными из Свияжска и Чебоксар командами, Кораблев приказал крестьянам задержать эти команды. Как только «сундырские крестьяне сказали ему, что они [новые] лодки изготовят... он и возвратился в Кокшайск, где застал многочисленную толпу, переправлявшуюся чрез Волгу вплавь, и, сыскав означенного дежур-майора, отдал обратно ему указ и сказал, что он в Сундырь ходил, но готовых лодок не застал, потому что они по приказу приехавших из Свияжска... затоплены, коих-де я до прибытия государя приказал задержать; однакож-де сундырцы лодки хотели изготовить»¹³². Пугачев, опасаясь подхода карательных команд, не мог более медлить и отдал приказ о переправе вплавь, используя подручные средства. Сразу же после переправы отряд Пугачева пошел к уездному городку Цывильску, куда вступил 17 июля.

* * *

Таким образом, сохранившиеся источники сообщают значительный материал о содержании 48 утраченных указов и манифестов Пугачева, о деятельности повстанческого центра в апреле—первой половине июля 1774 г. На основании реконструированных документов можно полнее представить процесс раз-

¹²⁸ Протокол показаний Д. А. Кораблева на допросе 4 августа 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея. М., 1973, с. 152.

¹²⁹ Протокол показания кокшайского священника Д. Кириллова на допросе 20 августа в Казанской секретной комиссии. — Там же, с. 162.

¹³⁰ Казак Я. В. Давилин — «дежурный» (адъютант при Пугачеве).

¹³¹ В. Петров показал на допросе 30 июля 1774 г. в Казанской секретной комиссии, что приплывший из Кокшайска солдат Д. А. Кораблев привез «письмо» от Пугачева, «чтоб того села Сундыря жители приготовили для перевозу государя Петра Федоровича лодки» (Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея, с. 138).

¹³² Там же, с. 152.

вертывания повстанческого движения на Южном Урале и в Прикамье, социальную и национальную политику ставки Пугачева¹³³, ее энергичную деятельность по созданию и обеспечению «Главного войска» восставших, по решению ряда других организационных и военно-оперативных вопросов движения. Рассматриваемые источники характеризуют процесс радикализации ведущих лозунгов движения, связанный с массовым вовлечением в ряды восставших различных категорий русского крестьянства и социальных низов нерусского населения Оренбургской и Казанской губерний. Данные о происхождении и назначении утраченных указов и манифестов Пугачева дают дополнительные сведения для освещения крупнейших событий рассматриваемого периода (поход войска Пугачева с южноуральских заводов через Исетскую провинцию и Башкирию к Казани, боевые операции против карателей, взятие повстанцами ряда заводов, крепостей, городов и в их числе крупнейшего центра Поволжья — Казани, массовый подъем движения в Прикамье и Заволжье и др.).

¹³³ Источниками, отображающими деятельность ставки Пугачева в апреле — первой половине июля 1774 г., являются документы повстанческой Военной коллегии: 11 сохранившихся ее указов (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 69—79), а также еще два ее указа, реконструированных по свидетельствах других источников (*Овчинников Р. В.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 92—95).

Глава 3

РЕКОНСТРУКЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ УТРАЧЕННЫХ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ Е. И. ПУГАЧЕВА ТРЕТЬЕГО ЭТАПА КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ (вторая половина июля — август 1774 г.)

От третьего этапа восстания сохранилось 10 указов и манифестов Пугачева (см. ч. I, гл. 3). Рассмотрим выявленные в документах повстанческого и правительственных лагерей, в протоколах следственных показаний руководителей восстания и рядовых повстанцев данные о содержании утраченных посланий Пугачева, относящихся ко второй половине июля — августу 1774 г.

§ 1. Манифест Е. И. Пугачева, объявленный жителям города Курмыша (20 июля 1774 г.). Утром 20 июля Пугачев «вступил в город Курмыш конницею... и чрез реку Суру переезжал вплавь». Горожане встретили Пугачева «на берегу Суры-реки со святыми образами и в честь ему приносили хлеб и соль». На этой торжественной встрече Пугачев велел зачитать курмышанам свой манифест. Содержание его устанавливается по рапорту офицеров Курмышской инвалидной команды в Военную коллегию от 27 июля 1774 г. Офицеры писали, что из объявленного им пугачевского манифеста, будучи в «смертном страхе, едва припомнили мы, что он, Пугачев, объявляя себя всему народу, якобы природной государь, и истреблен был со всероссийского престола дворянством; а ныне-де десницею всевышнего сохранен и следую для принятия российского престола в Москву, и за то черни обещал казенную соль без денег давать, а податей и солдатства не брать на 5 лет, и дать им вольность, а дворянской род весь искоренить»¹. Из этого сообщения видно, что «курмышский» манифест Пугачева имел сходство с его же манифестами, обнаруженными 28 июля 1774 г. в Саранске и 31 июля того же года в Пензе². Наблюдаются вместе с тем и различия в содержании этих документов. Если в «саранском» и «пензенском» манифестах освобождение народа от податей и рекрутского на-

¹ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Чебоксары, 1972, с. 218—219. По определению командующего карательными войсками генерал-аншефа П. И. Паина, Курмышская военная команда во главе с ее командиром секунд-майором П. Алтуфьевым 14 октября 1774 г. после предъявления ей вины в торжественной встрече Пугачева была «прикрыта знаменем», т. е. помилована (ЦГАДА, ф. 1274, д. 179, л. 136).

² Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975, док. № 39, 41.

бора (солдатства) не было ограничено каким-либо сроком, декларировалось как бессрочное, то в «курмышском» манифесте речь шла о пятилетнем освобождении от этих повинностей; «курмышский» манифест не содержал положения о переводе крестьян в разряд казачества, что было провозглашено позднее, в манифестах 28 и 31 июля 1774 г. Принимая во внимание то, что курмышские офицеры не могли точно воспроизвести все подробности содержания «курмышского» манифеста Пугачева, следует все же признать сообщенные ими данные в основе достоверными. «Курмышский» манифест, занимая промежуточное положение между июньскими документами ставки Пугачева³ и его июльскими манифестами⁴, отражал определенный этап в выработке текста июльского манифеста, воплотившего в себе с наибольшей полнотой и завершенностью антикрепостническую направленность Крестьянской войны⁵.

§ 2. Указ Е. И. Пугачева повстанческому полковнику И. И. Родионову (31 июля 1774 г.). Одним из видных вожakov повстанческого движения на правобережье Волги в июле—октябре 1774 г. был И. И. Родионов (Иванов) — крепостной княгини А. А. Голицыной, уроженец села Большие Верхи Пензенского уезда. Человек грамотный, по профессии иконописец, Родионов пользовался авторитетом у голицынских крестьян. В конце июля 1774 г., когда войско Пугачева приближалось к Пензе, крестьяне, собравшись на сход в селе Куваки, выбрали Родионова главой делегации к «Петру III», к которому он и отправился с написанным самим «им, Иваном, образом богоматери». Родионов застал Пугачева 31 июля в селе Иссы (в 90 верстах от Пензы) и получил от него два документа, причем оба они в следственных показаниях повстанцев назывались указами. 1 августа, приехав в село Каменку, Родионов зачитал собравшимся на сход крестьянам указ, в котором, по показанию самого Родионова, говорилось: «Божьею-де милостию мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийской, жалуюм-де сим имянным нашим указом с монаршим отеческим нашим милосердием всех находившихся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков быть верноподданными рабами собственной нашей короне»⁶. Брат Ивана Родионова — Ефим Родионов сообщил на допросе, что указ этот был написан «именем государя Петра Федоровича и крестьянам от помещиков делает вольность, и от платежа подушных денег, и от рекрутской от-

³ Там же, док. № 34, 36, 72, 73.

⁴ Там же, док. № 39, 41.

⁵ Овчинников Р. В. История разработки Июльского манифеста Е. И. Пугачева (1774 г.). — В кн.: Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Научная сессия: Тез. докл. Чебоксары, 1973, с. 69—71.

⁶ Протокол показаний И. И. Родионова на допросе 19 января 1775 г. в Симбирской провинциальной канцелярии. — ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 390 об.

дачи увольняет, и жалуется соляными озерами без пошлин»⁷. Имеется и третье свидетельство о содержании этого указа — оно принадлежит бурмистру села Блиновки И. Сузову. Он сообщил, в частности, что в указе, оглашенном И. Родионовым на сходе в селе Каменке, «написано было, что все господские люди и крестьяне от помещиков освобождаются и с них рекрут и подушных денег брано не будет, чему все крестьяне, обрадовавшись, поверили и, перекрестившись, выговорили: „Слава богу, что мы теперь достаемся за государя!“»⁸. Сопоставление показаний братьев Родионовых и бурмистра Сузова с текстом пугачевского манифеста от 31 июля 1774 г.⁹ убеждает в том, что указ, полученный в тот день И. Родионовым от Пугачева, есть не что иное, как один из экземпляров упомянутого манифеста.

Вместе с манифестом Пугачев вручил И. Родионову и «секретный указ», по которому он «во всех жительствовах, в коих он в разезде был, должен был в послушании ему, Пугачеву, братъ [с крестьян] подписки»¹⁰. Надо полагать, что содержание указа не ограничивалось поручением о сборе «подписок» с крестьян, присягнувших на верность «Петру III». В указе, видимо, имелось предписание о наборе годных к военной службе крестьян в отряд И. Родионова; несомненно также, что этим же указом И. Родионов был возведен в чин полковника¹¹. Наши предположения относительно содержания «секретного указа» подтверждаются характером последующих действий И. Родионова в августе 1774 г. Он набрал в свой отряд до 5 тыс. крестьян под Пензой, упорно боролся против карательных команд; потерпев поражение 8 августа под селом Загоскином, И. Родионов направился за помощью к Пугачеву в Саратов. Получив от него до 300 конных повстанцев, он пошел на Дон и в Воронежскую губернию. Карательные команды долгое время не могли изловить И. Родионова. В конце сентября главнокомандующий карательными войсками генерал П. И. Панин обратился со специальным объявлением к населению поволжских губерний, призывая оказать содействие в задержании пугачевских полковников И. И. и Е. И. Родионовых (Ивановых), Я. и Ф. Ивановых, обещая в награду за поимку каждого из них по 50 руб.¹² В конце октября 1774 г. И. Родионов, явившись в хутор к крестьянину С. Сергееву (в 20 верстах от села Аркадак), отдал ему на сохранение «секретный указ» Пугачева. Вскоре каратели настигли и арестовали И. Родионова и его

⁷ Протокол показаний Е. И. Родионова на допросе 19 января 1775 г. в Симбирской провинциальной канцелярии. — Там же, л. 394.

⁸ Протокол показаний И. Сузова на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 г. — Там же, ф. 6, д. 507, ч. 4, л. 232 об.

⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 41.

¹⁰ Протокол показаний И. Родионова на допросе 19 января 1775 г. в Симбирской провинциальной канцелярии. — ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 393.

¹¹ Е. Родионов сообщил на допросе, что его брат Иван был от Пугачева «полковником жалован» (ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 393 об.).

¹² Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. муз. — М., 1973, с. 174—175.

брата и доставили обоих в Симбирск. Производившая следствие над Родионовыми Симбирская провинциальная канцелярия приговорила их к четвертованию. Генерал Панин, соображаясь «с человеколюбием и милосердием» Екатерины II, отменил этот приговор и 19 февраля 1775 г. вынес решение о наказании Родионовых «кнутом нещадно, дать каждому по триста ударов» (что фактически означало ту же самую смертную казнь) с последующей отсылкой на каторжные работы¹³. Пугачевские указы, изъятые при обыске в доме С. Сергеева, были доставлены к Панину и, судя по помете одного из секретарей его канцелярии, «в присутствии его сиятельства графа П. И. Панина сожжены 23 февраля 1775 году»¹⁴.

§ 3. *Манифест Е. И. Пугачева, объявленный в городе Петровске (4 августа 1774 г.)*. Вечером 2 августа трехтысячное войско Пугачева отправилось из Пензы в поход к Петровску и два дня спустя достигло этого города. Перед вступлением в Петровск Пугачев послал туда группу разведчиков во главе с Ф. Ф. Чумаковым, вручив ему свой манифест¹⁵. Некоторые данные о содержании этого манифеста можно установить по следственным показаниям прапорщика Петровской инвалидной команды И. Г. Юматова. Он сообщил, что «всего подробно рассказать не может» о содержании манифеста, но, как ему помнится, в нем было «написано, что будто он [«Петр III»] дворянством лишен престола, и странствовал в разных местах, и многие города: Казань, Алаторь, Саранск и Пензу, и Курмыш — к себе покорил»¹⁶. Используя для установления содержания этого манифеста сохранившиеся пугачевские указы и манифесты аналогичного назначения, относящиеся к июлю—августу 1774 г., можно предположить, что в «петровском» манифесте Пугачева, кроме легендарных известий о «спасении» «Петра III» при дворцовом перевороте 1762 г. и об его одиннадцатилетних «странствиях» по чужим землям, а также достоверных сведений о взятии повстанческим войском Казани, Курмыша, Алатыря, Саранска и Пензы, содержались положения об освобождении народа от крепостной неволи, о передаче ему в безвозмездное пользование земли со всеми угодьями, об отмене подушной подати, рекрутского набора, прочих налогов и повинностей, о ликвидации старой администрации и об уничтожении дворянства¹⁷.

§ 4. *Указ Е. И. Пугачева прапорщику И. Г. Юматову (4 августа 1774 г.)*. На допросе в московском отделении Тайной экспедиции Сената И. Г. Юматов показал, что после обнаружения в Петровске пугачевского манифеста Пугачев дал ему, Юматову, свой «указ, чтоб быть ему в городе воеводою, и назвал его в нем

¹³ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 408.

¹⁴ Там же, л. 415 об.

¹⁵ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 217.

¹⁶ Протокол показаний И. Г. Юматова на допросе 11 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — В кн.: Пугачевщина. М.; Л., 1931, т. 3, с. 88.

¹⁷ Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 37, 39—46.

полковником»¹⁸. Более полное представление о содержании этого указа можно получить, обратившись к сохранившимся указам Пугачева от июля—начала августа 1774 г., которыми производилось назначение правителей в поволжских городах (в Алатыре — прапорщик Е. З. Сулдешев, награжденный «рангом полковника», в Саранске — прапорщик М. М. Шахматов, назначенный «главным командиром и воеводою», в Пензе — секунд-майор Г. Г. Герасимов, награжденный «рангом полковника» и назначенный «главным командиром») ¹⁹. Этими указами объявлялось, что «Петр III», следуя со своей «победоносной армией» через многие города и селения, видел, что большинство населения, «разного звания и чина люди, кои чувствуя долг своей присяги, желая общаго спокойствия», принимали его как истинного государя и встречали «с принадлежащею церемониею». Лишь некоторые из жителей, «а особливо злодеи-дворяне», желая сохранить свои сословные привилегии, «не хотя своих чинов, рангу и дворянства отстать», оказывали сопротивление «Петру III», да и «крестьян своих возмущая» к тому же, за что «со оными противниками учинено по всей строгости нашего монаршего правосудия». При вступлении «армии» в город (Алатырь, Саранск, Пензу и т. д.) жители «с пристойною церемониею учинили встречу» «Петру III», в чем «особливо усмотрен» и отмечен «по оказанной его верности» такой-то (как правило, старший из офицеров местной инвалидной команды), который и назначается управителем города (главным командиром, воеводой) и награждается чином, как правило, полковника. Этот администратор должен управлять подведомственным ему населением, «склонившимся народом» в городе (а также и в уезде), по государственным законам («в силу законов», «в силу вам данного указа»), «не чиня никому обид, налог и притеснений», а население, в свою очередь, должно во всем подчиняться ему, «быть во всяком послушании»; «с противниками ж и бежавшими от милосердия» «Петра III» надлежало поступать как с «действительными злодеями, бунтовщиками и изменниками своему государю» — «по всей строгости... правосудия» («как обнародованным указом повелено») ²⁰. Эти стереотипные положения, характерные для пугачевских указов подобного назначения, должны были, видимо, содержаться и в тексте указа Пугачева, врученного 4 августа в Петровске прапорщику Юматову.

Почему при решении вопроса о назначении градоправителя в Петровске выбор Пугачева пал именно на этого человека? Это может быть объяснено тем, что Юматов был старшим по званию чиновником в Петровске ²¹. Он явился в ставку Пугачева

¹⁸ Пугачевщина, т. 3, с. 88.

¹⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 37, 40, 42.

²⁰ Там же.

²¹ Петровский воевода подполковник П. Д. Зиминский бежал из города, а воеводский товарищ — секунд-майор И. Н. Буткевич, оставшийся в городе, не был «одобрен» горожанами.

«в офицерском мундире и при шпаге», имея при себе «о состоянии города репорт», написанный на имя «Петра III».

После назначения Юматова воеводой и полковником Пугачев велел ему «казенную соль жителям раздавать безденежно, на каждого человека по три фунта, вино продавать по полтора рубли [за ведро]». 5 августа Пугачев выступил из Петровска к Саратову, взяв с собой 9 пушек, 4 пуда пороха, солдатские ружья, амуницию. По приказу Пугачева Юматов набрал и отправил в его войско 339 человек, написав «о тех набранных людях рапорт, имяновав в нем [Пугачева] высоким именем... х ко-ему он, Юматов, и подписался полковником», позднее отправил к нему текущие «канцелярские дела», а потом и все дела из городской «архивы»²².

Юматов пробыл в должности пугачевского воеводы всего три дня. 7 августа в Петровск вступила карательная команда майора К. Меллина, арестовавшая Юматова и отобравшая у него пугачевский указ. В ноябре 1774 г. Юматова доставили в Москву и привлекли к следствию по делу Пугачева и главных его сподвижников, производившемуся Московским отделением Тайной экспедиции Сената. Сентенцией от 10 января 1775 г. Сенат приговорил Юматова «за гнусную по чину офицерскому робость при разорении города Петровска, хотя строжайшего достоин он наказания, но за старостию лет, уменьшая оное, лишить его чинов»²³.

§ 5. Указ Е. И. Пугачева жителям города Саратова (6 августа 1774 г.). Утром 6 августа 1774 г. 10-тысячное войско Пугачева подошло к Саратову и остановилось у Соколовой горы. Туда явилась депутация саратовцев во главе с купцами Ф. Ф. Кобяковым и М. Д. Протопоповым, которым был вручен пугачевский указ, адресованный жителям Саратова. Возвратившись в город, Кобяков и Протопопов отдали указ саратовскому коменданту полковнику И. К. Бошняку, а тот, прочитав его, разорвал и бросил на землю. Вскоре после этого начался штурм Саратова Пугачевым, который, сломив недолгое сопротивление местного гарнизона, часть которого перешла на его сторону, овладел городом. Эти события нашли отображение в следственных показаниях Е. И. Пугачева²⁴, секретаря его Военной коллегии А. И. Дубровского²⁵, упомянутых купцов Ф. Ф. Кобякова и М. Д. Протопопова²⁶, се-

²² Протокол показаний И. Г. Юматова на допросе 11 ноября 1774 г. в Тайной экспедиции Сената. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 87—88.

²³ ПСЗ I, т. XX, № 14233.

²⁴ Вспоминная встречу с Кобяковым, Пугачев рассказывал, что он спросил его: «„Что ты за человек и зачем сюда приехал?“ Тот ему ответил: „Я-де города Саратова житель Кобяков, прислан к вашему величеству от всего города, чтоб вы пожаловали манифест, а то-де народ желает вам служить, да только-де нет манифеста“». Пугачев велел написать указ, который и был впоследствии вручен Кобякову (Красный архив, 1935, № 69/70, с. 218).

²⁵ Пугачевщина, 1929, т. 2, с. 222.

²⁶ Протоколы показаний Ф. Ф. Кобякова и М. Д. Протопопова на допросе

кунд-майора саратовского гарнизона А. М. Салманова²⁷, в сообщениях капитанов того же гарнизона И. Сапожникова²⁸ и А. Масолова²⁹. Однако лишь в одном источнике — рапорте коменданта Бошняка астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову от 8 августа 1774 г. — приводились данные о содержании уничтоженного «саратовского» указа Пугачева. Бошняк сообщил, что в этом указе «написано было, что все купечество, бобыли и пахотные [солдаты] будут защищены и пожалованы, и ото всех податей избавлены, и вольность дана будет; а штап-обер-афицеров и дворян всех велел перевешать»³⁰. Эти льготы были обещаны Пугачевым посадскому населению Саратова за содействие в овладении городом. Происхождение и содержание «саратовского» указа Пугачева могут быть установлены лишь в пределах тех сведений, которые сообщены рапортом Бошняка, а также показаниями участников и очевидцев событий 6 августа в ставке Пугачева и в самом Саратове. Нами уже отмечалось, что попытка историка Л. Д. Рыслева реконструировать содержание этого указа в более широких диапазонах³¹, нежели уполномочивают на то упомянутые выше источники, оказалась научно необоснованной, ибо автор опирался, по преимуществу, на свидетельства таких документов, которые не имели непосредственного отношения к событиям, происходившим 6 августа 1774 г.³²

§ 6. Указ Е. И. Пугачева к иностранным колонистам Нижнего Поволжья (7 августа 1774 г.). Заняв Саратов, войско Пугачева вступило в район поселений иностранных колонистов (выходцев из германских государств, а также немногочисленных швейцарцев, французов, голландцев, шведов). В сотне селений колонистов Нижнего Поволжья проживало в 1773—1775 гг. до 25 тыс. душ обоего пола³³. Ставка Пугачева приняла решение о привлечении колонистов к восстанию, послав в их селения именной указ

11 ноября 1774 г. в Московском отделении Тайной экспедиции Сената. — ЦГАДА, ф. 6, д. 512, ч. 1, л. 172 об., 183.

²⁷ Протокол показаний А. М. Салманова на допросе 26 сентября в Царьдвинской комендантской канцелярии. — В кн.: Пугачевщина, т. 2, с. 216.

²⁸ Протокол показаний И. Сапожникова на допросе 25 августа 1774 г. в походной канцелярии генерала П. И. Панина. — В кн.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов. Ростов, 1961, с. 60.

²⁹ Протокол показаний А. Масолова в походной канцелярии генерала П. И. Панина 13 августа 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 194.

³⁰ Пугачевщина, т. 2, с. 192.

³¹ Рыслев Л. Д. Восстановление содержания саратовского указа Пугачева и датировка двух его указов к донским казакам. — Учен. зап. Псков. гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова, Кафедра истории, Псков, 1964, вып. 23, с. 72—79.

³² Овчинников Р. В. Из опыта реконструкции утраченных документов (на примере указов и манифестов Е. И. Пугачева). — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, с. 227—233.

³³ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1970, т. 3, с. 237.

«Петра III», написанный на немецком языке. Сведения об этом указе содержатся в донесении колониста Иоганна Михеля Парникеля чиновнику Казанской секретной комиссии гвардии поручику Г. Р. Державину от 12 августа 1774 г. Посланный в качестве разведчика на левобережье Волги Парникель писал, что 7 августа в селениях колонистов под Покровской слободой (на левом берегу Волги, напротив Саратова) появился «отправленной из пугачевской толпы» посланец с казаками, который «жителям публиковал какой-то указ», призывавший их ловить и доставлять к Пугачеву офицеров и чиновников, а также обещавший тем, кто «самопроизвольно к нему пойдет в службу, тот будет получать за месяц по двенадцати рублей. Сверх сего обещаны были между разными обещаниями все вольности», добавляя, что после этого «многие ис колонистов к нему [Пугачеву] пристали»³⁴. Идеи свободы и осуждение социального неравенства, провозглашаемые манифестами и указами Пугачева, не были чужды колонистам Нижнего Поволжья, и прежде всего малосостоятельному слою среди них, и поэтому некоторые примкнули к повстанческому движению³⁵. Это дало основание Пугачеву утверждать в манифесте от 15 августа 1774 г., что к нему примкнули «поселенные по реке Волге саксоны», которые наряду с другими слоями трудового населения Поволжья и Дона «оказывают ревность и усердие в службе нашей охотно, без всякого от нас принуждения»³⁶.

§ 7. *Указ Е. И. Пугачева отставному пятидесятнику саратовских казаков Я. А. Уфимцеву (8 августа 1774 г.)*. Впервые с казачьим пятидесятником Я. А. Уфимцевым Пугачев познакомился 20 сентября 1773 г. под Илецким городком, когда пугачевский отряд шел походом от Яицкого городка, а Уфимцев с саратовским пахотным солдатом Я. Лапшиным гнал в Саратов из Новотроицкой крепости купленный там табун лошадей. Пугачев взял этих лошадей для своего отряда, обещав владельцам расплатиться с ними позднее, после своего вступления в Саратов, хотя, как признавался Пугачев «о приходе же его в Саратов, тому купцу [Уфимцеву] сказал наудачу, только для того, чтоб он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда, — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове». Спустя десять с половиной месяцев после этого события Пугачев вступил со своим войском в Саратов, вскоре встретил Уфимцева и сполна расплатился с ним и с Лапшиным за отобранных у них лошадей деньгами, конфискованными в казне Саратовской конторы опекунства иностранных колонистов³⁷.

³⁴ Пугачевщина, т. 3, с. 202—203. Возможно, что именно этот указ Пугачева на немецком языке, «пугачевская прокламация», хранилась в собрании саратовского помещика Столыпина (*Сухотин С. М. Из памятных тетрадей*. — Русский архив, 1894, № 2, с. 584—585).

³⁵ Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. 3, с. 237—246.

³⁶ Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 45.

³⁷ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 218—219;

Пугачев высоко оценил услугу, оказанную ему ранее Уфимцевым, и не только сполна расплатился с ним, но и назначил его атаманом в Саратове, вручив ему свой именной указ об этом назначении. О содержании этого указа рассказал сам Уфимцев на следствии: «По взятии города Саратова зделан был он начальником не города, а названной Саратовской станицы, и дан был ему в том за самозванцевой рукой указ, который им, Уфимцевым, сожжен», — добавив, что «данной Пугачевым указ, а им сожженной, между прочим, гласит, что он его, Якова Уфимцова, жалует атаманом Саратовской станицы и чтоб он, крайне наблюдая о сыску дворян, коих без всякой бы пощады вешал и казнил, и имение обирал». Но, оправдываясь Уфимцев, «ко всему сему он не прикасался»³⁸. Саратовские казаки, десятники, хорунжие и пятидесятники (всего до 180 человек) показали на следствии, что указ Пугачева, «чтоб тому отставному пятидесятнику Уфимцеву быть в Саратове полковником», был вручен ему 8 августа и что сам Я. А. Уфимцев и его сыновья Афанасий и Иван охотно служили Пугачеву и «влагали каждому в сердце и поощряли казаков», стараясь умножить пугачевское войско, «раздавая, едва не на всех, по десяти рублей жалованья»³⁹. Судя по цитированным показаниям Я. А. Уфимцева и других казаков, указ Пугачева о назначении Уфимцева полковником и атаманом Саратовской станицы (Саратова) содержанием своим напоминал пугачевские указы июля—начала августа 1774 г. о назначении администраторов в городах Алатыре, Саранске и Пензе⁴⁰.

Уфимцев недолго пробыл на посту атамана в Саратове. 9 августа Пугачев ушел к Камышину, взяв в свое войско саратовский батальон пехоты, артиллерийскую команду, две сотни казаков, до 150 посадских. Уфимцев на некоторое время задержался в городе, выставил охрану у провиантских складов, укрыл от расправы восставших нескольких дворян, военных и приказных. 13 августа, накануне вступления в Саратов передовых команд неприятеля, он сжег пугачевский указ, бежал из города и скрывался на казачьих хуторах. Несколько дней спустя, не находя иного выхода, Уфимцев явился в город, сдался военным властям и был заключен в острог. В сентябре 1774 г. он вместе с другими саратовцами — сторонниками Пугачева — предстал перед следственной комиссией генерала П. Д. Мансурова⁴¹. Главнокомандующий карательными войсками генерал П. И. Панин, определяя меру наказания Я. А. Уфимцева, писал: «За его сообщество с...

Протокол показаний Я. А. Уфимцева на допросе в походной канцелярии генерала П. Д. Мансурова в сентябре 1774 г. — ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 26 об.—27 об.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 26 об.—27.

³⁹ Экстракт следственного дела походной канцелярии генерала П. Д. Мансурова. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 198.

⁴⁰ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 37, 40, 42.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 181, л. 27—27 об.

Пугачевым, за покупку на данные от его деньги лошадей, в чем ему и помогал, и что еще принял... письменное приказание именовать саратовским атаманом, хотя и принадлежал смертной казни, но в разсуждении, что он же, раскаявшись в том, явился собою и от неповинной смерти несколько человек спас, — от той смертной казни освобождается», взамен чего и предписано «наказать его под виселицею кнутом, дать 25 ударов и — в память злодейских дел — урезать ухо»⁴².

§ 8. *Указ Е. И. Пугачева атаману Ф. Иванову (8 августа 1774 г.)*. В истории повстанческого движения на Правобережье Волги в августе—октябре 1774 г. видную роль сыграли действия отряда атамана Фирса Иванова — 30-летнего крепостного саранского помещика Киндякова из села Сурали (Ильинское). Он в конце июля вступил в отряд пугачевского полковника Г. Ф. Филинкова, участвовал в боевых операциях в Алатырском, Саранском и Пензенском уездах. Потом Ф. Иванов отделился от Филинкова и явился к Пугачеву в Саратов с просьбой получить полномочия на формирование самостоятельного повстанческого отряда. О результатах поездки к Пугачеву Ф. Иванов рассказывал повстанцам в городе Карсуне следующее. Послан он от Пугачева «из города Саратова набирать в его толпу охотников, и дано-де ему на роздачу тем охотникам от одного... Пугачева, ему, Фирсу, денег два воза, а сверх того, о наборе одного имеет указ». По предварительной, видимо, договоренности с Пугачевым Иванов должен был со своим отрядом идти на соединение с «Главным войском» восставших, ибо он имел намерение «пробратца к... Пугачеву к городу Камышенке [Камышину]»⁴³. Надо полагать, что в упомянутом указе, помимо конкретного поручения о наборе добровольцев («охотников») в отряд Иванова, содержались важнейшие положения крестьянской вольности, характерные для обращений Пугачева и указов его Военной коллегии аналогичного назначения⁴⁴. Наличие этих положений способствовало притоку добровольцев в ряды повстанцев, что видно и на примере действий атамана Иванова, который вскоре после поездки к Пугачеву набрал отряд из 300 крестьян Алатырского и Симбирского уездов. С этим отрядом Иванов в середине августа 1774 г. захватил город Карсун и в его предместьях разбил карательную команду симбирского гарнизона во главе с полковником А. П. Рычковым⁴⁵, а позднее, преследуемый карателями, отошел на север, в присурские селения Алатырского уезда.

⁴² Там же, л. 26—26 об.

⁴³ Протокол показаний крестьянина Волоколамского уезда И. А. Нахалова на допросе 5 сентября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — Там же, ф. 6, д. 467, ч. 11, л. 295—296 об.

⁴⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 34—36, 43—45, 73, 92.

⁴⁵ Протоколы показаний солдат симбирского гарнизона, побывавших в плену у повстанцев. — ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 209—342; ф. 1274, д. 181, л. 250—255.

В конце сентября 1774 г. главнокомандующий карательными войсками генерал П. И. Панин обратился к населению поволжских губерний с объявлением, в котором призывал к содействию властям в задержании пугачевских атаманов Ф. и Я. Ивановых, И. И. и Е. И. Родионовых (Ивановых), обещая в награду по 50 руб. за поимку каждого из них⁴⁶. Но население не выдавало Иванова. 10 октября казачьей команде сотника Птахина удалось захватить в плен Иванова и восьмерых его товарищей в селе Чумакине (на реке Суре)⁴⁷. Иванов был доставлен для следствия в Симбирск. Генерал Панин 10 ноября писал Екатерине II, что «по окончании следствия получит он [Фирс Иванов] по государственному закону заслуженную себе кару на Карсунской площади [в городе Карсуне], а голова отошлетя на место его рождения»⁴⁸.

§ 9. *Указ Е. И. Пугачева правителю волжских калмыков Цендену-Дарже (9 августа 1774 г.)*. В сотне верст южнее Саратова, на левом берегу Волги, начинались кочевья волжских («дербетевых») калмыков. Отправляясь 9 августа из Саратова в низовья Волги, к Царицыну, Пугачев решил привлечь на свою сторону калмыков, отправив к их правителю Цендену-Дарже именной указ с предписанием о соединении калмыцкой конницы с «Главной армией» «Петра III». Сведения об отправлении этого указа и о примерном его содержании можно установить по тексту второго указа Пугачева к Цендену-Дарже, посланного 14 августа 1774 г. из Камышина с яицкими казаками Идеркеем Баймековым и П. А. Пустобаевым⁴⁹. В этом указе Пугачев напоминал Цендену-Дарже, что «вам и прежде Покровской слободы с атаманом послан наш всемиловитивейший указ» (от 9 августа), и далее повторно «изъяснялось» его содержание. В нем, в частности, шла речь об освобождении калмыков от «великих притеснений и несносностей» со стороны «злоехидных и вредительных обществу дворян», о «присовокуплении» калмыцкой конницы Цендена-Даржи к армии «Петра III», назначалось место переправы калмыков с луговой на нагорную сторону Волги, сообщалось об обеспечении их средствами переправы, провиантом, фуражом и денежным довольствием (каждому «невзачет жалованья по десяти рублей»)⁵⁰.

Два указа к Цендену-Дарже (от 9 до 14 августа) возымели желаемое действие. 19 августа Ценден-Даржа привел к Пугачеву в Дубовку трехтысячный отряд калмыцкой конницы и изъявил готовность служить под знаменами «Петра III». По соглашению с Пугачевым Ценден-Даржа 21 августа ушел со своим отрядом

⁴⁶ Крестьянская война 1773—1775 гг. в России: Док. из собр. Гос. ист. музея, с. 174—175.

⁴⁷ Рапорт сотника Д. Птахина генералу П. И. Панину от 14 октября 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 366—367.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 490, ч. 2, л. 210—210 об.

⁴⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 44.

⁵⁰ Там же, док. № 44.

в степь, обещая позднее снова присоединиться к повстанческому войску, пополнив свой отряд большим числом калмыков⁵¹.

§ 10. Указ Е. И. Пугачева сержанту камышинского гарнизона И. С. Абызову (13 августа 1774 г.). 12 августа 1774 г. войско Пугачева вступило в город Камышин (Дмитриевск). Комендант города полковник К. З. Меллин засел с частью гарнизона в деревянной крепости, но ее защитники вскоре капитулировали, а комендант был убит повстанцами. На следующий день, 13 августа, Пугачев назначил комендантом Камышина сержанта местного гарнизона Ивана Степановича Абызова, произведя его в полковники, потому что именно он, Абызов, возглавил депутацию горожан, торжественно встретивших повстанческое войско. Вспоминая эти события, яничий казак-повстанец И. Ф. Кузнецов рассказывал на следствии, что Пугачева при вступлении в Камышин «встретил какой-то сержант с хлебом и солью, коего он пожаловал полковником и учредил в городе комендантом»⁵². Служивший у Пугачева секунд-майор саратовского гарнизона А. М. Салманов показал, что на другой день после взятия Камышина комендантом города был назначен сержант Абызов — «назван полковником, и дана [ему] команда»⁵³. Хотя в источниках нет прямых указаний на то, как именно было оформлено назначение Абызова на пост коменданта, однако, учитывая практику назначения пугачевских градоначальников и воевод в других городах Поволжья⁵⁴, можно предположить, что и Абызов был определен на пост коменданта (одновременно с присвоением звания полковника) по именному указу Пугачева.

После ухода повстанческого войска к Царицыну Абызов некоторое время оставался в Камышине, а потом вместе с командой волжских казаков полковника И. Попова отправился к Пугачеву⁵⁵. В составе пугачевского войска И. Абызов участвовал в бою под Царицыном и в сражении 25 августа 1774 г. у Солениковой ватаги (под Черным Яром), где и был захвачен в плен гусарами корпуса полковника И. И. Михельсона⁵⁶.

§ 11. Манифест Е. И. Пугачева к казакам царицынского карательного корпуса (15 августа 1774 г.). 15 августа Пугачев занял Балыклеевскую станицу Волжского казачьего войска и здесь узнал, что к станице движется посланный из Царицына карательный корпус (в его составе были легкая полевая команда майоров А. Т. фон Дица и И. Куткина, донской казачий полк

⁵¹ *Беликов Т. И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.). Элиста, 1971, с. 146—150.

⁵² Протокол показаний И. Ф. Кузнецова на допросе 4 сентября 1774 г. в Астраханской губернской канцелярии. — В кн.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 138.

⁵³ Протокол показаний А. М. Салманова на допросе 28 сентября 1774 г. в Царицынской комендантской канцелярии. — Там же, с. 158.

⁵⁴ Документы ставки Е. И. Пугачева. . . , док. № 37, 40, 42.

⁵⁵ См. § 13 данной главы.

⁵⁶ Рапорт полковника И. И. Михельсона генералу П. И. Панину от 29 августа 1774 г. — В кн.: Пугачевщина, т. 3, с. 310.

полковника Ф. Кутейникова, конный калмыцкий отряд полковника А. Дондукова). Несколько казаков из этого корпуса, встретившись с повстанческим разъездом, просили прислать к командирам корпуса «от государя манифест». Эта просьба была передана Пугачеву, и он велел судье Военной коллегии И. А. Творогову «написать манифест и послать в двумя калмыками (которые в его толпе служили), которые, отвезя, возвратились к нему и сказали, что они манифест отдали калмыкам, а калмыки повезли к своему князю⁵⁷, а князь хотел вести к казацкому полковнику⁵⁸ и к мавору⁵⁹, которой командовал легкой командой. Но оттуда никакого известия он не получил»⁶⁰. В этом показании Пугачева не отражено содержание манифеста, но надо полагать, что он включал положения, известные по сохранившимся обращениям Пугачева к казакам Донского войска⁶¹, которыми объявлялось о разорении России дворянством, о намерении дворян нанести «крайнее разорение» и даже «истребление» казачьим войскам, превратив казаков в крестьян и раздав их в крепостное владение; одновременно провозглашалось, что «Петр III», склонив в подданство значительную часть России, учреждает в стране «свободную вольность», награждает подданных «крестом и молитвою, головами и бородами»; казаки призывались верно служить в «Главной армии» под знаменами «законного государя».

Вопреки утверждениям калмыков-повстанцев манифест Пугачева не дошел, видимо, до командиров царицынского корпуса, так как в донесениях полковников А. Дондукова и Ф. Кутейникова, подробно освещающих события 15 августа 1774 г., нет упоминаний о присылке к ним пугачевского послания⁶².

§ 12. Указ Е. И. Пугачева старшине волжских казаков Г. Полякову (16 августа 1774 г.). Наступая вдоль правого берега Волги от Камышина к Царицыну, Пугачев встретил 15 августа у реки Пролейки (под Балыклеевской станицей) высланный против него из Царицына карательный корпус под командой полковников А. Дондукова, Ф. Кутейникова и майоров А. фон Дица и И. Куткина. Начался бой. Вскоре калмыки и часть казаков перешли на сторону Пугачева, после чего каратели были разбиты и обратились в бегство. Пугачев продолжил наступление к югу. На пути его войска, в 30 верстах от места битвы, находилась станица Дубовка — административный центр Волжского казачьего войска. Войсковой атаман В. Персидский бежал из Дубовки, приказав

⁵⁷ Полковник князь А. Дондуков.

⁵⁸ Полковник Ф. Кутейников.

⁵⁹ Секунд-майор А. Т. фон Диц.

⁶⁰ Протокол показаний Е. И. Пугачева на допросе в Тайной экспедиции Сената в ноябре 1774 г. — Красный архив, 1935, № 69/70, с. 220.

⁶¹ Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 45, 46.

⁶² Сообщение полковника А. Дондукова царицынскому коменданту полковнику И. Е. Цыплетеву от 15 августа 1774 г. — В кн.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 68—69; Доношение полковника Ф. Кутейникова Донской войсковой канцелярии от конца августа 1774 г. — ЦГВИА, ф. 52, д. 61, л. 179—179 об.

старшине Г. Полякову сделать приготовления в станице к отпору Пугачеву. Поляков велел, было, выставить пушки в воротах станичной крепости, но казаки отказались выполнить это распоряжение, не дали они ему и сбросить порох в Волгу. Тогда Поляков, видя готовность большинства казаков перейти на сторону повстанцев, смирился и отправил к Пугачеву казака Ф. Сленистова с известием, что в Дубовке «атамана и казаков нет», надеясь на то, что Пугачев, узнав, что в станице «мало людей... обойдет мимо в разсуждении того, что город пуст и пожиться... будет нечим».

На следующий день казак Сленистов, «возвратясь от самозванца, привез от него к старшине Полякову три указа». Один из них был именованным указом «Петра III», а два других — указами его Военной коллегии⁶³. Именованным указом Пугачев повелевал старшине Полякову, «чтоб встретили его в городе [станице Дубовке] с честью все жители, не исключая старого и малаго, и сей указ подписан был неизвестно какою рукою тако: „Петр“»⁶⁴. В документах ставки Пугачева сохранился сходный по назначению именной указ «Петра III», посланный 13 августа атаману И. Платонову, старшинам и казакам Антиповской станицы Волжского войска. Указом этим объявлялось, что уже «большая половина» России «добропорядочным образом склонилась» под скипетр и корону «Петра III», включая казаков Донского и Волжского войска; в связи с этим атаману, старшинам и казакам станицы предписывалось «быть готовым в нашу службу» и «по прибытии нашем с армиею учинить пристойное приветствие» и добавлялось: «... а злодеев-дворян всячески старатца искоренять»⁶⁵. По этому стереотипному тексту и был, видимо, составлен именной указ Пугачева старшине Полякову.

Казаки станицы Дубовки, выслушав указ Пугачева, «согласились встретить» его торжественной церемонией. 17 августа при вступлении Пугачева с войском в Дубовку «казаки вышли с знаменами, с хлебом и солью, а протопоп Яков Савин с попами шли со святыми образами, куда и старшина Поляков вышел же, хотя и против желания своего». На следующий день Поляков был казнен после изобличения его казаками перед Пугачевым в том, что он пытался побудить казаков к сопротивлению войску «Петра III» накануне его вступления в Дубовку⁶⁶.

⁶³ Об этих указах Военной коллегии подробнее см.: *Овчинников Р. В.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. — В кн.: *Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения.* М., 1974, с. 95—96.

⁶⁴ Протокол показаний сотника Астраханского казачьего войска В. В. Горского на допросе 31 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: *Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов,* с. 200.

⁶⁵ Документы ставки Е. И. Пугачева... док. № 43.

⁶⁶ Протокол показаний В. В. Горского на допросе 31 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: *Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов,* с. 201—202.

19 августа Пугачев выступил из Дубовки к Царицыну, взяв с собой 250 местных казаков, составивших дубовский полк в его войске, принимавший участие в бою под Царицыном (21 августа) и в сражении под Черным Яром (25 августа).

§ 13. *Указ Е. И. Пугачева походному полковнику волжских казаков И. Попову (16 августа 1774 г.)*. При получении известия о взятии Саратова Пугачевым (6 августа 1774 г.) царицынский комендант И. Е. Цыплетев и атаман Волжского казачьего войска В. Персидский отправили из Дубовки в Камышин казачью команду с походным атаманом Иваном Поповым. Прибыв туда, он расположил свою команду лагерями под Камышином и на левом берегу Волги в лугах под Николаевской слободой. 12 августа в Камышин вступил Пугачев, где на его сторону перешли местный гарнизон и казачья команда Попова. Пугачев произвел Попова в полковники и наградил медалью. На другой день повстанческое войско отправилось в поход к Царицыну, а Попов с его командой остался по приказу Пугачева в Камышине.

16 августа, после победы над царицынским карательным корпусом в сражении у реки Пролейки, Пугачев послал указ к Попову с предписанием выступить с казачьей командой из Камышина в станицу Дубовку, куда направлялось и войско Пугачева. Сведения об этом указе содержатся в протоколе показаний сотника астраханских казаков В. В. Горского. Он сообщил, что походный атаман волжских казаков И. Попов «указом ево [Пугачева] со всею командою из Дмитриевска [Камышина] выписан в Дубовку»⁶⁷ и два дня спустя прибыл туда вместе с пугачевским комендантом в Камышине И. С. Абызовым. В составе повстанческого войска Попов участвовал в боях под Царицыном, но 22 августа был захвачен в плен при нападении передовых команд корпуса полковника Михельсона на обоз и аррьергард войска Пугачева⁶⁸. Попов в числе прочих пленных был доставлен в Царицын, предстал перед военным судом и по определению генерала П. Д. Мансурова приговорен к смертной казни⁶⁹.

§ 14. *Указ Е. И. Пугачева дубовскому казаку А. Толмачеву (19 августа 1774 г.)*. Из числа волжских казаков, перешедших на сторону повстанцев в Дубовке, особенную преданность Пугачеву оказал хорунжий Александр Толмачев, который, по словам сотника астраханских казаков В. В. Горского, «был его [Пугачева] любимец» и пожалован им в полковники. Но так как пожалование это было сделано на словах, Толмачев искал случая получить письменное подтверждение о производстве его в чин полковника. 19 августа он явился в ставку Пугачева у реки Пичуги (под Дубовкой) и обратился к судье Военной коллегии

⁶⁷ Протокол показаний В. В. Горского на допросе 27 августа 1774 г. в Астраханской губернской канцелярии. — ЦГАДА, ф. 1274, д. 178, л. 573 об.

⁶⁸ Рапорт царицынского коменданта И. Е. Цыплетева генералу П. И. Панину от 5 сентября 1774 г. — Там же, д. 174, л. 501—501 об.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1274, д. 173, л. 126.

И. А. Творогову с просьбой о выдаче ему патента на чин. По словам очевидца этого эпизода Горского, Толмачев сказал Творогову: «Батюшка-де приказал мне написать патент поскорее, так, пожалуй, Иван Александрович, прикажи». А Творогов приказал называющемуся у них в коллегии секретарем Дубровскому написать. Дубровский приказал написать писарю, а писарь говорил: «Бумаги-де нет, а вот есть-де гербовая». Дубровский [сказал] на то: «Ну, братец, пиши на ней, все равно». Вскоре писарь составил «патент... на полковничий чин» и вручил его Толмачеву⁷⁰.

В практике делопроизводства ставки Пугачева пожалование в чины полковника, подполковника, атамана и другие оформлялось именными указами «Петра III». Был выработан даже стереотипный текст указа подобного назначения. В указе после титула «Петра III» («Божиею милостию мы, Петр Третий» и т. д.) объявлялось («Известно и ведомо да будет каждому»), что такой-то (имя и сословная принадлежность), служивший прежде в таких-то должностях и чинах, а такого-то года, месяца и числа «за оказанную его к службе ревность и прилежность» пожалован в такой-то чин. «Того ради мы сим жалуем и учреждаем» такого-то в таком-то чине «надлежащим образом признавать и почитать». Далее выражалась надежда, что такой-то в пожалованном ему чине «так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму рабу надлежит». Текст указа завершался сообщением о скреплении указа собственноручной подписью «Петра III» и «государственной печатью», указывалась дата выдачи указа. Под текстом проставлялась подпись: «Петр III», а над текстом, в левом верхнем углу листа, — оттиснутая на красном сургуче «государственная печать» с изображением «Петра III» и его титулом⁷¹ (впрочем, печать иногда на таких указах и не ставилась). Сходное содержание и оформление имел, видимо, и указ Пугачева о пожаловании волжского казака Толмачева в чин полковника.

Из показаний Горского известно, что Толмачев, командуя полком в войске Пугачева, участвовал в боях под Царицыном и у Солениковой ватаги, а потом будто бы пропал без вести⁷². Но оказалось, что он в последнем бою попал в плен, был предан военному суду, по приговору которого повешен 11 сентября 1774 г. в Царицыне⁷³.

⁷⁰ Протокол показаний В. В. Горского на допросе 31 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. — В кн.: Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 203.

⁷¹ См., например: указ от 5 июня 1774 г. о производстве старшины Медета Миндиарова в подполковники; указ от 24 июля 1774 г. о производстве подпоручика В. Косоговского в подполковники (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 33, 38).

⁷² Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 206—209.

⁷³ Рапорт секунд-майора А. Куткина царицынскому коменданту И. Е. Цыплетеву о казни хорунжего А. Толмачева, казаков Г. Бахтеярова и

§ 15. Указ Е. И. Пугачева о пожаловании чинами полковников и старшин своего войска (24 августа 1774 г.). В воскресенье 24 августа пугачевское войско стало лагерем на берегу Волги у Насоновского Яра, вблизи рыболовецкой ватаги царьцынского кушца Соленикова. Пугачев, призвав к своей палатке полковников и старшин, приказал секретарю Военной коллегии А. И. Дубровскому читать только что составленный именной указ. Участник этого события — казачий сотник В. В. Горский — три дня спустя, 27 августа, на допросе в Астраханской губернской канцелярии рассказывал, что Пугачев «жаловал... тех старшин чинами, некоторых в генерал-фельдмаршалы, в генерал-фельдцейхмейстеры и в генерал-порутчики и ковалеры, в полковники и в придворные чины, о чем и чтено было вслух при тех чиновных людях пред полаткою ево объявление»⁷⁴. Два месяца спустя тот же Горский на допросе 31 октября в Казанской секретной комиссии дал более подробные сведения о содержании этого указа, сообщив, что вечером 24 августа к палатке Пугачева «пришел из коллегии секретарь Алексей Дубровский и принес с собою в руках много бумаг». Пугачев «тотчас велел одним полковникам и старшинам стать в круг и пред ними Дубровскому читать, который и читал, как я могу припомнить, следующие слова: „Божиею милостию мы, Петр Третий, император и самодержец Всероссийский, жалует мы от армии нашей в генерал-фельдмаршалы и всех орденов кавалеры атамана Андрея Овчинникова; в генерал-аншефы и, — не упомяну, во сколько орденов, — в кавалеры Афанасия Перфильева; в генерал-фельдцейхмейстеры и обоих орденов в кавалеры Федора Чумакова; в генерал-порутчики, обоих орденов в кавалеры и Государственной военной коллегии в члены Ивана Творогова; в камергеры и обоих орденов в кавалеры, — не упомяну кого⁷⁵; в Военную ж коллегию полковника Алексея Дубровского обер-секретарем; в секретари, — не упомяну, — писаря какого-то“⁷⁶... По прочтении всего одного пожалованные в чины друг друга поздравляли и от всех других, кто тут стоял, также были поздравляемы, наконец, пошли к самозванцу благодарить и пили у него, как я слышал, водку»⁷⁷.

Показания Горского подтверждаются свидетельством члена повстанческой Военной коллегии И. А. Творогова на допросе 27 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии. Он сообщил, что когда Пугачев был со своим войском «между Царицыном и Черным Яром, то, — не знаю, по научению ль чьему или

П. Губина. — Государственный архив Саратовской области, ф. 407, оп. 2, д. 1335, л. 22.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1274, д. 178, л. 574 об.

⁷⁵ Яицкий казак Яким Васильевич Давилин, служивший дежурным адъютантом при Пугачеве.

⁷⁶ Заводской крестьянин Герасим Степанов, служивший повытчиком в Военной коллегии.

⁷⁷ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 208.

сам собою, — вздумал старшин своих называть генералами, на которые указ от имени его сочинял вышесказанной секретарь Дубровской; и сей указ накануне разбития нашей толпы [Пугачев] по собрании к полатке своей всех назначенных в чины старшин, вышед из оной, сказал: „Бог и я, великой государь, жалую вас чинами, послужите вы мне за его верою и правдою“. А посему мы, став пред ним на колени, благодарили. Потом [Пугачев] приказал Дубровскому читать о том свой указ, которой он и читал; из сего указа понял я имена только жалованных, кои были сии: дежурной Давилин, атаман Овчинников, полковники Перфильев, Федулев, я, Чумаков, а других не упомяну; но я ни одного из тех чинов назвать не знаю, хотя я и сам в числе тех пожалованных находился, потому что прежде оных не слыживал»⁷⁸.

Из цитированных показаний Горского и Творогова видно, что они с различной степенью точности и полноты, взаимно дополняя друг друга, воссоздали содержание последнего указа, которым Пугачев накануне решающего сражения стремился снискать верность своих ближайших соратников, награждая их высшими воинскими и придворными званиями и обставив обряд оглашения этого указа торжественной церемонией с молебном. По-разному сложилась судьба упомянутых в этом указе лиц. В проигранной Пугачевым битве 25 августа у Солениковой ватаги погибли А. А. Овчинников, Я. В. Давилин и Г. Степанов. Несколько дней спустя попали в плен А. И. Дубровский и А. П. Перфильев. Первый из них в конце октября 1774 г. умер от истязаний в Саратове, а Перфильева казнили вместе с Пугачевым в Москве 10 января 1775 г. Что же касается И. А. Творогова, Ф. Ф. Чумакова и И. П. Федулева, то они возглавили заговор против Пугачева, арестовали его 8 сентября 1774 г. в заволжских степях и вскоре выдали военным властям, получив за это предательство помилование от Екатерины II, по решению которой были высланы в Прибалтику, где умерли в глубокой старости, прожив несколько десятков лет после Крестьянской войны⁷⁹.

§ 16. *Воинское наставление Е. И. Пугачева (24 августа 1774 г.)*. В показаниях астраханского казачьего сотника В. В. Горского содержатся упоминания о паставлении Пугачева своему войску, объявленном 24 августа в лагере на Солениковой ватаге. На допросе 27 августа в Астраханской губернской канцелярии Горский сообщил, что Пугачев объявил тогда о предстоящем сражении с корпусом полковника И. И. Михельсона: «...сказывал он... всем, что идет за ними неприятель и будет завтра работа, но у нас-де есть сорок пушек и поборонитца можем, чего для и приказывал старшинам с вечера по полкам своим быть в готовности». После этого «читали еще вынесенное из полатки [Пуга-

⁷⁸ Пугачевщина, т. 2, с. 161.

⁷⁹ Лосенкова Г. В. Документы о пребывании в Эстонии некоторых участников Крестьянской войны 1773—1775 годов в России. — Советские архивы, 1973, № 3, с. 66—70.

чева] учреждение: как ходить в походе полкам, артиллерии и обозу»⁸⁰. На допросе 31 октября 1774 г. в Казанской секретной комиссии Горский, касаясь этого наставления, показал, что секретарь Военной коллегии А. И. Дубровский «читал наставление полковникам, каким образом им быть в походе... чтоб казаки от своих полков не отставали, и по ночам бы не кричали, и тем бы не беспокоили самозванца. Если ж казак в чем-нибудь провинится в первый раз, то полковник наказывает телесно, а ежели кто в другой раз провинится, то вешать самим полковникам, не докладываясь»⁸¹ высшему, видимо, начальству в лице Военной коллегии или же самого Пугачева.

К сожалению, этот интереснейший документ, введивший начальные элементы уставных норм и правопорядка в повстанческом войске, пропал вместе с другими бумагами Военной коллегии после битвы 25 августа 1774 г. у Солениковой ватаги.

* * *

Установленные данные о содержании 16 утраченных указов и манифестов Пугачева интересны прежде всего для характеристики идейной стороны движения на последнем его этапе. Наряду с указами, учитывающими социальные требования крестьянства, в составе рассматриваемой группы источников имелись указы, отвечавшие интересам других социальных и национальных групп населения Поволжья, казаков, посадских людей, калмыков, иностранных колонистов. Ряд указов Пугачева касался организационных сторон движения (пополнение войска восставших, назначение администраторов и др.), а также военно-оперативных вопросов. Рассматриваемые источники позволяют полнее представить деятельность ставки Пугачева во второй половине июля—августе 1774 г.⁸² и вносят дополнительные данные в освещение крупнейших событий Крестьянской войны в этот период.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1274, д. 178, л. 574 об.—575.

⁸¹ Дон и Нижнее Поволжье в период Крестьянской войны 1773—1775 годов, с. 208.

⁸² Источниками, отображающими деятельность ставки Пугачева в этот период, являются и документы повстанческой Военной коллегии: ее 13 сохранившихся указов (Документы ставки Е. И. Пугачева..., док. № 80—92) и 3 указа, реконструированных по свидетельствам параллельных источников (Овчинников Р. В. Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 95—96).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, следует прежде всего обратиться к количественной стороне изучаемого комплекса исторических источников. В помещаемой ниже таблице приведены цифровые помесячные данные (с сентября 1773 по август 1774 г.) о рассмотренных в книге манифестах и указах Пугачева, как дошедших до нас, так и утраченных в ходе восстания и в последующее время.

Год	Месяц	Число манифестов и указов Е. И. Пугачева		
		сохранившихся	утраченных	всего
1773	сентябрь	5	3	8
»	октябрь	11	13	24
»	ноябрь	5	3	8
»	декабрь	9	11	20
1774	январь	—	8	8
»	февраль	—	6	6
»	март	2	11	13
»	апрель	—	6	6
»	май	—	15	15
»	июнь	4	14	18
»	июль	5	15	20
»	август	5	14	19
Итого		46	119	165

Данные таблицы свидетельствуют о постоянном на протяжении целого года (а в отдельные месяцы и довольно интенсивном) выходе в свет манифестов и указов Пугачева, что, несомненно, вносило заметные начала организации в повстанческое движение¹. Эта сторона деятельности повстанческого центра не прекращалась и в периоды крупных военных неудач восставших

¹ Руководящая роль ставки Пугачева выражалась также и в предписаниях Военной коллегии; 46 ее документов известны по сохранившимся текстам (Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг. М., 1975, док. № 47—92), а содержание

(например, в январе—марте 1774 г., когда развернулось фронтальное наступление карательных войск к Оренбургу и Уфе; или в апреле—начале мая 1774 г., когда Пугачев, потерпев сокрушительное поражение под Сакамарским городком, укрывался с остатками своего войска в горнозаводских районах Южного Урала). К этим периодам относятся воззвания и распоряжения Пугачева, направленные на организацию военного отпора неприятелю (март 1774 г.) и на создание нового повстанческого войска, «Большой армии» (апрель 1774 г.). Возможно, что число этих документов было значительно больше ныне известного, но многие из них были бесследно утрачены в ходе скоротечных и маневренных военных действий. Наибольшее число указов и манифестов Пугачева, как видно из таблицы, приходится на периоды массового подъема движения, на октябрь—декабрь 1773 г., когда Пугачев был хозяином положения на Юго-Востоке страны, а также на май—август 1774 г., когда повстанческое войско действовало на Южном Урале, в Прикамье, в Среднем и Нижнем Поволжье, в районах с многочисленным крестьянским населением.

Установление полноты сохранности изучаемого вида источников относительно их первоначального массива — одна из важнейших проблем источниковедения. Как обстоит дело в этом отношении с посланиями Пугачева? По нашим наблюдениям, за год деятельности повстанческого центра (с сентября 1773 по август 1774 г.) вышло, примерно, как максимум, до 200 указов и манифестов Пугачева. Из таблицы видно, что нам известны 165 источников этого рода (46 сохранившихся и 119 реконструированных), которые и составляют $\frac{4}{5}$ (или, примерно, чуть больше 80%) от предполагаемого общего их числа. Процент потерь в составе данной группы источников невелик (около 20%), к тому же общий характер содержания и назначения этих навсегда утраченных документов не имел, видимо, существенных отличий от рассмотренных в книге памятников.

Изучение указов и манифестов Пугачева (как дошедших до нас, так и реконструированных) строилось на использовании значительного круга документов повстанческих властей и учреждений, протоколов следственных показаний руководителей и рядовых участников восстания, переписки центральной и местной администрации Екатерины II, дневников и воспоминаний современников Крестьянской войны. Благодаря этому удалось, как нам представляется, полнее и глубже осветить как источниковедческие, так и исторические проблемы исследования.

По каждому изучаемому в работе документу (манифесту или указу) установлены обстоятельства его происхождения, включая данные о месте и времени его создания, причинах, обусловивших

18 утраченных указов коллегии удалось реконструировать в процессе специального исследования (Овчинников Р. В. Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева. — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 84—96).

сего появление; приведены биографические сведения об авторе-составителе и корреспонденте-получателе; сообщаются данные о наличии копий и дубликатов документа. Трудоемких разысканий потребовало установление дат недатированных документов, а также уточнение дат, неверно указанных в имеющейся литературе и в публикациях источников. Удалось выявить и критически рассмотреть ряд недостоверных сообщений источников об отдельных указах Пугачева (например: показание пугачевского секретаря И. Я. Почиталина о содержании указа 18 сентября 1773 г., направленного в Яицкий городок; свидетельства Пугачева и Почиталина об указе, poslanном будто бы 5 октября 1773 г. в осажденный Оренбург; и др.).

В составе изучаемой группы источников выявлены различные по назначению и содержанию документы: манифесты и указы-воззвания, указы-распоряжения о формировании и пополнении повстанческих отрядов, об обеспечении их оружием, боеприпасами и провиантом, об административных назначениях, о проведении военных операций, о дислокации войск и т. д., а также указы типа «патентов на чины». Значительное внимание было уделено изучению особенностей построения и оформления документов, а также применяемым знакам удостоверения их подлинности. При этом установлено, что если содержание указов и манифестов Пугачева отображало антифеодальную направленность движения, то в построении и оформлении они следовали традиционным образцам составления правительственных актов, императорских указов и манифестов. Заимствования наблюдаются в языке и стиле, хотя отдельным пугачевским документам свойственны особенности сказовой и песенной русской народной культуры или же красочный слог восточного письма. С проблемой происхождения источника тесно связаны освещаемые в работе вопросы, касающиеся перипетий жизни каждого документа в событиях Крестьянской войны и их последующей архивной судьбы вплоть до наших дней.

Центральное место в исследовании занял анализ манифестов и указов Пугачева, направленный на раскрытие их содержания, применительно как к каждому из документов в отдельности, так и к групповой и к общей их совокупности. Результаты изучения дали материал для освещения социальной политики, военной и административной деятельности ставки Пугачева и для характеристики других сторон истории Крестьянской войны. Реконструкции содержания несохранившихся посланий Пугачева приобретают до известной степени свойства реально существующих источников и значительно пополняют источниковую базу для изучения деятельности ставки Пугачева и внутренней жизни повстанческого лагеря. Академик Л. В. Черепнин, оценивая значение выполненной нами работы по установлению содержания утраченных указов², рассматривал их как особого рода источ-

² *Овчинников Р. В.* Из опыта изучения и реконструкции документов Военной коллегии Е. И. Пугачева, с. 72—97.

ники, отражающие широкий круг военной, политической и административной деятельности повстанческого центра, как «архивное наследие повстанцев»³.

Исключительный по значению материал дают пугачевские манифесты и указы для характеристики требований участников восстания. Именно поэтому на идейное содержание источников и было обращено особое внимание в исследовании.

Пугачевские воззвания учитывали интересы и требования той социальной среды, которая доминировала в восстании и на которую ориентировалась ставка Пугачева в тот или иной период Крестьянской войны. В начале выступления, когда основной социальной опорой восстания являлось казачество, указы Пугачева отражали экономические и политические требования казаков. С появлением войска Пугачева под Оренбургом восстание охватило значительные районы Южного Урала и Приуралья, населенные русским горнозаводским и помещичьим крестьянством и нерусскими народностями. Они искали в восстании удовлетворения своих экономических, социальных и национальных интересов. Учитывая это, ставка Пугачева при составлении новых указов разнообразила и расширяла призывы, исходя прежде всего из интересов той группы населения, к которой адресовался соответствующий указ. Таковы были указы, посланные к башкирам, казакам, татарам, отвечавшие их национальным требованиям.

Что же касается различных категорий русского крестьянства, то первые обращенные к ним указы Пугачева, сулившие за верную службу «Петру III» вечную волю и экономические льготы, дублировали указы, адресованные казакам, представляли собой апологию казачьего строя жизни, свойственную воззрениям руководителей движения на всем протяжении Крестьянской войны и запечатленную, в частности, в последних манифестах от июля—августа 1774 г. Лишь постепенно, примерно с декабря 1773 г., по мере вовлечения в восстание значительных масс крестьянства, появления в стане Пугачева людей с несомненными задатками идеологов движения (И. Н. Грязнов, А. И. Дубровский), происходит процесс «окрестьянивания» социальной политики повстанческого центра. Это сказывалось на содержании воззваний Пугачева, в которых углублялась критика крепостнических порядков в стране, подчеркивался паразитизм дворянства и администрации, угнетавших народ, выдвигались все более радикальные положения, отвечавшие интересам крестьян. Особенно отчетливо эти тенденции стали проявляться во второй половине июня—начале июля 1774 г., когда войско Пугачева вышло в районы Прикамья и Среднего Заволжья с их многочисленным крестьянским населением. Следует, правда, отметить, что указы Пугачева того времени связывали освобождение крестьян от крепостной неволи с обязательством их верной службы «Петру III»

³ Черепнин Л. В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII вв. (к теории проблемы). — В кн.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения, с. 22.

или даже с окончательной победой и воцарением «Петра Федоровича» на всероссийском престоле; что же касается дворянства, то оно, будучи лишено (по смыслу этих указов) феодальных прав и преимуществ, еще не приговаривалось к полному истреблению.

Идейную эволюцию социальной политики ставки Пугачева венчали манифесты, обнародованные 28 и 31 июля 1774 г. Они провозглашали отмену крепостной зависимости крестьян, переводили их в разряд казаков, освобождали от платежа подушной подати, рекрутских наборов и прочих повинностей, безвозмездно передавали земли с различными ее угодьями в пользование крестьян. Одновременно манифесты призывали к истреблению дворянства и устранению старой администрации. Объективно все это означало, что манифесты и указы Пугачева последнего этапа Крестьянской войны призывали к ликвидации крепостнических отношений в стране, уничтожению дворянства, передаче земли народу и в целом отражали требования крестьянства о земле и воле. В. И. Ленин, характеризуя содержание требований земли и воли, писал, что этот «распространеннейший лозунг крестьянской массы, забитой и темной, но страстно ищущей света и счастья, — буржуазен»⁴. Призыв к разрушению крепостнических порядков характеризовал лишь одну сторону идейной платформы Крестьянской войны — ее наиболее сильную, но негативную, разрушительную сторону, близкую и понятную народу.

Другая сторона идейной платформы движения, касающаяся перспектив борьбы за создание нового общественного и политического строя, не получила в манифестах Пугачева ясного и последовательного освещения. Руководители движения имели весьма смутное представление об устройстве страны в случае победы восстания и воцарения на престоле народного заступника — «Петра III». Будущая Россия виделась им как государство народного благоденствия и материального изобилия, где царит «тишина» и «спокойная жизнь», свобода и воля, где не будет необходимости взимать налоги с населения, ибо казна будет постоянно пополняться за счет своих внутренних ресурсов, где граждане будут освобождены от воинской обязанности, ибо армия будет полностью укомплектована за счет «вольножелающих добровольцев». По смыслу некоторых высказываний Пугачева и содержанию последних его манифестов на месте феодальной России предполагалось создать казацкое государство (поскольку большинство населения переводилось в казацье сословие) во главе со справедливым и милостивым к народу монархом. Народ не знал тогда иных форм государственной власти, кроме монархии, не видел иных, идеальных (в его понимании) форм лучшего общественного строя, чем казачество с его традициями. То и другое народ брал за образец, наполнив, правда, эти формы новым антифеодальным содержанием. Отражая наивный монар-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 102.

хизм, веру народа в справедливого царя, идеализируя казачью общину, вступившую в ту пору в стадию социального разложения, манифесты Пугачева создавали беспочвенный идеал «мушкетерского царства».

Подобные представления, свойственные народной социальной утопии того времени, были обусловлены политической неразвитостью, а также патриархальными представлениями крестьянства — ведущей социальной силы Крестьянской войны. В. И. Ленин, касаясь революционных возможностей крестьянства, писал, что «наличность революционных элементов в крестьянстве не поддежит... ни малейшему сомнению», и в то же время подчеркивал, что «мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян»⁵, самые массовые выступления которых не могут подняться до уровня организованной революционной борьбы.

Материалы, приводимые в ряде глав первой части книги, свидетельствуют об интенсивной деятельности повстанческого центра по распространению пугачевских манифестов и указов, которые оказывали огромное воздействие на умонастроение трудового населения, прежде всего на крестьянство, вовлекая его в восстание и внося тем самым заметные начала организации в повстанческое движение, но не меняя стихийного характера Крестьянской войны в целом. Антипугачевская агитация правительственного лагеря, осуществляемая путем рассылки манифестов Екатерины II, указов Сената, увещаний представителей центральной и местной администрации, посланий церковных властей и т. п., была направлена на дискредитацию Пугачева и его сторонников, но оказалась малоэффективной и не смогла истребить «мятежный дух» в народе. В подавлении Пугачевского восстания решающую роль сыграли не средства идейной борьбы, а военная сила и политика массовых репрессий. Но и они не смогли истребить в народе памяти о Пугачеве, о свободах и льготах, провозглашенных его воззваниями.

Тщательно скрываемая властями антифеодальная направленность манифестов и указов Пугачева, сведения о которой проносили различными путями в общественные слои России, а также за рубеж⁶, оказала заметное воздействие на формирование анти-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228—229.

⁶ В дни Отечественной войны 1812 г. Наполеон Бонапарт, подходя к Москве и находясь в ней, намеревался сломить сопротивление России, склонить правительство Александра I к мирным переговорам угрозой спровоцировать антифеодальное выступление русских крестьян. С этой целью предпринимались попытки (не очень настойчивые, впрочем) разыскать в московских архивах «последние воззвания» Пугачева (имелись в виду июльские манифесты 1774 г.), чтобы использовать их при составлении антикрепостнических прокламаций французского императора. Позднее Наполеон отказался от этой авантюрной затеи (подробнее см.: Тартаковский А. Г. Из истории одной забытой полемики (об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812 году). — История СССР, 1968, № 2, с. 25—43 (особенно с. 40—43); см. также:

феодалной идеологии А. Н. Радищева и его окружения⁷, получила оценку в произведениях и высказываниях деятелей декабристского движения⁸, идеологов крестьянской революции — революционных демократов А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского⁹, революционных народников 1860—1880-х годов¹⁰. Многовековой опыт крестьянского движения, характер социальных и экономических требований и помыслов крестьянства в крупнейших его выступлениях, спроецированные на исторические условия эпохи капитализма и империализма, получили обобщающую оценку в работах В. И. Ленина: «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Аграрная программа русской социал-демократии», «К деревенской бедноте» и других, а также в разработанных под его руководством программных документах РСДРП, где крестьянство рассматривалось в роли союзника пролетариата в революционной борьбе.

Тарле Е. В. Наполеон. М., 1942, с. 230—233; *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. М., 1971, с. 636—637).

⁷ *Виленская Э. С.* Исторические взгляды А. Н. Радищева. — Вопросы истории, 1949, № 9, с. 46—47; *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961, с. 19—24.

⁸ *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958, с. 371—377; *Мавродин В. В.* Указ. соч., с. 24—30.

⁹ *Иллерицкий В. Е.* История России в освещении революционеров-демократов. М., 1963, с. 224—333; *Мавродин В. В.* Указ. соч., с. 55—67.

¹⁰ *Мавродин В. В.* Указ. соч., с. 67—76,

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов С. И. 47
 Абдрахманов Кутлугильда *см.* Кутлугильда Абдрахманов
 Абдрешит Аитов 206
 Абдулкарим (Габдулкарим) Кусеев (Кузкей-углы) 85, 86
 Абдулкаримов Ишмухаммет *см.* Ишмухаммет Абдулкаримов
 Абдулла Тохтаров 225
 Абдулов Бакей *см.* Бакей Абдулов
 Абзаев Егафар *см.* Егафар Абзаев
 Абязмов Упак *см.* Упак Абязмов
 Абязмов Шукур *см.* Шукур Абязмов
 Аблай (Облай), султан 220—223
 Абляз Соккуров 188
 Абубакир Клячев (Тлячев) 233
 Абызов И. С. 253, 256
 Адил Бигашев 189
 Аднагул Юсеев 233
 Адыл Ашменев 20, 118, 119, 238
 Азналин Юлай *см.* Юлай Азналин
 Азятев Кусепкул *см.* Кусепкул Азятев
 Айт Аитов 225
 Айт Сейтов 229
 Аитов Абдрешит *см.* Абдрешит Аитов
 Аитов Айт *см.* Айт Аитов
 Акберда Даутов 184
 Акутин И. К. 30, 31, 34
 Акутин С. И. 171
 Александр Дж. 21
 Александр, архимандрит 158
 Александр I Павлович 266
 Алексеев А. 191
 Алексеев М. 105
 Алексеев Ф. 191
 Алибай Мурзагулов 42, 49, 168, 209
 Аликов Т. 140
 Алимшиев В. 75, 76
 Алишев С. Х. 19, 65, 84, 87, 117
 Алмекей Алкеев 209
 Алтуфьев П. 242
 Аманов Уразгильда *см.* Уразгильда Аманов
 Андреев 190
 Андреев В. 121
 Андреев П. 195, 196
 Андреев Т. 138
 Андрущенко А. И. 19, 20, 25, 35, 37
 Анисимов У. 236
 Антипов Я. С. 76, 77, 176, 181, 182
 Анучин Д. 14, 15, 159
 Аптыш Тангаев 55, 183, 184, 186, 187
 Аралбай-батырь 223
 Арапов И. Ф. 84, 103, 110, 180, 181, 196, 199, 200, 203—206
 Арсланов Кинзя *см.* Кинзя Арсланов
 Арукаев Миндиар *см.* Миндиар Арукаев
 Асанов Нагайбак *см.* Нагайбак Асанов
 Астафьев С. А. 232
 Астренев *см.* Остренев И. И.
 Афанасьев В. 136
 Афанасьев И. 121
 Ахмет Хасанов 197
 Ахметев Исхак *см.* Исхак Ахметев
 Ахметев Султаналей *см.* Султаналей Ахметев
 Ахшарумов И. 208
 Ашменев Адыл *см.* Адыл Ашменев
 Базаргул (Барзагул) Юнаев 225
 Баим-тархан Кедряев 207, 229
 Байгаза Козымышев 225
 Байков 212
 Бакей Абдулов 80, 81
 Балтай Идеркеев 9, 33, 41, 42, 49, 55, 63, 65, 66, 71, 73, 80, 85—87, 167, 183, 186, 188
 Бамбур (Бамбар, Банбар) 140
 Бантыш-Каменский Н. Н. 61, 94, 136
 Барзагул Юнаев *см.* Базаргул Юнаев
 Батыркай Иткинин 87
 Бахрушин А. А. 12, 115
 Бахтеярлов Г. 257
 Бахтиар Канкаев (Канкай-углы) 13, 85, 86, 117, 118, 189, 212, 233—235
 Бекмаханова Н. Е. 33, 186, 187, 204, 222, 223
 Бекренев П. А. 151
 Беликов Т. И. 140, 175, 180, 212, 253
 Белобородов И. Н. 113, 115, 121, 202, 212—217, 227, 229, 237
 Белов И. 168, 169
 Белокопытов М. 160
 Белоносов И. Ф. 180

Белявский М. Т. 20
Беспалов П. 52, 75—77, 176, 181
Бибиков А. И. 9, 11, 12, 18, 53, 82,
87, 88, 95—100, 103, 105—108, 123,
192, 195
Бибиков В. Ф. 100, 117
Бибиков Ю. Б. 195, 196, 201
Бикаш Зимакеев (Чумаков) 42
Билдин П. З. 180
Билдин С. 180
Билов Х. Х. 165, 166
Блинов С. 153
Блок Г. П. 90
Бобылев А. 207
Болдырев С. 204
Бородин А. Н. 109
Бородин Г. 206
Бородин И. Я. 168, 193
Бородин М. М. 74, 75, 92, 110, 171,
172, 187
Бородин Н. А. 185
Бородин-Шара А. 175
Борянов А. И. 31, 32, 36
Бошняк И. К. 247, 248
Брант Я. Л. 43, 49, 50, 56, 60, 79, 80,
94, 99, 100, 108, 119, 124, 126, 132,
151, 237
Броун Ю. Ю. 156
Буганов В. И. 2, 4, 6, 17, 20, 162
Булавин К. А. 162
Бурутов В. 179
Буткевич И. Н. 246
Буторов И. 176
Быков П. А. 30, 31, 32

Ваганов М. 204
Варфоломей 98
Васильев А. 43
Васильев С. 226
Веденяпин С. 135
Веловский И. Ф. 40
Вениамин 63, 98, 123
Венцель Ф. Ф. 119
Веревкин А. П. 80
Верхоланцев Д. В. 237
Виленская Э. С. 267
Витошнов А. И. 183, 193
Владимиров П. 30, 110
Волегов В. А. 237
Волк С. С. 267
Волков И. 125
Волков Л. В. 21
Волков С. И. 81
Волконский М. Н. 9, 60, 106, 126,
136, 154
Воробьев Н. 229
Всеволожский А. А. 137
Второв А. 38, 39
Вульф Д. Х. 54
Вяземский А. А. 12, 95, 108, 136, 157,
161

Габдулкарим Кузкей-углы см. Аб-
дулкарим Кусекеев
Гагрин Д. О. 113, 117, 202, 227
Галкин-Враский М. Н. 14, 144
Герасимов Г. Г. 136—139, 147, 246
Герасимов И. 30
Герасимов И. Л. 85, 86
Герасимов П. А. 173
Герцен А. И. 267
Гладышев 178
Гладышев К. А. 228
Глазатов Ф. 47
Голдобин Т. Н. 121
Голицын М. А. 208
Голицын М. М. 208
Голицын П. М. 18, 102, 103, 123—
125, 128, 154, 168, 181, 193, 199, 201,
203—209, 211, 232
Голицына А. А. 243
Голуб А. В. 19, 32, 65, 72
Голубцов С. А. 18, 19
Горбунов А. 181
Горский В. В. 255—260
Горшков М. Д. 24, 25, 38, 39, 63,
77—79, 82, 85, 90, 91, 166, 169, 170,
191, 193, 198, 208, 209, 211
Горький А. М. 20, 42
Гребенников Т. 232
Греков В. 145
Григорьев И. 178
Гринев П. Б. 196
Грот Я. К. 9, 15, 105, 108, 134
Грязнов И. Н. 75, 81, 107, 116, 120,
215, 216, 264
Губанов А. Е. 81, 87
Губанов И. В. 182
Губин П. 258
Гурьев И. 82

Давилин Я. В. 240, 258, 259
Давыдов Г. 190—192
Даутбай-тархан 221, 222
Даутов Акберда см. Акберда Даутов
Дван-Аббас 55, 56
Дворов А. 175
Дегаев В. 207
Деколонг И. А. 10, 15, 52, 53, 60, 63,
94, 99, 100, 104, 107, 113, 114, 123,
214—218, 223, 225
Делдеш В. 179, 206
Демарин О. Х. 52, 53
Демидов А. Г. 226
Демидов Е. Н. 51
Денехин Т. 205
Денисов И. Ф. 212
Дербетов Ф. И. 175, 179, 180, 196,
203, 206, 211, 212
Державин Г. Р. 12, 100, 249
Диц А. Т. 145, 253, 254
Дмитриев М. 206
Дмитриев Н. 208

- Дмитриев-Мамонов А. И. 15, 100
 Добролюбов Н. А. 267
 Долгонос Е. И. 178
 Домашнев С. 187
 Дондуков А. И. 145, 254
 Доннерт Е. 21
 Донсков Д. Д. 41, 168, 169
 Донсков Д. И. 169
 Дорофеев С. 80
 Дружинин В. Г. 143
 Дружинин П. П. 231
 Дубовской Ф. И. 192, 193
 Дубровин Н. Ф. 12, 15, 31, 35, 45, 82, 98, 126, 157, 159, 160, 165
 Дубровский А. И. (Трофимов И. С.) 114, 120, 121, 129, 131, 141, 142, 146, 149—151, 153, 237, 238, 247, 257—260, 264
 Дуве О. 125
 Дураков В. 46—48
 Дурманов И. 171
 Дусали, султан 55, 56, 70—72, 183, 184, 186, 187, 194
 Дьяконов М. 180
 Дюков Н. 177
 Егафар Азбаев 121
 Екатерина II Алексеевна 2, 5, 8—12, 14, 15, 24—26, 28—30, 39, 49, 56, 60—63, 67, 77—79, 90, 91, 93—99, 103—108, 111, 113, 125—128, 135, 140, 142—144, 149, 153, 155—162, 165, 171, 173, 192, 193, 204, 218, 232, 245, 252, 259, 262, 266
 Елагин В. 196, 203
 Елагин Г. М. 37, 40
 Еленев Г. 235
 Елеовский С. Ф. 19, 32, 72
 Елизавета Петровна 44
 Елизаров Б. 137
 Елистратов М. 135
 Емансары (Емансарай) Епаров 42
 Ембекей-батырь 221, 222
 Епаров Емансары *см.* Емансары Епаров
 Ермухаммет Кадырметев 117, 118, 229
 Ерофеев И. 102
 Ерусланов А. Д. 113
 Жаринов Т. 51
 Жижка М. В. 38
 Жолобов Ф. 112, 117, 217, 218
 Жумчальды Саитов 34
 Забир Карамуллин 33, 34
 Забиров В. 19, 43, 44, 65, 72
 Заварухин Л. 214, 216, 217
 Загуменнов (Иванов) Д. М. 51, 121, 213, 230—232
 Заев Е. 73, 94
 Зайцев А. Ф. 218, 219
 Закладнов Г. М. 23
 Замяринов 172
 Заметаев (Пометайла) И. П. 161
 Зарубин-Чика Н. Н. («Чернышев И. Н.», «граф») 23, 25, 26, 38, 51, 59, 76, 81, 86, 87, 93, 103, 170, 174, 175, 181—183, 187, 192, 198, 201, 202, 209, 211
 Захлыстов И. *см.* Опрятков И.
 Зверев А. П. 53, 238
 Зембо И. 179
 Зеутфутдин Мусин 126
 Зимакаев Бикаш *см.* Бикаш Зимакаев
 Зиминский П. Д. 246
 Зиновьев А. 54
 Зырянов А. Н. 46, 111
 Зяпбаев Муртаза *см.* Муртаза Зяпбаев
 Ибрагим Мамбетов 197
 Иванов А., дворовой человек 136
 Иванов А., крестьянин 110
 Иванов А., протопоп 181
 Иванов В. В. 83, 84
 Иванов Г. 180
 Иванов Д. 187
 Иванов Д. *см.* Загуменнов Д. М.
 Иванов Е. *см.* Родионов Е. И.
 Иванов И. 176
 Иванов И. *см.* Родионов И. И.
 Иванов Н. *см.* Чванин Н. И.
 Иванов С. 132, 151
 Иванов Т. 235, 236
 Иванов Ф. 153, 244, 251, 252
 Иванов Я. 244, 252
 Иванов (Алкин) Е. 56
 Иванов-Тукмач М. 82
 Игнатъев Р. Г. 63
 Идеркеев Балтай *см.* Балтай Идеркеев
 Идеркей Баймеков 33, 42, 140, 141, 174, 184, 238, 252
 Ижбулалов Токтамыш *см.* Токтамыш Ижбулатов
 Изюмов И. В. 184, 194
 Илжыбаев Иссерган *см.* Иссерган Илжыбаев
 Иллерицкий В. Е. 267
 Иманов А. 42
 Иссерган Илжыбаев 223, 225
 Исхак Ахметев 207, 229, 230
 Иткинин Батырбай *см.* Батырбай Иткинин
 Иткул (Уиткул) Ураев 221, 222
 Ишеев А. 175
 Ишмухаммет Абдулкаримов 197
 Каदेशников Н. 44
 Кадошников Д. 45, 169

- Кадырметев Ермухаммет *с.м.* Ермухаммет Кадырметев
 Калалай Н. 233
 Калугин Я. 176, 177
 Кальминский (Николаев) Д. Н. 32, 36, 38—40, 63, 71, 73, 165
 Камеицкая А. С. 133
 Кандауров Д. И. 102, 103, 113
 Канзафар Усаев 18, 83, 84, 115, 121, 189, 224, 225
 Канкаев (Канкай-углы) Бахтияр *с.м.* Бахтияр Канкаев
 Кар В. А. 9, 11, 14, 50, 51, 60, 62, 63, 73, 79, 90, 94, 97, 105, 187, 189
 Караваев Д. 23, 26
 Карамзин М. Е. 53
 Карамзин Н. М. 53
 Карамуллин Забир *с.м.* Забир Карамуллин
 Каранай Муратов (Мратов) 235
 Карасев (Карась) К. С. 122, 228, 234, 232
 Карасев П. К. 232
 Карась *с.м.* Карасев К. С.
 Каргин Н. А. 198, 199
 Кашкин Мурзабай *с.м.* Мурзабай Кашкин
 Кашкин Самаров 182
 Каюков А. 190
 Кедряев Баим-тархан *с.м.* Баим-тархан Кедряев
 Кинзя Арсланов (Арасланов) 42, 49, 50, 117, 168, 188, 189, 209, 220, 238
 Кириллов (Кирилов) Д. 239, 240
 Киров С. М. 20, 131, 162, 248
 Киришников 30
 Клепиков А. С. 81, 82
 Клыбанов А. И. 132
 Клячев Абубакир *с.м.* Абубакир Клячев
 Кобяков Ф. Ф. 247
 Кобылин (Кобылья Голова) Д. 174
 Кожевников А. А. 23
 Кожевников М. 192
 Кожевников М. А. 23, 25, 26
 Кожевников С. В. 23, 36
 Кожевниковы 23, 26
 Кожин Н. Н. 225
 Козмин (Кузьмин) П. К. 175, 176
 Кознов А. Я. 137—139, 147
 Козьмин И. 48
 Козьямышев Байгаза *с.м.* Байгаза Козьямышев
 Колбецкий В. Г. 54
 Колесников П. 51
 Колесов В. 81, 95
 Коновалов В. С. 23, 30, 206
 Коновалов И. 207
 Копеечкин П. Л. 92, 172
 Копылов А. 104
 Копылов (Осипов) М. О. 50, 52
 Кораблев Д. А. 239, 240
 Коркин 54
 Корф А. А. 47, 48, 49, 53, 60, 178
 Косаговский В. 130, 131, 147, 257
 Кочемасов А. 187
 Кочнев Ф. Т. 12, 115—117, 216—218, 238
 Кошаев Юламан *с.м.* Юламан Кошаев
 Крапивин Е. Я. 151
 Красильников Т. А. 48, 49
 Крашенинников П. 196, 211
 Кречетников П. Н. 33, 95, 100, 102, 103, 109, 144, 179, 248
 Крылов А. П. 30, 31
 Крылов И. А. 30
 Кудашев Юскей *с.м.* Юскей Кудашев
 Кузнецов Е. П. 206
 Кузнецов И. С. 80, 82—83, 189, 201
 Кузнецов И. Ф. 253
 Кузнецова У. П. *с.м.* Пугачева У. П.
 Кузьмин Е. 179
 Кунгуров (Кунгурцев) П. 219
 Курочкин М. 47
 Кусеев Абдулкарим *с.м.* Абдулкарим Кусеев
 Кусекул Азятев 42, 49
 Кутейников Ф. 145, 254
 Куткин И. 253, 254, 257
 Кутлугильда Абдрахманов 42, 168, 209
 Кушаев Юламан *с.м.* Юламан Кошаев
 Лаврентьев И. 176, 177
 Лаврентьев С. 105
 Лазарев *с.м.* Портнов Л. И.
 Лазарев И. Г. 209
 Лапшин Я. 249
 Ларионов А. Л. 202
 Лебедев С. 226
 Лебедев П. Ф. 176
 Ленин В. И. 11, 16—18, 265—267
 Леопольдов А. Ф. 12, 144, 145
 Лимонов Ю. А. 51, 75, 120, 183, 188, 202, 215
 Литвак Б. Г. 20, 45, 64—66, 68—70, 78, 119, 147, 148
 Лихачев Н. Л. 234
 Лихачев (Макаров) Г. М. 234—236
 Лобиковы 185
 Логинов В. 75
 Ломухин О. Т. 179, 190
 Лосенкова Г. В. 259
 Луцоглазов 53, 177
 Лутохин П. Д. 83
 Лысов Д. С. 28, 101, 102, 174, 175, 183, 195
 Любарский Платон *с.м.* Платон Любарский
 Ляпин Д. 122

- Маврин С. И. 30, 58, 61, 62, 67, 96
 Маврин С. Ф. 118
 Мавродин В. В. 17, 20, 21, 24, 25, 32, 51, 75, 120, 131, 183, 188, 202, 215, 231, 267
 Майков Л. Н. 14, 145
 Макаров Г. с.м. Лихачев Г. М.
 Макогоненко Г. П. 19, 32, 72
 Максимов С. 113
 Малахов В. И. 151
 Мальцев М. Е. 189
 Мамбетев Ибрагим с.м. Ибрагим Мамбетев
 Мамаев И. В. 199
 Манжа В. 175
 Манков В. 144
 Мансуров П. Д. 113, 160, 181, 199, 203, 206, 207, 250, 256
 Манфред А. З. 267
 Мартынов М. Н. 176, 202, 213
 Маршилов И. К. 42, 220
 Масалов А. 248
 Масалов (Мосалов) И. А. 178
 Масловин А. 176
 Матвиевский П. Е. 6
 Матюнин 122
 Медет Миндиаров 114, 115, 147, 224, 257
 Мелехов И. Г. 151
 Мелехов М. 166, 167
 Меллин К. 128, 130, 133, 137, 158, 247
 Меллин К. З. 253
 Мендей Тупеев 42, 126
 Мертвецов Ф. 195
 Мецзяков Я. 218, 219
 Миндиар Арукаев 115
 Миндиаров Медет с.м. Медет Миндиаров
 Минеев Ф. Д. 227
 Мирошихин И. 173
 Мирошихин Т. А. 173
 Митрясов П. 168
 Михаил Федорович 30
 Михайлов И. 61, 168, 192, 193
 Михайловских (Михайловский) В. 214, 216, 217
 Михельсон И. И. 52, 77, 113, 114, 123—126, 128, 141, 153, 154, 160, 189, 224, 226, 230, 232, 234, 238, 239, 253, 256, 259
 Могутов В. И. 45, 46, 51, 67, 74, 164, 169, 192
 Моисеев Г. 136
 Моисеев П., крестьянин 52
 Моисеев П., священник 54
 Мокшанцев В. 75
 Молчанов М. 141
 Мордовцев Д. Л. 14, 145
 Морозов Л. 226
 Мосолов с.м. Масалов И. А.
 Мостовщиков Н. А. 185, 193
 Муратов Каранай с.м. Каранай Муратов
 Мукаш Сутеев 118
 Муняк (Мукняк) Сюлейманов 220
 Мурзабай Кашкин 223, 225
 Мурат Чинаев 34
 Муратов И. 55
 Муратов Каранай с.м. Каранай Муратов
 Мурашев Е. В. 121
 Мурашкинцев И. 194
 Мурзагулов Алибай с.м. Алибай Мурзагулов
 Муртаза Зянбаев 223
 Муртаза Юртаумов (Юртумов) 225
 Муса (Мусалей) Улеев 41, 167, 197
 Мусин Зеутфутдин с.м. Зеутфутдин Мусин
 Муфель К. 106, 212
 Мякутин П. 45, 169
 Мякутин С. И. 171, 172
 Мякушев С. 36
 Мясников И. С. 52
 Мясников Т. Г. 23—25, 32, 36, 38, 107
 Мясогут Гумеров 104, 189, 201
 Мясогут Назиров 104, 189, 190
 Мясоедов С. С. 126
 Набатов В. Р. 52
 Наврузов Салих с.м. Салих Наврузов
 Нагайбак Асанов 195, 196
 Назиров Мясогут с.м. Мясогут Назиров
 Наполеон I Бонапарт 266, 267
 Наумов С. Л. 31, 75, 113, 171
 Нахалов И. А. 251
 Неклюдов С. В. 233, 235
 Нелидов В. 136
 Немеров И. В. 48
 Нечаев Е. 54
 Никитин М. 231
 Никифоров И. 139
 Николаев Д. с.м. Кальминский Д. Н.
 Николай I Павлович 14
 Новиков Г. 228
 Новокрепцов С. С. 48, 49
 Новосельский А. А. 20, 110
 Нуралы (Нуралы), хан 32—35, 55, 183, 184, 186, 187, 204
 Обернибесов А. Ф. 108, 229, 232
 Облай с.м. Аблай, султан
 Оболяев С. М. (прозв. Еремина Курица) 27, 28
 Овчинников А. А. 37, 41, 51, 102, 113, 173, 174, 183, 187, 194, 195, 203—207, 211, 237, 258, 259
 Овчинников В. 39
 Овчинников Р. В. 3, 4, 8, 13, 20, 21, 34, 38, 39, 56, 89, 90, 110, 111, 116, 118, 137, 148, 151, 162—164, 169,

- 201, 240, 247, 224, 235, 241, 243, 248, 255, 259, 262
- Огарев Н. П. 267
- Опрятков (Захлыстов) И. 191
- Орлов А. Г. 173
- Осипов И. 9, 45, 61, 98, 125, 169, 170
- Осипов М. см. Копылов М. О.
- Остренев (Астренев) И. И. 174
- Павел I Петрович 49
- Падуров (Подуров) Т. И. 51, 74, 88, 166, 193, 195, 209, 211
- Панеях В. М. 20, 42, 51, 75, 120, 183, 188, 189, 215
- Панин Н. И. 97, 127, 157
- Панин П. И. 9, 11, 18, 49, 88, 123, 127, 128, 131, 134, 135, 140—142, 144, 153—160, 242, 244, 245, 248, 250—253, 256
- Панкин Д. Б. 171, 172, 199
- Пантелеймонов И. 87
- Парникель И.-М. 248
- Паскаль П. 24
- Пекарский М. Н. 9, 170
- Персидский В. М. 254
- Персидский М. 192, 193
- Перфилов В. 145
- Перфильев А. П. 9, 96, 115, 121, 151, 172, 173, 195, 198, 199, 224, 258, 259
- Перфильев С. В. 170
- Пестерев П. 111
- Петерс Д. 24
- Петр I Алексеевич 44, 65, 66, 80, 86, 147
- Петр III Федорович 23—26, 30, 33, 34, 47, 65, 78, 97, 104, 107, 108, 142, 143, 149, 150
- «Петр III Федорович», «император» см. Пугачев Е. И.
- Петров А. 82
- Петров В. 240
- Петров Е. 179
- Петров И. 77—79, 82, 198
- Петров П. 161
- Петров Т. 82
- Пироговский Ф. Д. 227
- Платон Любарский 61, 94, 238
- Платонов И. 12, 14, 139, 140, 255
- Плеханов Г. В. 17
- Подуров Т. И. см. Падуров Т. И.
- Подъяпольская Е. П. 162
- Поздеев Г. 140
- Покровский М. Н. 18
- Полубоярипов В. 104
- Поляков Г. 254, 255
- Полянский И. С. 9, 61, 170
- Пометайла см. Заметаев И. П.
- Понкин С. Е. 51
- Попов И. 253
- Попов И. 256
- Попов М. И. 83
- Попов С. А. 115
- Портнов (Лазарев) Л. И. 37—39
- Потемкин Г. А. 11, 18, 139, 140
- Потемкин П. С. 9, 58, 131, 144, 149, 155, 157—160, 192, 232, 237
- Потехин И. 205
- Поторчинов (Поторочинов) А. Ф. 234
- Почиталин И. Я. 28, 29, 31, 32, 36, 38, 39, 44—46, 48, 50, 52, 53, 58, 63—65, 70—71, 73—75, 77, 78, 82, 89—91, 93, 101, 166—171, 180, 183, 184, 186, 191, 193, 194, 198, 203, 206, 208, 263
- Почиталин Я. Ф. 28
- Приказчиков (Федотов) Г. Ф. 187
- Протасьев В. Г. 133
- Протопопов В. 83
- Протопопов Л. 130
- Протопопов М. Д. 247
- Птахин Д. 252
- Пугачев Е. И. («Петр III Федорович», «император») — *passim*
- Пугачева (урожд. Кузнецова) У. П. 109
- Пустаханов И. Я. 209
- Пустобаев П. А. 115, 140, 141, 151, 224, 252
- Пушкин А. С. 3, 9, 13, 14, 25, 32, 40, 45, 46, 61—63, 67, 73, 74, 90, 98, 105, 110, 117, 118, 125, 169—171, 177, 213, 227, 239
- Радищев А. Н. 267
- Раев М. 21
- Разин С. Т. 162
- Раим 222
- Рахматуллин М. А. 20
- Рейнсдорп И. А. 10, 14, 31—34, 36, 37, 40—42, 44, 45, 49, 52, 60, 68, 73—77, 79, 82, 88—90, 92, 94, 107, 109, 110, 123, 125, 160, 166, 169—174, 176, 178, 181, 187, 193, 195, 208, 209, 220
- Репина И. Ф. 74, 75
- Речкин С. Л. 196, 204, 206
- Родионов (Иванов) Е. И. 244, 245, 252
- Родионов (Иванов) И. И. 153, 243—245, 252
- Рожков Н. А. 17
- Рознер И. Г. 24, 26
- Романовский 98
- Рыжей И. А. 110
- Рыжиков И. 176
- Рылеев И. К. 220, 227
- Рындзюнский П. Г. 20
- Рысляев Л. Д. 20, 131, 142, 145, 162, 248
- Рычков А. П. 251
- Рычков П. И. 9, 45, 46, 61, 67, 74, 79, 90, 169—171, 177, 213, 223
- Рязанцев Д. 87

- Савин Я. 255
 Савинов Я. Г. 117
 Савостьянов В. 180
 Сагит Хальфин 87
 Садык Сейтов 238
 Садык Хасаюв 197
 Сазонов О. 209
 Саидали, султан 55, 184, 187
 Сайтов Жумчалды *см.* Жумчалды Сайтов
 Салават Юлаев 83, 84, 114, 121, 124, 164, 187—189, 219, 223—227
 Салих Наврузов 117
 Салманов А. М. 238, 248, 253
 Салтыков 153
 Салтыков-Щедрин М. Е. 12
 Самарцев К. 167
 Сапожников И. 248
 Сейтов Аит *см.* Аит Сейтов
 Сейтов Садык *см.* Садык Сейтов
 Семейский В. И. 16, 134, 135
 Семенов Д. 121
 Семенов Д. 191
 Сергеев С. 244, 245
 Сивков К. В. 24
 Симонов И. Д. 31—33, 36, 55, 56, 60, 101, 108, 171—173, 187, 193, 194, 200, 204, 205
 Ситников Г. Т. 83
 Скалон А. Д. 104
 Скрипичин Ф. В. 227
 Сленястов Ф. 255
 Слободских Л. Н. 56
 Сломихин Д. А. 171, 172
 Смирнов С. М. 227
 Соболева Н. А. 110, 151
 Соколов И. 136
 Соколов-Хлопуша А. Т. 9, 49, 50—52, 75, 174, 175, 195, 230
 Солодовников И. 35, 169
 Солодовников С. 110
 Сомов А. И. 206
 Сорокин Н. П. 15, 52, 53, 64, 177, 178
 Сошников П. 207
 Станиславский С. К. 113, 197, 222, 223
 Стариков А. 161
 Старков 192
 Степанов Г. 84, 114, 115, 120, 146, 238, 258, 259
 Степанов П. 54
 Стольшин 249
 Струняшев Е. 102, 103, 111, 205
 Ступишин А. А. 130, 154
 Ступишин Е. А. 47, 52, 126, 178
 Субхангул Килтиков 187
 Сужин Ф. И. 170
 Сулдешев Е. З. 128—130, 133, 138, 246
 Сулин С. Н. 140
 Султаналей Ахметев 88
 Супонин (Супонев) С. 209
 Суров И. 153, 244
 Сутеев Мукаш *см.* Мукаш Сутеев
 Сутормин Я. С. 180
 Сухотин С. М. 249
 Сюлейманов Муниак *см.* Муниак Сюлейманов
 Таликов Ф. 30
 Тамбовцев П. В. 92
 Тангаев Аптыш *см.* Аптыш Тангаев
 Тарасов К. 142, 144
 Тарасченков А. 190
 Тарков П. 110, 111
 Тарле Е. В. 267
 Тартаковский А. Г. 266
 Татищев Н. 136
 Твердышев Я. Б. 52, 61, 219
 Творогов И. А. 39, 58, 59, 120, 142, 150—152, 212, 221, 237, 238, 254, 257—259
 Творогов Л. А. 38, 39
 Тевкелев 81
 Телегин С. И. 212
 Терентьев К. 105
 Тимашев И. Л. 68, 91, 92, 110, 113
 Тимофеев В. 161
 Тимофеев Е. 235
 Тихановский С. К. 221
 Тихомиров М. Н. 35
 Тлячев Абубакир *см.* Абубакир Тлячев
 Товеркин П. 233, 234
 Токмоцев 54
 Токранов И. С. 110
 Токтамыш Ижбулатов 225
 Толкачев М. П. 125, 183—187, 193, 194
 Толкачевы 29, 30
 Толмачев А. 256, 257
 Торнов В. И. 87, 88, 177, 189, 192, 201
 Тохтаров Абдулла *см.* Абдулла Тохтаров
 Травкин Г. Ф. 53
 Травкин Л. И. 53, 54
 Троицкий С. М. 21
 Трофимов И. С. *см.* Дубровский А. И.
 Туманов Г. 112, 113, 120, 212, 215, 216, 221
 Тупеев Мендей *см.* Мендей Тупеев
 Уланов Б. С. 46, 47
 Уланов В. И. 153
 Улеев Муса *см.* Муса Улеев
 Ульянов И. И. 76, 181—183, 201, 202
 Уметей Усянов 221
 Упак Абзямов 124, 220—223
 Ураев Иткул *см.* Иткул Ураев
 Уразаев Упак *см.* Упак Абзямов
 Урагильда Аманов 33, 34
 Ураков И. Г. 49

Урамбет-батырь 221, 222
Усаев Канзафар *с.м.* Канзафар Усаев
Усманов М. А. 84, 87
Усынов Уметей *с.м.* Уметей Усынов
Уфимцев А. Я. 250
Уфимцев И. Я. 250
Уфимцев Я. А. 249—251
Ушаков И. Ф. 179

Фалков Т. 214
Фегезак И. З. 98, 190
Федоров А. 226
Федоров Д. 50, 52
Федоров И., есаул 160
Федоров И., священник 99, 200
Федоров И., священник исетский 112
Федоров Ф. 235, 236
Федотов Г. *с.м.* Приказчиков Г. Ф.
Федотов Т. 231
Федулев И. П. 259
Фейервар А. А. 60
Филимонов И. 101
Филинков Г. Ф. 215, 251
Филиппов А. Н. 19, 64, 72
Филиппов Р. В. 20
Фирсов Н. Н. 16, 17, 25
Фишер Х. 117
Фонвизин Д. И. 105
Фофанов И. 171—173, 199
Фофанов К. И. 28
Фрейман Ф. Ю. 94, 96, 113, 125, 181,
206, 248, 249

Халил 56
Хальфин Сагит *с.м.* Сагит Хальфин
Харчев И. С. 185
Хасанов Ахмет *с.м.* Ахмет Хасанов
Хасанов Садык *с.м.* Садык Хасанов
Хлопуша *с.м.* Соколов-Хлопуша А. Т.
Хопренин П. 180
Хорват Г. И. 108, 190, 196
Хохлов А. 172

Ценден-Даржа 140, 144, 151, 252
Цыплетев И. Е. 108, 144, 145, 254,
256, 257

Чагин И. 187
Чванин (Иванов) Н. И. 234—236
Чеботарев Б. 172
Челноков А. 194
Чемадуров В. 179
Чемезгин И. Ф. 174
Черемухина Т. А. 74
Черепанов И. 190
Черепнин Л. В. 4, 6—9, 19, 21, 162,
163, 263, 264
Черкашенинов В. 180
Чернеев И. 206
Чернеев (Чистоблинников) М. 172
Черников И. Б. 139, 142, 144

Чернов И. В. 115
Чернов М. 122
Черноморский И. 101
Чернышев З. Г. 60, 94, 95, 105
«Чернышев И. Н.», «граф» *с.м.* Зару-
бин-Чика И. Н.
Чернышев П. М. 54, 73, 94, 175, 189
Чернышевский Н. Г. 267
Чжамча С. 179
Чигинахов А. 30
Чинаев Мурат *с.м.* Мурат Чинаев
Чистов К. В. 132
Чулошников Н. Л. 204—206
Чумаков Ф. Ф. 245, 258, 259

Шаешников А. 38, 39
Шанин Н. 101
Шапошников Г. 109
Шахаметев (Шихаметев) М. М.
133, 134, 138, 246
Шванвич (Шванович) М. А. 89—91
Шеметов А. 226
Шеметов С. 226, 227
Шепелев П. А. 126, 160
Шетнев Н. Л. 135
Шешковский С. И. 101
Шиббаев И. 84, 214, 215—217
Шигаев М. Г. 23, 26, 38, 50, 53, 59,
78, 91, 93, 101, 168, 174, 182, 183,
193, 194, 195, 200—207
Шихаметев *с.м.* Шахаметев М. М.
Шишалов И. 214, 215
Шипкин В. О. 213
Шукур Абязмов (Уразаев) 220—223
Шульгин И. 214, 216—218
Шульгин П. П. 15
Шундеев И. 120, 212, 215

Щербakov А. М. 117
Щербатов Ф. Ф. 11, 12, 18, 119, 123—
126, 128, 131, 154, 215, 218, 220, 229,
232, 234, 235, 239
Щербинин Е. А. 140

Юлаев Салават *с.м.* Салават Юлаев
Юлай Азналин 219, 225
Юламан Кошаев (Кушаев) 225
Юматов И. Г. 245—247
Юнаев Базаргул *с.м.* Базаргул Юнаев
Юртаумов (Юртумов) Муртаза *с.м.*
Муртаза Юртаумов
Юсеев Аднагул *с.м.* Аднагул Юсеев
Юскей Кудашев 80, 81

Яковлев М. Л. 118
Якубович А. Я. 226
Якшей 41
Яманов П. В. 171, 172
Яхья (Язы) Якшеев 219

УКАЗАТЕЛЬ МАНИФЕСТОВ И УКАЗОВ

Е. И. ПУГАЧЕВА *

- Указ яицким казакам (17.IX.1773) 18, 29—32, 37, 65, 66, 71, 72, 166, 173, 185, 199
- Указ хану Младшего казахского жуза Нуралы (18.IX.1773) 32—35
- Указ гарнизону Яицкого городка (19.IX.1773) 32, 35—37, 39, 66, 69, 70—72, 166
- Указ казакам и атаману Илецкого городка Л. И. Портнову (20.IX.1773) 14, 36—39, 66, 70
- Указ гарнизону и жителям Рассыпной крепости (24.IX.1773) 36, 40—41, 66, 67, 69, 165
- Указ гарнизону Татищевой крепости (27.IX.1773) 36, 41, 165, 166
- Указ казакам Чернореченской крепости (29.IX.1773) 41, 166, 167
- Указ татарам Сеитовой слободы (30.IX.1773) 41, 167, 168
- Указы башкирам Ногайской дороги (1.X.1773) 19, 20, 41—43, 66, 69, 80, 168
- Указ башкирам, татарам и калмыкам Ногайской и Сибирской дорог (1.X.1773) 20, 43—44, 66, 80, 168
- Указ казакам и атаману Сакмарского городка Д. Д. Донскову (1.X.1773) 41, 57, 168, 169
- Указ оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу (1.X.1773) 44—46, 48, 49, 56, 57, 67—69, 75
- Указ атаману оренбургских казаков В. И. Могучову (1.X.1773) 67, 164, 169
- Указ казакам и коменданту Красногорской крепости Б. С. Уланову (не позднее 4.X.1773) 14, 46—49, 56, 67, 75
- Указ казакам и атаману Верхне-Озерной крепости И. В. Немерову (6.X.1773) 48—49, 56, 67, 75
- Указы яицким казакам И. Фофанову, П. Яманову и Д. Кобылину (7.X.1773) 171—173, 185, 199
- Указ башкирам Оренбургской губернии (14.X.1773) 49—50
- Указ крестьянам и приказчикам Авзяно-Петровского завода М. О. Копылову и Д. Федорову (17.X.1773) 50—52, 56, 67, 178
- Указ приказчику Кано-Никольского завода Н. П. Сорокину (22.X.1773) 15, 52, 53, 56, 57, 64, 177
- Указ Л. И. Травкину и крестьянам деревни Михайлова (23.X.1773) 53—55, 67, 69, 75
- Указ султану Младшего жуза Дусали (26.X.1773) 55, 56, 70—72, 116, 186
- Указ казакам и населению Пречистенской крепости (X.1773) 47, 57, 173, 174
- Указ казакам Верхне-Яицкой линии (X. 1773) 57, 174
- Указ ставропольским калмыкам (X.1773) 57, 175
- Указ крестьянам Воскресенского завода (X.1773) 57, 175, 176
- Указ крестьянам Вознесенского завода (X.1773) 57, 176, 177
- Указ крестьянам Кано-Никольского завода (X.1773) 57, 177
- Указ крестьянам Белорецкого завода (X.1773) 57, 178
- Указ жителям Кинельской-Черкасской слободы (X.1773) 57, 179
- Указ губернатору И. А. Рейнсдорпу, гарнизону и населению г. Оренбурга (5.XI.1773) 68, 73—74
- Указ старшине М. М. Бородину и яицким казакам (5.XI.1773) 74—75
- Указ приказчику Воскресенского завода П. Беспалову (8.XI.1773) 75—77

* Курсивом обозначены несохранившиеся манифесты и указы.

Указ губернатору И. А. Рейнсдорпу (17.XI.1773) 68, 77—79, 82, 171
Манифест (25.XI.1773) 77—82, 93

Указ атаману Ф. И. Дербетеву (XI.1773) 179

Указ о казани исетских казачьих атаманов (XI.1773) 180

Указ атаману И. Ф. Арапову (XI.1773) 180, 181

Манифест (1.XII.1773) 69, 80—82, 85, 87, 93, 116

Манифест (2.XII.1773) 15, 67, 70, 77, 78, 81—84, 87, 88, 93, 111, 112, 164, 191

Манифест (3.XII.1773) 18, 19, 70, 84—87, 111, 116

Манифест (не позднее 15.XII.1773) 86—87

Проезжая грамота атаману В. И. Торнову (15.XII.1773) 87—88

Указ губернатору И. А. Рейнсдорпу (17.XII.1773) 68, 88—91, 110

Указ губернатору И. А. Рейнсдорпу на немецком языке (19.XII.1773) 20,
89—91

Указ И. Л. Тимашеву (21.XII.1773) 68, 91—92, 110

Указ старшине М. М. Бородину (21.XII.1773) 92, 110

Указ атаману И. Н. Зарубину (XII.1773) 181—183

Указ яицким казакам (XII.1773) 183—185, 199

Указ атаману Н. А. Бородину (XII.1773) 185

Указ правителям Младшего жуза (XII.1773) 184—187

Указ Салавату Юлаеву (XII.1773) 187—189

Указ Мясогугу Гумерову (XII.1773) 189

Указ Мясогугу Назирову (XII.1773) 189, 190

Указ атаману Андрееву (XII.1773) 190

Указ атаману О. Т. Ломухину (XII.1773) 190

Указ атаману Г. Давыдову (XII.1773) 191

Указ капралу едьяцких казаков М. Кожевникову (XII.1773) 192

Указ атаману Ф. И. Дубовскому (I.1774) 192, 193

Указ атаману М. П. Толкачеву (I.1774) 193, 194

Указ коменданту Яицкого городка И. Д. Симонову (I.1774) 194

Указ полковнику М. Г. Шигаеву (I.1774) 194, 195

Указ старшине Нагайбаку Асанову (I.1774) 195, 196

Указ атаману Ф. И. Дербетеву (I.1774) 196

Указ татарам Орской крепости (I. 1774) 197

Указ, посланный с Садьком и Азметом Хасановыми в Белорецкий завод
(I.1774) 197, 198

Указ казакам Яицкого войска (II.1774) 198, 199

Указ атаману И. Ф. Арапову (II.1774) 199, 200

Указ гарнизону крепости в Яицком городке (17.II.1774) 200, 201

Указ атаману И. И. Ульянову (II.1774) 201

Указ атаману И. Н. Белобородову (II.1774) 202

Указ атаману А. А. Овчинникову (II.1774) 203

Манифест (3.III.1774) 18, 100—103

Указ атаману Гурьева городка Е. Струняшеву (11.III.1774) 102—103, 111, 205

Указ атаману А. А. Овчинникову (III.1774) 203, 204

Указ хану Младшего жуза Нуралы (III.1774) 204

Указ гарнизону и коменданту Яицкого городка И. Д. Симонову (14.III.1774)
204, 205

Указы атаманам А. А. Овчинникову, И. Ф. Арапову, Н. Л. Чулошникову
(III.1774) 205, 206

Указ казакам Переволоцкой крепости (III.1774) 207

Указ башкирскому старшине Баиму Кедряеву (III.1774) 207, 229

Указ генерал-майору князю П. М. Голицыну (III.1774) 208

Указ башкирскому старшине Алибаю Мурзагулову (III.1774) 209

Указ воеводе Исетской провинции И. Г. Лазареву (31.III.1774) 209

Указ атаману Ф. И. Дербетеву (IV.1774) 211, 212

Указы крестьянам Авязно-Петровского и Белорецкого заводов (IV.1774)
212, 213

Указ атаману *И. Н. Белобородову* (IV.1774) 213, 214, 216

Указ атаману *И. Н. Белобородову* (14.IV.1774) 214—216

Указ атаману *Г. Туманову* (IV.1774) 215

Указ атаману *И. Н. Белобородову* (1.V.1774) 215

Указ полковнику *В. Михайловскиз* (1.V.1774) 216, 217

Указ атаману *Ф. Т. Кочневу* (1.V.1774) 217

Указ атаману *И. Шулъгину* (1.V.1774) 218

Указ крестьянам *Авзяно-Петровского завода* (2.V.1774) 218, 219

Указы башкирским старшинам *Салавату Юлаеву, Юлаю Азналину и Яхъе Якшееву* (2.V.1774) 219

Указ башкирскому старшине *Мунияку Сюлейманову* (V.1774) 220

Указ башкирскому старшине *Шукуру Абязмову и сотнику Упаку Абязмову* (2.V.1774) 220, 221

Указ коменданту *Магнитной крепости С. К. Тизановскому* (5.V.1774) 221

Указы султану *Аблаю, Даутбаю-таргану, Амбекею-батырю и Урамбетю-батырю* (8.V.1774) 221—223

Указ башкирскому старшине *Медету Миндиярову* (5.VI.1774) 111, 114—115, 130, 224, 257

Указы *Салавату Юлаеву и другим башкирским старшинам-повстанцам* (5.VI.1774) 164, 223—225

Указ атаману *Белоярской слободы Ф. Т. Кочневу* (12.VI.1774) 12, 115—117, 119, 131, 147, 218, 236

Указ *хорунжему елдязких казаков С. Шеметову* (12.VI.1774) 225, 226

Указ полковнику *Бахтияру Канжаеву* (13.VI.1774) 12, 19, 111, 117—118, 147, 233

Указ походному старшине *Адылу Ашменеву* (19.VI.1774) 20, 118—119, 131, 236, 238

Указ гарнизону пригородка *Оса* (20.VI.1774) 227

Указ крестьянину *Шермятского завода Г. Новикову* (23.VI.1774) 228

Указ крестьянам *Сарапульской волости* (VI.1774) 229

Указы крестьянам *Галицкой и Арской дорог Казанского уезда* (2.VII.1774) 229, 230

Указ полковнику *Д. М. Загуженнову* (2.VII.1774) 230, 231

Указ котловскому крестьянину *Р. С. Карасеву* (4.VII.1774) 231, 232

Указ крестьянам *прикамских селений* (4.VII.1774) 232, 233

Указ полковнику *Бахтияру Канжаеву* (4.VII.1774) 233

Указ полковнику *Г. М. Лизачеву* (6.VII.1774) 234, 235

Указ священнику *Т. Иванову* (11.VII.1774) 235, 236

Манифесты администрации *Казанской губернии, русскому и татарскому населению г. Казани* (11.VII.1774) 237, 238

Манифест, объявленный *повстанческому войску* (15.VII.1774) 238, 239

Указ властям и жителям *г. Кокшайска* (16.VII.1774) 239, 240

Манифест, обнародованный *в г. Курмыше* (20.VII.1774) 239, 242, 243

Указ о производстве прапорщика *Е. З. Сулдешева* в полковники и назначении управителем *г. Алатыря* (23.VII.1774) 128—132, 138, 147, 246, 250, 253

Указ о производстве подпоручика *В. Косаговского* в подполковники (24.VII.1774) 130, 131, 257

Манифест, обнародованный *в г. Саранске* (28.VII.1774) 116, 119, 131—133, 135, 136, 143, 147, 148, 238, 239, 242, 243, 265

Указ о назначении прапорщика *М. М. Шахмаметова* воеводой *г. Саранска и Саранского уезда* (28.VII.1774) 133, 134, 138, 147, 246, 250, 253

Манифест, обнародованный *в г. Пензе* (31.VII.1774) 15, 16, 21, 68, 70, 116, 119, 134—138, 143, 147, 148, 242—244, 265

Указ полковнику *И. И. Родионову* (31.VII.1774) 243—245

Указ о производстве секунд-майора *Г. Г. Герасимова* в полковники и в градоначальники *в г. Пензе* (3.VIII.1774) 136—139, 147, 246, 250, 253

- Манифест, обнародованный в г. Петровске (4.VIII.1774)* 245
Указ прапорщику И. Г. Юматову (4.VIII.1774) 245—247
Указ жителям г. Саратова (6.VIII.1774) 20, 247, 248
Указ к иностранным колонистам Нижнего Поволжья (7.VIII.1774) 248, 249
Указ отставному пятидесятнику саратовских казаков Я. А. Уфимцеву (8.VIII.1774) 249—251
Указ атаману Ф. Иванову (8.VIII.1774) 251
Указ правителю волжских калмыков Цендену-Дарже (9.VIII.1774) 140, 252
Указ сержанту камышинского гарнизона И. С. Абызову (13.VIII.1774) 253
Указ атаману Антиповской станицы И. Платонову (13.VIII.1774) 12, 14, 139, 140, 151, 255
Указ правителю волжских калмыков Цендену-Дарже (14.VIII.1774) 140—142, 147, 151, 255
Указ атаману и казакам Березовской станицы (15.VIII.1774) 18, 20, 142—144, 147, 152, 249, 254
Указ казакам царицынского карательного корпуса (15.VIII.1774) 253, 254
Указ старшине волжских казаков Г. Полякову (16.VIII.1774) 254, 255
Указ походному полковнику И. Попову (16.VIII.1774) 256
Указ дубовскому казаку А. Толмачеву (19.VIII.1774) 256, 257
Манифест, объявленный донским казакам Царицынского гарнизона (21.VIII.1774) 12, 14, 20, 144—147, 254
Указ о пожаловании чинами полковников и старшин повстанческого войска (24.VIII.1774) 225, 258, 259
Воинское наставление Е. И. Пугачева (24.VIII.1774) 259—260

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	5
I. История текста манифестов и указов Е. И. Пугачева	
Глава 1. Манифесты и указы Е. И. Пугачева первого этапа Крестьянской войны	23
Сентябрь—октябрь 1773 г.	23
Ноябрь—декабрь 1773 г.	71
Январь—март 1774 г.	106
Глава 2. Указы Е. И. Пугачева второго этапа Крестьян- ской войны (апрель — первая половина июля 1774 г.)	113
Глава 3. Манифесты и указы Е. И. Пугачева третьего этапа Крестьянской войны (вторая половина июля — август 1774 г.)	127
II. Реконструкция содержания утраченных документов	
Глава 1. Реконструкция содержания утраченных указов и манифестов Е. И. Пугачева первого этапа Крестьянской войны	162
Глава 2. Реконструкция содержания утраченных манифе- стов и указов Е. И. Пугачева второго этапа Кре- стьянской войны	211
Глава 3. Реконструкция содержания утраченных манифе- стов и указов Е. И. Пугачева третьего этапа Крестьянской войны	242
Заключение	261
Указатель имен	268
Указатель манифестов и указов Е. И. Пугачева	276